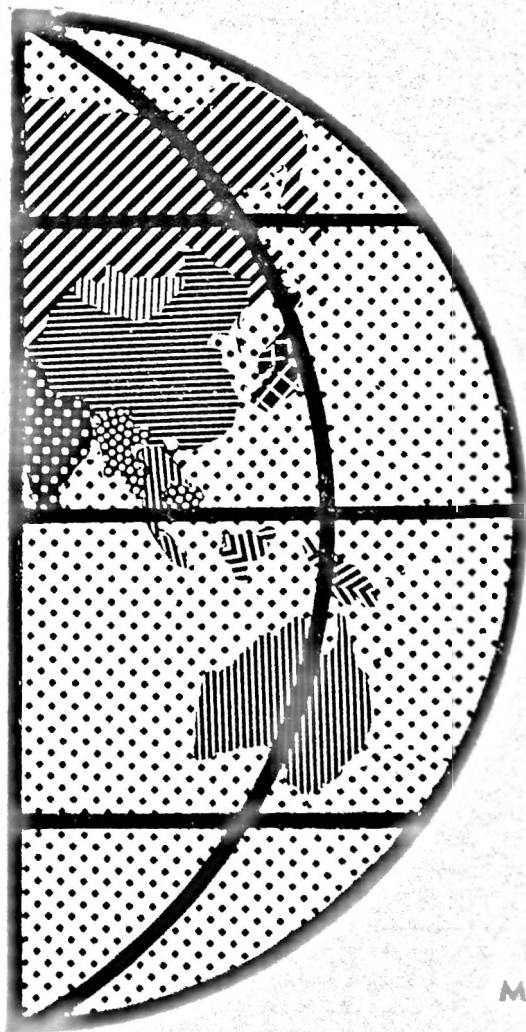


1986

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

1986



**XXVII съезд КПСС:
стратегия мира и прогресса**

**Изучение
культуры Китая
в России и в СССР**

**Не конфронтация,
а сотрудничество**

Важные визиты

**Историческая веха
братского союза
советского и монгольского
народов**

**СССР — КНР:
торгово-экономические
отношения**

**Меняющаяся действительность
в зеркале литературы КНР**

**ИНСТИТУТ
ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
АН СССР**

2/86

100-203

Вышли из печати

Движение неприсоединения. Отв. ред. И. И. Коваленко. — М.: Наука, 1985. — 421 с. — 2 р. 90 к. 4 500 экз.

Ганди И. Мир, сотрудничество, неприсоединение: Избр. статьи, речи, интервью о внешней политике Индии и советско-индийских отношениях. 1982.—1984. Пер. с англ., хинди; Сост. П. В. Куцобин; Предисл. Р. А. Ульяновского. — М.: Прогресс, 1985. — 430 с. — 1 р. 40 к. 17 500 экз.

Зайцев Е., Тамгинский И. Япония: снова путь милитаризма. — М.: Мысль, 1985. — 181 с. — 70 к. 30 000 экз.

Гусев М. Н. Малайзия: развитие капитализма. — М.: Наука, 1985. — 160 с. — 1 р. 50 к. 1 200 экз.

Японские материалисты: Актуальные проблемы филос. науки и истории филос. мысли в Японии. Сост. Мори Коити; Пер. с япон. — М.: Наука, 1985. — 96 с. — 1 р. 20 к. 5 000 экз.

Жаров В. А. Официальные идеологические доктрины Индонезии, Малайзии и Филиппин. — М.: Наука, 1985. — 192 с. — 1 р. 90 к. 1 400 экз.

Ледовский А. М. Китайская политика США и советская дипломатия. 1942—1954. — М.: Наука, 1985. — 287 с. — 2 р. 20 к. 3 500 экз.

Кленин И. Д. Китайско-русский военный и технический словарь. — 2-е изд., доп. — М.: Воениздат, 1985. — 675 с. — 6 р. 80 к. 9 800 экз.

Добрый друг — Улан-Батор: Сб. очерков, рассказов, репортажей, публицист. ст., посвящ. дружбе Москвы и столицы МНР Улан-Батора. Сост. Я. И. Макаренко, С. Наран. — М.: Моск. рабочий, 1985. — 303 с., ил. — 1 р. 50 к. 10 000 экз.

Синь Цици. Стихотворения. Пер. с кит., вступит. ст. М. Басманова. — М.: Худож. лит., 1985. — 182 с. — 65 к. 25 000 экз.

Литман А. Д. Современная индийская философия. — М.: Мысль, 1985. — 399 с. — 1 р. 90 к. 30 000 экз.

Вооруженные силы Японии: История и современность (к 40-летию разгрома милитаристской Японии во второй мировой войне). Отв. ред. А. И. Иванов. — М.: Наука, 1985. — 326 с. — 1 р. 90 к. 9 500 экз.

Разгром милитаристской Японии и освободительная миссия СССР в Азии: Сб. документов. Сост.: В. Ф. Бутурлинов, А. М. Ледовский, А. А. Свешников. — М.: Изд-во АПН, 1985. — 119 с. — 40 к. 7 000 экз.

Литература о странах Азии, Африки и Океании: Ежегодник. 1980/Сост. Т. А. Иванова и др. — М.: Наука, 1985. — 640 с. — 4 р. 20 к. 1 450 экз.

Пурэв Ж. Гром: Роман. Пер. с монг. — М.: Худож. лит., 1985. — 414 с. — (Б-ка монг. лит.) — 2 р. 90 к. 50 000 экз.

Поэзия народной Монголии: В 2-х т. Пер. с монг. — М.: Радуга, 1985. Т. 2. Произведения 1971—1983 гг. Сост. Г. Ярославцев, К. Яцковская, 431 с. (Б-ка монг. лит.) 2 р. 50 к. 10 000 экз.

Япония: культура и общество в эпоху научно-технической революции. Отв. ред. Л. Л. Громковская. — М.: Наука, 1985. — 318 с. — 1 р. 40 к. 6 800 экз.

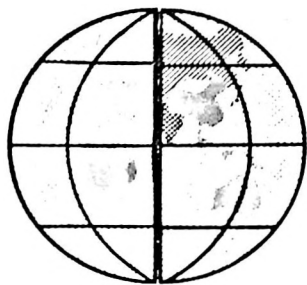
Патрушева М. А., Сухачева Г. А. Экономическое развитие Маньчжурии: Вторая пол. XIX — первая треть XX в. — М.: Наука, 1985. — 295 с. — 2 р. 50 к. 1 200 экз.

Классические памятники литератур Востока (в историко-функциональном освещении) Отв. ред. Н. И. Никулин. — М.: Наука, 1985. — 241 с. — 1 р. 80 к. 2 750 экз.

Дао Чи Ук. Борьба с преступностью несовершеннолетних в Социалистической Республике Вьетнам. — М.: Наука, 1986. — 142 с. — 80 к. 2 100 экз.

Индия. 1984: Ежегодник. Гл. ред. П. В. Куцобин. — М.: Наука, 1986. — 294 с., ил. — 1 р. 70 к. 8 100 экз.

2/86

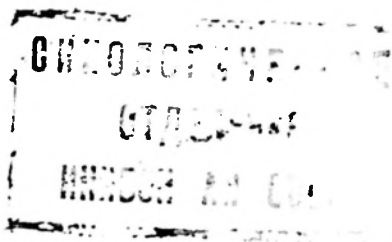


ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

2 [58] 1986

Издается с 1972 г.

Научный и общественно-политический журнал,
выходит четыре раза в год на русском,
английском, японском и испанском языках



	Стратегия мира и прогресса	3
	<i>С. Л. ТИХВИНСКИЙ.</i> Изучение культуры Китая в России и в СССР	11
	<i>И. И. КОВАЛЕНКО.</i> Не конфронтация, а сотрудничество	26
ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА	<i>М. С. УКРАИНЦЕВ.</i> Важные визиты	42
	<i>В. А. АРХИПОВ.</i> Историческая веха братского союза советского и монгольского народов	54
	<i>А. П. КУЗНЕЦОВ.</i> СССР—КНР: торгово-экономические отношения	67
	<i>Ван Цзюэ</i> о реформе в Китае	75
Экономическая реформа в КНР	<i>С. В. СТЕПАНОВ, В. Я. ПОРТЯКОВ.</i> Шестая пятилетка КНР: итоги и проблемы	78
	<i>И. И. САРАФАНОВ.</i> Изменения в системе организации НПОКР в Китае	91
	<i>Л. С. ПЕРЕЛОМОВ.</i> Критерии оценки личности в традиционной культуре Китая	101
ИДЕОЛОГИЯ	<i>Г. Е. СВЕТЛОВ.</i> Сэйтё-но изэ: «истинное бытие» и шовинизм	114
	<i>П. Ю. МАСЛОВ.</i> Будущее внешней политики КНР в оценках американских политологов	126
Критика буржуазной синологии	<i>В. С. МЯСНИКОВ.</i> Валаамская ссылка Н. Я. Бичурина	131
ИСТОРИЯ Из истории отечественного востоковедения	<i>ЛИНЬ ЛИ.</i> Воспоминания об отце	139
Борцы за народное дело	<i>Т. Н. АКАТОВА.</i> Су Чжаочжэн — выдающийся деятель китайского рабочего движения	146

КУЛЬТУРА	<i>В. Ф. СОРОКИН</i> . Меняющаяся действительность в зеркале литературы КНР	158
	<i>Л. И. КУЗЬМЕНКО</i> . Труд народа-мастера Памяти Дин Лин	168
ПУБЛИКАЦИИ	Страницы истории сотрудничества железнодорожников СССР и КНР	177
ОБЗОРЫ, СПРАВКИ, СООБЩЕНИЯ.	<i>К. Ю. ФЕДОРОВ</i> . Центры по изучению Советского Союза в КНР	184
По страницам зарубежной печати	<i>Б. Н. БАСОВ</i> . «Жэньминь жибао» об экономических преобразованиях в Китае	190
	<i>В. А. ВАСИЛЬЕВ</i> . О чем пишет монгольский журнал «Вопросы востоковедения»	191
КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ	<i>И. Н. НАУМОВ</i> . Китайские ученые о некоторых вопросах политэкономии	193
	<i>К. А. ЕГОРОВ</i> . Проблемы политического развития стран Востока	197
	<i>И. М. ИМАМОВ</i> . Исследование китайского права	199
	<i>А. А. МАКАРОВ</i> . Коридоры власти в Японии	202
	<i>М. П. ГЕРАСИМОВА</i> . Культура современной Японии сквозь призму «Гэндайси»	205
	<i>Ю. Ю. ХОМИЧУК</i> . Труд бангладешского ученого	207

Адрес редакции: Москва, 117618
ул. Красикова, 27
тел. 124-09-04

© «Проблемы
Дальнего Востока»,
1986

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. А. АРХИПОВ, (и. о. главного редактора), *Г. В. АСТАФЬЕВ*, *Р. С. БЕЛОУСОВ*, *Г. А. БОГДАНОВ*, *Б. Г. ГРЕБЕННИКОВ* (зам. главного редактора), *М. С. КАПИЦА*, *И. И. КОВАЛЕНКО*, *В. С. МЯСНИКОВ*, *В. Я. ПОРЯКОВ*, *С. С. РАЗОВ*, *О. Б. РАХМАНИН*, *Б. В. САГАРЕВ* (отв. секретарь), *А. И. СЕНАТОРОВ*, *В. М. СОЛНЦЕВ*, *М. Л. ТИТАРЕНКО*, *С. Л. ТИХВИНСКИЙ*, *Р. А. УЛЬЯНОВСКИЙ*, *Н. Т. ФЕДОРЕНКО*

Стратегия мира и прогресса

Важность политического события измеряется той глубиной воздействия, которое оно оказывает на исторический процесс. И бесспорно, что XXVII съезд КПСС — событие исключительной важности, событие исторически масштабное. В самом деле, на XXVII съезде КПСС — этой этапной вехи в развитии Родины — были вынесены на обсуждение серьезнейшие проблемы, стоящие перед нашим обществом. Разработанная партией программа ускорения развития советского общества отвечает насущным потребностям страны, ее претворение в жизнь требует консолидации всех усилий советского народа. Как подчеркивается в Программе КПСС (новая редакция), «чем масштабнее исторические цели, тем важнее по-хозяйски заинтересованное, ответственное, сознательное и активное участие миллионов в их достижении».

Опыт нашей страны, других социалистических государств в строительстве нового общества служит блестящим подтверждением правильности ленинского положения о том, что «социализм живой, творческий, есть создание самих народных масс»¹.

Социализм: планы созидания

Сосредоточивая свои основные силы и главное внимание на проблеме социально-экономического развития страны, КПСС ставит своей целью коренное обновление его материально-технической базы на основе достижений научно-технической революции, совершенствования общественных отношений, в первую очередь экономических. Перед партией встала задача большой исторической важности: выработать принципиально новый стратегический курс, курс на ускорение социально-экономического развития страны. Он был выдвинут на апрельском (1985) Пленуме ЦК КПСС и получил широкую поддержку партии, всего народа.

Концепция ускорения красной нитью проходит через Политический доклад ЦК КПСС, другие документы и материалы XXVII съезда партии, выступления его делегатов. Ускорение, отмечается в Политическом докладе ЦК КПСС, — это «прежде всего повышение темпов экономического роста. Но не только. Суть его — в новом качестве роста: всемерной интенсификации производства на основе научно-технического прогресса, структурной перестройки экономики, эффективных форм управления, организации и стимулирования труда».

Курс на ускорение предусматривает проведение активной социальной политики, последовательное утверждение принципа социалистической справедливости, совершенствование общественных отношений, обновление форм и методов работы политических и идеологических институтов нашей страны, углубление социалистической демократии, решительное преодоление инерции, застойности и консерватизма — всего, что сдерживает общественный прогресс.

Главное, что должно обеспечить успех дела ускорения, — живое творчество масс, максимальное использование огромных возможностей и преимуществ социалистического строя.

Ускорение социально-экономического развития страны — ключ к решению всех наших проблем — как ближайших, так и перспективных, экономических и социальных, внутривнутриполитических и внешних. Успешное

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, с. 57.

осуществление этого курса позволит достичь главных рубежей экономического и социального развития, определенных новой редакцией Программы КПСС и Основными направлениями экономического и социального развития СССР на 1986—1990 гг. и на период до 2000 г.

Рубежи эти впечатляющи. К концу столетия национальный доход страны возрастет почти в 2 раза при удвоении производственного потенциала и его качественном преобразовании, производительность труда — в 2,3—2,5 раза, энергоемкость национального дохода снизится в 1,4 раза и металлоемкость — почти в 2 раза. Это будет означать крутой поворот к интенсификации производства, повышению качества и эффективности.

Главным средством интенсификации производства является научно-технический прогресс, коренное преобразование производительных сил общества. Причем речь идет о глубокой реконструкции народного хозяйства на основе новейших достижений науки и техники, о прорывах на авангардных направлениях, перестройке хозяйственного механизма, системы управления.

Грандиозные планы социально-экономического развития Советского государства, разработанные КПСС, служат неопровержимым доказательством того, что Страна Советов твердо и последовательно проводит политику мира и международного сотрудничества. Реализация их возможна только в условиях мира, и в этом проявляется тесная связь внешней политики СССР с коренными, стратегическими задачами нашего государства в сфере внутренней политики — стремление народа заниматься трудом созидательным, творческим, жить в мире со всеми народами. «Главная цель внешнеполитической стратегии КПСС, — говорится в Резолюции XXVII съезда КПСС по Политическому докладу ЦК партии, — состоит в том, чтобы обеспечить советскому народу возможность трудиться в условиях прочного мира и свободы. Поэтому и на будущее магистральным направлением деятельности партии на международной арене должна оставаться борьба против ядерной опасности, гонки вооружений, за сохранение и укрепление всеобщего мира».

Распространяемый пропагандой империалистических держав истеричный миф о «советской военной угрозе» начисто опровергается фактами действительной обстановки в мире. Да и как можно представить себе государство, которое вынашивало бы агрессивные планы, если все его силы и устремления сконцентрированы и нацелены на выполнение программы мирного строительства.

Мирная обстановка является не только целью советской внешней политики, но и необходимой предпосылкой успешной реализации кардинальных задач, стоящих перед нашей страной в области внутренней политики. В новой редакции Программы КПСС подчеркивается, что выработанный партией и последовательно проводимый Советским государством миролюбивый внешнеполитический курс в сочетании с укреплением обороноспособности страны обеспечил советскому народу, большинству населения планеты мирную жизнь на протяжении самого длительного в XX в. периода. КПСС и впредь будет делать все от нее зависящее для сохранения мирных условий созидательного труда советских людей, для оздоровления международных отношений, для прекращения захлестнувшей мир по вине империализма гонки вооружений, для того, чтобы отвратить нависшую над народами угрозу ядерной войны.

Ясность и определенность внешнеполитических целей Советского Союза, вытекающих из классовой природы социалистического строя, определяют и характер его внешней политики — ленинской политики мира и сотрудничества между государствами. Достижению этих благородных целей подчинены все практические действия нашей страны на международной арене.

Империализм: политика агрессии и авантюризма

Нельзя, к сожалению, этого сказать о политике империализма, прежде всего, американского. Сегодня империализм создает серьезную угрозу человечеству. В Вашингтоне возобладал курс не на позитивное развитие советско-американских отношений, а на конфронтацию по всем направлениям. Ставка на силу, на достижение военного превосходства особенно отчетливо проявилась в невиданной по своим масштабам программе ядерного перевооружения, создания иных видов оружия массового уничтожения.

Американский империализм усилил и активизировал военное давление в отношении народов и государств, вставших на путь самостоятельного развития. Средства массовой информации то и дело приводят доказательства проводимой империализмом США политики силы и диктата, практики «военного присутствия» в регионах, отдаленных от границ США на многие тысячи миль, но объявленных Вашингтоном регионами «жизненных интересов США».

В реализации агрессивных планов американского империализма большое место отводится созданию военных баз и объектов на чужих территориях. В настоящее время США имеют более полутора тысяч таких баз и объектов, расположенных во многих государствах. На них постоянно дислоцируются свыше полумиллиона американских военнослужащих. В странах Азии и Океании Пентагон разместил свыше 300 военных баз и объектов. В обширных районах, примыкающих к восточным и южным границам СССР и к границам других социалистических государств, американский империализм создал около 100 военно-воздушных баз и аэродромов, подготовленных для дислокации военных самолетов. Для приема боевых кораблей оборудовано около 30 военно-морских баз и портов; созданы десятки складов оружия, включая ядерное, 100 центров управления войсками, станций слежения, разведки, связи и др. В регионе Дальнего Востока и в примыкающей акватории Тихого океана сосредоточена крупная группировка американских вооруженных сил, на островах тихоокеанской акватории также размещены военные базы.

Пентагон присвоил себе право вмешиваться в дела других стран и регионов, претворяя тем самым рожденную в его недрах пресловутую «доктрину неоглобализма». Убедительные доказательства в подтверждение сказанного дают действия США в отношении Ливии, Центральной Америки, других районов земного шара.

«Мы выполняем роль международного полицейского», — с гордостью заявил, комментируя события у ливийских берегов, один из американских телевизионных обозревателей. Что же, он сказал правду. Сейчас как никогда очевидно, что американская администрация выступает именно в этой малоприглядной роли. В Вашингтоне нагло присвоили себе право самым грубым и циничным образом вмешиваться во внутренние дела других стран, давать им уроки «демократии». Если посмотреть, кто мешает погасить огонь конфликтов в «горячих точках» мира, то всякий раз обнаруживается, что препятствия чинят Соединенные Штаты. Разработанная пентагоновскими идеологами доктрина американского участия в так называемых «конфликтах слабой интенсивности» — это не что иное, как борьба против национально-освободительных движений в развивающихся странах.

Как отметил Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев на встрече с президентом АНДР Ш. Бенджедидом в последнее время агрессивная, провокационная политика получила в Вашингтоне сильный допинг с помощью «доктрины неоглобализма». Суть «доктрины нео-

глобализма», подчеркнул М. С. Горбачев, — это полное пренебрежение к общепризнанным нормам международных отношений, это посягательства на суверенитет государств, все та же безнадежная попытка лишить народы права строить свою жизнь по своей воле.

Глашатаи этой агрессивной «доктрины» хотят убедить мир, будто речь идет о новом этапе борьбы за «демократию», против «коммунистической экспансии». Но то, что сходило с рук в прошлые времена, теперь уже не срабатывает. Народы научились распознавать подлинные замыслы современной мировой реакции. Они видят, что на самом деле это все та же имперская политика, направленная на подчинение и закабаление, на подрыв и подавление национально-освободительных движений и неугодных Вашингтону режимов.

Агрессивная политика Вашингтона — это вызов всей мировой общности, попрание общепризнанных цивилизованных отношений. Такая политика провоцирует региональные конфликты, ставит под угрозу международный мир и безопасность. Она обращена против всех независимых народов, противоречит интересам и американского народа. Провокационные действия США в отношении молодых государств Азии, Африки и Латинской Америки, стремящихся навсегда покончить со своей зависимостью от империализма, вызывают растущее возмущение мировой общности.

Советский Союз делает все от него зависящее, чтобы сломить тенденцию к обострению международной напряженности, оказать поддержку развивающимся странам в их трудном противоборстве с империализмом. Вопреки здравому смыслу США форсируют реализацию программы «звездных войн». В ход пускается ложное обоснование, будто программа «космических войн» носит «чисто оборонительный характер». В действительности же любой «космический щит» очень легко превратить в «космический меч». И тот, у кого он будет в руках, может не устоять перед соблазном пустить его в ход.

Намерение США создать и разместить в космосе ударные вооружения резко расширяет сферу накопительства оружия, ведет к тому, что обстановка в мире может приобрести такой характер, когда она уже не будет зависеть от разума и воли политиков, а окажется в плену военно-технократической логики. Появление новых систем вооружений неуклонно сокращает и сужает возможность для принятия в случае кризисов политических решений по вопросам войны и мира.

Многие факты подтверждают, что СОИ замышляется как инструмент агрессии. Именно с этой целью в выполняющих пентагоновские заказы научных лабораториях, на военных полигонах полным ходом идут разработки и испытания все новых военно-технических средств, ударного оружия, предназначенных для вывода в космическое пространство.

В вооруженных силах США уже создано специальное командование, получившее название космического. Оно имеет свой штат, занимается вполне реальными вещами: планированием использования космических средств для навигации судов и подводных лодок, связью высшего политического и военного руководства, фото-, радио-, метео-, геодезической и другими видами разведки, обнаружением пусков стратегических ракет. Под его контролем начались испытания противоспутниковой системы АСАТ, а в планах на ближайшее будущее — создание и развертывание в космосе новых видов ударных вооружений.

Вашингтон продолжает отказываться от моратория, наращивая ядерные арсеналы. И это вопреки мнению мирового сообщества, выраженному в резолюции 40-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в пользу безотлагательного прекращения и запрещения испытаний ядерного оружия, принятой подавляющим большинством голосов (против голосовали делегации только трех государств, в том числе США).

Как подчеркивалось на XXVII съезде КПСС мир капитала не отрешился от идеологии и политики гегемонизма, его правителей еще не оставляет надежда на социальный реванш, они продолжают тешить себя иллюзиями силового превосходства.

Политика «звездных войн» американской администрации и Пентагона — путь к опасным для человечества последствиям. Этой авантюрной политике, ядерному безумию Советский Союз противопоставил разум. Советское государство твердо придерживается конструктивного курса на поиски весомых практических мер по ограничению и сокращению вооружений.

Первоочередная задача современности

В наши дни на международной арене сложились новые, специфические объективные условия. Ныне никому не дано защитить себя созданием даже сверхмощной обороны, нет возможности выиграть не только ядерную войну, но и гонку вооружений. Обеспечение безопасности все более предстает как задача политическая, и лишь политическими, а не военными средствами можно ее решить. Противоборство между двумя мировыми системами может протекать только и исключительно в формах мирного соревнования и мирного соперничества. Таково важное положение, имеющее теоретическое и практическое значение, сформулированное нашей партией на основе анализа современного характера и масштабов ядерной угрозы.

«Острейшая проблема, стоящая сейчас перед человечеством, — это проблема войны и мира, — подчеркивается в новой редакции Программы КПСС. — Империализм — виновник двух мировых войн, унесших многие десятки миллионов жизней. Он угрожает третьей мировой войной».

Основные цели и направления внешнеполитической стратегии КПСС обоснованы в Политическом докладе ЦК КПСС съезду. Его международные разделы пронизывают дух реализма и новаторства, ответственный подход к проблемам войны и мира, поиск качественно новых решений. Съезд одобрил генеральную линию внутренней и внешней политики партии — линию на ускорение социально-экономического развития страны, упрочение мира на Земле. Все ее принципиальные установки основаны на положениях новой редакции Программы Коммунистической партии Советского Союза. В документах съезда выдвинута конкретная программа деятельности во имя сохранения и утверждения мира. Она разработана с учетом комплексного анализа всех факторов современного мирового развития. Сделаны принципиальные выводы, которые имеют важное теоретическое и практическое значение, они вооружают четким пониманием того, что альтернативы политике борьбы за прочный мир нет.

Перековать мечи на орала — заветная мечта человечества. Ныне, на крутом переломе истории земной цивилизации, возникла реальная возможность воплощения этой мечты в жизнь. И путь к этому указан в советских предложениях ликвидировать все ядерное и химическое оружие на нашей планете к началу XXI в., предотвратить милитаризацию космоса. Предложения эти выдвинуты в Заявлении Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева от 15 января 1986 г. и в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду нашей партии.

В Заявлении М. С. Горбачева от 15 января нынешнего года сформулирована стратегия мира, призванная до конца XX в. очистить Землю от ядерного оружия, избавить человечество от угрозы термоядерной катастрофы, обеспечить ему мирное будущее. В наши дни нет более благородной и ответственной задачи. Человечество в своем поступа-

тельном развитии достигло невиданных высот, накопленный им потенциал знаний и опыта создает возможность стремительного общественного прогресса. И в то же время человеческий гений ставится империализмом на службу создания оружия чудовищной разрушительной силы.

Милитаристские круги уже дважды на протяжении XX в. сталкивали человечество в пучину мировой войны. В обоих случаях перед людьми стоял выбор: мир или кровавая бойня. И в этих случаях силы милитаризма брали верх над силами разума. Сегодня возникла качественно новая угроза человечеству, когда ему уже приходится выбирать между миром и гибелью самого рода человеческого, всей мировой цивилизации. В сложившейся ситуации, как никогда в прошлом, перед государственными деятелями, перед широчайшими слоями общественности, да и просто перед каждым человеком возникла необходимость трезво взглянуть на протекающие на международной арене процессы, сделать из этого надлежащий вывод, понять и оценить свое место и роль в деле предотвращения сползания мира к новой войне.

Советский Союз считает, что на международной арене нужен перелом к лучшему. Исходя из этого, Политбюро ЦК КПСС и Советское правительство приняли решение о ряде крупных, принципиального характера внешнеполитических акций. «Их смысл, — отмечается в Заявлении М. С. Горбачева, — в максимальной степени содействовать улучшению международной обстановки. Они продиктованы необходимостью преодолеть негативные, конфронтационные тенденции, нараставшие в последние годы, расчистить пути к свертыванию гонки ядерных вооружений на Земле и ее предотвращению в космосе, общему уменьшению военной опасности, становлению доверия в качестве неотъемлемого компонента отношений между государствами».

Выдвинутый в Заявлении план конкретных действий, строго рассчитанный по времени, демонстрирует стремление СССР действовать в военной сфере так, чтобы ни у кого не возникало оснований для страхов за свою безопасность, сомнений в однозначности оборонительной направленности советской военной доктрины. Но и наша страна, и наши союзники в равной степени должны быть избавлены от ощущения угрозы.

В связи с этим на XXVII съезде КПСС было заявлено: Советский Союз — за изъятие из обращения оружия массового уничтожения, за ограничение военного потенциала пределами разумной достаточности. Но поскольку пределы эти продолжают лимитироваться позициями и действиями США и их партнеров по военным блокам, принципиальная позиция нашей страны определяется ясной лаконичной формулой: на большую безопасность Советский Союз не претендует, на меньшую не пойдет.

У правящих кругов США явно нет конструктивного ответа на программу мира и социального прогресса, выдвинутую XXVII съездом КПСС. Поэтому с таким упрямством в Вашингтоне продолжают цепляться за политику вчерашнего дня. Конечно, тамошние политики понимают, что сегодня уже нельзя с открытым забралом выступать против переговоров между государствами. Поэтому делают вид, что они тоже за переговоры, но только такие, где США могли бы выступать с позиции военного превосходства.

В рамках такой политики трудно с местом для договоренностей. Любое наше конструктивное предложение отвергается в американской столице либо «с ходу», либо нагромождением «условий» и «оговорок». Вспомним: сколько лет Вашингтон уверял, что он за соглашения о сокращении вооружений, да вот, мол, все дело в том, что СССР против контроля. Но стоило нам заявить, что СССР открыт для контроля, как в Белом доме и Пентагоне пропадает всякий интерес к контролю.

Многомесячным мораторием СССР демонстрирует высокую ответственность за судьбы мира, американская же администрация продолжением взрывов еще раз показывает, что такая ответственность у нее отсутствует; СССР делает все от него зависящее, чтобы воплотить в жизнь идею безъядерного мира, США же взрывают саму эту идею — таковы реальные факты. И их не скрыть.

XXVII съезд КПСС вновь подчеркнул: крайне необходимо, пока не поздно, отыскать решение, которое запрещало бы перенос гонки вооружений в космос. С этой целью ход истории все настоятельнее требует налаживания конструктивного, созидательного взаимодействия государств и народов в масштабах всей планеты.

В сочетании соревнования, исторического противоборства двух систем и нарастающей тенденции к объективной взаимозависимости, взаимодействию мирового сообщества — реальная диалектика современного мирового развития. И внешнеполитический курс КПСС, Советского государства учитывает реалии современности. Он прежде всего учитывает экономическое и политическое развитие мировой системы социализма, с которым сегодня теснее, чем когда-либо, связаны судьбы мира и социального прогресса. Политический курс Страны Советов — это курс на честные, открытые отношения со всеми коммунистическими партиями, всеми государствами мирового социалистического сообщества, на товарищеский обмен мнениями между ними; на социалистическую экономическую интеграцию стран социализма, на дальнейшее развитие политического сотрудничества между ними, душой которого было и остается взаимодействие правящих коммунистических партий, совершенствование и обновление его методов и форм, на взаимное обогащение мыслями, идеями, опытом социалистического строительства, на поиски взаимоприемлемых решений самых сложных проблем.

Внешнеполитический курс КПСС, Советского государства — это также курс на единство международного коммунистического движения, которое не имеет ничего общего с единообразием и иерархией, с вмешательством одних партий в дела других, со стремлением какой-либо партии к монополии на истину; курс на укрепление солидарности и сотрудничества коммунистических и рабочих партий в борьбе за общие цели — мир и социализм; на солидарность с силами социального и национального освобождения, на тесное взаимодействие со странами социалистической ориентации, с революционно-демократическими партиями, с Движением неприсоединения, курс на развитие контактов и сотрудничества с социал-демократией. Наконец, это курс на расширение связей со всеми, кто выступает против войны, за международную безопасность, на более тесное сотрудничество ради достижения успеха в битве против ядерной войны, успеха, который будет исторической победой всего человечества, каждого человека на нашей планете.

Центральным направлением внешней политики СССР на предстоящие годы должна стать борьба за реализацию выдвинутой в Заявлении Генерального секретаря ЦК КПСС от 15 января 1986 г. программы уничтожения оружия массового истребления и предотвращения новой мировой войны. XXVII съезд КПСС отметил особую важность выдвинутых в Политическом докладе ЦК принципиальных «Основ создания всеобъемлющей системы международной безопасности».

«Основы создания всеобъемлющей системы международной безопасности» — новое слово в мировой политике. Они открывают широкий простор для продуктивной деятельности всех правительств, партий, общественных организаций и движений, озабоченных судьбами мира на Земле. Создаются рамки и для прямого, систематического диалога руководителей стран мирового сообщества — как двустороннего, так и многостороннего. Особенно важен он между постоянными

членами Совета Безопасности — пятью ядерными державами, несущими особую ответственность за укрепление мира.

Выдвигая новаторские идеи, принципы, планы и предложения, призванные обеспечить безопасность и сотрудничество народов, мы не предаемся иллюзиям, не закрываем глаза на опасную обстановку в мире. Благодаря настойчивой деятельности КПСС складываются предпосылки для ее оздоровления. Но милитаристские, агрессивные силы империализма пытаются заморозить, увековечить конфронтацию, подхлестнуть гонку вооружений. В выступлении М. С. Горбачева по советскому телевидению, которое было посвящено вопросу о прекращении ядерных испытаний, Генеральный секретарь ЦК КПСС отметил: «Сейчас мы пришли к такому выводу: обстановка требует безотлагательных действий. Еще не поздно остановить гонку ядерных вооружений. Нужен первый крупный шаг в этом направлении. Таким шагом могло бы быть прекращение ядерных испытаний всеми — прежде всего, Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки, а также другими ядерными державами. Мы придаем огромное значение решению этой задачи, затрагивающей судьбы всех народов».

Особенностью нынешнего, 1986, года стало проведение исторического, XXVII съезда КПСС, который дал путевку в жизнь важнейшей для всего человечества инициативе — предложению об Основах всеобъемлющей системы международной безопасности. И еще одна особенность — нынешний год объявлен ООН Международным годом мира. Этот акт не только имеет символическое значение, но и ориентирует мировое сообщество на активное осуществление конкретных шагов, которые бы на деле содействовали упрочению всеобщего мира на планете. Как говорится в Послании Генерального секретаря ЦК КПСС генеральному секретарю ООН, «народы могут и должны добиться того, чтобы Международный год мира вошел в историю человечества как год начала создания всеобъемлющей системы международной безопасности, а каждый последующий год до конца столетия становился вехой на пути к полному освобождению человечества от ядерного оружия, к устранению угрозы всеобщего уничтожения».

* * *

Глубокую борозду в умонастроениях международной общественности проложил XXVII съезд КПСС. Философия формирования безопасного мира отвечает чаяниям человечества. Платформа конкретных действий, выдвинутая съездом, вдохновляет людей доброй воли. Идеи и решения форума советских коммунистов ставят важные вехи на современном переломном этапе международного развития. Они во многом определяют содержание мировой политики и ход дел на Земле в конце уходящего и начале грядущего веков. «Наша позиция ясна, подчеркнул М. С. Горбачев в своем выступлении по советскому телевидению. Мы считаем: мир вступил в период ответственных решений. Да, в период ответственных решений. Мы не сойдем с курса на сохранение и упрочение мира, со всей определенностью подтвержденного и XXVII съездом КПСС. Выполняя волю своего народа, Советское государство будет и впредь наращивать усилия для обеспечения всеобщей безопасности. Мы это будем делать, взаимодействуя со всеми странами и их народами».

XXVII съезд КПСС вновь убедительно показал неразрывность социализма и мира, мира и созидания. «Социализм не выполнил бы своей исторической миссии, если бы не возглавил борьбу за избавление человечества от бремени военных тревог и насилия, — сказал М. С. Горбачев в своей речи на закрытии XXVII съезда КПСС. — Главная цель советской политики — безопасный и справедливый мир для всех народов».

Изучение культуры Китая в России и в СССР

С. Л. ТИХВИНСКИЙ,
академик

От редакции.

В январе 1986 г. в Шанхае проходила Первая международная конференция по китайской культуре, организованная Фуданьским университетом.

На конференции рассматривался широкий диапазон вопросов из самых разных периодов истории китайской культуры, связей Китая и Запада, их взаимного влияния. Много внимания участники конференции уделили вопросу заимствования и использования в Китае достижений западной науки и техники. Говорилось и о влиянии Индии, буддизма на культуру средневекового Китая.

К сожалению, в ходе конференции мало внимания было уделено вопросу о влиянии на культуру Китая новой советской культуры в период с 1917 по 1949 г. и особенно после 1949 г. до начала 60-х годов, а также о влиянии западной империалистической культуры в период правления гоминьдана. В то же время нет сомнения в том, что на развитие китайской культуры после 1917 г. и тем более в 50-е годы наложило свой отпечаток знакомство деятелей китайской культуры с советской литературой, театром, балетом, кино, живописью, графикой, а также историей и философией, не говоря уже о том, что в 50-е годы советская техническая и научная помощь была единственным источником модернизации Китая, заложившей основы индустриализации страны.

Участники конференции не пришли к единодушному согласию по вопросу о том, что включает в себя понятие «культура». Безусловно, необходим исторический и комплексный подход к этому определению с учетом данных материальной культуры, литературы, философии, этнографии и т. д.

На конференции была выражена надежда, что этот и другие вопросы найдут свое освещение на предстоящих встречах китаеведов.

Предлагаем вашему вниманию текст выступления на конференции советского участника академика С. Л. Тихвинского.

* * *

Взаимовлияние культур в разных формах — переводы научных трудов и литературных произведений, обмен выставками произведений искусства, изучение материальной и духовной культуры других стран и народов, публикация книг по этим вопросам, личные контакты ученых и деятелей культуры — способствует тому, чтобы народы различных государств мира лучше узнавали и понимали друг друга.

Советские китаеведы при изучении истории и современного состояния китайской культуры руководствуются известным положением В. И. Ленина, высказанным им в статье «О пролетарской культуре»: «Марксизм завоевал себе свое всемирно-историческое значение как идеология революционного пролетариата тем, что марксизм отнюдь не отбросил ценнейших завоеваний буржуазной эпохи, а, напротив, усвоил

и переработал все, что было ценного в более чем двухтысячелетнем развитии человеческой мысли и культуры»¹.

Советские ученые подходят к изучению различных сторон культуры Китая как части мировой культуры — общей сокровищницы человечества, опираясь при этом на то наследие, которое оставлено русским дореволюционным китаеведением, накопившим огромный фактический материал о разных сторонах жизни старого китайского общества.

Изучение культуры Китая русским дореволюционным китаеведением

Уже в начальный период отношений между Россией и Китаем (XVII—XVIII вв.) в России стали собираться данные о соседнем государстве, делались первые попытки создать труды о географии и политике Китая, закладывались основы изучения языка, истории, культуры китайцев, маньчжуров и других народов, входивших в Цинскую империю.

Отчеты русских людей о поездках в Китай в XVII в. (миссия Ивана Петлина в 1618—1619 гг., миссия Федора Байкова в 1654—1657 гг., посольство Н. Г. Спафария 1675—1678 гг. и др.) принесли мировой науке новые сведения о Китае. Росписи, статейные списки, дневники путешествий быстро становились известными в Европе благодаря переводам на другие языки, что обогащало мировую науку. Например, «Статейный список» Федора Байкова, в котором говорилось о многих прежде малоизвестных сторонах жизни китайского народа, был в числе других описаний путешествий опубликован парижским географом Ж. Тевено в сборнике, вышедшем в Париже между 1666 и 1672 гг. Затем он был опубликован на латыни, немецком, английском и голландском языках.

Предметы китайского искусства, вывозившиеся в Европу португальскими, испанскими, голландскими, английскими и французскими кораблями, вызвали, в сочетании с идеализированным изображением общественного строя Минского и Цинского Китая европейскими миссионерами, модное увлечение среди европейской аристократии, в первую очередь Франции, «китайским стилем» — «шинуазери». Не избежали этого увлечения и при петербургском дворе, когда в Ораниенбауме и Царском Селе были построены здания и парковые сооружения в «китайском» стиле, а также созданы «китайские комнаты» в ряде дворцов.

Первые контакты Российского государства с Китаем способствовали формированию представлений о Китае, различных сторонах культуры и быта народов, населявших Китай. Сведения, полученные в результате этих контактов, заложили основы китаеведения в России как научной дисциплины, одним из главных направлений которой было изучение китайской культуры.

В 1711 г. в Пекине была учреждена Российская духовная миссия, члены которой, в отличие от западных христианских миссионеров, не занимались распространением христианства среди китайцев. Российская духовная миссия в отсутствие других каналов отношений была важным источником распространения научных знаний о Китае в России и о России в Китае. Многие члены миссии изучали китайский, маньчжурский, тибетский и монгольский языки и становились переводчиками на русский язык китайских книг, преподавателями китайского, тибетского, маньчжурского и монгольского языков. Большую работу по переводу на русский язык китайских и маньчжурских исторических сочинений проделали И. Россохин (1717—1761) и А. Леонтьев (1716—1786). Переводы Леонтьева пользовались довольно большой популярностью в русском обществе второй половины XVIII в. Им были переведены две книги

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 337.

конфуцианского «четырехкнижья» («Дасюе» и «Чжунъюн», часть «Ицзинна», «Законодательство Цинской империи»). Леонтьев писал и переводил не только исторические и юридические сочинения. Он знакомил русского читателя с материальной культурой и этнографией Китая, с производством чая и шелка, с китайскими шахматами. Свои переводы Леонтьев снабжал примечаниями и комментариями, стараясь осмыслить явления китайской действительности и истории.

Члены Российской духовной миссии выступали в Пекине в качестве переводчиков Лифаньюаня (Трибунала внешних сношений. — С. Т.) и преподавали русский язык в Школе русского языка при Дворцовой канцелярии, открытой в 1725 г., переводили для нее учебники русского языка, содействуя таким образом знакомству китайцев с русской культурой.

Веннамин Морачевич — глава одиннадцатой миссии (1830—1840) — с 20-х годов, еще в бытность членом предыдущей, десятой миссии, преподавал в этой школе русский язык и знакомил своих учеников с культурой и жизнью России. В конце 30-х годов цинское правительство отменило его преподавательскую деятельность правительственной наградой, о чем сохранились сведения в «Документах династии Мин и Цин» Государственного архива КНР.

В 1845 г. через Российскую духовную миссию Российской Академии наук было передано в дар Китаю собрание из более 300 русских книг по различным отраслям знаний. Среди них были учебные пособия для русского пекинского училища и «лучшие сочинения по части российской истории, географии, статистики, сельского хозяйства, также сочинения, относящиеся до военного искусства, до математики, астрономии, медицины, естественной истории, разные литературные произведения...»².

Тогдашний глава миссии Поликарп Тугаринов, рассказывая о работе по описанию присланных из России книг и передаче их чиновникам Лифаньюаня, писал: «Мы спешили только общими силами показать китайцам лучшие издания и географические карты, поясняя им, какую уверенность показало наше правительство к китайскому, сообщив ему такие сведения, которые, по общепринятому в Китае мнению, всячески должны быть хранимыми в тайне от иностранцев»³.

В первой половине XIX в. вопросы, связанные с Китаем и его культурой, стали привлекать значительное внимание русского общества, чему в немалой степени способствовали труды замечательного русского китаеведа Н. Я. Бичурина (1786—1853). Бичурин познакомил русского читателя с обширными китайскими источниками, детально описал историю, философию, культуру Китая, подчеркивая ее самобытность и высокий уровень. Бичурин оспаривал довольно широко распространенные в то время в Западной Европе «теории» египетского и вавилонского происхождения китайской цивилизации. Он резко критиковал иностранных миссионеров и тех западноевропейских ученых, которые писали о «варварстве» и «невежестве» китайцев и о преимуществах «христианских» народов.

Деятельность и труды Н. Я. Бичурина оказали значительное влияние на образованные круги русского общества того времени, в частности на русских литераторов. Бичурин был связан дружескими отношениями с великим русским поэтом А. С. Пушкиным, который писал, что «глубокие познания и добросовестные труды» отца Иакинфа (имя Бичурина в монашестве. — С. Т.) «разлили столь яркий свет на наши отношения с Востоком»⁴. Под влиянием бесед с Бичуриным А. С. Пушкин в январе 1830 г. подал царю прошение отпустить его в Китай в составе отправлявшейся туда очередной миссии, но получил отказ. Бичурин встречал-

² См.: П. И. Кафаров и его вклад в отечественное востоковедение. (К 100-летию со дня смерти). Материалы конференции, ч. 1. М., 1979, с. 21.

³ См. там же, с. 22.

⁴ А. С. Пушкин. История Пугачева. Полн. собр. соч., т. 8. М. — Л., 1949, с. 287.

ся также с русскими революционерами-демократами В. Белинским и А. Герценом, писателями И. Крыловым, И. Гончаровым и другими. Многочисленные книги, статьи и переводы Бичурина расширяли представления о Китае, его истории и культуре, способствовали появлению «китайской темы» в русской литературе того времени. Так, под влиянием работ Бичурина русский писатель В. Одоевский написал фантастический роман «4338-й год», где сделал попытку представить Россию и Китай в далеком будущем: обе страны, по роману, были связаны дружескими узами и готовы были совместно противостоять опасности, грозящей из космоса.

Как ученый-гуманист, Бичурин с большим уважением относился к культурным ценностям Китая, правдиво описывал исторические судьбы народов, населявших Китай. Бичурин иногда чрезмерно идеализировал некоторые стороны китайской действительности, что отмечал великий русский критик В. Белинский, в частности в рецензии на книгу Бичурина «Китай в гражданском и нравственном состоянии», но в целом В. Белинский высоко оценивал этот и другие труды Бичурина. В работах Бичурина содержалось много интересных и неизвестных в прошлом сведений о народах Китая, однако в них, как правило, отсутствовали аналитический подход и критические оценки, столь характерные для трудов первого русского профессора и академика-китаевода В. П. Васильева (1818—1900), создавшего в России школу преподавания проблем Китая и других стран Дальнего Востока.

Изучая историю и культуру китайского народа, составляя учебные пособия по литературе и языку Китая, В. П. Васильев относился к китайскому народу с большим уважением. «Можно положительно утверждать, что Китай имеет все данные, чтобы достигнуть самой высокой точки умственного, промышленного и вместе политического прогресса»⁵, — писал он в одной из своих работ.

Васильев одним из первых в русском и мировом китаеведении сумел разглядеть консервативно-догматические элементы в китайской культуре — прежде всего в конфуцианстве с его традициями полной покорности старшим и беспрекословного подчинения авторитету древних мудрецов. В книге «Очерк истории китайской литературы» Васильев написал о конфуцианстве: «Как ревниво оберегает конфуцианство захваченную им власть над умами; оно как будто не религия, а между тем никакая религия не сумела показать и доказать, что можно держать народ две тысячи лет в замкнутом кругу известных идей»⁶.

Критически оценивая воздействие конфуцианства на китайскую культуру в целом, В. П. Васильев подчеркивал, что «лучшие книги становятся вредными, когда из предмета изучения обращаются в предмет культа и слепого преклонения»⁷. Не утратила научного интереса в наши дни и книга ученика Васильева, С. М. Георгиевского, «Мифические воззрения и мифы китайцев».

Говоря об изучении китайской культуры в России в XIX в. нельзя не упомянуть П. И. Кафарова, в монашестве Палладия, (1817—1878), автора многих трудов по истории, географии и культуре народов Китая. Мировую известность Кафарову принес двухтомный академический китайско-русский словарь, опубликованный с дополнениями П. С. Попова уже после смерти автора, в 1888 г. Большая ценность этого словаря отмечалась как современниками Кафарова, так и представителями следующих поколений китаеведов. Энциклопедический по характеру «Китайско-русский словарь» Палладия продолжает сохранять свое научное значение для занимающихся изучением прошлого Китая.

⁵ В. П. Васильев. Открытие Китая, СПб., 1900, с. 162.

⁶ См.: В. П. Васильев. Очерк истории китайской литературы. СПб., 1880.

⁷ См.: В. П. Васильев. Современное положение Азии. Китайский прогресс. СПб., 1183.

«Русская китаистика XIX века,— писал советский академик-китаевед В. М. Алексеев,— сыграла значительную роль в синологии, внося свой вклад в дело ознакомления с сокровищами мысли и культуры великого китайского народа»⁸.

Изучение проблем культуры Китая советскими китаеоведами

Приняв идеи Великого Октября, поставив свои знания на службу народу, выдающиеся русские востоковеды, деятельность которых началась до Октябрьской революции (С. Ф. Ольденбург, В. В. Бартольд, В. М. Алексеев) проделали большую работу по переоценке накопленного опыта и приняли активное участие в создании качественно новых подходов и методов изучения стран Востока на базе марксистско-ленинской теории.

Из комплексной дисциплины китаеведение (как и другие востоковедные дисциплины) превратилось в многоотраслевую науку, в которой выделались история, литература, языковедение, философия и т. д., каждая из которых получила значительное развитие, хотя в то же время советские китаеведы продолжали заниматься изучением общих проблем и закономерностей культуры Китая.

Самой крупной фигурой в изучении именно комплексных проблем китайской культуры был академик В. М. Алексеев (1881—1951), глубоко понимавший неразрывную связь между историей и современным состоянием культуры. Алексеев одним из первых в мировой науке обратился к изучению китайской культуры, существующей в толще народа и отраженной не только в научных публикациях, но и в простонародных верованиях, лубочных картинках, предметах быта.

Работы по проблемам культуры Китая академика Алексеева дают образец подхода к явлениям культуры прошлого с позиций современности. Это можно увидеть в написанных в разное время Алексеевым трудах о новеллах Пу Сунлина, о классической поэзии, о театре. Волновала академика Алексеева и проблема определения места китайской культуры среди других культур мира. Алексеев выступал против любых крайностей в этом вопросе. Он был против «перетолковывания китайских понятий на европейский лад» и против акцента на специфику, исключительность китайской культуры.

После Великой Октябрьской социалистической революции ознакомление советских людей с культурой Китая и китайцев с культурой народов СССР стало одним из важных направлений в культурных связях между Китаем и Советской Россией, за развитие которых активно выступали виднейшие деятели китайской культуры: писатель Лу Синь, президент Китайской Академии наук Цай Юаньпэй, художник Сюй Бэйхун, артист Мэй Ланьфан. В Китае в 20—30-е годы ставились советские пьесы («Бронепоезд 14—69» Вс. Иванова, «Рычи, Китай» С. Третьякова), демонстрировались советские фильмы («Броненосец «Потемкин», «Чапаев», «Путевка в жизнь»), переводились и издавались произведения советских писателей. Так, при непосредственном участии и по инициативе Лу Синя на китайский язык были переведены такие выдающиеся произведения русской и советской литературы, как «Мертвые души» Н. Гоголя, «Разгром» А. Фадеева, «Железный поток» А. Серафимовича, и другие книги, оказавшие большое влияние на китайскую интеллигенцию и молодежь.

Лу Синь особо подчеркивал роль советской литературы в развитии национально-освободительной борьбы китайского народа и писал, что

⁸ Цит. по: П. Е. Скачков. Очерки истории русского китаеведения. М., 1977, с. 286.

«непрерывные литературные связи с Советским Союзом положили начало широким литературным связям Китая со всем миром»⁹.

Советские ученые и деятели культуры в 20—40-е годы немало сделали для ознакомления мировой общественности с национально-освободительной борьбой китайского народа, его литературой и искусством, провели большую работу по опубликованию переводов китайской литературы. В 1929 г. появился первый перевод на русский язык произведений Лу Сяня Б. А. Васильева. В сборник вошли лучшие рассказы Лу Сяня: «Подлинная история А-Кью», «Родина» и др. С этого времени произведения Лу Сяня постоянно выходят в СССР отдельными изданиями, публикуются в периодической печати. Большую работу по популяризации произведений Лу Сяня в Советском Союзе проделал бывший заведующий корпусом ТАСС и издательства «Эпоха» в Шанхае В. Н. Рогов.

20—40-е годы были периодом широкого ознакомления советского читателя с китайской литературой и искусством, временем, когда шли накопление знаний и подготовка кадров исследователей. Большой вклад в пропаганду культуры Китая был внесен в предвоенные годы Н. И. Конрадом, Н. В. Кюннером, К. А. Скачковым и др. В 1940 г. вышло энциклопедическое издание «Китай», подготовленное АН СССР. Значительный вклад в этот процесс внесло в указанный период Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС). По его инициативе между СССР и Китаем организовывался обмен деятелями культуры и науки, проводились выставки и кинопросмотры.

В связи с этим стоит упомянуть об истории с уникальными экспонатами выставки китайского изобразительного искусства, которая проводилась в Москве, а затем в Ленинграде в 1940—1941 гг. В ее экспозицию, помимо коллекций Музея восточных культур и других музеев СССР, входили полученные из Китая ценные памятники древнего китайского искусства и произведения мастеров нового времени (всего свыше 1000 экспонатов). В первые дни войны при налетах фашистской авиации ленинградцы укрыли китайские экспонаты вместе с шедеврами Государственного Эрмитажа, а затем, несмотря на огромные трудности с транспортом и организацией охраны, они были возвращены в Китай. В телеграмме из Чунцина 23 сентября 1942 г., в адрес ВОКС председатель Китайско-советского культурного общества Сунь Фо писал: «Предметы китайского искусства, привезенные в СССР для выставки, благополучно доставлены обратно. С чувством глубочайшей признательности я хочу выразить Вам мою благодарность за Ваши благородные усилия, приложенные к этому делу в период свирепых боев против фашизма, и надеюсь, что культурные отношения между нашими странами будут развиваться еще больше»¹⁰.

Реакционные круги гоминьдана всячески противодействовали развитию контактов между Китаем и СССР в области культуры, тогда как китайские прогрессивные деятели выступали за такие контакты. «Сотрудничество культур Китая и СССР идет на пользу китайской нации», — писал Мао Дунь в письме А. Фадееву в 1940 г.

Большую работу по ознакомлению советской общественности с культурой сражающегося Китая проделал видный китайский писатель и ученый Го Можо, прибывший в Советский Союз летом 1945 г. для участия в торжествах по случаю 220-летия АН СССР. По возвращении в Китай Го Можо правдиво рассказал китайским читателям о культуре Советского Союза.

В предисловии к русскому переводу своих «Записок о поездке в СССР», изданных в Шанхае в 1947 г. издательством «Эпоха», Го Можо писал: «Пятидесятидневная поездка по СССР является самым незабы-

⁹ Лу Сянь. Собр. соч., т. 2. М., 1955, с. 102 (пер. с кит.).

¹⁰ Цит. по: А. С. Цветко. Советско-китайские культурные связи. М., 1974, с. 23.

ваемым событием моей жизни. Как радостно, что моя многолетняя заветная мечта выполнена. И еще более радостно, что самые разнообразные мечты моих идеалов получили их действительное осуществление в образах, много виденных в СССР. Доброту, смелость, преданность и радость в труде, во всей широте, глубине и интенсивности этих лучших качеств советских людей, трудно представить людям, которые не побывали в СССР»¹¹.

«Большинство китайской интеллигенции,— говорил видный китайский ученый Хуа Логэн во время визита в СССР в 1946 г.,— очень дружелюбно расположено к советскому народу и считает, что дружба с Советским Союзом должна быть основой китайской внешней политики... в Китае существует огромный интерес к достижениям Советского Союза в области экономики и культуры»¹².

После образования КНР советско-китайское культурное сотрудничество приняло широкие масштабы, чему в большой степени способствовала организация планомерного межгосударственного сотрудничества. В июле 1956 г. между СССР и КНР было подписано Соглашение о культурном сотрудничестве, в соответствии с которым обе стороны договорились укреплять непосредственные связи между научно-исследовательскими учреждениями обеих стран, обмениваться результатами научных работ и учеными, проводить совместные исследования, а также предоставлять во взаимное распространение материалы по вопросам культуры, содействовать постановке сценических и исполнению музыкальных произведений, организации и проведению выставок, переводу и изданию лучших произведений политической, научной и художественной литературы.

Интенсивные контакты и обмены между деятелями культуры и науки, которые имели место в 50-е годы, были существенным фактором, стимулировавшим развитие изучения различных аспектов культуры Китая в СССР в этот период и в последующие годы.

Для советских публикаций 50-х годов по вопросам китайской культуры было характерно начало научного осмысления и обобщения процесса строительства новой культуры в КНР. Это нашло отражение в работах Н. Федоренко «Очерки современной китайской литературы», Л. Эйдлина «О китайской литературе наших дней», исследованиях о современном китайском искусстве О. Глухаревой, Л. Меньшикова и др.

Итоги этого этапа изучения китайской культуры в СССР были подведены в изданном в 1960 г. сборнике «Вопросы культурной революции в КНР», подготовленном коллективом советских китаеведов при участии видных деятелей китайской культуры—Ся Яня, Гэ Баоцюаня, Хоу Вайлу и др.

В 50-е годы в СССР в широких масштабах продолжалось издание переводов произведений китайской классической и современной литературы. Только в 1949—1958 гг. в СССР было издано свыше 2100 произведений китайской литературы в разных жанрах общим тиражом более 3 млн. экземпляров. Помимо перевода на русский язык, произведения китайских авторов издавались также на языках других народов СССР—украинском, белорусском, узбекском, грузинском и т. д.

В середине 50-х годов в СССР было издано «Собрание сочинений» Лу Синя в 4-х томах, а всего в 1950—1975 гг. на русском языке и языках других народов СССР произведения Лу Синя публиковались более 60 раз. Творчество Лу Синя стало предметом научного исследования, и ему было посвящено более 300 монографий, статей и рецензий советских литературоведов. Советские люди высоко ценят Лу Синя и как великого китайского писателя, и как пропагандиста в Китае сокровищ мировой литературы, переводчика русской и советской классики. Том «Всемир-

¹¹ Го Можо. 50 дней в СССР. Перевод с кит. В. Рогова. Шанхай, 1947, с. 1.

¹² А. С. Цветко. Указ. соч., с. 24.

ной литературы», посвященный творчеству Лу Синя, вышел тиражом в 400 тыс. экземпляров. Яркое предисловие к тому написал известный литературовед и переводчик профессор Л. З. Эйдлин.

Массовыми тиражами были изданы также собрания сочинений Мао Дуня, Лао Шэ, Чжао Шули, 4-томная антология китайской поэзии, а также образцы классического культурного наследия Древнего Китая — произведения Цюй Юаня, Бо Цзюйи, Ли Бо, Сунь Цици, Ли Цинчжао, Лю Юна, Ван Вэя, Мэн Хаожаня, Цао Чжи, Тао Юаньмина, Лу Ю, Се Линъюня, Пу Сунлина, романы «Троецарствие», «Сон в Красном тереме», «Речные заводи», «Путешествие на Запад», «Цзинь, Пин, Мэй», «Цветы в зеркале», «Сказание о Юэфее», «Трое храбрых, пять справедливых», «Путешествие Лаоцзя», «Цветы в море зла», танские новеллы, юаньские драмы и др.

В результате «культурной революции» творческая деятельность в КНР остановилась на многие годы. Руководители «культурной революции» стремились оградить многомиллионный народ Китая и от его собственного многовекового культурного наследия, и от культуры других стран, существенно замедлив столь успешно начавшийся после 1949 г. процесс строительства социалистической духовной культуры. В этих условиях деятели советской культуры и советские исследователи проблем культуры Китая активно выступали в защиту подлинной китайской культуры.

В коллективной работе «Судьбы культуры КНР» ее авторы с горечью отмечали: «Культурный вакуум, возникший в ходе «культурной революции», — явление, не имеющее прецедента в истории человечества за многие века. Огромный народ был лишен собственного многотысячелетнего наследия, отгорожен от культуры других стран; вся созданная... прогрессивная культура подвергалась шельмованию, а ее творцы и распространители — разного рода гонениям»¹³.

Рассказывая о тяжелой, трагической судьбе китайских деятелей культуры Лао Шэ и Чжао Шули, Тянь Ханя и Дэн То, У Ханя, Ли Да, Хэ Луцина и Люй Цзи и многих других писателей, музыкантов, драматургов, ученых, советские авторы выражали твердую уверенность в том, что, несмотря на все репрессии, китайская культура выживет.

Советский литературовед и переводчик А. Н. Желоховцев — очевидец событий «культурной революции» в Пекине — в своей книге «Культурная революция» с близкого расстояния написал о замечательном китайском писателе Лао Шэ, не согнувшемся перед хунвэйбинами: «Человек смертен. Литература остается. Пусть книги Лао Шэ запрещены и сожжены, его еще будут читать в Китае! И не только в Китае, но повсюду. Имя его невозможно вычеркнуть из китайской культуры»¹⁴.

Другой советский литературовед С. Д. Маркова в своей книге о китайской интеллигенции выразила уверенность в том, что китайская интеллигенция не была сломлена в результате «культурной революции» «и при малейшей возможности будет стремиться вернуть своему народу лучшие достижения прошлого и настоящего... И хотя трудно исчислить колоссальный ущерб, нанесенный за последние годы китайской культуре, неопровержимой остается ленинская мысль: «Каковы бы ни были разрушения культуры — ее вычеркнуть из исторической жизни нельзя, ее будет трудно возобновить, но никогда никакое разрушение не доведет до того, чтобы эта культура исчезла совершенно. В той или иной своей части, в тех или иных материальных остатках эта культура неустранима, трудности лишь будут в ее возобновлении»¹⁵.

¹³ Судьбы культуры КНР (1949—1974). М., 1978, с. 367.

¹⁴ А. Н. Желоховцев. «Культурная революция» с близкого расстояния. Записки очевидца. М., 1973, с. 230.

¹⁵ С. Д. Маркова. Маоизм и интеллигенция. Проблемы и события (1956—1973 гг.). М., 1975, с. 238. (В. И. Ленин цитируется по Полн. собр. соч., т. 36, с. 46).

Оценки, которые даны в сегодняшнем Китае событиям «культурной революции», во многом совпадают с оценками, высказанными в советских исследованиях второй половины 60—70-х годов.

Отсутствие культурных связей с КНР в период «культурной революции», несомненно, затрудняло исследовательскую работу советских специалистов в области китайской культуры, но такая работа не прекращалась: продолжалась подготовка кадров специалистов в Москве и Ленинграде, продолжалось издание произведений современных китайских писателей, памятников китайской классической литературы, литературоведческих работ.

Вот далеко не полный перечень книг по проблемам китайской культуры, которые были изданы в СССР в столь тяжелые для китайской культуры годы «культурной революции»: Лао Шэ, «Рассказы» (1965), «Развод» (1967), «Записки о Кошачьем городе» (1969); Мао Дунь, «Распад» (1968); Бо Цзюйи, «Лирика» (1965); Ду Фу, «Лирика» (1967); «Проделки праздного дракона. Шестнадцать повестей из сборника XVII века» (1966); «Юаньская драма» (1966); «Цзацзуань. Изречения китайских писателей IX—XIX вв.» (1969); «Слово о живописи из Сада с горчичное зерно» (1969); «Гуляка и волшебник. Танские новеллы» (1970); а также литературоведческие труды: «Раннее творчество Лао Шэ» А. Антиповского (1967), «Лу Синь и его предшественники» В. Семанова (1967), «Тао Юаньмин и его стихотворения» Л. Эйдлина (1967), «Вэнь Идо. Жизнь и творчество» В. Сухорукова (1968), «Древняя китайская поэзия и народная песня» И. Лисевича (1969) и многие др.

Несмотря на изменившиеся условия, большую работу по ознакомлению советской общественности с китайской культурой продолжало вести Общество советско-китайской дружбы. Руководствуясь последовательным курсом КПСС и Советского правительства на добрососедские отношения с китайским народом, Общество и в годы «культурной революции» при практически полном отсутствии контактов с Обществом китайско-советской дружбы и деятелями культуры КНР сохранило основное содержание своей деятельности — содействие дальнейшему ознакомлению советской общественности с историей и культурой Китая, лучшими традициями китайского народа.

Общество советско-китайской дружбы при активном участии советских специалистов по проблемам китайской культуры проводило собрания и выставки, посвященные важным историческим событиям в жизни китайского народа, выдающимся деятелям национально-освободительного движения, всемирно известным деятелям китайской культуры. Отмечались памятные даты, связанные с именами Сунь Ятсена, Ли Дачжао, Цюй Цюбо, Лу Синя, современных китайских писателей Чжоу Либо, Лао Шэ, Ба Цзиня, Е Шэнтао, классиков китайской литературы Ли Бо, Ду Фу, Бо Цзюйи, Ли Цинчжао, Хань Юя, Тао Юаньмина, композиторов Не Эра и Си Синьхая, художников Ци Байши и Сюй Бэйхуна, актера Мэй Ланьфана.

В связи с возобновившимися контактами между советскими и китайскими деятелями культуры и учеными, между советскими и китайскими обществами дружбы эта деятельность Общества советско-китайской дружбы в настоящее время активизировалась.

При изучении китайской культуры в СССР в последние десятилетия активно развиваются как ставшие традиционными направления (публикация памятников китайской культуры, переводы научной и художественной литературы), так и углубленные исследования общих проблем культуры Китая (место китайской культуры в мировой, взаимовлияние культур, роль традиций), а также проблем литературы, искусства, языков Китая.

С 1964 г. в Советском Союзе стала издаваться серия «Памятники

письменности Востока», в которой уже опубликовано более 80 книг, в том числе 14 китайских и 6 тангутских памятников. Среди них: «Китайская классика в тангутском переводе (Лунь юй, Мэн цзы, Сяо цзин)», «Книга правителя области Шан (Шан цзюнь шу)», «Сыма Цянь. Исторические записки», «Лес категорий. Утраченная китайская лэйшу в тангутском переводе», «Заново составленные пинхуа по истории Пяти династий» и др.

Выпуски этой серии, посвященные китайским и тангутским памятникам, вызвали большой интерес у сиологов других стран. Публикации китайских памятников, как и вся серия «Памятники письменности Востока», заняли прочное и почетное место в советском и зарубежном востоковедении.

Большая работа проделана советскими учеными по исследованию и публикации китайских памятников из Дуньхуана. Эти рукописи изучаются китаеводами Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР. Подготовлено описание фонда, выпущено несколько публикаций дуньхуанских рукописей: «Памятники буддийской литературы суньвэньсюэ» (1963), «Бяньвэнь о Вэймоуцу». «Бяньвэнь о Десяти благих знамений» (1963), «Бяньвэнь о воздаянии за милости» (1972), «Бяньвэнь по Лотосовой сутре» (1984).

Уникальны по научной ценности документы о хозяйственной жизни Дуньхуана. Первый выпуск издания «Китайские документы из Дуньхуана», вышедший в 1983 г., содержит фотокопии документов, их реконструкцию (чтение), перевод, комментарии, таблицы особого начертания иероглифов и исследовательскую статью.

Совместные работы советских и китайских ученых над уникальными источниками по истории и культуре наших стран могли бы стать важным компонентом в развитии советско-китайского культурного и научного сотрудничества. В начале 1985 г. в этом направлении были сделаны некоторые шаги в виде решения о совместном советско-китайском издании переданного советской стороной Китаю уникального экземпляра романа «Сон в Красном тереме» на базе сотрудничества Института востоковедения АН СССР и Института изучения романа «Сон в Красном тереме» Академии изящных искусств КНР.

Большое внимание уделяется советскими исследователями проблемам общих с мировой культурой закономерностей развития китайской культуры, взаимовлиянию культур на разных этапах исторического процесса. В связи с этой проблематикой следует упомянуть работы академика Н. И. Конрада, выдвинувшего концепцию «китайского Ренессанса», публикации В. Семанова о влиянии и проникновении иностранной литературы в Китай на рубеже XIX—XX вв., труды о взаимосвязи русской и китайской литератур М. Шнейдера («Русская классика в Китае. Переводы. Оценки. Творч. освоение»), Л. Черкасского («Маяковский в Китае») и др.

Особенности формирования китайской культуры, рассмотренные на широком историческом фоне, занимают значительное место в серии коллективных монографий, в написании которых принимали участие М. В. Крюков, Л. С. Переломов, М. В. Софронов, Н. Н. Чебоксаров, В. В. Малявин («Древние китайцы: проблемы этногенеза» — 1978 г.; «Древние китайцы в эпоху централизованных империй» — 1983 г.; «Китайский этнос на пороге средних веков» — 1979 г.; «Китайский этнос в средние века (VII—XIII вв.)» — 1984 г.). Всесторонне рассматривая все основные аспекты материальной и духовной культуры, описывая внутренние и внешние факторы, влияющие на них, авторы делают вполне обоснованный вывод о глубоком воздействии контактов и связей Китая с другими частями Азиатского континента на судьбы всего Дальневосточного региона в целом.

Исследованию материальной культуры китайцев (на примере северо-

восточных провинций КНР) была посвящена книга В. С. Старикова, в которой на обширном современном материале было показано, что взаимодействие элементов древнекитайских и других народов составило основы культуры, языка и быта северных китайцев.

Ставшие доступными советским археологам в последние годы данные археологических раскопок в КНР позволили им более широко использовать их при разработке общенсторической и общекультурной проблематики. Среди последних по времени книг советских археологов по проблемам Китая можно назвать два выпуска в серии трудов Комиссии по востоковедению при Президиуме Сибирского отделения АН СССР «История и культура народов Азии» — «Новое в археологии Китая. Исследования и проблемы» (Новосибирск, 1984) и «Древние культуры Китая. Палеолит, неолит и эпоха металла» (Новосибирск, 1985).

Эти исследования показывают, что не существовало какого-то изначального, неизменного, обособленного от соседних народов состояния китайской культурной традиции, которая, подобно культурным традициям других народов, непрерывно изменялась, совершенствовалась и обогащалась за счет новых, воспринимаемых при контактах с другими народами элементов. В истории развития материальной культуры китайцев находят, таким образом, подтверждение закономерности развития мировой культуры.

Место и роль традиции в истории и культуре Китая, условия ее существования, методы ее воздействия на общество также были предметом углубленного изучения со стороны советских специалистов в последние десятилетия. На большом конкретном материале о роли традиций в китайской идеологии, литературе, искусстве, общественной и политической жизни они отмечают огромное значение традиций в «китайском образе жизни», обусловленное, в частности, длительностью существования китайской цивилизации и государственности, особенностями конфуцианства. Среди работ по данной теме следует назвать книгу Л. С. Васильева «Культы, религии, традиции в Китае» (1970).

Исследования советских специалистов показали также, что многие традиции в Китае, просуществовавшие вплоть до наших дней, лежат в основе ряда современных принципов, норм поведения, стереотипов мышления. Отдавая дань лучшим традициям китайской культуры (гуманизм, вольнодумство, атеизм), нельзя в то же время забывать и о том, что некоторые старые традиции являются тормозом на пути поступательного развития китайского общества.

В Советском Союзе проводится большая работа по ознакомлению с произведениями китайских философов и изучению богатого философского наследия древнего и средневекового Китая. В переводе Л. Д. Позднеевой в 1967 г. вышло исследование по философии Ян Чжу, Лецзы и Чжуанцзы; в 1968 г. Л. С. Переломов издал полный перевод и исследование «Шан цзюньшу». В 1972 г. большим тиражом была издана 2-томная «Философия древнего Китая», над которой плодотворно работали Ян Хиншун, М. Л. Титаренко и В. Г. Буров. В 1976 г. вышли работы В. Ф. Феоктистова о Сюньцзы и В. Г. Бутова о Ван Чуаньшане. За последнее время вышла серия работ по истории философской и общественно-политической мысли Китая: «Конфуцианство в Китае. Проблемы теории и практики» (1982), «Проблема человека в традиционных китайских учениях» (1983), фундаментальное исследование М. Л. Титаренко «Древнекитайский философ Мо Ди, его школа и учение» (1985).

Плодотворно трудятся специалисты по различным периодам истории Китая. Среди работ последних лет хотелось бы отметить исследование Л. Н. Борох по истории социалистической мысли в Китае, книги Н. М. Калужной по истории движения ихэтуаней, Э. П. Стужиной по истории китайского города XI—XIII вв. и по китайскому ремеслу XVI—XVIII вв., З. Г. Лапиной о трактате Ли Гоу XI в., посвященном управле-

нию государством в средневековом Китае, А. В. Меликсетова по истории экономической политики гоминьдана и др. Р. В. Вяткин и В. С. Таскин перевели ряд томов «Исторических записок» Сыма Цяня. Вышел в свет вторым изданием перевод «Избранных произведений Сунь Ятсена».

Плодотворно исследуется история русско-китайских отношений в трудах и документальных публикациях В. С. Мясникова, Б. Н. Гуревича и др.

В Советском Союзе ведется большая работа по изучению китайского театрального искусства. Весомый вклад в изучение истории и теории театра, драматургии и сценического искусства внесли В. Ф. Сорокин, Б. Л. Рифтин, Л. З. Эйдлин, Н. Т. Федоренко, В. И. Петров, Л. Н. Меньшиков, С. А. Серова, И. В. Гайда, С. Д. Маркова, осуществлены многочисленные переводы китайских пьес, как классических, так и современных.

Большой вклад в ознакомление советских людей с китайским театральным искусством внесли книги и брошюры известных советских театральных деятелей, в 50-е годы посетивших КНР: С. Юткевича, С. Образцова, А. Афанасьева и др. О гастролях Мэй Ланьфана в СССР писали в свое время С. Эйзенштейн, К. С. Станиславский, С. Третьяков и др. В 1956 г. в Советском Союзе успешно гастроллировал Шанхайский театр пекинской музыкальной драмы, в 1959 г. — Центральный экспериментальный оперный театр КНР, в 1961 г. — балетная труппа Центрального театра оперы и балета. В 1985 г. после долгого перерыва китайские артисты приняли участие в Международном конкурсе мастеров балета, проходившем в Москве. В том же году в Советском Союзе с большим успехом прошли гастроли балетной труппы провинции Ганьсу.

В 1984 г. впервые за всю историю проведения Ташкентского кинофестиваля стран Азии и Африки в нем приняли участие китайские кинематографисты, показавшие художественный и документальный фильмы. С 1986 г. возобновляется регулярный прокат в СССР китайских кинокартин.

Изучение в Советском Союзе китайского изобразительного искусства имеет длительную традицию, в основу которой легло изучение богатых коллекций китайского искусства в Эрмитаже. Еще в 20-е годы крупный знаток искусства стран Ближнего и Среднего Востока Б. П. Денике занялся исследованием танской керамики и средневековой китайской архитектуры. Основательную работу по изучению китайского изобразительного искусства, керамики, бронзы, текстиля и костюма вели сотрудники Государственного Эрмитажа и московского Музея восточных культур: академик Алексеев, Разумовский, Кверфельд, Глухарева, Кречетова и др. Большой интерес советской общественности вызвала выставка картин Сюй Бэйхуна, приехавшего в СССР в 1934 г.

В 50-е и последующие годы выходят труды Н. Червой о современной китайской гравюре, О. Глухаревой по искусству народного Китая, Н. Николаевой, посвященные пейзажисту XII в. Ма Юаню, П. Мурман «Китайский народный кубок», Н. Виноградовой «Китайская пейзажная живопись», Е. Завадской о живописи гохуа и о творчестве Ци Байши, исследования по средневековой живописи Н. Соколова и К. Самосюк. Большой вклад в изучение теории китайского изобразительного искусства внесли переводы и исследования китайских художников и теоретиков искусства, выполненные Е. Завадской, Т. Постреловой («Академия живописи в Китае X—XIII вв.») и др.

Много сделали для пропаганды в СССР китайского изобразительного искусства советские художники, скульпторы и искусствоведы, посещавшие КНР в 50-е годы.

Тематика исследований советских ученых по проблемам культуры Китая очень широка. Вопросы, связанные с различными сферами культуры Китая, занимают большое место на ежегодной конференции «Об-

щество и государство в Китае», проводящейся Отделом Китая Института востоковедения АН СССР, и на ежегодной научной сессии Ленинградского отделения Института востоковедения «Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока», а также на других форумах советских востоковедов.

Для советских исследователей характерно стремление рассматривать проблемы развития китайской культуры в тесной увязке с процессом исторического развития Китая. Закономерно поэтому включение разделов по культуре Китая в общие советские труды по истории Китая. Так, в «Новой истории Китая» в качестве приложения включен раздел «Китайская литература нового времени». В двух выпусках «Новейшей истории Китая» (1917—1927 гг. и 1928—1949 гг.) заключительные главы посвящены культуре Китая в соответствующие периоды.

В периодических изданиях справочно-информационного типа, таких, как выпускаемый с 1973 г. Институтом Дальнего Востока АН СССР ежегодник «Китайская Народная Республика. Политика. Экономика. Идеология», специальный раздел посвящается культуре и просвещению КНР, в котором дается обзор основных событий и тенденций в китайской культуре (литература, театр, кинематография, изобразительное искусство) за очередной год. Это дает возможность широкому кругу специалистов по Китаю и другим представителям советской общественности лучше узнавать современную китайскую культуру.

О масштабах исследований проблем китайской культуры в целом и отдельных ее сфер (в частности, литературы, искусства, языка) могут дать сведения ежегодные указатели советской литературы о Китайской Народной Республике, которые подготавливаются в синологической библиотеке АН СССР.

В выпущенном в 1984 г. таком указателе литературы за 1981 г. приведены данные о более чем 20 книгах и 150 статьях, переводах, рецензиях по проблемам китайской литературы, искусства, языка.

Одним из существенных направлений в области изучения китайской культуры в России и Советском Союзе является изучение китайского языка. Первая в России грамматика китайского языка была создана Н. Я. Бичуринным еще в 30-е годы XIX в. В 30-е годы XX в. китайское языкознание сформировалось как самостоятельная отрасль знаний о культуре Китая. Ленинградская школа специалистов в области китайского языкознания, возглавляемая учеником академика В. М. Алексеева А. А. Драгуновым, московская — талантливыми педагогами В. С. Колоколовым, И. М. Ошаниным, Н. Н. Коротковым и Б. С. Исаенко, занимались различными аспектами грамматики, фонетики, вели преподавательскую работу. В 30-е годы под руководством академика В. М. Алексеева и при активном участии видных китайских коммунистов, проживавших в те годы в СССР, — Цюй Цюбо, У Юйчжана и Эми Сяо (Сяо Сань) — было создано алфавитное письмо для ликвидации неграмотности среди китайских трудящихся, проживавших на советском Дальнем Востоке. На этом алфавите издавалась газета «Рабочий путь» — «Гунжэнь чжилу». Помимо китайского языка, в Советском Союзе изучаются тангутский (за создание словаря тангутского языка Н. А. Невский в 1963 г. был удостоен Ленинской премии), дунганский, чжуанский и тибетский языки. В монографии М. В. Софронова исследуется вопрос о роли языка в китайском обществе. Автором большого числа работ по китайскому синтаксису и морфологии является московский профессор В. И. Горелов. Под руководством члена-корреспондента АН СССР В. М. Солнцева ведется большая работа по изучению языков различных неханьских народов, проживающих в КНР.

Ярким событием в советском китаеведении был выход в свет в 1983—1984 гг., 4-томного Большого китайско-русского словаря, явившегося

плодом многолетней работы коллектива китаеведов Института востоковедения АН СССР под руководством профессора И. М. Ошаннина.

Мысль о необходимости издать Большой китайско-русский словарь, Словарь всего китайского культурно-мирового наследия была высказана академиком В. М. Алексеевым, приступившим к ее реализации во главе группы ленинградских китаеведов еще в конце 30-х годов. Война с германским фашизмом прервала эту работу, но в 1956 г. она была возобновлена и успешно доведена до конца. В состав словаря включена в максимально возможных пределах лексика и фразеология современного китайского национального языка. В 4-х томах словаря сосредоточено около 250 тыс. китайских слов и выражений. Основу словаря составляет современная лексика, но в нем также широко представлена лексика прежних эпох (включая древнекитайский язык), встречающаяся в современных текстах. Словарь, предназначенный для практической работы с китайскими текстами, для научных и учебных занятий в области китайской истории, литературы и языка, безусловно, поможет советским китаеведам в их дальнейшей исследовательской работе. Словарь также, несомненно, будет способствовать делу взаимопонимания и дружбы между нашими странами и народами.

За последнее время наметилась тенденция к постепенному улучшению отношений между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой, все более проявляется интерес в СССР к культуре соседнего Китая, а в Китае — к советской культуре, произведениям русской и советской литературы. Наметился также некоторый рост советско-китайских обменов творческими работниками и учеными, выставками книг и произведений искусства и т. д.

Деятели науки и культуры СССР и Китая должны усилить свой творческий вклад в дело улучшения и развития взаимопонимания и добрососедских отношений между нашими народами и странами, в дело защиты мира на нашей планете.

Не конфронтация, а сотрудничество

[К вопросу о комплексном
подходе к проблемам
азиатской безопасности]

И. И. КОВАЛЕНКО,
профессор

В агрессивных планах империалистических кругов США и других стран все большее значение придается Азиатско-тихоокеанскому региону (АТР). За последние годы заметно активизировались усилия США и Японии по созданию такой региональной структуры, которая обеспечила бы более высокий уровень экономической, политической и военно-политической привязанности стран региона к Вашингтону и Токио.

Поворот политики империалистических кругов к Азиатско-тихоокеанскому району не является случайным. Сегодня на страны этого региона приходится более 55 % промышленного производства капиталистических стран. Здесь производится 67 % автомобилей, 77 — телевизоров и радиоприемников, 50 — алюминия, 54 % стали, $\frac{2}{3}$ судов и синтетических волокон и т. д.

Если в 1982 г. объем торговли США со странами АТР равнялся 27,7 %, то в 1984 г. он повысился до 31 %, или до 169 млрд. долл. За последние 5 лет инвестиции США в АТР увеличились на 65 % и достигли 30 млрд. долл.¹

Японские монополии развернули в регионе активную деятельность. Они глубоко проникли во все сферы экономики стран, входящих в АСЕАН, прочно обосновались в так называемых «новых индустриальных странах» — Южной Корее, Гонконге, Сингапуре, на острове Тайвань.

Опираясь на свое военно-политическое могущество, США и Япония пытаются создать под своей эгидой в Азиатско-тихоокеанском регионе новую структуру международных отношений — вначале экономического, а затем и военно-политического характера. Речь идет о такой структуре, которая противостояла бы росту национально-освободительного движения стран региона и препятствовала бы развитию событий по пути мира и социального прогресса.

Используя крупные экономические и военно-политические изменения, происходящие в АТР, Соединенные Штаты с помощью Японии пытаются превратить этот регион в еще один, восточный, фронт борьбы против социалистических государств, и прежде всего против Советского Союза. При этом создание такого фронта мыслится в виде «тихоокеанского сообщества», которое, по замыслу его архитекторов, должно пройти через ряд стадий своего развития.

* * *

Если на первом этапе сколачивания тихоокеанского сообщества империалистические круги вели широкую популяризацию идеи тихоокеанского регионализма с целью внедрения ее в сознание народов, то на втором этапе, который переживает сейчас это сообщество, принимаются практические меры по созданию организационных структур, призванных придать тихоокеанскому регионализму характер действующего механизма. В большинстве стран капиталистической зоны Тихого океана уже

¹ См.: «Международная жизнь», 1985, № 11, с. 112.

созданы и функционируют комитеты или ассоциации с участием правительственных чиновников высокого ранга, в неофициальном качестве призванных содействовать дальнейшему изучению и продвижению «тихоокеанских объединительных концепций». Уже создана и действует общерегиональная Конференция по проблемам тихоокеанского экономического сообщества, в рамках которой созданы «рабочие группы» с целью выработки практических рекомендаций в области торговли, инвестиций, обмена технологией и т. п.

В настоящее время ставится вопрос о рассмотрении всех проблем, связанных с дальнейшим функционированием тихоокеанского сообщества, на уровне межгосударственных отношений. Так, южнокорейский диктатор Чон Ду Хван выдвинул предложение о созыве совещания руководителей одиннадцати тихоокеанских государств капиталистической зоны региона и придании в будущем таким встречам постоянного характера.

Анализ концепции тихоокеанского сообщества показывает, что оно задумано прежде всего как средство упрочения в АТР позиций монополистической буржуазии США, Японии и других экономически развитых стран, как инструмент борьбы с силами национально-освободительного движения и социального прогресса, как средство противостояния Советскому Союзу и другим социалистическим странам. «Интересы Америки и наших друзей в регионе, — откровенно заявил государственный секретарь Дж. Шульц, — требуют внушительного и постоянного присутствия США во всех зонах Тихого океана»².

Идее тихоокеанского сообщества, которую империалистические круги Запада пытаются навязать народам Азиатско-тихоокеанского региона, Советский Союз противопоставляет концепцию равноправного и взаимовыгодного сотрудничества всех государств региона, независимо от их социального строя, уровня социально-экономического развития, размера территории и численности населения.

Позиция СССР в отношении тихоокеанского сообщества вытекает из предложений Советского Союза о комплексном подходе к проблемам азиатской безопасности, выдвинутых Генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачевым 15 мая 1985 г. на встрече с премьер-министром Индии Р. Ганди.

Основное содержание советских предложений, как известно, направлено на снижение уровня конфронтации в Азиатско-тихоокеанском регионе, ослабление здесь военно-политической напряженности, урегулирование мирными средствами существующих кризисных ситуаций, сокращение военной активности великих держав, постепенное снижение порога ядерных вооружений и полную их ликвидацию.

Важнейшей составной частью советской концепции азиатской безопасности является создание в регионе атмосферы доверия и добрососедства, налаживания взаимовыгодного и равноправного сотрудничества в рамках мирного сосуществования. Речь должна идти не о том, чтобы создать в Азиатско-тихоокеанском регионе закрытую военно-политическую группировку под вывеской «Тихоокеанское сообщество», а о том, чтобы вести дело к объединению усилий всех стран этого района мира независимо от их социальной системы, в поисках надежных путей к прочному миру и международной безопасности.

Выступая за глобальную разрядку, укрепление мира и международной безопасности, за налаживание широкого сотрудничества на взаимовыгодной основе, Советский Союз имеет в виду и Азиатско-тихоокеанский регион, где, как и на Европейском континенте, происходят сложные процессы, связанные с расширением масштабов военно-политической активности некоторых государств, прежде всего США, насыщение этого района ракетно-ядерным оружием. Здесь, так же как и в Европе,

² In: "The Department of State Bulletin", September 1984, p. 5.

существует два разных подхода к обеспечению мира и безопасности. С одной стороны, США, их союзники и партнеры (в первую очередь Япония и Южная Корея) наращивают свою военную мощь, форсируют гонку вооружений, ведут дело к усилению военно-политической конфронтации со странами социализма и силами национального освобождения, стремятся нарушить существующее равновесие сил в свою пользу. С другой стороны, в этом регионе активно действуют Советский Союз, его друзья и союзники, которые противопоставляют агрессивному курсу американского империализма политику мира и разрядки, политику ослабления напряженности, налаживания добрососедских отношений между всеми странами Азии и бассейна Тихого океана.

«Советское руководство, — указал М. С. Горбачев, — придает серьезное значение азиатско-тихоокеанскому региону. В Азии — самые протяженные границы Советского Союза; здесь у нас и верные друзья, надежные союзники — от соседней Монголии до социалистического Вьетнама. Чрезвычайно важно добиться, чтобы этот регион не был источником напряженности, сферой военного противостояния. Мы за то, чтобы в интересах мира, добрососедства, взаимного доверия и сотрудничества ширился политический диалог между всеми расположенными здесь государствами»³.

По убеждению КПСС и Советского государства, исторический спор между социализмом и капитализмом не должен решаться силой оружия. Интересы народов требуют, чтобы международные отношения были направлены в русло мирного соревнования и равноправного сотрудничества. Советский Союз призывает США и их партнеров по НАТО поднестись над существующими разногласиями, отказаться от стереотипов «холодной войны», понять ту простую истину, что в ракетно-ядерный век мир не может удержаться только на военной силе, на постоянном наращивании все новых видов вооружений.

Коммунистическая партия и Советское государство исходят из того, что проблемы современного мира можно и нужно решать только общими усилиями всех стран и народов, заинтересованных в сохранении мира, а для этого нужен активный политический диалог на всех уровнях, и прежде всего на уровне государств и правительств. Важный вклад в дело мира и безопасности могут внести также общественно-политические силы и движения, которые все активнее принимают участие в решении проблем войны и мира.

От всех стран, независимо от их социальных систем, идеологических взглядов, уровня социально-экономического развития и состояния обороноспособности, сейчас как никогда требуется политическая воля к широкому международному сотрудничеству, осознание высокой ответственности за будущее человеческой цивилизации и самой жизни на Земле.

Разумеется, остановка гонки ядерных вооружений, а затем и их полная ликвидация, как это предусмотрено советской программой ядерного разоружения, положительно сказались бы на всей международной обстановке. Снизился бы уровень противостояния двух социально-экономических систем, создались бы благоприятные условия для налаживания равноправного и взаимовыгодного сотрудничества между ними.

В Заявлении Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева от 15 января 1986 г. выдвинута конкретная программа полной и повсеместной ликвидации ядерного оружия к 2000 г., освобождения человечества от угрозы самоуничтожения, обеспечения надежной безопасности нынешних и грядущих поколений людей. Эта программа, как известно, охватывает целый комплекс новых инициатив, затрагивающих все важнейшие направления и сферы деятельности в интересах разоружения, восстановления доверия, укрепления перспектив мирного будущего и

³ «Правда», 28.XI.1985.

прогресса народов. Реализация содержащихся в Заявлении М. С. Горбачева инициатив не только избавляет человечество от ядерной опасности, но и позволяет выделить больше средств для улучшения жизни людей. Militarистскому лозунгу вооружения вместо развития Советский Союз противопоставляет требование разоружения ради развития.

«Прекращение гонки вооружений, ликвидация ядерного и химического оружия, существенное сокращение военных расходов государств, — подчеркивается в меморандуме правительства СССР «Международная экономическая безопасность государств — важное условие оздоровления международных экономических отношений», — это наиболее реальный и эффективный источник средств, столь необходимых для экономических и социальных нужд развивающихся стран, для решения таких глобальных проблем человечества, как преодоление экономической отсталости, ликвидация обширных зон голода, нищеты, эпидемических болезней, неграмотности; обеспечение растущих потребностей человечества в энергетических, сырьевых и продовольственных ресурсах; защита природной среды; мирное освоение Мирового океана и космоса»⁴.

Однако многие видные государственные и политические деятели США и других стран НАТО под разными предлогами отвергают советскую инициативу, рассчитанную на избавление человечества от ядерного оружия к концу столетия, и все еще надеются взять верх над Советским Союзом и всем социалистическим содружеством на путях гонки вооружений. Выступая против налаживания международного сотрудничества, они занимают обструкционистскую позицию в отношении любых советских предложений, направленных на смягчение международной напряженности, и продолжают сеять недоверие и подозрительность к мирным заявлениям СССР, запугивают народы мифической советской «военной угрозой».

* * *

Имперская политика американской администрации, политика агрессии и диктата ведет к обострению обстановки в АТР, к созданию конфликтных ситуаций и даже к вспышкам локальных войн, которыми заполнена вся послевоенная история стран Азии и Тихого океана.

Напомним, что именно США развязали войну на Корейском полуострове, стремясь ликвидировать Корейскую Народно-Демократическую Республику и превратить весь полуостров в один из опорных пунктов своей агрессивной стратегии на Дальнем Востоке. Правда, эта авантюра позорно провалилась, но тлеющие угли ее последствий дают знать о себе до сих пор. Все попытки руководства КНДР, ее друзей и союзников добиться решения корейской проблемы мирным путем пока не увенчались успехом.

Все еще беспокойной и взрывоопасной остается обстановка на Индокитайском полуострове, где американский империализм и его сообщники оставили тяжелое наследство. Именно США несут прямую ответственность за то, что индокитайская рана все еще кровоточит и нуждается в быстрейшем излечении.

США, видимо, не сделали должных выводов из своего провала во Вьетнаме и других странах Индокитая. Они вновь гальванизируют старые и провоцируют новые конфликты в Юго-Восточной Азии, раздувают страсти вокруг пресловутой «кампучийской проблемы». Это опасная игра, которая может привести к новым осложнениям в регионе.

Напряженная обстановка сохраняется на Индостанском полуострове, где американский империализм не раз провоцировал индо-пакистанские конфликты и пытается вновь обострить обстановку в отношениях между этими двумя крупнейшими азиатскими странами. Демократическим

⁴ «Правда», 28.1.1986.

и миролюбивым силам планеты предстоит немало сделать, чтобы сорвать опасные планы США, направленные на дестабилизацию обстановки в Индостане и вокруг него.

Одной из острых проблем в Азиатско-тихоокеанском регионе является проблема установления прочного мира в бассейне Индийского океана, который в недавнем прошлом был заповедником колониализма. Сегодняшние неокolonизаторы неохотно разжимают здесь свою многовековую хватку, продолжают проводить старую политику «разделяй и властвуй», разжигая конфликты между народами не только на субконтиненте, но и за его пределами. Объявив район Индийского океана «третьей стратегической зоной» (после Европы и Азии), США превращают его в свой плацдарм, создав здесь около 30 баз и опорных пунктов. Выдвинутые еще 15 лет назад предложения Шри Ланки (тогда Цейлона) превратить Индийский океан в зону мира до сих пор не реализованы из-за обструкции США. Демилитаризация Индийского океана явилась бы существенным вкладом в обеспечение мира и безопасности в Азиатско-тихоокеанском регионе.

Жертвой интриг внешних политических сил, и прежде всего США, стала Демократическая Республика Афганистан. Из-за грубого империалистического вмешательства в ее внутренние дела народ Афганистана до сих пор не обрел желанного мира и спокойствия. Совершенно очевидно, что обеспечение общеазиатской безопасности будет чрезвычайно затруднено до тех пор, пока на афганской земле, обьятой пламенем сражений в защиту справедливого дела, не будет восстановлен мир.

Свыше 20 лет не затихает вооруженный конфликт на Ближнем Востоке, где израильские агрессоры при активной поддержке США чинят разбой и насилие над мирным населением захваченных арабских земель. В этом же районе не затихает ирано-иракская война, объективно играющая на руку американским стратегам и их израильскому союзнику.

Ликвидация этих конфликтов открыла бы путь к реализации идеи общеазиатской безопасности, оздоровила бы обстановку в Азии и во всем мире.

Характерной особенностью возникновения и развития всех этих конфликтов является то, что США пытаются использовать их для усиления конфронтации с Советским Союзом. Для достижения своей цели они применяют самые различные приемы и способы, такие, как усиление собственного военного присутствия с целью осуществления контроля за развитием конфликта и его одностороннего урегулирования в интересах политики США; искусственное увязывание различных ситуаций воедино для оказания более концентрированного нажима на СССР; попытки монополизации процесса политического урегулирования конфликтных ситуаций для того, чтобы наилучшим образом обеспечить американские интересы.

Если эти методы не срабатывают, США пускают в ход вооруженные силы. Подсчитано, что после второй мировой войны США 226 раз прибегали к использованию вооруженных сил в Азии. При этом они в 33 случаях были на грани применения ядерного оружия, а огневая мощь использовалась в 18 случаях. В остальных ситуациях обеспечивалось физическое присутствие американских вооруженных сил для оказания давления на правительства соответствующих стран. Отмечено также, что корабли ВМС США участвовали в таких акциях 177 раз, а ВВС наземного базирования использовались в 103 случаях⁵.

Что касается Советского Союза, то он занимает позицию, прямо противоположную американской. СССР стремится прежде всего не допускать интернационализации конфликтов, то есть делает все, чтобы

⁵ См.: «Международная жизнь», 1982, № 1, с. 42.

локализовать, пресечь их в самом начале возникновения, чтобы они не перекинулись на другие районы и не вовлекли другие страны.

СССР является решительным противником увязывания конфликтных ситуаций с глобальной конфронтацией между Советским Союзом и Соединенными Штатами и выступает за их решение в интересах прежде всего тех народов, которые оказались жертвой агрессии.

Однако было бы неправильно сводить все дело только к технике подхода к решению конфликтов. Главное состоит в том, чтобы принимать своевременные меры и не допустить возникновения конфликтов, а если они возникли, то быстро и оперативно находить пути и средства их урегулирования мирными политическими средствами. При решении этой задачи нужны коллективные усилия заинтересованных стран, которые втянуты в конфликт или имеют к нему прямое или косвенное отношение. Поэтому необходимо использовать существующие международные механизмы и Организацию Объединенных Наций.

Что касается Советского Союза, то он весь свой огромный промышленный потенциал, всю свою оборонную мощь ставит на службу делу мира и безопасности народов. Современная экономика мирового социализма с ее гигантскими масштабами представляет надежную материальную гарантию делу мира и сотрудничества в Азии и во всем мире.

В новой редакции Программы КПСС ставится задача к 2000 г. достигнуть удвоения производственного потенциала СССР при его коренном качественном обновлении. Это означает, что к концу этого столетия Советский Союз станет еще более могучей державой, способной постоять не только за себя, своих друзей и союзников, но и дать решительный отпор любому агрессору, если он осмелится нарушить мир и безопасность народов, попытается вновь надеть на них ярмо колониального рабства.

Советский Союз пристально наблюдает за развитием обстановки в Азии и принимает необходимые меры для ее стабилизации. В СССР не могли не заметить, что правящие круги США при активной поддержке японских политиков подспудно ведут дело к созданию замкнутой экономической группировки под названием «Тихоокеанское сообщество», которую в перспективе предполагается трансформировать в милитаристский блок.

В политических кругах Советского Союза считают, что если не приостановить подобный ход развития событий в Азиатско-тихоокеанском районе, где сталкиваются и переплетаются интересы многих государств, то это может привести к появлению на земном шаре еще одного чрезвычайно опасного очага напряженности и открытой конфронтации.

Советские люди убеждены в том, что основой дружественных отношений, укрепления доверия и взаимопонимания между народами в этой части мира может и должно стать не противопоставление их друг другу по признаку принадлежности к той или иной социально-экономической системе, а развитие выгодного для всех всестороннего экономического и политического сотрудничества. При таком подходе к делу не может быть места для сколачивания блоков и контрблоков, формирования замкнутых экономических, а тем более военно-политических группировок, каким бы флагом они ни прикрывались.

* * *

Народам Азиатско-тихоокеанского региона, как и другим районам мира, нужны безопасность и мирная обстановка для налаживания равноправного сотрудничества в области политики и экономики, науки и техники, культуры и искусства. Расширение взаимовыгодного сотрудничества между государствами как с одинаковыми, так и с различными социальными системами, несомненно, оказало бы благотворное

влияние на общую политическую обстановку в Азии и в бассейне Тихого океана.

В. И. Ленин придавал большое значение прежде всего торговому и экономическому сотрудничеству между странами с различным социальным строем, видя в этом косвенную гарантию мира, «экономический и политический довод против войны»⁶.

Советское правительство считает, что, несмотря на различие политических систем, идеологии и мировоззрения, народы Азиатско-тихоокеанского региона связаны общностью жизненных интересов и решают во многом сходные задачи. Решать их в одиночку намного труднее или вообще невозможно: для этого требуются коллективные усилия, налаживание торгово-экономической кооперации между ними.

Советский Союз готов в любое время начать широкий обмен мнениями между всеми заинтересованными странами этой части мира по вопросам налаживания равноправного, взаимовыгодного социально-экономического, научного и культурного сотрудничества.

Сфера такого сотрудничества могла бы включать такие важные направления, как развитие производительных сил, более полное и рациональное использование трудовых ресурсов, применение новых источников энергии, включая ядерную энергетику, совершенствование средств транспорта, связи, выявление новых форм торгово-экономических и финансовых отношений с учетом интересов развивающихся стран.

Советский Союз, располагающий мощными производительными силами и материальными ресурсами, значительная часть которых сосредоточена в районах Сибири и Дальнего Востока, являющихся частью Азиатско-тихоокеанского региона, мог бы стать важным партнером широкого делового сотрудничества для таких развитых в экономическом отношении стран, как США, Япония, Канада, Австралия, а также для государств — членов АСЕАН. Завершение строительства Байкало-Амурской железнодорожной магистрали открывает доступ к еще не использованным природным запасам нефти, угля, газа и других энергоносителей, расположенным в восточной части Советского Союза. Районы Сибири и Дальнего Востока располагают также огромными запасами леса, железа, меди, асбеста, бокситов, редких металлов, и других ценных минералов, что открывает широкие возможности в плане расширения международного разделения труда, торгово-экономического и научно-технического сотрудничества со странами Азии и Тихого океана.

Наша партия берет дальнейший курс на разработку ресурсов Сибири и Дальнего Востока и более активное вовлечение их в народнохозяйственный оборот. «Составной частью экономической стратегии партии, — говорится в новой редакции Программы КПСС, — было и остается ускоренное развитие производительных сил Сибири и Дальнего Востока. При освоении новых районов особое экономическое и политическое значение имеет неукоснительное обеспечение комплексного решения производственных задач и развития всей социальной инфраструктуры в интересах улучшения условий труда и жизни людей». И далее: «Определяя перспективы развития народного хозяйства, КПСС исходит из необходимости совершенствования внешнеэкономической стратегии, более полного использования возможностей взаимовыгодного международного разделения труда...»⁷.

Это значит, что Советский Союз будет вести активную линию на развитие внешнеэкономического сотрудничества со всеми странами и в том числе с расположенными в Азиатско-тихоокеанском регионе. Опыт

⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, с. 76.

⁷ Программа КПСС (новая редакция).

экономического сотрудничества с Японией и другими странами региона показал, что это дело взаимовыгодное и весьма перспективное.

Понятно, что решение этих сложных и масштабных проблем потребует нового подхода к организации экономического сотрудничества, преодоления существующих в некоторых капиталистических странах различного рода предубеждений и правительственных ограничений. Надеяться лишь на то, что интересы выгоды и делового предпринимательства в итоге возьмут верх над всеми другими соображениями, недостаточно, нужны планомерные усилия с обеих сторон.

В Советском Союзе создан Совет координации исследований азиатско-тихоокеанских проблем, состоящий из видных ученых, политических и общественных деятелей, работников практических организаций, в задачу которого входит разработка возможных мероприятий СССР в области политики, экономики, науки и культуры на азиатско-тихоокеанском направлении, изучение вопросов сотрудничества со странами региона, участия в международных мероприятиях, организуемых региональными и национальными организациями (например, Конференцией по проблемам тихоокеанского экономического сообщества) с целью обсуждения на регулярной основе актуальных проблем мира и безопасности в районе, налаживания взаимовыгодного сотрудничества.

В развитии регионального сотрудничества заинтересованы и развивающиеся страны, которые видят в этом один из путей преодоления экономической отсталости и ослабления хозяйственной зависимости. Такое сотрудничество диктуется объективными потребностями развития производительных сил, так как объединение хозяйственных усилий и использование преимуществ разделения труда является для многих молодых национальных государств единственной возможностью достижения реальной самостоятельности и независимости в строительстве национальных экономик. Как показывает опыт, укрепление политических и хозяйственных связей между освободившимися странами, заключение многосторонних соглашений, развитие внутрирегиональной торговли, координация действий во внешней торговле, налаживание производственной кооперации и другие меры регионального характера способствуют решению задач социально-экономического прогресса.

Объединение хозяйственных усилий развивающихся стран на региональной основе становится ведущей тенденцией их экономического развития. Экономический выигрыш от объединения усилий очевиден для всех. Уже накоплен известный опыт сотрудничества на субрегиональном уровне, то есть в рамках отдельных групп стран. Значительных успехов добились, например, страны ЮВА, входящие в АСЕАН, которые дальше других государств региона продвинулись по пути интеграции своих экономик. Первые успехи делают организация «Региональное сотрудничество в целях развития» (РСР), в состав которой входят Иран, Турция и Пакистан, а также Ассоциация регионального сотрудничества стран Южной Азии (СААРК), объединяющая Индию, Пакистан, Шри Ланку, Бангладеш, Непал, Мальдивскую Республику, Бутан.

Важную роль в экономическом развитии и налаживании сотрудничества стран Азиатского региона могла бы сыграть Экономическая и социальная комиссия ООН для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО), действующая как постоянный орган Экономического и Социального совета ООН. Ныне ЭСКАТО объединяет 44 государства в качестве полноправных ассоциированных членов, из них 6 подопечных территорий тихоокеанских островов. Четыре государства — Англия, США, Франция и Голландия — являются нерегиональными странами — членами этой организации. В качестве наблюдателей на сессиях Комиссии присутствуют представители Совета Экономической Взаимопомощи. В соответствии с Уставом ООН ЭСКАТО призвана оказывать помощь развивающимся

странам Азии и Тихого океана в подъеме их экономик, проведении индустриализации, подготовке квалифицированных кадров.

ЭСКАТО стала местом обсуждения актуальных экономических проблем, относящихся к сфере регионального сотрудничества азиатско-тихоокеанских стран и связанных с выбором наиболее эффективных средств индустриализации государств региона, подъема их сельского хозяйства на основе кооперации, налаживания внутрорегиональной торговли, изыскания путей использования избыточной рабочей силы, развития мелкой и кустарной промышленности и т. п.

За последнее время в рамках Комиссии осуществлен ряд крупных региональных проектов, имеющих важное значение для экономического развития стран — членов организации, проведена значительная работа по оказанию им помощи в развитии национальных экономик.

Большую роль в подъеме экономики азиатско-тихоокеанских стран могли бы сыграть такие органы, как Азиатский институт экономического развития и планирования, Азиатский совет промышленного развития и другие экономические центры, в которых пока руководящее положение занимают империалистические державы. Их представители тормозят налаживание экономического сотрудничества в рамках ЭСКАТО, пытаются использовать разрабатываемые в рамках этой организации проекты для достижения своих корыстных целей.

Советский Союз активно помогает развивающимся государствам Азии и бассейна Тихого океана в создании ведущих отраслей промышленности, главным образом в государственном секторе. Равноправие и взаимовыгодные экономические и иные связи со странами мирового социализма помогают молодым национальным государствам вести успешное наступление на позиции западных держав, которые вынуждены идти на определенные уступки, приспособляться к меняющейся обстановке.

Общий объем экономической помощи Советского Союза развивающимся странам, подсчитанный по методологии ООН, составил в 1983 г. 1,2 % валового национального продукта СССР. Это самый высокий уровень помощи развивающимся странам. Ни одно развитое капиталистическое государство не тратит более 1 % своего ВВП на оказание экономического содействия освободившимся странам.

Торгово-экономическое и научно-техническое сотрудничество СССР с развивающимися странами — это новый тип международных экономических отношений, строящихся на основе взаимной выгоды и невмешательства во внутренние дела.

Налаживание равноправного и взаимовыгодного сотрудничества между странами с различными социальными системами и уровнем экономического развития в Азиатско-тихоокеанском регионе является важнейшей частью проблемы общеазиатской безопасности. Оно создавало бы благоприятный климат для выработки и принятия политических решений в интересах мира и добрососедства в АТР. На решение этой важной задачи и направлена политика Советского правительства.

Советская общественность исходит из того, что только на путях широкого сотрудничества всех стран Азии, бассейна Тихого океана можно создать надежный фундамент упрочения их добрососедства и всестороннего сотрудничества, что способствовало бы в свою очередь объединению их усилий в совместном поиске конструктивных решений проблем безопасности в Азии и районе Тихого океана. Это благоприятно сказалось бы не только на ситуации в Азиатско-тихоокеанском регионе, но явилось бы весомым вкладом в дело сохранения и упрочения всеобщего мира.

Важнейшим направлением смягчения напряженности, сближения и укрепления доверия между странами и народами является улучшение

двухсторонних и многосторонних отношений между ними. Советский Союз уделяет первостепенное значение упрочению нерушимых связей с братскими социалистическими странами Азии, видя в них своих верных друзей и соратников в борьбе за общие цели и идеалы, за упрочение мира и международной безопасности.

Особо крепкие узы дружбы связывают Советский Союз с Монгольской Народной Республикой. Братский монгольский народ стоял и стоит в одном строю с Советским Союзом на всех этапах борьбы против империализма и реакции, за мир и международное сотрудничество.

Важный вклад вносит МНР в обеспечение мира и безопасности в Азии на коллективной основе. Монгольская Народная Республика выдвинула ряд конструктивных предложений по упрочению мира и стабильности в Азии. Еще в 1981 г. МНР выступила с предложением заключить международную конвенцию о взаимном ненападении и неприменении силы в отношениях между государствами Азии и Тихого океана. Эта важнейшая инициатива была активно поддержана Советским Союзом, Индией, Демократической Республикой Афганистан и рядом других государств в Азии, а также влиятельными международными неправительственными организациями.

Народно-революционная партия и правительство МНР активно поддерживают выдвинутую М. С. Горбачевым идею комплексного подхода к азиатской безопасности. Генеральный секретарь ЦК МНРП Ж. Батмунх, находясь с официальным визитом в Москве в августе 1985 г., заявил: «Особого внимания заслуживает выдвинутое Советским Союзом предложение относительно общего, комплексного подхода к проблеме укрепления мира и безопасности в Азии. Мы считаем, что это предложение предусматривает совместный поиск путей обеспечения общеазиатской безопасности на основе объединения усилий всех государств Азии, больших и малых, с учетом опыта, накопленного самими азиатскими странами и государствами других континентов, примером чего служат Бандунг и Хельсинки.

Мы твердо убеждены, что развитие широкого диалога между государствами Азии могло бы способствовать совместной выработке основ международного инструмента обеспечения мира и безопасности на этом континенте»⁸.

Важным союзником Советского Союза в проведении политики мира и безопасности в Азии является Корейская Народно-Демократическая Республика. КНДР последовательно выступает за мирное объединение Кореи и твердо противостоит агрессивным проискам, исходящим со стороны южнокорейской реакции, американского империализма и японского милитаризма. Советский Союз исходит из того, что борьба корейского народа за нормализацию положения на полуострове является важной составной частью борьбы за создание общеазиатской безопасности, за мир и социальный прогресс.

Важно отметить, что советское предложение о комплексном подходе к азиатской безопасности вызвало позитивный отклик среди корейской общественности. Первый заместитель председателя Всекорейского национального комитета защиты мира Ким Чер Сак, например, заявил, что «корейские сторонники мира... поддерживают выдвинутую Советским Союзом идею о комплексном подходе к проблемам безопасности стран Азии и Тихого океана и объединение их усилий в интересах безопасности в этом районе»⁹.

Рука об руку с Советским Союзом в борьбе против врагов мира

⁸ «Правда», 30.VIII.1985.

⁹ Там же, 24.IX.1985.

и стабильности в Азии идет героический Вьетнам. Сегодня Социалистическая Республика Вьетнам, Лаосская Народно-Демократическая Республика и Народная Республика Кампучия являются форпостом социализма и оплотом мира, безопасности и стабильности в Юго-Восточной Азии. Руководители Вьетнама, Лаоса, Кампучии активно поддерживали советскую инициативу об общеазиатской безопасности и активно борются за претворение ее в жизнь.

В совместной советско-вьетнамской декларации, подписанной в Москве по итогам визита в СССР Генерального секретаря Коммунистической партии СРВ Ле Зуана, подчеркивается: «Обе стороны подтвердили свою приверженность идее превращения Азии в зону мира и равноправного сотрудничества и высказались за активизацию поиска конструктивных и взаимоприемлемых путей решения проблем обеспечения мира и безопасности на этом континенте. Эти цели, по убеждению сторон, могут быть достигнуты объединенными усилиями всех азиатских государств на основе комплексного подхода, путем двусторонних и многосторонних переговоров, обменов мнениями»¹⁰.

Полная поддержка предложениям Советского Союза по укреплению мира и безопасности в Азии была выражена на XI Конференции министров иностранных дел Кампучии, Лаоса и Вьетнама, проходившей в Пномпене 15—16 августа 1985 г.

В совместном советско-лаосском заявлении, опубликованном в августе 1985 г. по итогам рабочего визита в СССР Генерального секретаря ЦК Народно-революционной партии Лаоса, Председателя Совета Министров Народно-Демократической Республики Кейсона Фомвихана, говорится: «Советский Союз и Лаос последовательно выступают за превращение Азии в континент мира, стабильности, добрососедства и сотрудничества, высказываются за объединение усилий азиатских государств для поиска взаимоприемлемых, конструктивных решений по урегулированию существующих проблем путем двусторонних и многосторонних консультаций, а в перспективе и проведение общеазиатского форума для рассмотрения всего комплекса вопросов, относящихся к обеспечению безопасности и равноправного сотрудничества государств Азии»¹¹.

Выдающееся место в формировании судеб Азии, в укреплении мира и безопасности на континенте принадлежит Республике Индии. Политика мира, проводимая Индией, снискала ей высокий авторитет на международной арене. Она стремится к созданию таких условий, при которых все страны Азии могли бы жить в обстановке мира и добрососедства. Азиатские народы приветствуют политику Индии, направленную на достижение тех же целей, за которые они борются сами, — ликвидацию всех форм колониализма, пресечение агрессивных империалистических войн, укрепление национальной независимости освободившихся государств и оздоровление международной обстановки.

Важным фактором мировой политики стало советско-индийское сотрудничество. Выступая за мир и безопасность народов, СССР и Индия считают, что основой отношений между всеми государствами, в том числе и расположенными в Азиатско-тихоокеанском регионе, должны быть такие принципы, как отказ от применения силы, уважение суверенитета и неприкосновенности границ, невмешательство во внутренние дела, равенство и взаимовыгодное сотрудничество. Очень близки позиции СССР и Индии по проблемам обеспечения безопасности в АТР. Обе стороны считают необходимым сочетать борьбу за национальные интересы с борьбой за предотвращение столкновений между странами региона. Представление индийской общественности о путях упрочения мира в

¹⁰ Визит в Советский Союз партийно-правительственной делегации Социалистической Республики Вьетнам. М., 1985, с. 40—41.

¹¹ «Правда», 29.VIII.1985.

Азии и в бассейнах Тихого и Индийского океанов совпадает с основополагающими принципами, на которых базируется советская концепция коллективной безопасности в Азии и в прилегающих к ней районах.

Советский Союз поддерживает усилия Индии, направленные на стабилизацию обстановки в Южной Азии. СССР является последовательным сторонником налаживания отношений прочного мира и добрососедства между Индией, Пакистаном, Бангладеш и Шри Ланкой, считая, что это явилось бы существенным вкладом в улучшение политического климата во всем Азиатско-тихоокеанском регионе.

В лице Индии СССР видит надежного союзника в реализации советской инициативы о поисках комплексного подхода к обеспечению безопасности в Азии. Так индийская «Файнэншл экспресс» назвала советское предложение «интересной идеей» и отмечала, что «в нем содержится более глубокое содержание, нежели кажется на первый взгляд, и что мы еще немало услышим об этом в предстоящие месяцы»¹². Другая влиятельная газета, «Индиян экспресс», давая положительную оценку советской инициативе, считает, что «Индия вполне могла бы обсудить этот вопрос с Пакистаном, США и ДРА. Отвергать это предложение было бы ошибкой. В этом предложении заключено много возможностей, и его стоит внимательно изучить»¹³.

На передовых рубежах борьбы за мир и безопасность в Азии находится Демократическая Республика Афганистан. Апрельская революция 1978 г. открыла перед афганским народом путь к ликвидации вековой отсталости, к проведению широких социально-экономических преобразований, к созданию нового, демократического общества. Однако американский империализм и его сообщники стремятся закрыть афганскому народу дорогу к социальным переменам. Они расходуют сотни миллионов долларов на помощь контрреволюционным бандам, которые формируются на территории Пакистана и засылаются в Афганистан для подрыва страны изнутри, развала ее экономики, для массовых убийств населения и его запугивания. Так, в крови и муках, рождается новая Азия, — Азия, которая хочет жить по законам мира и социальной справедливости.

Большое значение для оздоровления политического климата в Азиатско-тихоокеанском регионе имеют налаживающиеся отношения между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой. И это понятно, ибо СССР и КНР не только крупнейшие страны в Азии, но и величайшие державы мира. От состояния их отношений во многом зависят судьбы мира и безопасности народов всей планеты. Важно отметить, что нынешнее китайское руководство заявляет о своем стремлении к миру и безопасности народов, высказываетесь против гонки вооружений, за ослабление международной напряженности, за налаживание отношений между странами на принципах мирного сосуществования.

«Мы, — подчеркивал М. С. Горбачев, — приветствуем позицию Китайской Народной Республики, выступающей против милитаризации космоса, ее заявление об отказе от применения ядерного оружия первой»¹⁴. Такая позиция КНР идет вразрез с агрессивной политикой империализма, его стремлениями к обострению международной обстановки и установлению господства над миром. Это создает объективные предпосылки если не для совместных, то хотя бы для параллельных действий в защиту мира и международной безопасности. Китайское руководство не высказало своего отношения к новой советской инициативе о комплексном подходе к азиатской безопасности. Однако оно не может не понимать, что новое предложение СССР не противоречит заявлениям КНР о стремлении к миру и международному сотрудничеству. Время покажет, в ка-

¹² «Financial Express», May 29, 1985.

¹³ «Indian Express», May 30, 1985.

¹⁴ «Правда», 28.XI.1985.

ком направлении будет развиваться внешнеполитическая линия КНР в Азиатско-тихоокеанском регионе и какую позицию она займет в отношении курса СССР на упрочение мира и безопасности в АТР на коллективных началах.

Советский Союз призывает Китайскую Народную Республику присоединиться к его усилиям в поисках надежных путей к миру и взаимовыгодному сотрудничеству на основе совместных действий самих азиатских государств и надеется на позитивный отклик со стороны руководства КНР.

XXVII съезд КПСС с удовлетворением отметил определенное улучшение взаимоотношений СССР с великим соседом — социалистическим Китаем, возможность, несмотря на различия в подходах к ряду международных проблем, развивать сотрудничество на равноправной, не затрагивающей третьи страны основе. Резервы такого сотрудничества, по убеждению съезда, огромны, потому что они отвечают коренным интересам обеих стран, для народов которых неразделимо самое дорогое — социализм и мир.

Немаловажную роль в обеспечении мирной обстановки на Дальнем Востоке и в Азиатско-тихоокеанском регионе могла бы сыграть такая экономически мощная страна, как Япония. Правящие круги этой страны, связанные с США военно-политическим договором, пока следуют в фарватере американской внешней политики, подыгрывают Вашингтону в проведении агрессивного внешнеполитического курса. Но не все так ясно на японо-американском небосклоне. Здесь могут произойти значительные перемены, если учесть нарастание экономических противоречий между двумя союзниками-соперниками и рост антивоенных настроений в Японии, где действуют мощные общественно-политические силы, которые не хотят возврата к милитаристскому прошлому и выступают за развитие страны по пути мира и нейтралитета.

Хотя советское предложение о поисках совместными усилиями путей к обеспечению общеазиатской безопасности не нашло однозначной поддержки со стороны официальных кругов Японии, широкие общественно-политические силы встретили его с пониманием и одобрением. Социалистическая партия Японии — крупнейшая оппозиционная партия страны — видит в советской инициативе разумный подход к оздоровлению обстановки в Азии и бассейне Тихого океана. В совместном коммюнике, подписанном по итогам переговоров между КПСС и СПЯ в сентябре 1985 г., говорится, что «СПЯ с пониманием отнеслась к разъяснениям содержания советской концепции обеспечения мира и безопасности в азиатско-тихоокеанском регионе»¹⁵.

Широко откликнулась на предложение Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева японская печать. Так, газета «Майнити», комментируя новую инициативу СССР, писала, что «нет никаких причин выступать против проведения конференции для обмена мнениями и поиска конструктивных решений по проблемам безопасности в Азии». По мнению газеты, в последнее время на континенте заметны сдвиги в направлении мира и достижения взаимопонимания: проведение торжеств в Индонезии по случаю 30-летия Бандунгской конференции, движение за создание безъядерной зоны в Южной части Тихого океана, продолжение диалога на Корейском полуострове. «Предложения советского руководителя, — пишет газета, — находятся в русле этой тенденции». «Майнити» подчеркивает, что «в настоящее время без СССР невозможно решать проблемы обеспечения мира в регионе — в Азии и Тихом океане»¹⁶.

Как сообщает газета «Ёмиури», министр иностранных дел Японии С. Абэ заявил в комиссии по иностранным делам верхней палаты парла-

¹⁵ «Правда», 21.IX.1985.

¹⁶ «Майнити», 25.V.1985.

мента, что «мы не должны отвергать эту идею только потому, что она выдвинута Советским Союзом». Однако, информирует газета, министр выдвинул ряд предварительных условий участия Токно в такой конференции, в том числе участие в ней Вашингтона и «последовательное проведение США и СССР политики разоружения»¹⁷.

В Советском Союзе считают, что улучшение советско-японских отношений способствовало бы оздоровлению общего политического климата на Дальнем Востоке и в Азии, и предпринимают активные усилия к тому, чтобы вывести эти отношения на широкую дорогу взаимовыгодного сотрудничества во всех областях.

Визит министра иностранных дел СССР Э. Шеварднадзе в Японию (январь 1986 г.) показал, что обе стороны располагают немалыми возможностями для оздоровления климата на Дальнем Востоке и во всем Азиатско-тихоокеанском регионе, а также для улучшения советско-японских отношений. Будущее наших отношений видится более оптимистичным, несмотря на имеющиеся сложные проблемы. По-видимому, расхождения и разногласия будут сохраняться, но не следует их драматизировать. Шаг за шагом надо добиваться улучшения отношений между обеими странами.

За последнее время можно отметить известный поворот Японии к налаживанию контактов с СССР по различным направлениям, в том числе и на государственном уровне. Обмен личными посланиями между руководителями СССР и Японии, имевший место в сентябре — октябре 1985 г. и в январе — феврале 1986 г., обмен парламентскими делегациями, взаимные визиты государственных и политических деятелей, оживление экономического, культурного и научно-технического обменов свидетельствуют о том, что лед охлаждения начал таять, но это еще не привело к совместному сотрудничеству по важнейшему вопросу современности — проблеме защиты мира, прекращения гонки вооружений и ослаблении международной напряженности. Советский Союз готов и впредь вести линию на решение этой проблемы.

В своем докладе на сессии Верховного Совета СССР (ноябрь 1985 г.) М. С. Горбачев говорил: «Мы — за улучшение отношений с Японией, уверены, что такая возможность реальна. Она вытекает уже из того простого факта, что наши страны — непосредственные соседи. Устранить ядерную угрозу — в этом коренном вопросе интересы СССР и Японии не могут не совпадать»¹⁸.

Можно не сомневаться в том, что свое весомое слово в пользу мира и безопасности скажут и народы Индонезии, Филиппин, Малайзии, Бирмы, Таиланда, Шри Ланки, Непала, Сингапура, Пакистана, в недрах которых консолидируются могучие силы, которые рано или поздно выйдут на политическую арену и поведут свои страны по пути мира и социального прогресса.

* * *

В борьбе за мир и социальный прогресс большую роль в современную эпоху играют общественные силы, передовые классы и их политические партии. Еще более полувека назад В. И. Ленин образно назвал революционное движение в Азии «горючим материалом в мировой политике». Он придавал большое значение пробуждению азиатских народов и подчеркивал их огромный вклад в окончательный исход революционных битв. Гениальное предвидение В. И. Ленина сбывается. Под напором национально-освободительных движений рухнули колониальные импе-

¹⁷ «Емиури», 1.VI.1985.

¹⁸ «Правда», 28.XI.1985.

рии, и десятки ранее угнетенных народов стали сознательными строителями новой жизни, активными участниками решения важнейших мировых проблем.

Многое изменилось на великом Азиатском континенте. Буря национально-освободительных революций изменила облик Азии, привела к коренной ломке международных отношений, выдвинула на первый план задачу борьбы за ликвидацию остатков колониализма, проведения широких социально-экономических преобразований. Для решения этой исторической задачи народы Азии нуждаются в справедливом демократическом мире, который основывался бы на уважении прав и интересов всех народов. И эта борьба за мир набирает силу, несмотря на все препоны, которые ставит на ее пути империалистическая реакция. В нее включаются все более широкие круги азиатской общественности — демократические партии и профсоюзы, массовые организации трудящихся, объединяющие женщин, молодежь, творческую интеллигенцию, средние слои населения.

В широком движении за упрочение на коллективных началах мира и безопасности в Азии будут сливаться усилия миллионов людей, принадлежащих к самым различным политическим партиям и организациям, людей разных политических взглядов и религиозных верований. Опыт показал, что в борьбе за идеалы мира могут успешно сотрудничать коммунисты и социал-демократы, представители национально-освободительного движения и революционно-демократических партий, атеисты и верующие, пацифисты и гуманисты, представители деловых кругов и буржуазные деятели, отстаивающие принципы мирного сосуществования.

Проблемы обеспечения мира и безопасности в Азии на коллективных началах широко обсуждались на различных встречах сторонников мира, профсоюзных, женских и молодежных форумах. Вместе с тем следует признать, что общественным силам континента предстоит проделать большую работу, чтобы сделать идею коллективной безопасности в Азии достоянием широчайших масс, в том числе и той части, которая еще не имеет ясного представления о целях и принципах построения мира на коллективных началах или сбита с толку империалистической пропагандой, пытающейся извратить советские предложения, изобразить их как стремление СССР установить свою гегемонию в Азиатско-тихоокеанском регионе.

В Хабаровске в сентябре 1985 г. была проведена представительная Международная конференция «40 лет победы над японским милитаризмом и задачи борьбы за мир в странах Азии и Тихого океана», делегаты которой обсудили актуальные вопросы обеспечения мира и безопасности в АТР. В приветствии М. С. Горбачева, направленном в адрес конференции, в частности, говорилось: «На основе трагического опыта минувшей войны на древней земле Азии были сформулированы и провозглашены пять принципов мирного сосуществования (панча шила), получившие признание в мире в качестве нормы отношений между государствами с различными социальными системами. Здесь же зародился дух Бандунга, положивший начало движению афро-азиатской солидарности и движению неприсоединения, которое ныне превратилось в важный фактор мировой политики...»

Советским Союзом выдвинуты многие конкретные предложения с целью разрядить обстановку на Азиатском континенте, утвердить здесь дух мирного сосуществования и добрососедства, уважения суверенитета и невмешательства во внутренние дела других государств.

В нашей стране высоко ценят и поддерживают конструктивные мирные инициативы других стран Азии, касающиеся различных аспектов безопасности континента в целом или оздоровления обстановки в его отдельных регионах. Мы выражаем надежду, что азиатские государства объединят свои усилия, чтобы совместно выработать общий, комплекс-

ный подход к проблеме безопасности во всей Азии и прилегающих к ней акваториях Тихого и Индийского океанов.

Уверен в том, что общественно-политические силы и организации в странах Азии и Тихого океана вместе со всеми прогрессивными силами планеты будут еще активнее бороться за прекращение гонки вооружений, устранение угрозы мировой ядерной войны и ликвидацию ядерного оружия, за оздоровление международной обстановки»¹⁹.

В октябре 1985 г. в Сиднее (Австралия) состоялась Международная конференция «За мир и безопасность в Азии и районе Тихого океана», в работе которой приняли участие представители 25 стран, а также посланцы ряда международных организаций сторонников мира. В принятой декларации участники форума подчеркнули решимость развернуть борьбу за мир и безопасность в Азиатско-тихоокеанском регионе и высказались за создание здесь зоны мира и безопасности, добрососедства и сотрудничества. Конференция поддержала идею о созыве на возможно более широкой основе форума с участием представителей организаций сторонников мира всех стран региона. Конференция приветствовала также идею азиатских государств о создании системы зон безопасности, которое явилось бы крупным вкладом в борьбу за предотвращение ядерной войны.

Вопрос о комплексном подходе к проблемам азиатской безопасности подробно обсуждался на международной конференции, посвященной 30-летию Бандунгской конференции (Дар-эс-Салам, июнь 1985 г.), на сессии Генерального совета Всемирной федерации профсоюзов (Москва, сентябрь 1985 г.) и на других международных и региональных конференциях.

В обсуждение проблем азиатской безопасности включаются и религиозные круги, о чем свидетельствует проведение в феврале 1986 г. в столице Лаосской Народно-Демократической Республики городе Вьентьяне Азиатской буддистской конференции за мир, на которой присутствовало 206 представителей религиозных и светских национальных организаций АТР и Европы. В работе конференции приняли участие представители 12 международных организаций. Участники конференции с одобрением восприняли советскую программу ядерного разоружения до 2000 г., изложенную в Заявлении М. С. Горбачева, и приняли резолюцию в поддержку советских мирных инициатив. Конференция определила меры, направленные на дальнейшую активизацию усилий буддистских деятелей с целью широкого вовлечения верующих в антиядерное, антивоенное движение.

Все происходящее свидетельствует о том, что советская инициатива о комплексном подходе к азиатской безопасности получила широкий резонанс в мире и находит широкий отклик у азиатско-тихоокеанских народов, все более отчетливо сознающих, что их мирное будущее может быть обеспечено совместными усилиями всех демократических и миролюбивых сил, заинтересованных в налаживании мирных и взаимовыгодных отношений.

Поиск путей к достижению азиатской безопасности не представляется легкой и быстрой достижимой целью. Как отмечал М. С. Горбачев, выработка и продвижение в жизнь концепции азиатской безопасности — это долговременная задача. Для ее претворения в жизнь необходим поэтапный подход — от простого к более сложному.

Необходимо учитывать всю сложность и противоречивость обстановки в Азии и бассейне Тихого океана. Прежде всего следует считаться с неурегулированностью многих проблем, унаследованных от колониального прошлого. Это нерешенные территориальные вопросы между отдельными странами региона, разделенность некоторых стран, наличие расовых,

¹⁹ «Правда», 5.IX.1985.

религиозных, межплеменных и других противоречий, вмешательство империализма во внутренние дела развивающихся стран. Наличие иностранных баз и военных союзов, высокая военная активность США и их союзников, влияние империалистической пропаганды, отравляющей политическую атмосферу в регионе.

Однако европейский опыт борьбы за безопасность и сотрудничество на континенте убеждает в том, что при наличии доброй воли можно преодолеть эти и другие трудности и найти взаимоприемлемые решения для всех стран региона.

В поиск надежных путей прочного мира и безопасности в Азии включаются правительства, государственные и политические деятели, парламенты, политические партии и общественные организации, люди разных профессий и убеждений, все, кто проявляет заботу о мирном будущем Азиатско-тихоокеанского региона.

Противники разрядки напряженности в Азиатско-тихоокеанском регионе будут и впредь высказывать различные предлоги, чтобы попытаться дискредитировать и отвергнуть реалистические и взвешенные предложения Советского Союза о комплексном подходе к общеазиатской безопасности. Но все эти попытки обречены на провал, ибо за претворение в жизнь советской концепции комплексной безопасности в Азии и в районе Тихого океана выступают могучие силы, оказывающие мощное воздействие на ход современного развития.

Это прежде всего силы мирового социализма, последовательно выступающие за ослабление напряженности, за перестройку международных отношений на принципах мирного сосуществования, за обеспечение мира и безопасности на основе коллективных усилий.

Это силы национального освобождения, нуждающиеся в мире и спокойствии для ликвидации вековой отсталости и быстрого продвижения по пути мира, демократии и социального прогресса.

Это Движение неприсоединения, все активнее включающееся в борьбу за упрочение мира и международной безопасности, за налаживание равноправного и взаимовыгодного сотрудничества между странами развивающегося мира и государствами, достигшими высокого уровня экономического и научно-технического прогресса.

Это неустанная борьба всех миролюбивых сил и общественных движений, выступающих в защиту мира и безопасности для всех стран, больших и малых, для всех государств, к какой бы социальной системе они ни принадлежали.

Это понимание реалистически мыслящими руководителями западных стран необходимости вести дела на международной арене на основе принципа мирного сосуществования в качестве нормы взаимоотношений государств с различными социальными системами.

И наконец, нельзя не учитывать огромное желание самих азиатско-тихоокеанских народов жить по законам мира и видеть свой регион свободным от постоянной угрозы ядерной войны и империалистического вмешательства.

Советский Союз исходит из того, что нет таких вопросов, по которым нельзя было бы найти позитивных решений, если все заинтересованные страны будут твердо стоять на позициях сохранения мира и предотвращения ядерной войны, если они будут действовать коллективно, следуя разумным нормам международного общения и сотрудничества.

*М. С. УКРАИНЦЕВ,
профессор*

Во второй половине января 1986 г. состоялись официальные визиты члена Политбюро ЦК КПСС, министра иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе в Японию, КНДР и МНР. Эти визиты явились свидетельством активизации политики СССР на Востоке, которая проявляется прежде всего в повышении уровня контактов между государствами.

* * *

При оценке общих тенденций в Азиатско-тихоокеанском регионе можно отметить повышение его роли в мировой политике. Это обусловлено рядом причин политического и экономического характера. Так, доля Западной Европы в промышленном производстве развитых капиталистических стран снизилась за последнее десятилетие с 46 до 43 %. Интеграционный процесс в Западной Европе замедлился. До середины 70-х годов половина мирового производства наукоемкой продукции приходилась на Западную Европу; теперь — лишь 30 %. ЕЭС дает лишь 9 % мирового производства современных ЭВМ. США уже не считают партнером «номер один» слабеющие структуры стран Западной Европы, темпы развития экономики которых остаются низкими.

На район Азии и Тихого океана, наименее затронутый кризисом, приходится уже более половины экспорта США и около 85 % импорта. Азиатско-тихоокеанский регион стал для США наиболее важной сферой внешнеэкономических связей в наукоемких отраслях: роботостроении, электронике, программном обеспечении, волоконной оптике, автомобилестроении, высококачественной металлургии.

В ближайшие годы будет развиваться процесс дальнейшего смещения передовых отраслей американской промышленности к тихоокеанскому побережью, а также переориентации США в экономическом плане на Тихоокеанский регион как зону наиболее высоких темпов экономического развития.

Вся империалистическая военно-политическая система, заложенная США и их союзниками по НАТО в 40—50-х годах, начинает приходить во все большее несоответствие с этим глобальным перемещением основных экономических интересов и внешнеэкономических связей в Тихоокеанский регион. Усиливается противоречие: военно-политическая система США ориентируется на Европу, а основные их экономические интересы и связи — на Тихоокеанский регион. Отмечается стремление американской администрации привести военно-политическую систему в Тихоокеанском регионе в соответствие с интересами США, а следовательно все более активизировать внешнеполитическую и дипломатическую деятельность в этом регионе.

В свете этого и для Советского Союза все более возрастает значение восточной политики, отношений и взаимодействия со странами Азиатско-тихоокеанского региона, имеющих целью не допустить нарастания здесь конфронтации, обострения напряженности, превратить этот обширный район планеты в сферу мирного, взаимовыгодного сотрудничества.

Переговоры в Токио

Япония — вторая по экономической мощи страна в капиталистическом мире с высоким уровнем развития науки и техники. Она прочно

удерживает второе место по объему ВВП среди капиталистических стран и продолжает укреплять свои экономические позиции. Вместе с тем стремление Японии привести свою политическую роль в мире в соответствие с ее мощным и продолжающим нарастать экономическим потенциалом, повысить свое влияние на международной арене объективно подталкивает ее на расширение международных связей, и в частности на развитие отношений с Советским Союзом. Таковы объективные факторы, которые в известной степени обусловили активизацию советско-японских контактов в последнее время.

Большую позитивную роль играет обмен посланиями между Генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачевым и премьер-министром Японии Я. Накасонэ, который начался с осени 1985 г.

В ходе визита министра иностранных дел Советского Союза Э. А. Шеварднадзе японцами было подтверждено приглашение М. С. Горбачеву посетить Японию. С нашей стороны передано приглашение японскому премьер-министру нанести визит в СССР. Нужно сказать, что в последние месяцы Я. Накасонэ не раз заявлял о своей готовности посетить СССР. Что касается ответного визита министра иностранных дел Японии С. Абэ в Советский Союз, то складывается впечатление, что он может состояться в этом году. Подтверждена договоренность о восстановлении регулярных консультаций — не реже одного раза в год — между министрами иностранных дел.

Одобрена в совместном коммюнике и практика консультаций между внешнеполитическими ведомствами двух стран на «рабочем уровне»: заместителей министров, заведующих отделами и экспертов. Такие рабочие консультации были введены в «дипломатический оборот» в тот период, когда наблюдался перерыв в политическом диалоге, и опыт показывает, что они себя оправдывают.

Центральное место на состоявшихся в Токио переговорах заняли вопросы, связанные с новыми советскими инициативами, выдвинутыми в Заявлении М. С. Горбачева 15 января 1986 г. Не будет преувеличением сказать, что Заявление М. С. Горбачева определило всю тональность как самих переговоров, так и визита в целом.

«Сегодня в Москве опубликовано Заявление М. С. Горбачева, в котором развернута смелая, реалистическая, принципиально новая по замыслу и радикальная по предлагаемым мерам альтернатива ядерной угрозе, созданию космических вооружений, химического оружия и обычного оружия, основанного на новых физических принципах и сравнимого по своим разрушительным способностям с оружием ядерным, — сказал Э. А. Шеварднадзе на приеме в Токио 16 января 1986 г. — В Заявлении ставится поистине великая цель — прийти к третьему тысячелетию без оружия массового уничтожения. Эта цель не только провозглашается. Предлагаемая нами программа указывает ясный и конкретный путь к ее достижению. Советский Союз выступает за то, чтобы в три этапа, за пятнадцать лет, оставшиеся до конца XX века, освободить землю от всех видов оружия массового поражения.

На первом этапе ядерные вооружения СССР и США, способные достигать территории друг друга, сокращаются наполовину. В Женеве на встрече М. С. Горбачева с президентом США Р. Рейганом эта формула была взята за основу для разработки соглашения на советско-американских переговорах по ядерным и космическим вооружениям.

На втором этапе к этому процессу присоединяются остальные ядерные державы.

К концу 1999 года ядерное оружие ликвидируется повсеместно и полностью. Именно в этом — огромная историческая значимость нашей инициативы, ее уникальная практическая устремленность.

Предусматривается и радикальное решение по средствам средней дальности. В Европе не должно оставаться ни советских, ни американ-

ских таких ракет. Об этом можно было бы в принципе договариваться уже сейчас»¹.

Министр иностранных дел СССР изложил позицию Советского правительства относительно советских ракет в восточной части страны. Он отметил готовность нашей страны к замораживанию их численности, подчеркнул, что их уровень «прямо обуславливается военно-стратегической обстановкой в этом регионе. Будет здесь уменьшаться число ядерных средств, которым противостоят наши ракеты, — меньше останется их у нас на востоке... Из самой сути нашего предложения вытекает: и здесь ядерного оружия не будет»².

Э. А. Шеварднадзе подчеркнул далее, что с 6 августа 1986 г. действует наш односторонний мораторий на проведение ядерных взрывов. Срок его истек 31 декабря. «Руководствуясь стремлением создать благоприятные условия для реализации программы ядерного разоружения, наша страна приняла решение продлить действие этого моратория до 31 марта. Тем самым Соединенным Штатам дается новый шанс»³. Была выражена надежда, что они последуют нашему примеру.

Развернутые разъяснения, сделанные Э. А. Шеварднадзе, были восприняты японским руководством с большим интересом, и первую официальную реакцию Токио можно было, видимо, расценить в целом положительно. Руководители Японии, в частности, подчеркивали масштабность советских предложений, их конкретность, отмечали, что инициативы СССР должны встретить адекватный ответ США. При этом особое внимание было уделено нашей позиции по вопросам контроля. Высокая оценка была дана и стремлению советского руководства найти практические развязки по наиболее актуальной проблеме современности — полной ликвидации ядерного, химического и других видов оружия массового уничтожения.

Большой позитивный резонанс получили советские инициативы в политической партии Японии, о чем заявили в беседах лидеры коммунистической и социалистической партий, других оппозиционных сил. Они были с воодушевлением встречены и общественностью страны, тем более что в целом у японцев имеется особая чувствительность ко всему, что касается ядерного оружия, своего рода «ядерная аллергия», от которой их не удастся «излечить» Соединенным Штатам, как бы этого ни хотели в Вашингтоне.

Конечно, на обстановку следует смотреть реалистически. Японское руководство, судя по всему, будет продолжать оглядываться на позицию американцев, с которыми оно связано военно-политическим союзом, составляющим, как заявляют в Токио, «краеугольный камень» японской внешней политики. Подобной оглядкой обусловлены, в частности, заявления японцев в поддержку так называемого «глобального подхода» к ядерному разоружению, который в американской интерпретации означает не что иное, как стремление найти возможно больше оговорок, «увязок», направленных на то, чтобы уклониться от реального продвижения в деле ядерного разоружения.

Серьезным и важным итогом состоявшегося обмена мнениями является также то, что непосредственно до сведения японского руководства доведены наши предупреждения относительно возможности участия Японии в американской программе «звездных войн». В ответ японская сторона заняла позицию самооправдания, отмечая, что пока еще решения на этот счет не принято и что линия Японии не выходит за рамки «понимания» концепции СОИ. Однако в дальнейшем стало выясняться, что под прикрытием заботы о том, чтобы Япония не допустила технологического отставания, правительство стало все более откровенно и на-

¹ «Правда», 17.I.1986.

² Там же.

³ Там же.

стойчиво готовить почву для втягивания страны в планы «звездных войн». Вряд ли такую близорукую позицию можно назвать заботой о подлинной безопасности японского народа.

Большое внимание в ходе обмена мнениями по международным вопросам было, естественно, уделено азиатской проблематике. Следует признать, что японцы не отошли от прежних, в своей основе проамериканских позиций. Но кардинальных перемен пока и трудно было ожидать, учитывая весьма сильную зависимость политики Токио от курса США в этом регионе. Отсюда и рассуждения о наращивании советских вооруженных сил в Азии, что, мол, отрицательно влияет на обстановку в регионе (делался вид, что Японии не известен действительный факт наращивания здесь военного потенциала США, в первую очередь ракетно-ядерного). Делались заявления о неосуществимости идеи комплексного подхода к проблеме обеспечения безопасности в Азии и т. д.

Вместе с тем нельзя не отметить и следующее обстоятельство, которое выявилось на переговорах. Японцы явно рвутся к ведущим позициям в регионе, стремятся активизировать здесь свою дипломатию. Рано или поздно их амбициозные устремления начнут расходиться с задачами, которые ставит Вашингтон. И тем более для Токио будет крайне нежелательно, если Япония окажется «обойденной» в вопросе обеспечения азиатской безопасности. Поэтому думается, что сказанное японскими официальными лицами в отношении комплексных мер по подготовке к созыву общеазиатского форума не является последним словом Токио.

В ходе визита Э. А. Шеварднадзе была достигнута принципиальная договоренность о проведении двусторонних консультаций по вопросам, связанным с положением в Азии. В этом плане, разумеется, требуют соответствующего учета и усилия Японии по налаживанию взаимодействия в азиатско-тихоокеанском регионе в рамках «тихоокеанского сообщества». Негативные аспекты планируемой структуры указанного «сообщества», стремление вести дело к созданию новой замкнутой организации, действующей в духе конфронтации, не случайно вызывают опасения миролюбивых сил в регионе.

Переговоры в Токио вновь показали, что правящие круги Японии не проявляют намерений снять искусственно раздуваемый так называемый «территориальный вопрос», фактически используют его в качестве средства торможения процесса развития советско-японских отношений. Выдвигая территориальные притязания на часть советских Курильских островов, японская сторона утверждала, что для установления дружественных отношений между Японией и Советским Союзом необходимо заключить мирный договор на основе удовлетворения вышеуказанных незаконных притязаний. С их стороны отмечалось, что они якобы понимают невозможность решения «территориального вопроса» сейчас же, но считают важным продолжать его обсуждение.

С нашей стороны было заявлено, что мы не отказывались и не отказываемся от переговоров о мирном договоре, но наша позиция в отношении территориальных притязаний Японии остается неизменной. Были отклонены попытки японской стороны вставить положение о наличии «территориального вопроса» в совместное коммюнике. В советско-японское коммюнике включено положение о продолжении переговоров по мирному договору. В нем сказано, что в соответствии с договоренностью, зафиксированной в совместном советско-японском заявлении от 10 октября 1973 г., «министры провели переговоры, касающиеся заключения советско-японского мирного договора, включая вопросы, которые могли бы составлять его содержание». Министры договорились продолжить эти переговоры во время следующей консультативной встречи в Москве.

Не отказываясь от переговоров, Советский Союз и впредь будет совместно с японской стороной искать реальные пути укрепления договорно-правовой основы двусторонних отношений, опираясь на идею нашего предложения о заключении договора о добрососедстве и сотрудничестве, на другие наши инициативы, направленные на радикальное улучшение двусторонних отношений.

В ходе переговоров в Токио обсуждались вопросы развития двусторонних отношений в ряде областей, прежде всего торгово-экономической. Было подтверждено намерение сторон содействовать дальнейшему расширению торгово-экономических отношений между СССР и Японией на основе взаимной выгоды, подписаны очередное пятилетнее Соглашение о товарообороте и платежах на период с 1986 по 1990 г. и Конвенция об избежании двойного налогообложения в отношении налогов на доходы. Стороны условились также повысить уровень ежегодных консультаций по торгово-экономическим вопросам до заместителя министра внешней торговли с советской стороны и заместителя министра иностранных дел — с японской. Все это призвано стимулировать дальнейшее развитие советско-японских экономических связей.

Известно, что удельный вес Японии во внешней торговле Советского Союза и СССР во внешней торговле Японии не превышает 2%. Это не отвечает уровню экономического развития и возможностям в области торговых связей каждой из стран. В последние годы отмечалось снижение темпов роста советско-японской торговли, а в 1983—1984 гг. даже сокращение товарооборота. По предварительным данным, объем торговли СССР с Японией в 1985 г. составлял около 3,2 млрд. руб., то есть увеличился где-то на 10% по сравнению с 1984 г. Для обеспечения дальнейшего роста большое значение имеет реализация действующих и перспективных объектов советско-японского экономического сотрудничества. Здесь не все зависит от нас, свою часть пути должна пройти и Япония.

На совещаниях советско-японского и японо-советского комитетов по экономическому сотрудничеству (десятое подобное совещание состоялось в конце апреля 1986 г. в Москве) с нашей стороны был высказан ряд предложений: освоение лесных ресурсов вдоль трассы БАМа, разработка месторождения асбеста и т. д. Существуют другие предложения, остающиеся на столе переговоров, — реконструкция ряда предприятий, построенных в свое время в сотрудничестве с японцами, заключение четвертого Генерального соглашения по лесу и т. д.

Общее улучшение советско-японских отношений создает благоприятные возможности для налаживания сотрудничества и в наиболее передовых областях, где японцы добились значительных успехов. В частности, речь идет об электронике, роботостроении и т. д. Разумеется, дело это трудное, поскольку ограничения на такого рода сотрудничества японская сторона, в немалой степени и под нажимом со стороны США, продолжает сохранять. Более того, обсуждается вопрос об ужесточении этих ограничений, «запретов». Тем не менее, как представляется, Япония не может не считаться с тем, что сотрудничество в этом важном деле является обоюдно выгодным.

В результате переговоров была достигнута договоренность о проведении в течение 1986 г. III сессии советско-японской комиссии по научно-техническому сотрудничеству. Как известно, эта комиссия в течение длительного времени не работала из-за объявленных Японией «санкций», и возобновление ее деятельности фактически означает «размораживание» двустороннего межправительственного соглашения о научно-техническом сотрудничестве.

Важным вопросом в наших отношениях с Японией является рыболовство. Как известно, Советский Союз и Япония занимают в мире лидирующее положение в этой области. Японцы вылавливают более 12 млн. т, а мы — 10 млн. т рыбопродуктов. Значительную долю из этих

уловов (до 20 %) японцы традиционно добывали в северной части Тихого океана. С введением режима 200-мильных экономических зон положение как советского, так и японского рыболовного промысла резко осложнилось.

Вашингтон стремится путем вытеснения японцев из своих зон заставить их покупать морепродукты, выловленные американцами. Работающие в американских зонах крупные японские рыбопромышленные фирмы вынуждены закупать выловленную продукцию непосредственно в районе промысла. Они идут на это, поскольку располагают крупными плавзаводами и в конечном счете не остаются в убытке.

Наши отношения с Японией в вопросах рыболовства также регулируются соглашениями, в соответствии с которыми ежегодно устанавливается для японцев значительная квота вылова рыбы в нашей 200-мильной зоне и отдельно по лососю в открытом море за пределами нашей экономической зоны. В свою очередь мы также имеем право промысла у берегов Японии.

Решение вопросов рыболовных отношений между СССР и Японией, в которых нередко возникают немалые трудности, возможно на пути их конструктивного обсуждения, с учетом принципа взаимной выгоды, на основе заботы о перспективах долгосрочного сотрудничества между двумя странами, обеспечивающего охрану и расширение запасов рыбы и морепродуктов. С этой точки зрения принципиальное значение имеет договоренность министров иностранных дел СССР и Японии руководствоваться именно таким подходом.

Перед визитом в японской печати оживленно обсуждались предстоящие переговоры. Многие призывали японское правительство серьезно отнестись к диалогу, подумать над возможностью улучшения отношений Японии с СССР. Но были и высказывания, которые скорее выглядели как выдвижение предварительных условий для выработки совместного комюнике, направленных против прогресса в отношениях между Японией и Советским Союзом.

Состоявшиеся в Токио переговоры были и успешными, и полезными. «...Мы хотим, — сказал Э. А. Шеварднадзе, — чтобы паруса наших отношений наполнял свежий попутный ветер, попутный в смысле движения в одном направлении — к спокойному и безопасному миру для всех». В результате визита возобновился прямой политический диалог между двумя странами. Переговоры позволили условиться о повышении уровня межгосударственных контактов, расширить практику консультаций по международным вопросам, интенсифицировать торгово-экономические связи, восстановить научно-техническое сотрудничество. Такой итог отвечает интересам как Японии, так и Советского Союза.

Как было отмечено на заседании Политбюро ЦК КПСС от 30 января, итоги визита «создают благоприятные условия для продвижения советско-японских связей в лучшую сторону»⁴.

Визит в КНДР

Во время пребывания с 19 по 23 января в Корее Э. А. Шеварднадзе был оказан радушный, сердечный прием и гостеприимство. Министр иностранных дел СССР встретился с Генеральным секретарем ЦК ТПК, Президентом КНДР Ким Ир Сенем. Во время теплой, дружественной беседы, продолжавшейся более двух часов, и последовавшего за нею обеда, который устроил руководитель КНДР, Э. А. Шеварднадзе вручил Ким Ир Сэну личное послание Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева. Состоялся обстоятельный и интересный разговор по

⁴ «Правда», 31.1.1986.

вопросам советско-корейских отношений с акцентом на необходимость их дальнейшего совершенствования и углубления.

Стороны информировали друг друга о достижениях в различных сферах социалистического строительства в своих странах. Ким Ир Сен высоко отозвался о политике советского руководства; он подчеркнул инициативный и динамичный характер внешней политики СССР. Э. А. Шеварднадзе поздравил корейский народ с большими успехами в строительстве социализма.

Были проведены переговоры между Э. А. Шеварднадзе и членом Политбюро ЦК ТПК, заместителем премьера Административного совета, министром иностранных дел КНДР Ким Ен Намом. Министры подписали Договор о разграничении экономической зоны и континентального шельфа и соглашение о взаимных поездках граждан СССР и КНДР. Стороны с удовлетворением констатировали, что отношения между КПСС и ТПК, СССР и КНДР неуклонно развиваются и крепнут. Значительный импульс их развитию дали визит Ким Ир Сена в СССР в мае 1984 г. и переговоры на высшем уровне.

И действительно, за время, прошедшее после переговоров в Москве, отношения между двумя странами были наполнены новым содержанием: повысился уровень и содержание контактов по всем линиям, возобновился обмен информацией о внутренней и международной жизни двух стран, налажилось взаимодействие в борьбе против империализма, за мир и социализм, расширилось торгово-экономическое сотрудничество, включая подготовку к строительству в КНДР при содействии СССР крупной атомной электростанции, углубились культурные связи. «Мне приятно отметить и то, что за эти годы на новую ступень поднялась традиционная, проверенная временем дружба советского и корейского народов, расширились, углубились сотрудничество и взаимодействие наших стран в социалистическом созидании и на международной арене. Плечом к плечу наши государства противостоят попыткам империалистических сил нагнетать напряженность в мире, взвинчивать гонку вооружений, покушаться на мирный космос», — заявил Э. А. Шеварднадзе, давая оценку советско-корейским отношениям⁵.

По взаимному убеждению, для поступательного развития отношений между двумя государствами и поддержания мира на Дальнем Востоке важнейшее значение имеет советско-корейский Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, который действует уже почти четверть века. Стороны выразили уверенность в том, что этот Договор будет и впредь играть большую роль в деле пресечения агрессивных прожектов империалистических сил, и подтвердили решимость неукоснительно следовать вытекающим из Договора обязательствам. Укрепление и развитие великой корейско-советской дружбы, сложившейся в ходе совместной борьбы против империализма, за торжество великого дела мира, социализма и коммунизма, скрепленной Договором о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, — это незыблемая политика нашей партии, единоклубная воля нашего народа, подчеркнул Ким Ен Нам.

При обмене мнениями по актуальным проблемам современности стороны выразили серьезную озабоченность тем, что империалистические государства, в первую очередь США, проводят авантюристический курс на достижение военного превосходства и подготовку новой мировой войны, подстегивают гонку вооружений, стремятся распространить ее на космическое пространство. Эти действия неизбежно ведут к дестабилизации всей стратегической обстановки и нагнетанию напряженности в мире, создают серьезную опасность ядерной катастрофы.

СССР и КНДР констатировали, что в нынешней сложной международной обстановке важнейшим условием сохранения мира и безопасно-

⁵ «Правда», 21.1.1986.

сти является дальнейшее укрепление сил мирового социализма, международного коммунистического и рабочего движения и активизация их совместных действий на мировой арене. Была подтверждена обоюдная решимость и впредь неуклонно крепить единство и сплоченность социалистических стран, солидарность с борьбой развивающихся и неприсоединившихся государств, с борьбой демократических, антивоенных и антиядерных движений против политики агрессии и войны, за мир и безопасность народов.

Корейская сторона активно поддержала позицию Советского Союза на советско-американской встрече на высшем уровне в Женеве, а также предложенную им совместно с другими государствами — участниками Варшавского Договора широкую конструктивную программу мер, направленных на прекращение гонки вооружений на Земле и недопущение распространения ее на космос, кардинальное укрепление стабильности и повышение доверия между государствами. Было особенно подчеркнуто большое значение выдвинутого в Заявлении Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева от 15 января 1986 г. комплекса новых конкретных советских инициатив, направленных на обеспечение перелома к лучшему в развитии международной обстановки, преодоление нарастающих в ней в последние годы негативных конфронтационных тенденций. В Корее прошли массовые митинги в поддержку советских инициатив, направленных на ликвидацию оружия массового уничтожения.

Особое внимание было уделено обсуждению обстановки на Дальнем Востоке и в Азии в целом. При этом указано на возрастающую опасность агрессивного курса США, имеющего целью превратить Азиатско-тихоокеанский регион в еще одну арену военно-политической конфронтации с социалистическими странами. Стороны решительно осудили наращивание военных приготовлений США в этом районе, усиление милитаристских тенденций в Японии, использование Южной Кореи в качестве ядерного плацдарма, попытки создать новый военно-политический союз типа НАТО в составе США, Японии и Южной Кореи.

Советская сторона одобрила решение правительства КНДР не проводить с 1 февраля 1986 г. крупные военные маневры на Севере и прекратить любые военные учения в период переговоров между Севером и Югом. Обе стороны расценивают проводимую империалистическими кругами политику закрепления раскола Кореи и продолжающуюся оккупацию Соединенными Штатами Америки Южной Кореи не только как противоречащие национальным чаяниям корейского народа, но и как угрожающие миру на Дальнем Востоке. Э. А. Шеварднадзе подтвердил неизменную солидарность Советского Союза с курсом ТПК и правительства КНДР, направленным на вывод американских войск из Южной Кореи и объединение страны на мирной, демократической основе без вмешательства извне. Были поддержаны предложения КНДР о создании Демократической конфедеративной республики Корё посредством диалога и переговоров между заинтересованными сторонами, о замене соглашения о перемирии в Корее мирным соглашением, о выработке декларации о ненападении между Севером и Югом, а также конструктивные шаги по развитию между ними широкого мирного диалога.

Э. А. Шеварднадзе вновь выделил актуальность предложения правительства КНДР о выводе всех видов ядерного оружия и войск США из Южной Кореи и о превращении Корейского полуострова в зону мира, безъядерную зону, исходя из убеждения, что их реализация отвечала бы духу договоренностей, достигнутых на советско-американской встрече в Женеве, и явилась бы существенным вкладом в укрепление безопасности в Азиатско-тихоокеанском регионе.

Корейская сторона активно поддержала высказанную Советским Союзом идею совместного поиска общего комплексного подхода к решению проблемы безопасности в Азии и заявила, что будет взаимодейство-

вать с СССР, другими странами в направлении созыва общеазиатского форума.

Стороны подчеркнули позитивный характер инициатив социалистических и неприсоединившихся государств, направленных на обеспечение мира и безопасности в Азиатско-тихоокеанском регионе, и в частности на превращение Юго-Восточной Азии в зону мира, превращение Индийского океана в зону мира и равноправного сотрудничества. Была отмечена возрастающая роль Движения неприсоединения как крупной международной силы современности, выступающей против гонки вооружений, за укрепление всеобщего мира, за развитие равноправного и взаимовыгодного международного сотрудничества и установление нового международного экономического порядка. СССР и КНДР будут и впредь солидарны с борьбой народов неприсоединившихся государств против империализма, неоколониализма, расизма, сионизма и апартеида, за укрепление своей политической и экономической независимости. СССР и КНДР заявили о своей солидарности с арабскими народами, народами Южной Африки и бассейна Карибского моря, оказывающими отпор империализму и отстаивающими свою свободу и независимость.

Было заявлено о солидарности с народом и правительством Афганистана в его борьбе за защиту завоеваний Апрельской революции.

Обе стороны выразили глубокое удовлетворение результатами состоявшихся переговоров, считая их важным вкладом в дело укрепления советско-корейской дружбы, и высказались за дальнейшее совершенствование взаимодействия двух стран на международной арене. По их мнению, особо полезным является дальнейшее развитие на плановой основе делового сотрудничества министерств иностранных дел обеих стран, регулярное проведение консультаций по наиболее важным международным вопросам.

От имени ЦК КПСС и Советского правительства Э. А. Шеварднадзе передал приглашение Ким Ен Наму посетить Советский Союз с официальным дружественным визитом. Приглашение было принято.

Встречи на монгольской земле

23 января советский воздушный лайнер доставил Э. А. Шеварднадзе в Улан-Батор. Начался дружественный официальный визит в Монгольскую Народную Республику, который завершился 25 января.

24 января состоялась сердечная встреча Э. А. Шеварднадзе с Генеральным секретарем ЦК МНРП, Председателем Президиума Великого Народного хурала МНР Ж. Батмунхом. Э. А. Шеварднадзе передал Ж. Батмунху дружественное послание Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева. Между Э. А. Шеварднадзе и членом ЦК МНРП, министром иностранных дел МНР М. Дугэрсурэном были проведены переговоры по вопросам советско-монгольских отношений, а также по актуальным международным проблемам. Встреча и переговоры проходили в атмосфере братской дружбы, полного взаимопонимания и единства взглядов по всем обсуждавшимся вопросам.

Стороны проинформировали друг друга о претворении в жизнь курса двух партий на ускорение социально-экономического развития своих стран и о проводимой в этой связи политической, экономической и организаторской работе. С удовлетворением было отмечено, что отношения братской дружбы и всестороннего сотрудничества между СССР и МНР, базирующиеся на принципах марксизма-ленинизма, социалистического интернационализма, приобрели всеобъемлющий характер и стабильно развиваются на прочной договорно-правовой основе, воплощенной в Договоре о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, 40-летний юбилей которого торжественно отмечен недавно в обеих странах. В этой связи была дана высокая оценка Договору, который служит интересам всего

социалистического содружества и представляет собой важный фактор в деле обеспечения мира и безопасности на Дальнем Востоке и в Азии в целом.

В ходе обмена мнениями было подчеркнуто исключительно важное значение итогов встречи Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева с Генеральным секретарем ЦК МНРП, Председателем Президиума Великого Народного хурала МНР Ж. Батмунхом в августе 1985 г., и в частности подписания Долгосрочной программы развития экономического и научно-технического сотрудничества между Советским Союзом и Монголией на период до 2000 г., для дальнейшего углубления и повышения эффективности многогранного взаимодействия между двумя партиями, странами и народами, поднятия всего комплекса советско-монгольских отношений на более высокую ступень.

При обсуждении международных вопросов стороны были едины в оценке обстановки в мире, причин ее опасной напряженности, а также в определении путей к решению ключевых международных проблем. «Человечество, — отметил Ж. Батмунх на приеме в Улан-Баторе, — вступило в 1986 год в обнадёживающей атмосфере противостояния дальнейшему обострению международной напряженности. Это стало возможным благодаря целеустремленным внешнеполитическим усилиям и конструктивным шагам стран социалистического содружества, в первую очередь Советского Союза»⁶. СССР и МНР подтвердили, что и впредь будут всемерно способствовать укреплению единства и сплоченности государств социалистического содружества, их взаимодействия во всех сферах сотрудничества, давать решительный отпор империалистическим попыткам внести раскол в его ряды. Они заявили, что сегодня, как никогда, важны совместные усилия всех государств и народов для того, чтобы добиться решения главной задачи — отвести угрозу ядерной катастрофы, выработать гарантии прочного мира. Обе стороны подчеркнули неотлагательную необходимость прекращения гонки вооружений на Земле и недопущения ее распространения на космическое пространство, целеустремленной борьбы за разоружение, развития отношений добрососедства и сотрудничества между государствами.

Монголия указала на принципиальное значение содержащегося в совместном заявлении М. С. Горбачева и Р. Рейгана признания того, что ядерная война никогда не должна быть развязана, что необходимо сделать все для предотвращения войны между СССР и США — ядерной или обычной — и что стороны не будут стремиться к достижению военного превосходства. Было выражено обоюдное убеждение в том, что практическое осуществление достигнутых на женевской встрече договоренностей является одним из главных путей оздоровления международной обстановки.

Монгольская Народная Республика горячо приветствовала и поддержала выдвинутый в Заявлении М. С. Горбачева комплекс новых конкретных предложений: о поэтапной полной ликвидации ядерного оружия к 2000 г. при договоренности о запрещении создания, испытания и развертывания ударных космических вооружений, о продлении моратория на все ядерные взрывы, о ликвидации в этом столетии химического оружия, о приведении в движение всей существующей системы переговоров и обеспечении высокой результативности всего механизма разоружения. Осуществление этих крупномасштабных инициатив и других мер по разоружению, предложенных Советским Союзом и социалистическими странами, навсегда избавило бы человечество от угрозы войны.

Э. А. Шеварднадзе заявил, что в СССР с глубоким удовлетворением приветствуют неуклонный рост авторитета МНР на мировой арене, высо-

⁶ «Правда», 25.I.1986.

ко оценивают ее вклад в общие усилия социалистического содружества в борьбе за мир, безопасность и сотрудничество в Азии и во всем мире.

Обе стороны высказали глубокую озабоченность по поводу сохранения опасных конфликтных ситуаций в ряде районов мира. Они подтвердили твердое намерение добиваться дальнейшей консолидации миролюбивых сил для отпора империалистической политике государственного терроризма и «нового глобализма», нацеленной на подрыв безопасности и независимости государств, была отмечена актуальность скорейшей ликвидации региональных очагов напряженности путем переговоров, решительно осуждены режим апартеида в ЮАР и его агрессивные действия против соседних стран, а также продолжающиеся попытки империалистических и других реакционных сил нагнетать обстановку на Ближнем Востоке, в Центральной Америке, особенно вокруг Никарагуа.

Предметом обстоятельного обсуждения явилась ситуация в Азии. По убеждению сторон, опасная напряженность в различных частях этого крупнейшего континента диктует необходимость развития широкого диалога и объединения усилий расположенных здесь государств, чтобы обеспечить надежный мир и безопасность для всех народов Азиатско-тихоокеанского региона, не допустить возобладания сил милитаризма и агрессии, пытающихся насажать взаимное недоверие и военное противостояние между странами. Разумной альтернативой нагнетанию напряженности в Азии являются конкретные и конструктивные предложения СССР, МНР, других социалистических, а также неприсоединившихся государств, включая известные «принципы Бандунга». Монголия энергично поддерживает советскую идею комплексного подхода к обеспечению мира и безопасности в Азии и предпринимает практические шаги к ее реализации. «В комплексный подход к решению проблемы мира в азиатско-тихоокеанском регионе, — сказал Э. А. Шеварднадзе, — органически вписываются предложение МНР, адресованное странам Азии и Тихого океана, заключить конвенцию о ненападении и взаимном неприменении силы. По нашему убеждению, заключение такой конвенции странами, где проживает около двух третей населения земли, значительно оздоровило бы обстановку не только в самом регионе, но и в мире в целом»⁷. Этим же мирным целям служат предложения Вьетнама, Лаоса и Кампучии по оздоровлению положения в Юго-Восточной Азии и налаживанию добрососедских отношений со странами АСЕАН, предложения КНДР по мирному объединению страны, нормализации обстановки на Корейском полуострове и превращению его в безъядерную зону, в частности ее решение о непроведении военных маневров, усилия многих государств Азии и Африки, направленные на то, чтобы Индийский океан был объявлен зоной мира, предложения правительства Демократической Республики Афганистан, предусматривающие полное и безусловное прекращение и гарантированное невозобновление вооруженного и любого другого вмешательства во внутренние дела Афганистана, что открыло бы путь к нормализации отношений между этой страной и ее соседями.

По обоюдному мнению сторон, интересам решения насущных проблем человечества полностью отвечает растущее взаимодействие стран социализма с Движением неприсоединения, которое играет важную роль в борьбе за мир, против гонки вооружений, за перестройку международных экономических отношений на справедливой и демократической основе. В этой связи особо отмечен активный и конструктивный курс Индии в мировых делах, ее вклад в сплочение рядов Движения неприсоединения на антивоенной, миролюбивой основе, в повышение его международного авторитета.

Советский Союз и Монголия подтвердили свое стремление к нормализации и улучшению отношений с Китаем на основе принципов равен-

⁷ «Правда», 25.I.1986.

ства и добрососедства, без ущерба для интересов третьих стран, что способствовало бы делу оздоровления обстановки в Азиатско-тихоокеанском регионе. Они выступили за то, чтобы все государства этого региона активно включились в поиск путей укрепления основ всеобщей безопасности, стремились вносить свой практический вклад в создание условий для превращения обширной зоны Азии и Тихого океана в зону добрососедства, мира и сотрудничества.

В ходе визита Э. А. Шеварднадзе и М. Дугэрсурэн подписали соглашение об упрощенном порядке перехода государственной границы гражданами СССР и МНР, проживающими в приграничных районах.

От имени ЦК КПСС и Советского правительства Э. А. Шеварднадзе передал М. Дугэрсурэну приглашение посетить Советский Союз с официальным визитом, которое было принято.

Обе стороны выразили глубокое удовлетворение итогами состоявшегося обмена мнениями и уверенность в том, что настоящий визит послужит дальнейшему укреплению и углублению братской дружбы и всестороннего сотрудничества между СССР и МНР, повышению эффективности взаимодействия внешнеполитических ведомств двух стран в интересах мира и социализма.

* * *

Политбюро ЦК КПСС на своем заседании 30 января 1986 г. заслушало и одобрило сообщение Э. А. Шеварднадзе о его визитах в Японию, КНДР и МНР⁸. За этими контактами следуют новые встречи с руководителями многих стран Азиатско-тихоокеанского региона. Их значение в том, чтобы постепенно добиваться превращения этого района в обширную зону прочного мира, безопасности для всех, добрососедства, взаимовыгодного сотрудничества.

⁸ См.: «Правда», 31.I.1986.

Историческая веха братского союза советского и монгольского народов

В. А. АРХИПОВ

15 января 1986 г. советский и монгольский народы торжественно отметили замечательный юбилей — 40-летие со дня подписания Договора о дружбе и взаимопомощи между СССР и МНР, символизирующего дружбу и братство наших народов, торжество идей пролетарского, социалистического интернационализма. Празднование славной годовщины происходит в год съездов наших партий, в самом начале новых пятилеток и нового, исторически важного этапа в развитии двух братских стран. Все это придает юбилею особую значимость.

40-летие этого исторического документа совпадает с 20-летием Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи 1966 г., явившегося его органическим продолжением, а также с полувековым юбилеем Протокола о взаимопомощи 1936 г. И в этом народы обеих стран видят особый смысл, историческую преемственность в развитии монголо-советских отношений.

Заключение и обновление советско-монгольских Договоров и Соглашения всегда диктовались велениями времени, полностью отвечали жизненным интересам двух наших народов. Они вытекали из конкретных условий и уровня развития Монголии и вместе с тем ярко отражали последовательность и поступательный характер взаимоотношений между нашими странами и народами.

Договор 1946 г. стал важнейшей вехой в нерасторжимом союзе и братской дружбе советского и монгольского народов, закономерным итогом их неуклонного развития. От открыл широкие, невиданные перспективы процветания народной Монголии, имел этапное значение для ее всестороннего прогресса.

Заключенный в самом начале первого года мирного созидательного труда наших народов, когда все прогрессивное человечество ликovalo в честь великой Победы над германским фашизмом и японским милитаризмом, жило новыми надеждами и устремлениями, Договор сыграл исключительно важную роль в деле превращения социализма в реальность на древней монгольской земле. Он был подготовлен всем ходом развития советско-монгольских взаимоотношений за предыдущие годы.

К этому времени в Монголии был успешно завершён демократический этап Народной революции, существенно укрепилась политические основы Народного государства. Из экономики страны был полностью вытеснен иностранный капитал, заложены основы промышленности, кредитно-финансовой системы, социалистического сектора народного хозяйства. Коренные изменения произошли в социально-классовой структуре общества. Были ликвидированы феодалы как класс. Зарождались национальный рабочий класс и прослойка народной интеллигенции, сформировался их союз с трудовым аратством.

Договор стал одним из основных факторов в реализации таких фундаментальных задач нового, социалистического этапа развития страны, как кооперирование, осуществление подлинной культурной революции, развитие науки, превращение Монголии в аграрно-индустриаль-

ную страну, выход ее на широкую международную арену. С другой стороны, именно Договор дал Монголии возможность выдвинуть такие крупные социально-экономические задачи и успешно осуществить их. В течение жизни одного поколения Монголия прошла не изведанный ранее никем тернистый путь от средневековой отсталости и унижения к прогрессу и национальному возрождению, от феодальных отношений к социалистическому строю. Всем этим и определяется историческое значение Договора 1946 г. в судьбе монгольского народа.

Советско-монгольская дружба — это реальное воплощение в жизнь ленинских идей равноправия всех наций, это пролетарский, социалистический интернационализм в действии. Это огромная материальная сила в построении новой жизни, приобщении монгольского народа к социализму. Она является могучим источником процветания социалистической Монголии. Советско-монгольская дружба — это живое общение самых широких масс людей наших стран, она составляет духовное богатство наших народов и направлена на благо обеих стран. В этом ее сущность и величие.

Каждый рубеж в истории развития МНР и дружба со Страной Советов неразрывны. Победа народной революции, переход страны от феодализма к социализму, углубление процесса создания материально-технической базы социализма есть концентрированное выражение роста могущества нашей дружбы, приумножения ее плодов. «Монгольские и советские коммунисты, — указал в речи на XXVII съезде КПСС Генеральный секретарь ЦК МНРП товарищ Ж. Батмунх, — навечно спаяны единством идеалов и целей в совместной борьбе, наши народы объединяет нерасторжимая общность исторических судеб. Это составляет прочный фундамент нашей традиционной братской дружбы».

Советско-монгольская дружба и сотрудничество, реально воплощаясь в нашей сегодняшней социалистической действительности, с каждым новым этапом развития МНР вступают на новую, высшую ступень, все шире раскрывают свои созидательные возможности, становятся масштабнее и динамичнее.

Примечательными особенностями дружбы и сотрудничества на нынешнем этапе являются углубление процесса сближения двух стран, их всеобъемлющий, всенародный характер, богатство содержания и разнообразие форм, развитие на долгосрочной, перспективной основе. Механизм нашего братства и сотрудничества охватывает самые различные сферы общественной жизни: экономическую, культурную, научно-техническую и др.

Социальная практика, совместный труд рождает новые, более эффективные формы сотрудничества. Мы находим их общими усилиями, совместно определяем самые верные и успешные пути широкого раскрытия возможностей и резервов наших взаимоотношений. Наиболее перспективной и действенной является создание и развитие совместных предприятий. Они выполняют и призваны выполнять высокую миссию как в наращивании экономического потенциала Монголии, дальнейшем углублении экономической интеграции двух стран, так и в росте зрелости рабочего класса МНР и интернациональном воспитании трудящихся. Рабочие и специалисты Монголии овладевают самой передовой техникой и технологией, осваивают современные методы организации труда и ведения хозяйства. В интернациональных коллективах, у советских рабочих и специалистов монгольские люди учатся социалистическому образу жизни, лучшим чертам советского человека.

В деле дальнейшего углубления советско-монгольской дружбы и сотрудничества важное значение имеют прямые связи между ведомствами, местными органами и трудовыми коллективами. Они дают широкую возможность для изучения и применения богатейшего советск

опыта, способствуют расширению непосредственных контактов между трудящимися двух стран.

Характеризуя советско-монгольские отношения, Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев сказал, что «в них участвуют самые широкие слои трудящихся, объединяемых пониманием общности исторических судеб наших народов, чувствами взаимной симпатии и уважения».

Новым этапом в дальнейшем неуклонном развитии братской дружбы и всестороннего сотрудничества между МНР и СССР стала встреча в августе 1985 г. в Москве товарищей М. С. Горбачева и Ж. Батмунха. Она вновь продемонстрировала полное единство позиций и взглядов КПСС и МНРП по всем вопросам, подтвердила обоюдную решимость и впредь всемерно укреплять и расширять нашу дружбу и сотрудничество. Важнейшим итогом этой встречи явилось подписание исторического документа основополагающего значения — Долгосрочной программы развития экономического и научно-технического сотрудничества между СССР и МНР на период до 2000 г. Она открывает новую высокую ступень в монголо-советских взаимоотношениях. В этой Программе вырисовывается перспектива, облик социалистической Монголии на рубеже XXI в. Выработка и осуществление данной Программы стало возможным именно на нынешнем этапе развития МНР, советско-монгольских отношений. Само их развитие породило эту форму сотрудничества.

Настоящая Программа органично увязывается с недавно принятой Комплексной программой научно-технического прогресса стран — членов СЭВ до 2000 г. МНРП и монгольское правительство высоко оценили Программу, направленную на решение поистине революционной задачи — достижение наивысшего уровня науки, техники и производства на важнейших направлениях научно-технического прогресса и тем самым существенное укрепление международных позиций мирового социалистического содружества. В Программу включен специальный пункт относительно ускорения процесса постепенного выравнивания уровня экономического развития МНР с другими братскими странами.

* * *

Сегодня о Монгольской Народной Республике говорят: «Страна, перешагнувшая через века». И это правда. Народная Монголия, где всего 60 с лишним лет назад еще господствовал феодализм и ключевые позиции в экономике занимал иностранный торгово-ростовщический капитал, а примитивное кочевое животноводство практически составляло единственную отрасль народного хозяйства, за короткий срок после народной революции 1921 г. превратилась в аграрно-индустриальную страну, успешно строящую социализм. Это стало возможным благодаря самоотверженному труду монгольского народа, мудрому руководству МНРП, интернациональной помощи и поддержке братских социалистических стран, и прежде всего Советского Союза.

Монгольский народ, руководимый Монгольской народно-революционной партией, следуя учению Ленина, совершил исторический переход от феодализма к социализму, минуя капиталистическую стадию развития. Об этом не могло бы быть и речи, если бы МНР не опиралась на классовый союз и всестороннее сотрудничество с первой страной социализма — СССР. Дружба и братство с партией Ленина, с родной Октябрем, с героическим советским народом являются величайшим завоеванием монгольских трудящихся. Весь ход развития МНР неразрывно связан с историей становления и упрочения советско-монгольских отношений, у истоков которых стояли гениальный вождь и учитель трудящихся всего мира В. И. Ленин и легендарный руководитель монгольской народной революции Д. Сухэ-Батор.

Историческим событием огромного значения для судеб монгольского народа, для развития и укрепления братской дружбы монгольского и советского народа явилось подписание 5 ноября 1921 г. Соглашения об установлении дипломатических отношений между революционной Монголией и Советской Россией.

В день подписания этого документа Владимир Ильич Ленин принял в Кремле монгольскую делегацию, встретился с Сухэ-Батором, дал ценнейшие советы и рекомендации по конкретным вопросам дальнейшего развития народного государства в Монголии. Единственно правильным путем для трудящихся Монголии В. И. Ленин считал борьбу за государственную и хозяйственную независимость их страны в союзе с рабочими и крестьянами РСФСР. МНРП в своей повседневной деятельности неуклонно и последовательно осуществляла заветы великого вождя. Так складывались советско-монгольские отношения, которые послужили образцом межгосударственных отношений совершенно нового типа, основанных на принципах классовой солидарности, полного равноправия и взаимной помощи между большими и малыми народами.

После победы революции монгольскому народу предстояло осуществить глубокие социально-экономические преобразования, коренную ломку старых, докапиталистических отношений в стране, обеспечить полную ликвидацию феодализма.

Задача была нелегкой, и приходилось ее решать в сложной международной и внутренней обстановке, в условиях ожесточеннейшей борьбы со свергнутым классом. Но всесторонняя политическая, экономическая и военная помощь Советской страны способствовала защите и укреплению революционных завоеваний монгольского народа.

Под влиянием идей Великой Октябрьской социалистической революции трудящиеся Монголии поднялись на борьбу за национальное и социальное освобождение. Эту борьбу возглавила Монгольская народно-революционная партия. Монгольская народная революция в июле 1921 г. поставила у власти в стране представителей трудового аратства. Она носила антиимпериалистический, антифеодальный, народно-демократический характер и являлась неотъемлемой частью мирового революционного процесса, начатого Октябрьской революцией в России. Вся история становления и развития суверенного монгольского государства, избравшего социалистический путь развития, неизменно связана с тесным союзом и многогранным сотрудничеством с Советским Союзом. Отношения между нашими странами явились первым в мировой практике опытом межгосударственных отношений нового, социалистического типа, получившим свое дальнейшее воплощение и развитие в мировом социалистическом содружестве. Это обстоятельство определяет особую историческую значимость сотрудничества СССР и Монголии.

Дружба и сотрудничество советского и монгольского народов с честью выдержали многие испытания в условиях враждебного окружения, укреплялись совместно пролитой кровью на полях сражений. Дружба с Советским Союзом способствовала неуклонному укреплению суверенитета МНР, росту ее авторитета и престижа на мировой арене.

В послевоенные годы юридическую основу советско-монгольских отношений заложил Договор о дружбе и взаимопомощи между СССР и МНР, заключенный в Москве в 1946 г. Договор дал новый импульс в решении стратегических задач социалистического этапа развития Монголии, в проведении дальнейших глубоких социально-экономических преобразований в стране, в обеспечении окончательной победы генеральной линии МНРП на переход Монголии от феодализма к социализму, минуя стадию капитализма. Монгольский народ, опираясь на бескорыстную помощь и всестороннее сотрудничество с Советским Союзом, под руководством МНРП успешно решил задачи по расширению государственного сектора, кооперированию аратских хозяйств, осу-

ществлению культурной революции, обеспечению победы социалистических производственных отношений в экономике, по превращению МНР в аграрно-индустриальное общество.

В 1966 г. был заключен Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и МНР. Монголия вступила в новую фазу своего развития — в период завершения строительства материально-технической базы социализма. Этот Договор отразил качественные изменения во внутренней жизни и в международном положении Монголии. Договор 1966 г. открыл исторический рубеж в расширении и углублении взаимоотношений Советского Союза и Монголии. Наши страны подтвердили решимость и впредь укреплять нерушимую традиционную дружбу, развивать всестороннее сотрудничество и братскую взаимопомощь между обеими странами на основе принципа социалистического интернационализма. Советский Союз и Монголия договорились о том, что они будут и впредь развивать и углублять экономические, научно-технические контакты как на двусторонней основе, так и в рамках многостороннего сотрудничества социалистических стран, в том числе по линии Совета Экономической Взаимопомощи, расширять научные, культурные и другие связи.

Советский Союз и Монголия, будучи пионерами становления и развития социалистических межгосударственных отношений, первыми начинали на практике осуществлять многие новые формы сотрудничества, которые впоследствии получили широкое применение в отношениях между другими социалистическими государствами. К таким формам сотрудничества, кроме создания совместных предприятий, следует отнести координацию народнохозяйственных планов, непосредственные связи между министерствами и ведомствами, прямые дружественные связи советских автономных республик, областей и городов с аймаками и городами Монголии и ряд других форм и направлений сотрудничества, обеспечивающих постоянное расширение и углубление взаимовыгодных и эффективных связей двух братских стран.

Всестороннее экономическое сотрудничество и бескорыстная интернационалистическая помощь братских социалистических стран, в первую очередь Советского Союза, играют важную роль в развитии народного хозяйства МНР, в деле выполнения экономических задач, выдвинутых на XVIII съезде МНРП.

Новой страницей во взаимоотношениях Монголии со странами социалистического содружества стало ее вступление в 1962 г. в Совет Экономической Взаимопомощи. Перед Монголией открылись перспективы расширения экономического сотрудничества на многосторонней основе в рамках международного социалистического разделения труда. Новая эра в развитии социалистического содружества была ознаменована принятой в 1971 г. на XXV сессии СЭВ «Комплексной Программой дальнейшего углубления и совершенствования сотрудничества и развития социалистической экономической интеграции стран — членов СЭВ». Эта Программа создала необходимые условия для накопления опыта сотрудничества в различных областях народного хозяйства стран — членов СЭВ, составления пятилетних планов многогранной интеграции, разработки долгосрочных целевых программ, а также совершенствования методов осуществления интеграции.

В комплексной Программе развития социалистической экономической интеграции, а также долгосрочных целевых программах сотрудничества были предусмотрены многие жизненно важные для Монголии вопросы, такие, как ускорение экономического развития МНР, мероприятия повышения народнохозяйственной эффективности, в частности совместное осуществление строительства и эксплуатации промышленных и других объектов в Монголии при финансовой и материально-технической помощи стран — членов СЭВ, оказание содействия в пол-

ном освоении проектных мощностей ранее построенных объектов, предоставление кредитов на льготных условиях, оказание помощи в разработке минеральных и полезных ископаемых, лесных ресурсов, в развитии науки и техники, применение научно-технических достижений в производстве, подготовка национальных кадров, повышение квалификации рабочих и инженеров. Так, например, в 1981—1985 гг. при технико-экономической помощи Советского Союза и других социалистических стран в МНР были построены и расширены многие важные для народного хозяйства объекты в сферах сельского и лесного хозяйства, легкой и пищевой промышленности, строительства, транспорта и связи, горно-рудной промышленности.

При помощи СССР в годы VII пятилетки в МНР началось строительство и вступили в строй 340 крупных сельскохозяйственных, промышленных и культурно-бытовых объектов. За прошедшие четыре года были введены в эксплуатацию крупнейшие объекты совместного строительства, такие, как горно-обогатительный комбинат «Эрдэнэт», первая очередь ТЭЦ-4 в городе Улан-Баторе, угольный разрез Баганур. Вступили в строй ковровая и пищевая фабрики в городе Эрдэнэте, завод керамических изделий, домостроительный комбинат, трикотажная и прядильная фабрики в Улан-Баторе, оросительные системы. Кроме того, в прошедшей пятилетке были построены многие тысячи квадратных метров жилой площади и культурно-бытовых объектов.

Большую роль играют прямые связи, установившиеся между республиками и областями СССР и аймаками МНР, между городами, министерствами, ведомствами, хозяйственными, научными и культурными учреждениями обеих стран. Это позволяет резко ускорить внедрение передового опыта, осуществлять мероприятия, направленные на увеличение выпуска продукции, экономию материальных ресурсов, совершенствование технологии производства.

Следует особо подчеркнуть, что советско-монгольские отношения всегда строились на принципах равенства и взаимной выгоды. Это подтверждается непрерывным расширением торговли между Советским Союзом и Монголией. Советский Союз многосторонне содействует в развитии индустрии и сельского хозяйства, поставляя в Монголию машины, оборудование, различные товары народного потребления. Растут масштабы приграничной торговли, совершенствуется ее структура.

Важной вехой в истории Монголии стал XIX съезд МНРП, состоявшийся в мае 1986 г. На нем были подведены итоги трудовой деятельности партии и народа за прошедший со времени XVIII съезда МНРП период, намечены новые задачи экономического и социального развития Монгольской Народной Республики на ближайшие годы. Съезд прошел в атмосфере растущей политической и созидательной активности трудящихся страны.

Монгольский народ в дни активной подготовки и после проведения XIX съезда МНРП — с чувством искренней признательности относит все свои достижения и успехи к дружбе и братству с КПСС и советским народом, заложенным великим В. И. Лениным и руководителем монгольской народной революции Д. Сухэ-Батором. Советы В. И. Ленина о том, что единственно правильным путем для трудящихся Монголии «является борьба за государственную и хозяйственную независимость в союзе с рабочими и крестьянами Советской России», и указания Д. Сухэ-Батора о том, что «опорными силами существования и процветания нашего монгольского государства являются трудовой народ внутри страны и Советская Россия за пределами страны», подтвердились всей послереволюционной историей и успехами, достижениями быстрого и всестороннего социального прогресса монгольского народа.

Наряду с этим Монголия успешно развивает экономические связи

с братскими социалистическими странами, членами СЭВ, которые оказывают большую помощь в строительстве социализма в МНР. Так, при помощи Венгрии в VII пятилетке осуществлена реконструкция биокомбината в Сонгино, мукомольного комбината в городе Хархорине, модернизирована и расширена швейная фабрика в городе Улан-Баторе. При техническом содействии Болгарии в 1984 г. закончена реконструкция, модернизация и расширение овчинно-шубной фабрики в городе Дархане, ведется строительство кирпичного завода в городе Алтае. ГДР оказывает технико-экономическое содействие в создании производственных мощностей по промышленной обработке мясопродуктов, реконструкции мясоконсервного комбината и расширению кормовой фабрики в Улан-Баторе. ПНР оказывает технико-экономическую помощь в строительстве цеха по производству гранулированных кормов при кормовом хозяйстве в Архусте, строительстве завода нетканых материалов в Улан-Баторе мощностью 1600 т изделий в год, строительстве завода силикатного кирпича в Чойбалсане и деревообрабатывающего комбината в Улан-Баторе. При помощи Чехословакии осуществляется реконструкция кожевенного завода и новой обувной фабрики в Улан-Баторе. При техническом содействии Румынии введен в строй мебельно-картонный комбинат в Улан-Баторе. Благодаря огромной экономической и технической помощи и содействию Советского Союза и стран социалистического содружества произошло качественное изменение в структуре народного хозяйства МНР. Экономика страны приобретает все более индустриальный характер, ускоренным темпом развиваются промышленность, строительство, транспорт и связь.

Братскую дружбу и сотрудничество стран социализма всячески стремятся нарушить империалисты и их пособники — различного рода националисты и ревизионисты. Они пытаются оклеветать взаимоотношения между нашими странами, подорвать или ослабить их сотрудничество. Империалистическая пропаганда, ревизионисты всех мастей пытаются противоопоставить пролетарский, социалистический интернационализм равноправию, независимости и суверенитету стран мировой социалистической системы. Поэтому сотрудничество стран социализма в борьбе за мир и безопасность имеет большое значение. Реальной гарантией экономической и политической независимости каждой социалистической страны может быть лишь несокрушимая сила и могущество социалистического содружества.

В настоящее время достигнута достаточно высокая степень сближения социалистических стран, успешно осуществляется сотрудничество в различных областях экономики, культуры, науки. Успешно работает Совет Экономической Взаимопомощи, определены основные направления развития народного хозяйства различных социалистических стран, что дает возможность лучше использовать естественно-географические условия, экономические возможности, исторические традиции каждой страны. Проводится координация народнохозяйственных планов, углубляются специализация и кооперирование производства. В то же время в социалистическом содружестве обеспечены подлинное равноправие и самостоятельность каждой входящей в него страны. Руководствуясь принципами полного равноправия, взаимной выгоды и товарищеской взаимопомощи, социалистические государства всесторонне совершенствуют экономическое, политическое и культурное сотрудничество, что отвечает интересам как каждой социалистической страны, так и социалистического содружества в целом.

Интересы ускорения научно-технического прогресса также требуют дальнейшего укрепления сотрудничества социалистических государств, ибо при нынешних темпах развития науки и техники, когда с каждым днем требуется все больше новых сложных машин, приборов и механизмов, каждому государству в отдельности трудно обеспечить все от-

расли народного хозяйства необходимыми конструкторскими кадрами, средствами и материалами.

В конечном итоге между социалистическими странами должны установиться такие отношения и такое размещение производительных сил, которые при данном уровне развития производства позволяли бы затрачивать на производство любого продукта наименьшее количество овец и живого труда. Ибо производительность труда — это самое важное, самое главное для победы социализма над капитализмом.

* * *

Экономическое сотрудничество Монголии со странами социалистического содружества характеризуется высокой результативностью, оказывая самое благотворное влияние на все отрасли народного хозяйства и культуры, способствуя их всестороннему развитию. Из значительного количества выявленных запасов природных ресурсов не все имеют технико-экономическое обоснование на предмет их рентабельной эксплуатации. Следует иметь в виду и то обстоятельство, что, хотя в последние годы промышленность МНР продолжает развиваться ускоренными темпами, определяющей отраслью экономики страны продолжает оставаться сельское хозяйство, главным образом животноводство. Почти половина всей валовой промышленной продукции вырабатывается на предприятиях, занятых переработкой сельскохозяйственного сырья. Около 70 % экспорта составляет продукция животного и растительного происхождения. Вот почему создание материально-технической базы социализма в Монголии осуществляется при всесторонней помощи СССР и других социалистических государств.

Определяющим моментом формирования оптимального народнохозяйственного комплекса, позитивных изменений в экономике Монголии является внешняя торговля, которой принадлежит особое место в обеспечении народного хозяйства машинами, оборудованием, сырьем и материалами, а населения страны — многими видами товаров широкого потребления. Внешняя торговля Монголии играет значительную роль в экономике общественного труда, реализуемой путем специализации страны на производстве товаров, пользующихся повышенным спросом на мировом рынке. К их числу относится продукция животноводства, легкой, пищевой и горнорудной промышленности. В национальном доходе МНР на долю внешней торговли приходится более 30 % всех поступлений. Почти на 90 % Монголия удовлетворяет свои потребности в средствах производства за счет импортируемых товаров, а в ее розничном товарообороте более 60 % приходится на долю импорта. По объему внешней торговли на душу населения Монголия занимает пятое место среди стран — членов СЭВ. Так, за 19 дней она экспортирует и импортирует товары на сумму, равную товарообороту МНР за весь 1940 г.

Базой постоянного роста внешней торговли Монголии является увеличение ее экспортных возможностей на основе развития животноводства и повышения его товарности, а также создания и укрепления отраслей промышленности экспортного направления — пищевой, легкой, деревообрабатывающей, горнорудной. Огромное влияние на это оказывает помощь братских стран социализма, особенно Советского Союза, которые в ряде случаев устанавливают поощрительные цены на животноводческое сырье и продукты его переработки, значительно превышающие цены на мировом рынке. В последние годы все более значительное место в экспорте МНР занимают промышленные товары народного потребления, а также продукция горнодобывающей промышленности. Большая часть экспортной продукции производится на предприятиях,

оснащенных новейшим оборудованием с использованием новейшей технологии. За последние годы значительно увеличилась номенклатура экспортных товаров, что явилось важным фактором неуклонного повышения роли МНР в международном социалистическом разделении труда.

Оборот внешней торговли между СССР и МНР за минувшие 5 лет увеличился на 44 %. Советский экспорт в МНР насчитывает 67 тыс. наименований товаров, которые имеют важное значение для развития народного хозяйства страны и повышения жизненного уровня монгольского народа. Следует отметить, что обязательства по долгосрочному торговому соглашению успешно выполняются как советской, так и монгольской стороной.

Вот несколько примеров, характеризующих объемы советских поставок в МНР. За 1981—1985 гг. в МНР было поставлено более 3200 тракторов, 6400 грузовых автомобилей, 850 автобусов, 1,5 млн. т бензина, 1,3 млн. т дизельного топлива, 25 тыс. т зеленого чая, 176 тыс. т муки, 94 тыс. т крупы, около 180 тыс. т сахара, более 260 млн. м хлопчатобумажных тканей, много других товаров.

В свою очередь из Монголии в СССР поставлялся медный и молибденовый концентраты, плавиковый шпат, шерсть, мясо, ковры. Появились на нашем рынке и новые товары — трикотаж из козьего пуха и верблюжьей шерсти, столярные изделия, керамзитовый гравий, минераловатные плиты и т. д.

Итоги экономического и научно-технического сотрудничества за прошедшее пятилетие стали новым значительным шагом в многолетней истории советско-монгольского содружества, ярко свидетельствуют о его неуклонном развитии по восходящей линии.

Долгосрочная программа определила основные приоритетные области сотрудничества. В ней отмечается, что важнейшей стратегической задачей советского содействия Монголии остается развитие ее сельского хозяйства, пищевой, легкой и горнорудной промышленности. Программой предусмотрены совместные мероприятия, направленные на развитие кормовой базы животноводства, увеличение поголовья скота и повышение его продуктивности, интенсификацию использования сельскохозяйственных угодий, улучшение социально-бытовых условий жизни сельских тружеников.

В ходе сотрудничества до 2000 г. будут осуществляться меры по максимальному использованию национальных ресурсов МНР по линии международного социалистического разделения труда.

Говоря о значении Долгосрочной программы, Генеральный секретарь ЦК МНРП, Председатель Президиума Великого Народного хурала МНР Ж. Батмунх отметил, что она будет способствовать ускорению развития и повышению эффективности экономики МНР, послужит дальнейшему расширению участия страны в социалистической экономической интеграции.

25 декабря 1985 года в Москве был подписан протокол о результатах координации народнохозяйственных планов СССР и МНР на 1986—1990 гг. Этим документом определены приоритетные направления сотрудничества двух стран. В частности, в области экономики усилия советских и монгольских организаций будут направлены на завершение строительства уже начатых объектов, расширение и реконструкцию действующих предприятий и хозяйств, а также на строительство новых предприятий, имеющих значение в решении первоочередных экономических и социальных задач, стоящих перед МНР.

Особое внимание будет обращено на дальнейшее развитие сельского хозяйства и пищевой промышленности путем укрепления материально-технической базы этих отраслей, развитие кормовой базы, увеличение поголовья и повышение продуктивности скота, интенсификацию

использования сельскохозяйственных угодий, создание условий по закреплению кадров на селе, повышение их квалификации и решение ряда социальных проблем села с учетом Целевой программы развития сельского хозяйства и улучшения продовольственного обеспечения населения МНР. Будут осуществляться мероприятия по повышению эффективности работы созданных при техническом содействии СССР сельскохозяйственных объектов.

По сравнению с предыдущей пятилеткой намечен рост объема товарооборота между СССР и МНР. В советском экспорте предусматривается значительное увеличение поставок товаров, предназначенных для дальнейшего развития сельскохозяйственного производства, легкой, пищевой, горнорудной, топливно-энергетической промышленности, транспорта и других отраслей народного хозяйства МНР, а также продовольственных и промышленных товаров. В предстоящем пятилетии в экспорте МНР возрастет удельный вес продукции горнорудной и легкой промышленности, при этом продукция животноводства сохранит в экспорте МНР важное значение.

В 1986—1990 гг. объем экономического и технического сотрудничества между СССР и МНР возрастет ориентировочно в 1,2 раза. Предполагается осуществить строительство около 420 объектов, в том числе около 80 — советскими организациями на условиях генерального подряда, и 340 объектов монгольскими строительными организациями при техническом содействии СССР. В связи с этим следует отметить дальнейшее увеличение удельного веса строительства силами монгольских организаций при техническом содействии СССР. Если в 1981—1985 гг. его доля составляла 20,7 %, то в 1986—1990 гг. она достигнет 32,8 % в общем объеме экономического содействия СССР. Программа нацелена на дальнейшую интенсификацию промышленного производства, улучшение использования основных фондов, экономию топлива и материалов, улучшение качества выпускаемой продукции и расширение ее ассортимента.

Подписанное 15 января 1986 г. Соглашение между Правительствами СССР и МНР об экономическом и научно-техническом сотрудничестве на 1986—1990 гг. явится важным этапом на пути реализации Долгосрочной программы монголо-советского сотрудничества.

В новой пятилетке советско-монгольское экономическое сотрудничество будет направлено на решение таких первоочередных экономических задач МНР, как обеспечение устойчивого развития сельского хозяйства, особенно животноводства, улучшение снабжения населения продовольствием и товарами народного потребления, опережающий рост добывающей и перерабатывающей промышленности, топливно-энергетического комплекса, укрепление строительной индустрии и всемерное наращивание экспортного потенциала страны. Количество объектов и мероприятий монголо-советского сотрудничества увеличится в 1,5 раза по сравнению с 1981—1985 гг. Особое внимание будет обращено на развитие совместных производственных предприятий, реконструкцию, расширение и модернизацию действующих объектов, концентрацию сил и средств для завершения строительства начатых объектов.

Согласована широкая программа сотрудничества по развитию отраслей непродуцированной сферы, а также в решении социальных проблем. В частности, при содействии СССР будут построены жилые дома площадью более 1 млн. м² с культурно-бытовыми объектами, учебные и больничные комплексы и многие др.

В новой пятилетке товарооборот между обеими странами возрастет более чем на 20 %. В монгольском экспорте увеличится удельный вес продукции горнорудной промышленности и готовых изделий легкой промышленности.

Уделяется внимание дальнейшему совершенствованию форм экономического и научно-технического сотрудничества и повышению его эффективности. Наряду с увеличением количества объектов, строящихся силами монгольских организаций при техническом содействии СССР, возрастет количество монгольских граждан, работающих в советских строительных организациях, будет расширено строительство объектов совместными силами советских и монгольских организаций.

С помощью соответствующих советских организаций будет разработана комплексная программа научно-технического прогресса МНР на 15—20 лет в тесной увязке с Комплексной программой научно-технического прогресса стран — членов СЭВ до 2000 г.

* * *

Все успехи, определяющие развитие и облик социалистической Монголии, многоотраслевая национальная промышленность, опирающаяся на самые последние достижения техники, целые промышленные центры, социалистическое механизированное сельское хозяйство, система народного образования, где уже подготавливаются условия для осуществления всеобщего полного среднего образования, достижения национальной культуры и искусства, которые вносят свой вклад в сокровищницу мировой социалистической культуры, развитие всех отраслей современной науки, участие в международных совместных исследованиях, в том числе в осуществлении программы «Интеркосмос», полет в космос гражданина МНР — все это является реальными плодами советско-монгольской дружбы. Только за последнюю четверть века при содействии Советского Союза в Монголии построено свыше 600 объектов народного хозяйства, в том числе 150 промышленных предприятий. Созданы и получили мощное развитие топливно-энергетическая, горно-рудная, легкая, пищевая, металлообрабатывающая и другие отрасли промышленности, строительная индустрия, транспорт и связь. Значительно укрепилась материально-техническая база сельского хозяйства. В 1980 г. по сравнению с 1960 г. производство совокупного общественного продукта в МНР увеличилось почти в 4 раза, а национальный доход — в 3 раза. Основные фонды народного хозяйства выросли за этот период в 8,5 раза, валовая продукция промышленности в 9,4 раза. Сейчас за одну неделю ее выпускается столько же, сколько за весь 1940 г.

По мере того как усложняются задачи социалистического строительства в МНР, все полнее раскрываются силы и значение советско-монгольской дружбы, растут ее масштабы, обогащается содержание, совершенствуются формы сотрудничества двух стран, возрастает его созидательная роль во всех звеньях общественной жизни.

Современный этап дружбы и сотрудничества СССР и МНР характеризуется углублением процесса всемерного сближения и консолидации во всех областях общественного развития, которые охватывают все новые и новые аспекты общественно-политической и экономической, научно-технической и культурной жизни.

Новый высокий уровень и эффективные формы этого сотрудничества находят свое отражение в объединении усилий для решения крупных народнохозяйственных задач, углублении производственной кооперации и специализации, обогащении практики совместного планирования, широком обмене опытом, создании смешанных хозяйственных объединений и т. д. Важным крупным шагом в укреплении энергетической базы народного хозяйства МНР стало соединение центральной энергосистемы страны с энергосистемой Советского Союза.

Совместные производственные объединения и предприятия базируются на коллективной межгосударственной собственности на средства производства, на совместной работе тружеников братских стран, слу-

жат образцом для внедрения новых перспективных форм сотрудничества социалистических стран. Особая ценность совместных предприятий заключается в том, что совместный труд братских народов становится школой взаимопомощи, сближения наших народов, школой подлинного утверждения интернациональной дружбы и братства, действенным фактором формирования интернационального коллектива. Велика помощь Советского Союза в подготовке квалифицированных кадров для народного хозяйства МНР. На промышленных предприятиях и заводах, вступивших в строй с помощью Советского Союза, трудится большое число высококвалифицированных советских инженеров, техников и рабочих, которые передают молодым монгольским рабочим свой богатый опыт освоения технологии производства, помогают готовить национальные кадры.

Непосредственные деловые контакты между министерствами, ведомствами, хозяйственными, научно-техническими и культурными организациями и учреждениями, между аймаками, городами, областями и автономными республиками СССР и МНР способствуют политической и экономической консолидации обеих стран, дальнейшему внедрению в производство новой техники и технологии, повышению квалификации рабочих, подготовке научных и инженерно-технических кадров и специалистов, выявлению и эффективному использованию природных ресурсов, воспитанию трудящихся в духе социалистического патриотизма и интернационализма. В сферу растущего сотрудничества вовлекаются все более широкие массы трудящихся, производственные, культурные и научные коллективы. Непосредственное общение и братские связи миллионов людей, многих трудовых коллективов двух стран являются ярким проявлением объективной закономерности их сближения и консолидации во всех областях общественного развития.

В ходе этих непосредственных связей осуществляется систематический обмен опытом партийных, государственных, общественных и хозяйственных организаций, трудовых коллективов и отдельных труженников.

Трудящиеся Монголии при решении задач социалистического строительства все шире и активнее изучают и перенимают опыт советского народа. В частности, широкое распространение получили план социального развития ленинградских коллективов, львовская комплексная система управления качеством продукции, опыт Ставропольского края по комплексной организации работы по сбору урожая. Ныне в МНР по львовской системе работают около 200 предприятий, хозяйственных организаций и учреждений обслуживания. Опыт ипатовцев применяется почти в 70 % всех госхозов и во многих сельскохозяйственных объединениях, занимающихся земледелием. По примеру знатного советского строителя Н. А. Злобина на хозрасчет перешла почти половина бригад системы Министерства строительства и промышленности строительных материалов МНР. Они выполняют 56 % всего объема строительно-монтажных работ.

Каждый шаг сотрудничества наших стран вносит определенный вклад в обогащение и умножение славных традиций и создает новые возможности их дальнейшего углубления.

Состоявшаяся в августе прошлого года в Москве дружеская встреча Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева с Генеральным секретарем ЦК МНРП, Председателем Президиума Великого Народного хурала МНР Ж. Батмунхом вновь ярко продемонстрировала полное единство позиций двух братских партий и стран по всем вопросам двусторонних отношений и международной обстановки, открыла новый этап и широкие перспективы для развития традиционного всестороннего сотрудничества между нашими странами. Реализация подписанной во время этой встречи Долгосрочной программы

развития экономического и научно-технического сотрудничества СССР и МНР на период до 2000 г. приведет к новому подъему экономического и научно-технического потенциала страны и тем самым будет способствовать успешному решению задач завершения строительства материально-технической базы социализма в МНР.

Современная практика сотрудничества СССР и МНР подтверждает идеи основоположников марксизма-ленинизма о том, что внутренние возможности стран социализма наиболее полно и эффективно используются лишь при согласовании и объединении усилий всех братских стран на основе взаимопомощи в процессе движения к общей цели. В единстве и всестороннем сотрудничестве братских стран — неиссякаемый источник их сил, гарантия их несокрушимости, важнейший залог дальнейшего всестороннего прогресса.

СССР — КНР: торгово- экономические отношения

А. П. КУЗНЕЦОВ

1 января 1986 г. вступило в силу соглашение между правительством СССР и правительством КНР о товарообороте и платежах в 1986—1990 гг. Это первое долгосрочное торговое соглашение за всю историю советско-китайских торгово-экономических отношений расценивается как советской, так и китайской сторонами как большой успех, достигнутый в результате двусторонних усилий, как основа для дальнейшего стабильного развития взаимовыгодных торговых отношений между двумя странами.

Договорно-правовой основой советско-китайских торгово-экономических отношений является Договор о торговле и мореплавании, подписанный 23 апреля 1958 г. правительствами СССР и КНР, который определил основные принципы осуществления торговли и судоходства между Советским Союзом и Китаем. Договором предусматривается, в частности, что «Договаривающиеся Стороны будут принимать все необходимые меры для развития и укрепления торговых отношений между обоими государствами в духе дружеского сотрудничества, взаимной помощи, на основе равноправия и взаимной выгоды»¹ и с этой целью будут заключать соглашения, в том числе долгосрочные, обеспечивающие развитие товарооборота в соответствии с потребностями народного хозяйства обеих стран. Согласно Договору, «Договаривающиеся Стороны предоставляют друг другу режим наиболее благоприятной нации во всех вопросах, касающихся торговли и мореплавания, а также других видов экономических связей между обоими государствами»².

Договор действует впредь до истечения шестимесячного срока со дня, когда одна из сторон уведомит о своем намерении прекратить его действие.

Конкретные условия осуществления торговых операций, принципы определения цен на товары, порядок проведения расчетов до 1986 г. предусматривались ежегодными межправительственными торговыми соглашениями. Прочие условия взаимных поставок товаров определены в «Общих условиях поставок товаров из СССР в КНР и из КНР в СССР» от 10 апреля 1957 г. В этом документе зафиксированы условия и сроки поставок товаров, порядок определения количества и качества взаимопоставляемых товаров, их упаковки и маркировки, правила извещений об отгрузке товаров, порядок платежей, обязательства и ответственность сторон, а также процедура применения санкций и предъявления претензий за нарушение условий поставок товаров и др.

В истории торгово-экономических отношений между СССР и КНР отчетливо просматривается несколько периодов. Первый период (до 1960 г.), начавшийся сразу после образования КНР, когда перед молодой республикой встали сложнейшие задачи преодоления разрухи, восстановления и развития экономики, характеризовался тесной дружбой

¹ Советско-китайские отношения. 1917—1957. Сборник документов. М., 1959, с. 396.

² Там же, с. 397.

и всесторонним сотрудничеством между СССР и Китаем. Советский Союз оказывал Китаю всестороннюю помощь в социалистическом строительстве. В 1959 г. товарооборот между СССР и КНР достиг своего максимального уровня — 1849 млн. руб.

Второй период советско-китайских торгово-экономических отношений (1960—1970) отмечен значительным их сокращением, что было вызвано не только внутриэкономическими факторами и крупными стихийными бедствиями, но и известной напряженностью в советско-китайских отношениях. Пятилетие 1966—1970 гг. явилось периодом наиболее резкого сокращения советско-китайской торговли и полного прекращения экономического и научно-технического сотрудничества. 1970 год стал годом минимального уровня товарооборота между СССР и КНР, когда он составил всего 42 млн. руб., то есть сократился в 44 раза против 1959 г.

Доля Советского Союза во внешнеторговом обороте Китая, достигшая в 1959 г. 50%, упала в 1966 г. до 7,3% и составила в 1970 г. всего лишь 1,8%.

Динамика советско-китайской торговли за 1951—1980 гг. (по пятилетиям) характеризуется следующими показателями³ (в млн. руб.)

Наименование	Год				1976—1980 к 1956—1960, в %	1976—1980 к 1966—1970, в %
	1951—1955	1956—1960	1966—1970	1976—1980		
Товарооборот	5112	7214	562	1551	21,5	276,0
Экспорт	2915	3316	303	807	24,3	266,3
Импорт	2197	3898	259	744	19,1	287,3

Годы последующего десятилетия (1971—1980) можно расценивать как третий период в развитии советско-китайских торгово-экономических отношений, в течение которого наметилась тенденция к стабилизации торговли на уровне 200—300 млн. руб. при относительной сбалансированности взаимных поставок товаров.

Из приведенной таблицы видно, что в пятилетии 1976—1980 гг. внешняя торговля между СССР и КНР хотя еще далеко не достигла максимального уровня 1956—1960 гг., однако уже почти в 3 раза превысила минимальный уровень 1966—1970 гг.

Достигнутый к началу 11-й пятилетки объем советско-китайской торговли далеко не отвечал возможностям и потребностям таких двух крупных соседних стран, как Советский Союз и Китай. Более полное использование этих потенциальных возможностей привело бы к быстрому и стабильному росту товарооборота между СССР и КНР, что отвечало бы долговременным интересам советского и китайского народов.

В результате взаимных усилий и взаимной заинтересованности стороны достигли договоренности о необходимости дальнейшего роста торговли между СССР и КНР. Эта договоренность претворилась в жизнь в 11-й пятилетке, что видно из данных таблицы на с. 69.

Товарооборот между Советским Союзом и Китаем в годы прошедшей пятилетки возрастал высокими темпами. Так, в 1984 г. он увеличился в 5,5 раза против уровня 1981 г. В 1985 г. произошло дальнейшее увеличение объема взаимной торговли до 1,6 млрд. руб., то есть рост ее составил 64% по сравнению с 1984 г.

Торговые связи между Советским Союзом и Китаем взаимовыгодны

³ См.: Внешняя торговля СССР. Статистические сборники за соответствующие годы.

и способствуют развитию экономик обеих стран, повышению благосостояния советского и китайского народов.

Советский Союз поставлял в Китай машины и оборудование, включая гражданскую авиатехнику, легковые и грузовые автомобили, сельскохозяйственную технику, горно-шахтное, энергетическое, текстильное оборудование, а также различные сырьевые и химические товары, строительные материалы и другие виды промышленной продукции: прокат черных металлов и стальные трубы, лесоматериалы, цемент, стекло, удобрения и др.

Динамика советско-китайской торговли
в 1981—1985 гг.⁴ (в млн. руб.)

Год	1981	1982	1983	1984	1985	1985 к 1981
Товарооборот	176,8	223,5	488,2	977,8	1605	в 9,1 раза
Экспорт	82,6	120,1	255,6	467,9	779	в 9,4 раза
Импорт	94,2	103,4	232,6	509,9	826	в 8,8 раза

Удельный вес машин, оборудования и транспортных средств в 1985 г. составил 31,3% от общего объема советского экспорта в КНР. Поставлено в Китай 37,6 тыс. легковых и грузовых автомобилей, 6 самолетов, 10 вертолетов, автомобильных и авиационных запасных частей на сумму около 20 млн. руб., значительные количества угледобывающего, нефтебурового, текстильного оборудования.

В свою очередь Китай поставил в СССР в 1985 г. продукцию горно-рудной промышленности, сельского хозяйства и животноводства, а также текстильные изделия и различные промышленные товары народного потребления.

Основными из них являются: аккумуляторы автомобильные, вольфрамный концентрат, плавиковый шпат и его концентрат, тальк молотый, канифоль, другие виды промсырья, зерновые и масличные, мясо и мясопродукты, фрукты, чай, соль поваренная, хлопок, шелк-сырец, различные ткани, трикотажные, швейные и меховые изделия, обувь и другие товары народного потребления.

В 1982 г. между СССР и КНР была достигнута договоренность о возобновлении приграничной торговли как одной из форм торговли, позволяющей изыскивать дополнительные ресурсы для увеличения общего товарооборота. В 1983 г. такая торговля была возобновлена между советскими районами Дальнего Востока через В/О «Дальинторг» и провинцией Хэйлуцзян и Автономным районом Внутренняя Монголия КНР через торговые компании этих районов. Объем ее составил в 1983 г. 6,3 млн. руб., в 1984 г. — 15,6 млн. руб. и в 1985 г. — 24,2 млн. руб. Следует отметить, что в 60-е годы максимальный объем приграничной торговли между СССР и КНР достигал только 5 млн. руб. в год.

Достигнута также договоренность о начале осуществления приграничной торговли между Казахской, Киргизской, Таджикской, Туркменской, Узбекской Советскими Социалистическими Республиками, Алтайским и Красноярским краями и Кемеровской областью, с одной стороны, и Синьцзян-Уйгурским автономным районом КНР, с другой стороны, через В/О «Востокинторг» и местную торговую импортно-экспортную компанию СУАР. Эта договоренность была оформлена путем обмена письмами 23 января 1986 г.

⁴ См.: Внешняя торговля СССР. Статистические сборники за соответствующие годы.

По линии приграничной торговли из Советского Союза в Китай поставляются строительные материалы, удобрения, сельхозинвентарь, мотоциклы, холодильники, стиральные машины и другие товары народного потребления в обмен на зернобобовые и мясные продукты, фрукты, ткани, швейные, трикотажные и меховые изделия, обувь и другие товары народного потребления.

Развитие приграничной торговли между советскими и китайскими пограничными районами взаимовыгодно: этот вид торговли расширяет ассортимент товаров в розничной торговой сети стран-партнеров, способствует укреплению и нормализации отношений между странами, создает условия для поддержания добрососедства и взаимопонимания между нашими народами.

Как одно из положительных явлений, способствующих развитию советско-китайских внешнеторговых отношений, можно отметить возобновление, начиная с 1983 г. автомобильных перевозок советских и китайских внешнеторговых грузов в синьцзянском направлении через приемо-сдаточные пограничные пункты Хоргос и Туругарт, объем которых составляет около 150 тыс. т в год.

Развитие торгово-экономических отношений между Советским Союзом и Китаем получило новые импульсы в связи с реализацией взаимных договоренностей, достигнутых в ходе визита по приглашению правительства КНР в конце 1984 г. первого заместителя Председателя Совета Министров СССР И. В. Архипова на его переговорах с заместителем премьера Госсовета КНР Яо Иллинем и другими руководителями Китайской Народной Республики. В Пекине были подписаны три соглашения между правительством СССР и правительством КНР: об экономическом и техническом сотрудничестве, о научно-техническом сотрудничестве и о создании советско-китайской комиссии по экономическому, торговому и научно-техническому сотрудничеству. Все 3 соглашения заключены сроком на 10 лет с автоматическим их продлением на следующие 5 лет каждый раз, если ни одна из сторон не уведомит другую сторону за полгода до истечения срока действия соглашений о своем намерении прекратить их действие.

Первые два соглашения предусматривают сотрудничество в разработке, обмене и передаче технологии и техники производства, проектировании, строительстве и реконструкции промышленных предприятий и других объектов, взаимном оказании технических услуг, поставках оборудования и материалов, подготовке технического персонала, обмене научными и техническими делегациями, отдельными учеными и специалистами, обмене научно-технической информацией и документацией, образцами изделий и материалов, «ноу-хау» и лицензиями, в организации научно-технических симпозиумов и научных конференций и т. д.

На советско-китайскую комиссию по экономическому, торговому и научно-техническому сотрудничеству, сопредседателями которой являются заместители глав правительств, возлагается контроль за ходом выполнения соглашений, подготовка предложений, направленных на содействие стабильному развитию экономического, торгового и научно-технического сотрудничества, совместное принятие мер для дальнейшего расширения сотрудничества. Как отмечалось в высказываниях советских и китайских руководителей, реализация этих соглашений будет содействовать экономическому строительству, повышению жизненного уровня населения в обеих странах, созданию благоприятной атмосферы для углубления взаимопонимания и доверия между народами СССР и КНР.

Во время переговоров в Пекине стороны пришли к заключению, что существовавшая до последнего времени практика подписания годовых соглашений о товарообороте и платежах при значительно возросших

объемах торговли уже не соответствует перспективам дальнейшего ее увеличения и расширения. Была достигнута договоренность о подписании в 1985 г. соответствующих документов о торговле и экономическом сотрудничестве на долгосрочной основе.

В июле 1985 г. в ходе официального визита в СССР по приглашению Советского правительства заместителя премьера Госсовета КНР Яо Илина между правительствами СССР и КНР были подписаны Соглашение о товарообороте и платежах в 1986—1990 гг. и Соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве в строительстве и реконструкции промышленных объектов в КНР.

Этими документами предусматривается ежегодное расширение взаимных поставок товаров в период до 1990 г., определяются промышленные и другие объекты КНР, в реконструкции и строительстве которых примет участие Советский Союз.

В преамбуле к соглашению о товарообороте и платежах в 1986—1990 гг. говорится, что правительства СССР и КНР согласились о подписании настоящего соглашения, отмечая рост товарооборота между обеими странами в последние годы и в целях создания условий для его стабильного развития, исходя из принципов равенства и взаимной выгоды, руководствуясь стремлением к осуществлению торговых отношений между обеими странами на долгосрочной основе, в целях оказания содействия в развитии экономики обеих стран.

В статье 1 соглашения отмечено, что оба правительства будут с благожелательностью изучать и принимать решения по предложениям, которые могли бы быть выдвинуты одним из них в целях достижения более тесных торгово-экономических отношений между обеими странами.

Соглашением определено, что взаимные поставки товаров между СССР и КНР в 1986—1990 гг. будут осуществляться в соответствии с товарными списками, приложенными к соглашению и являющимися его неотъемлемой частью.

Эти списки по номенклатуре и количествам товаров могут уточняться с учетом потребностей и возможностей обеих стран и с согласия обоих правительств при заключении ежегодных протоколов о товарообороте и платежах.

Соглашением предусматривается рост объема взаимных поставок в предстоящем пятилетии до 12 млрд. руб., а в последнем году пятилетки — до 3 млрд. руб., то есть намечаемый объем торговли на 1990 г. должен вдвое превысить уровень 1985 г.⁵

В соответствии с подписанным соглашением удельный вес машин, оборудования и транспортных средств в советском экспорте в КНР за пятилетие в среднем должен составить примерно 50%. Советский Союз будет поставлять в Китай в 1986—1990 гг. металлорежущие станки, кузнечно-прессовое оборудование, энергоблоки, вагоны, электровозы, тракторы, грузовые и легковые автомобили, самолеты, запасные части к авто- и авиатехнике, птицеводческое оборудование и другие виды оборудования.

Из числа сырьевых товаров, подлежащих поставке из Советского Союза в Китай в текущем пятилетии, наиболее важными являются: энергетический уголь, чугун, прокат черных металлов, трубы стальные и изделия дальнейшего передела, алюминий, карбамид, цемент, лесоматериалы.

Соглашением предусмотрена поставка из КНР в СССР в 1986—1990 гг. горнорудных, сельскохозяйственных, животноводческих и других сырьевых товаров, а также широкой номенклатуры промышленных товаров народного потребления.

Среди наиболее важных: аккумуляторы автомобильные, продукция

⁵ См.: «Правда», 11.VII.1985.

горнорудной промышленности, зерновые и масличные культуры, мясо и мясопродукты, фрукты, чай, поваренная соль, хлопок, различные ткани; трикотажные, швейные, меховые, пуховые изделия, обувь спортивная и другие товары.

Соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве в строительстве и реконструкции промышленных объектов в КНР подписано с целью развития экономического и технического сотрудничества между обеими странами, в соответствии с советско-китайским Соглашением об экономическом и техническом сотрудничестве от 28 декабря 1984 года.

Соглашением предусмотрено, что оплата расходов советских организаций, связанных с его выполнением, будет производиться китайской стороной на условиях действующего советско-китайского соглашения о товарообороте и платежах.

Это соглашение вступило в силу в день его подписания (10 июля 1985 г.) и будет действовать до полного выполнения обязательств, предусмотренных контрактами, заключенными в его исполнение.

Соглашением предусматривается сотрудничество в строительстве 7 новых объектов и реконструкции 17 объектов в КНР в таких отраслях, как энергетика, черная и цветная металлургия, машиностроение, угольная промышленность, химия, транспорт и других⁶.

Подписанные долгосрочные соглашения создали хорошую основу для развития торгово-экономических отношений между СССР и КНР на стабильной основе. Они позволяют обеим странам учитывать взаимные обязательства при разработке пятилетних государственных планов на 1986—1990 гг.

Поскольку подписанные документы не исчерпывают потенциальных возможностей и потребностей Советского Союза и Китая, стороны достигли договоренности не считать товарные контингенты, определенные соглашениями, ограничительными, и при заключении ежегодных протоколов о товарообороте и платежах предусматривать увеличение взаимных поставок товаров.

Наши страны не являются конкурентами на внешнем рынке, номенклатуры товаров, экспортируемых Советским Союзом и Китаем, не повторяют друг друга. Поэтому расширение товарообмена взаимовыгодно для обеих стран и призвано служить развитию экономики и повышению благосостояния наших народов. Однако выполнение подписанных соглашений сопряжено для обоих государств с определенными трудностями.

Прежде всего — это транспортная проблема. В связи с резким возрастанием объемов взаимных поставок товаров такими же темпами будет увеличиваться и грузооборот. Поэтому нерешенность вопросов перевозки внешнеторговых грузов всеми видами транспорта может стать серьезным препятствием при выполнении подписанных соглашений. Совещание по транспортным вопросам, проведенное в Москве в марте 1985 г. с участием представителей транспортных, внешнеторговых и планирующих организаций СССР и КНР, поставило перед транспортниками обеих стран очень важные задачи. От их успешного решения будет зависеть транспортное обеспечение взаимных поставок товаров между СССР и КНР в 1986—1990 гг.

Второе совещание по транспортным вопросам было проведено в Пекине в январе 1986 г. На нем были обсуждены итоги выполнения заданий по перевозкам экспортных, импортных и транзитных грузов между СССР и КНР в 1985 г., которые возросли по сравнению с 1984 г. из СССР в КНР в 1,3 раза и из КНР в СССР в 3 раза.

Были согласованы объемы перевозок внешнеторговых грузов на

⁶ См.: «Правда», 11.VII.1985.

1986—1990 гг. с распределением их по годам, родам грузов и видам транспорта. Объем перевозок возрастет с 7,7 млн. т в 1985 г. до 12 млн. т в 1990 г.

Во исполнение долгосрочного торгового соглашения 23 января 1986 г. в Пекине был подписан Протокол между правительствами СССР и КНР о товарообороте и платежах в 1986 г., которым предусмотрен объем советско-китайской торговли в текущем году в размере 1,7 млрд. руб., или на 7,7% выше фактического уровня товарооборота 1985 г. В неизменных ценах 1985 г. этот рост составляет 21,7%. Соответственно возрастает и грузооборот до 8,7 млн. т, или на 13%. В соответствии с протоколом СССР поставит в КНР машины, оборудование и транспортные средства (33% советского экспорта в Китай), черные металлы, удобрения, цемент, деловую древесину, холодильники и другие товары. Из КНР в Советский Союз будут поставляться соевые бобы, кукуруза, мясо и мясопродукты, хлопок, чай, ткани, швейные, трикотажные и меховые изделия и другие промышленные товары народного потребления.

Объемы взаимных поставок товаров базируются на межправительственном соглашении о товарообороте и платежах в 1986—1990 гг. Реализация обязательств, предусмотренных протоколом, создаст условия для дальнейшего роста взаимовыгодного товарооборота между двумя странами.

Протокол вступил в силу со дня его подписания и будет действовать по 31 декабря 1986 г.

Подписание долгосрочных соглашений нашло широкое отражение и одобрение на страницах как советской, так и китайской печати.

Политбюро ЦК КПСС отметило важное значение подписанных соглашений. «Подтверждена необходимость на взаимоприемлемой и равноправной основе и дальше прилагать усилия обеих сторон в целях полного преодоления негативной полосы в советско-китайских отношениях и восстановления добрососедского сотрудничества»⁷.

Газета «Жэньминь жибао» в сообщении о подписании соглашений отмечала, что «Китай и Советский Союз пережили годы взаимного отчуждения, и это вызывает сожаление. За последние несколько лет благодаря усилиям обеих сторон в китайско-советских отношениях произошли позитивные изменения, и прежде всего развитие получили торгово-экономические отношения двух стран. Однако сделать предстоит еще много. Потенциал экономического сотрудничества между двумя странами предстоит еще дальше увеличивать»⁸.

В докладе XXVII съезду КПСС «Об основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1986—1990 гг. и на перспективу до 2000 года» Председатель Совета Министров СССР Н. И. Рыжков сказал, в частности, что в этот период значительно расширится товарооборот Советского Союза с Китайской Народной Республикой. Вновь было подтверждено последовательное стремление СССР улучшать отношения с КНР, расширять разностороннее сотрудничество между двумя странами.

В период с 15 по 21 марта 1986 г. в Пекине состоялось первое заседание советско-китайской комиссии по экономическому, торговому и научно-техническому сотрудничеству, на котором были приняты конкретные решения по ряду важных вопросов двусторонних торгово-экономических и других отношений.

Стороны с удовлетворением отметили, что в последние годы торгово-экономические отношения между двумя странами непрерывно раз-

⁷ «Правда», 19.VII.1985.

⁸ См.: «Жэньминь жибао», 11.VII.1985.

вивались, наряду с ростом объемов торговли расширяется номенклатура взаимопоставляемых товаров.

Комиссия пришла к единодушному мнению, что на основе долгосрочного соглашения о товарообороте и платежах в 1986—1990 гг. от 10 июля 1985 г. торговля между Советским Союзом и Китаем, включая приграничную торговлю, получит дальнейшее развитие.

Был проверен ход выполнения подписанного 10 июля 1985 г. советско-китайского соглашения об экономическом и техническом сотрудничестве в строительстве и реконструкции промышленных объектов в КНР и рассмотрена возможность его расширения. Комиссия одобрила подписанный в период заседания Протокол об условиях взаимного командирования инженерно-технического персонала.

Комиссия одобрила итоги работы, проделанной делегациями СССР и КНР по транспортным вопросам, и разработанные ими мероприятия по комплексному решению вопросов транспортировки внешнеторговых грузов железнодорожным, морским, речным и автомобильным транспортом на период 1986—1990 гг.

Стороны положительно оценили начатый в 1982 г. обмен ознакомительными делегациями и группами в области научно-технического сотрудничества, отметили, что СССР и КНР располагают значительными резервами в этой области и будут в дальнейшем укреплять научно-техническое сотрудничество в соответствии с соглашением, подписанным в декабре 1984 г.

Комиссия поручила соответствующим организациям сторон разработать план по обмену выставками на период до 1990 г. и представить его на рассмотрение второго заседания комиссии.

Принято решение о создании в рамках комиссии постоянной рабочей группы по транспорту и постоянной подкомиссии по научно-техническому сотрудничеству и утверждено положение об этих органах.

Второе заседание комиссии намечено провести в Москве в мае — июне 1987 г.

По итогам работы первого заседания комиссии председатель советской части комиссии первый заместитель Председателя Совета Министров СССР И. В. Архипов и председатель китайской части комиссии заместитель Премьера Госсовета КНР Ли Пэн 21 марта 1986 г. подписали протокол, в котором отмечено, что заседание проходило в духе дружбы и в деловой атмосфере.

18 марта с. г. Премьер Госсовета КНР Чжао Цзыян принял И. В. Архипова и имел с ним беседу, во время которой было выражено удовлетворение существующим прогрессом в развитии торгово-экономического и научно-технического сотрудничества между СССР и КНР в последние годы. Была выражена обоюдная уверенность, что итоги первого заседания советско-китайской комиссии по экономическому, торговому и научно-техническому сотрудничеству послужат серьезным импульсом для продвижения в этих областях.

Ход первого заседания комиссии широко освещался как в советской, так и китайской прессе, по радио и телевидению.

«Думая о будущем, говорилось в Политическом докладе XXVII съезду КПСС — можно сказать, что резервы сотрудничества СССР и Китая огромны. Они велики потому, что такое сотрудничество отвечает интересам обеих стран; потому, что неразделимо самое дорогое для наших народов — социализм и мир».

От редакции

С 18 ноября по 17 декабря 1985 г. по приглашению Академии наук СССР в нашей стране находилась делегация ученых-экономистов Китая во главе с первым заместителем директора Института экономики Госплана КНР профессором Ван Цзие. Делегация посетила ряд научных и практических советских организаций в Москве, совершила поездку в города Вильнюс, Ленинград, Тбилиси, Ташкент, осмотрела достопримечательности города Самарканда. Во время пребывания в Советском Союзе делегация знакомилась с опытом хозяйственного строительства в нашей стране, организацией научных исследований в СССР, другими интересовавшими ее экономическими аспектами.

20 ноября 1985 г. состоялась беседа членов делегации в Институте Дальнего Востока АН СССР, на которой глава делегации выступил с сообщением о ходе хозяйственной реформы в Китае. Ниже дается перевод тезисов выступления профессора Ван Цзие с незначительными сокращениями. Тезисы в общем виде отражают подход китайских ученых к вопросу хозяйственной реформы КНР.

Реформа хозяйственной системы в Китае стала осуществляться (с конца 1978 г.—Прим. ред.) вначале в деревне. В ходе ее проведения всеобщее распространение получила система производственной ответственности с различными формами коллективного подряда, что дало весьма большой эффект. Сейчас в деревне идет процесс упорядочения структуры сельскохозяйственного производства, цель которого состоит в направленном развитии сельского хозяйства в сторону специализации, превращения его в товарное и осуществления модернизации.

Что касается реформы в городах, то здесь, как и в деревне, велись многочисленные поиски и осуществлялся целый ряд экспериментов, что дало немалый эффект и позволило приобрести соответствующий опыт. В экономике страны наблюдается оживление, которого не было уже долгие годы. III пленум ЦК КПК (двенадцатого созыва), состоявшийся в октябре 1984 г., обобщил опыт реформы хозяйственной системы в городах и сельской местности и выработал решение, предусматривающее ускоренное осуществление реформы всей хозяйственной системы с упором на ее проведение в городе.

При проведении реформы в КНР руководствуются двумя основными принципами: 1) главенствующее место — для социалистической собственности, и 2) обеспечение достатка — для всех. Плановое использование иностранного капитала и частичное развитие индивидуального хозяйства подчинены общему требованию развития социалистической экономики.

Осуществляя эти преобразования, в КНР учитывают внутреннее положение страны, реальное состояние экономики, потребности ее развития, увязывают основополагающие принципы марксизма с китайской действительностью, идут своим путем, не копируя модели каких-либо других стран, но стараясь использовать при этом передовые методы хозяйствования и управления, присущие современному производству, в том числе и методы развитых капиталистических стран. Китайская реформа хозяйственной системы не затрагивает основ общественного

стройка. Эта реформа касается системы и форм управления, которые уже не отвечают требованиям развития производительных сил. Проводимая реформа не затрагивает социалистический базис, а более того, направлена на дальнейшее совершенствование и развитие системы социализма. Посредством преобразований в КНР постепенно создается социалистическая хозяйственная система с присущей Китаю спецификой, обладающая жизнестойкостью и жизнеспособностью, стимулирующая развитие производительных сил общества.

Важнейшие аспекты реформы хозяйственной системы, проводимые в настоящее время, главным образом в городах, состоят в следующем:

1. Расширение самостоятельности предприятий, укрепление их жизнеспособности. При этом укрепление жизнеспособности предприятий, особенно крупных и средних, является центральным звеном реформы.

2. Преобразование системы торговли, активизация товарного обращения. Исходя из необходимости всемерного развития системы товарного обращения, ранее существовавшая система преобразуется в «открытую систему». Она становится «многоканальной», с меньшим числом промежуточных торговых звеньев; формируется широкая сквозная связь товарного обращения между городом и деревней; развивается единый социалистический рынок.

3. Осуществление реформы системы внешней торговли, расширение экономических и технических связей с заграницей. Основным принципом при проведении реформы внешней торговли состоит в том, чтобы укреплять единое руководство и контроль, учитывая новую ситуацию, все более широко предоставлять права организациям на местах, оживлять хозяйственную деятельность, развивать активность во всех областях.

4. Постепенно осуществлять реформу системы цен на основе принципа эквивалентного обмена и учета спроса и предложения.

5. Проведение реформы системы заработной платы в рамках реализации принципа распределения по труду. В этом году в КНР в порядке очередности проводится реформа системы заработной платы в неполной средней и начальной школах, государственных учреждениях и других организациях непродуцирующей сферы, в ходе которой уровень заработной платы тесно увязывается с должностным статусом и трудовыми заслугами. Структурно заработная плата состоит из четырех частей: основной зарплаты, должностного оклада, который устанавливается в каждом отдельном случае в соответствии с должностными тарифами по фактически занимаемой административной или технической должности, надбавки за стаж работы и премиальных. Одновременно на небольшом количестве предприятий всенародной собственности проводится эксперимент, суть которого состоит в том, что общий фонд заработной платы рабочих и служащих изменяется в определенном соотношении в зависимости от экономической эффективности работы данного предприятия. Ведется поиск в этой области.

6. Осуществление реформы системы планирования, усиление использования экономических рычагов. Реформа системы планирования является важнейшей составной частью реформы в области хозяйственного управления. В последние несколько лет в КНР осуществлены некоторые первоначальные преобразования ранее существовавшей системы планирования. Они заключались главным образом в том, что были постепенно сужены рамки директивного планирования, ослаблены ограничения в области планового управления. В настоящее время усиливается работа по управлению и сбалансированию экономики на макроуровне. В процессе планового управления комплексно используются экономические меры регулирования.

В директивах ЦК КПК по составлению VII пятилетнего плана, принятых Всекитайской партийной конференцией (1985), выдвинуты концепции дальнейшего проведения реформы хозяйственной системы и

предложены меры по их реализации. Упор делается главным образом на три взаимосвязанные положения.

Во-первых, на необходимости дальнейшего укрепления жизнеспособности предприятий, в особенности крупных и средних предприятий всемирной собственности, с тем чтобы они действительно превратились в относительно независимые, самостоятельные, действующие на основе хозрасчета социалистические товаропроизводители.

Во-вторых, на дальнейшем развитии социалистического планового товарного рынка, постепенном совершенствовании рыночной системы. Одновременно с дальнейшим расширением рынка потребительских товаров и рынка средств производства имеется в виду постепенно создавать фондовые и технологические рынки, способствовать рациональному перемещению рабочей силы. Ключом к постепенному совершенствованию рыночной системы является реформа цен и системы регулирования цен.

В-третьих, в управлении государством предприятиями намечается постепенный переход от прямого контроля к косвенному как главной форме контроля. Чтобы осуществить этот переход, потребуется создание новой системы управления экономикой на макроуровне, а управление отраслями экономики и регулирование их развития будет осуществляться главным образом с помощью экономических и юридических мер, а также в случае необходимости — путем применения административных мер. Это коренной поворот в хозяйственном управлении, который характеризует основное содержание реформы.

Три вышеуказанных момента требуют комплексного осуществления реформы планирования, финансовой системы, системы денежного обращения, труда и заработной платы с тем, чтобы создать механизм, в котором бы органически сочетались план и рынок, макро- и микроэкономика.

Всесторонняя реформа хозяйственной системы в Китае только-только начинает развертываться, общее ее направление считается правильным, что же касается конкретных мероприятий и шагов, то здесь еще нужны постоянный поиск и эксперименты. Намечается в обозримой перспективе осуществить комплексную, взаимоувязанную реформу, которая будет способствовать развитию производительных сил общества, дальнейшему улучшению жизни людей.

Перевод с кит. яз. А. А. БАКСУКОВА

Шестая пятилетка КНР: итоги и проблемы

С. В. СТЕПАНОВ,
В. Я. ПОРТЯКОВ

Первая половина 80-х годов оказалась весьма знаменательной в истории развития народного хозяйства КНР, как и всего китайского общества. Это были годы серьезной переоценки прошлого, отказа от многих иллюзий и заблуждений, определения новых целей и принципов. В экономике произошел решительный, но не безболезненный переход от левацких волюнтаристских методов управления на путь более реалистической политики. Была поставлена задача — в более полной мере учитывать объективные законы экономической жизни страны и специфические условия развития Китая, изыскать и активно использовать новые стимулы роста.

Хозяйственное развитие КНР в годы минувшей пятилетки (1981—1985) неотделимо от тех важнейших процессов, которые происходили во внутренней жизни страны, в ее международных отношениях. Нельзя не вспомнить, что в эти годы в Китае были восстановлены относительный порядок, деятельность основных государственных институтов и общественных организаций, приняты новая Конституция и Устав КПК. Было обновлено руководство партийных, государственных и хозяйственных органов, причем в значительной степени за счет привлечения молодых кадров¹. Важные изменения произошли в структуре высших хозяйственных звеньев². Наконец, значительно активизировалась и расширилась международная деятельность КНР.

Большое внимание и более трезвый подход к экономическим проблемам вместе с определенным оздоровлением всей обстановки в стране в годы 6-й пятилетки предопределили заметное оживление хозяйственной жизни в КНР и довольно высокие темпы развития. Среднегодовые темпы роста национального дохода в 1981—1985 гг. составили 10%, промышленного производства — 10,7, сельскохозяйственного — 8,1%³.

Темпы роста экономики существенно превысили задания пятилетки, которые предусматривали среднегодовой прирост как в промышленности, так и в сельском хозяйстве около 4%. По большинству основных показателей пятилетний план был выполнен или перевыполнен еще в 1984 г. По ряду показателей (цемент, автомобили, станки, энергооборудование) превышение плана было значительным и составило 20—60%, а по производству маломощных тракторов — до 140% (см. табл. 1).

Высокими темпами росло производство потребительских товаров, особенно товаров длительного пользования. Массовый выпуск некоторых из них был впервые осуществлен в КНР в годы 6-й пятилетки. Например, в 1981 г. в стране было произведено 5,4 млн. телевизоров (в том числе 30 тыс. — цветных), а в 1985 г. — 16,2 млн. (4,1 млн. —

¹ 1,1 млн. старых кадров покинули руководящие посты, более 200 тыс. молодых руководителей выдвинуты на ответственные должности выше уездного уровня, на последней конференции КПК замснено 64 члена и кандидатов в члены ЦК старшего поколения (прим. авт.).

² В результате проведенной в 1982—1983 гг. реформы государственного аппарата число министерств, комитетов и управлений Госсовета сократилось со 100 до 61, а количество занятых в них административных работников уменьшилось на 12 тыс. человек (прим. авт.).

³ См.: «Жэньминь жибао», 12.I.1986.

Таблица 1

Производство основных видов промышленной и сельскохозяйственной продукции

	Ед. изм.	1980 г.	1984 г.	1985 г. (факт)	1985 г. (план)	1985 г. к 1980 г. в %
Уголь	млн. т.	620,0	789,0	850,0	700	137
Нефть	»	106,0	114,6	125,0	100	118
Электрoэнергия	млрд. кВт. ч.	300,6	377,0	407,3	362	135
Сталь	млн. т	37,1	43,5	46,7	39	125
Цемент	»	79,9	123,0	142,5	98	178
Химические удобрения	»	12,3	14,6	13,4	13,4	109
Автомобили	тыс. шт.	222,3	316,4	439,0	200	197
Станки	»	133,6	133,5	155,0	100	116
Тракторы крупные и средние	»	97,7	39,7	44,6	60	46
Тракторы мелкие	»	217,9	688,6		280	316*
Энергооборудование	млн. кВт	4,2	4,6	5,6	3,5	133
Ткани	млрд. м	13,5	13,7	14,3	15,3	106
Зерно	млн. т	320,6	407,3	379	360	118
Хлопок	»	2,7	6,3	4,15	3,6	153
Масличные	»	7,7	11,9	15,8	10,5	205
Мясо	»	12,1	15,4	17,6	14,6	145
Сахар	»	2,6	3,8	4,4	4,3	173

Источники: Гоминь цзинцзи хэ шэжуэй фачжань дилюэ уянь цзинхуа (Шестой пятилетний план народнохозяйственного и социального развития). Пекин, 1983; Чжунго цзинцзи няньцянь 1985, III — 2, 24; «Цзинцзи жибао», 1.III.1986.

* — 1984 г. в % к 1980 г.

цветных), кассетных магнитофонов — соответственно 2,8 и 8,8 млн., стиральных машин — 1,3 и 8,8 млн. Хотя обеспеченность населения этими изделиями еще не столь велика, все же они перестали быть редкостью в стране.

Особенно заметен в 6-й пятилетке КНР подъем сельского хозяйства, которое до этого рубежа в течение более двух десятилетий находилось, по сути, в состоянии стагнации или спада. Например, в прошедшей пятилетке среднегодовые сборы зерна были на 65 млн. т больше, чем в предыдущей пятилетке, урожай хлопка возрос в 1,5 раза, масличных — в 2, производство мяса увеличилось почти в 1,5, а сахара — в 1,7 раза.

Позитивные сдвиги в китайском сельском хозяйстве связаны прежде всего с экономической реформой — с переходом крестьян на семейный подряд, что повысило их заинтересованность в увеличении производства. Немаловажным стимулом выступает повышение в 1978—1983 гг. закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию — в среднем в 1,5 раза, которое обеспечило около 30 % прироста чистого дохода крестьян. Росту производства в сельском хозяйстве содействовало увеличение объема продажи государству продукции по повышенным («сверхплановым») и договорным ценам (около 1/3 всего объема закупок в 1984 г. против 8 % в 1978 г.)⁴.

С 1985 г. КНР превратилась в нетто экспортера аграрной продукции. Правда, возникли проблемы с транспортировкой, хранением и сбытом некоторых видов сельхозпродукции. Под воздействием относительного перепроизводства (при существующем уровне потребительского спроса) в 1985 г. посевные площади под зерном сократились на 4,4 млн. га, под хлопком — на 1,3 млн. га при их росте в целом по стране на 1,1 млн. га⁵. Встал вопрос расширения внешних рынков сбыта.

⁴ См.: «Цзинцзи сюэ чжоубао», 1.X.1984.

⁵ Ип: «China Daily», 20.30.VIII.1985.

В рассматриваемый период улучшились макроэкономические пропорции в народном хозяйстве КНР. Несколько уменьшилось отставание сельского хозяйства и легкой промышленности, темпы роста которых были выше, чем в тяжелой промышленности (11,4 %, 12,0 и 9,6 % соответственно)⁶. В результате изменилось соотношение между основными отраслями экономики: в совокупной продукции сельского хозяйства и промышленности доля первого с 27,8 % в 1978 г. повысилась до 34,8 % в 1985 г.; в валовом промышленном производстве удельный вес легкой промышленности возрос за те же годы с 43,1 до 47,4 %. Доля накопления в национальном доходе уменьшилась с 36,5 % в 1978 г. до 32 % в 1985 г.⁷ хотя, по мнению многих китайских специалистов, ее рациональный уровень должен быть ниже 30 %.

По официальным данным, за годы 6-й пятилетки в городах КНР было трудоустроено 35 млн. человек. Доходы в семьях рабочих и служащих (в среднем на душу) в 1985 г. достигли почти 95 юаней в месяц. Их прирост за пятилетие составил 13 % в среднем за год, а за вычетом фактора роста цен — 9,3 %⁸. Доходы крестьян в среднем на душу за пятилетку удвоились и составили свыше 33 юаней в месяц.

В городах КНР введено в эксплуатацию 920 млн. кв. м жилья (в 2,3 раза больше, чем предусмотрено планом), или в среднем по 4,6 кв. м на человека⁹. Значительными были масштабы жилищного строительства и на селе: в 1979—1984 гг. было построено в среднем по 5,5 кв. м жилья на каждого жителя¹⁰.

Розничный товароборот удвоился за пятилетку, в 1,5 раза превысив плановые показатели¹¹. В стране отменены карточки на большинство потребительских товаров.

Все это дало основание китайской печати прийти к оптимистическому выводу: «В области экономики мы уже вступили в самый благоприятный после образования государства (провозглашения КНР. — Прим. авт.) период — период бурного развития»¹².

Вместе с тем, принимая во внимание высказывания китайской печати, есть основания полагать, что в определенной степени показатели темпов роста были завышены из-за приписок и несовершенства методов расчетов. Так, некоторые китайские авторы считают, что в 1981 г. промышленное производство в КНР возросло не на 4,1 % (как показала сводка ГСУ), а на 3 %¹³. Завышение происходило и по причине увеличения повторного счета. Например, в 1984 г. при росте валовой стоимости продукции мелких сельских предприятий на 43,5 % стоимость, созданная живым трудом, увеличилась только на 27 %, а стоимость, возникшая в результате переноса стоимости овеществленного труда, — на 51,3 %. Такое несоответствие могло произойти в результате вовлечения в производство низкокачественных и ранее неиспользуемых материалов, а также расширения производства из полуфабрикатов, получаемых от городских предприятий, что увеличивает повторный счет при определении валовой стоимости¹⁴.

В прошедшей пятилетке наблюдалось как значительное расхождение между плановыми ориентирами и фактическим положением в экономике, особенно в промышленности, так и неравномерность развития. Так, в 1982 г. при плане в 7 % прирост производства в легкой промышленности составил 5,7 %, в тяжелой — соответственно 1 и 9,9 %; годом

⁶ Рассчитано по данным: «Жэньминь жибао», 12.I.1986.

⁷ См.: «Жэньминь жибао», 12.I.1986.

⁸ См.: «Цзинцзи цанькао», 27.XII.1985; «Жэньминь жибао», 15.IX.1985.

⁹ См.: «Жэньминь жибао», 18.IX.1985.

¹⁰ In: «Beijing Review», 1985, N 29.

¹¹ См.: «Жэньминь жибао», 11.IX.1985.

¹² Там же, 19.IX.1985.

¹³ См.: Лунь цзинцзи цзегоу дуйцэ. Пекин, 1984.

¹⁴ См.: «Цзинцзисюэ чжоубао», 10.XI.1985.

позже планировавшиеся и достигнутые показатели для легкой промышленности были 4,1 и 8,4 %, для тяжелой — 3,9 и 12,1 %. В 1981 г. наблюдалось снижение на 4,7 % производства в отраслях тяжелой индустрии. Лишь в 1984 г. производство энергооборудования превысило уровень 1980 г., а выпуск металлорежущих станков, крупных и средних тракторов — по-прежнему отставал от него.

Отмеченные тенденции стали результатом, с одной стороны, недостаточно обоснованного планирования, что совсем неудивительно после того урона, который был нанесен плановым и статистическим органам, всей деятельности в этой области в ходе и после «культурной революции». С другой стороны, расширение прав хозяйственных единиц и местных органов власти, повышение роли рыночного регулирования при слаботности механизма централизованного планирования способствовали усилению стихийности в экономической жизни страны.

Высокие темпы экономического роста в КНР сопровождались в прошедшей пятилетке настоящим «бумом» в капитальном строительстве, хотя по плану его объем должен был сохраниться на уровне предыдущего пятилетия с целью приведения в соответствие масштабов строительства и материально-технических возможностей экономики. Объем капиталовложений вне сельского хозяйства в 1,5 раза превзошел плановые показатели¹⁵. Все усилия по ограничению строительства за счет централизованных инвестиций были сведены на нет быстрым расширением финансирования из местных источников. Положение все больше стало выходить из-под контроля в последние годы. В 1984 г. вложения в капитальное строительство из госбюджета возросли на 16,6 %, а за счет внебюджетных ассигнований — на 33,8, в первой половине 1985 г. — на 5,8 и 109 % соответственно¹⁶.

Это привело к увеличению «незавершенки», необеспеченности строек, в том числе важнейших, материалами, быстрому росту стоимости строительства, появлению дублирующих производств, конкуренции между ними за дефицитное сырье и рынки сбыта¹⁷.

Сложившаяся ситуация все более препятствовала решению ключевых задач пятилетки: повышению эффективности производства и обеспечению поворота от нового строительства к технической реконструкции действующих предприятий. Обстановка явного превышения спроса на сырье, материалы и оборудование над их предложением никак не стимулировала производителей повышать качество и снижать издержки производства выпускаемой продукции. Тенденция беспорядочного строительства новых объектов за счет местных ассигнований явно брала верх над политикой технического перевооружения, проводившейся центральными органами.

В годовых сводках ГСУ отмечалось, в частности, что в 1982—1983 гг. возрастал расход материалов по 20—30 % основных показателей, за первые 4 года пятилетки наблюдался общий рост себестоимости сопоставимой продукции. В Китае признают, что возраст 60 % станочного парка в машиностроении — более 20 лет, большое количество текстильного оборудования используется уже 50—60 лет¹⁸.

Принципиального перелома в повышении эффективности производства в прошедшей пятилетке в Китае не произошло, что признавалось и на Всекитайской конференции КПК осенью 1985 г. Следует подчеркнуть, что, несмотря на неисчерпаемость трудовых ресурсов, неразвитость производительных сил, проблема повышения эффективности, перехода на более интенсивный путь развития чрезвычайно остро стоит перед

¹⁵ См.: «Жэньминь жибао», 18.IX.1985.

¹⁶ См.: «Хунци», 1985, № 20, с. 16.

¹⁷ О проблемах в капитальном строительстве КНР см.: Л. В. Новоселова. Реформа в капитальном строительстве. — «Проблемы Дальнего Востока», 1985, № 3.

¹⁸ См.: Лунь цзинцизи цзегоу дуйцэ. Пекин, 1984.

КНР. И дело не только в низком уровне эффективности производства и качества продукции.

При абсолютно немалых природных ресурсах, которыми располагает Китай, на душу населения их приходится сравнительно немного. К тому же объем производства некоторых важнейших видов сырья уже достиг значительной величины. Поэтому дальнейшее продвижение вперед, сокращение отставания от уровня развитых стран, повышение благосостояния населения до современных стандартов при нынешней эффективности производства потребовало бы вовлечения в оборот колоссальных природных ресурсов, что за какими-то обозримыми пределами невозможно из-за их недостатка, отсутствия соответствующих инвестиционных средств, а в отдельных случаях и по причине приближения к физически возможным границам (например, добыча, транспортировка и утилизация угля в случае многократного увеличения его производства). Не случайно учетверение промышленного производства к концу столетия планируется лишь при удвоении использования сырья.

Превышение спроса над предложением в сырье и стройматериалах породили отчетливые инфляционные тенденции. В 1984 г. средний рост цен на древесину, цемент, прокат составил 9,6 %¹⁹. Косвенно о значительном росте цен на материалы свидетельствует и повышение производительности труда в строительстве за пятилетку на 64 %²⁰ при отсутствии каких-либо существенных сдвигов в технической оснащенности труда строителей.

Несоответствие спроса и предложения само по себе создает лишь благоприятную почву для инфляции. Усиление ее в Китае в последнее время связано с некоторыми аспектами реформы хозяйственного механизма, в первую очередь с расширением прав предприятий и местных органов власти в использовании договорных цен, повышением роли рыночных цен. Это позволяет во многих случаях производителям диктовать цены потребителям, зачастую прямо нарушая установленный государством порядок²¹.

Инфляция охватила и сферу потребления. По официальным данным, рост индекса розничных цен в 1981—1984 гг. достиг почти 20 %. На 1,5 тыс. видов продовольственных товаров цены возросли в среднем на 30 %. Кроме того, увеличилась роль сельскохозяйственных рынков, частного сектора в удовлетворении потребностей населения, где цены, как правило, выше государственных. В частности, только в 1985 г. снятие ограничений на рыночные цены привело к их росту в Пекине в среднем на 30 %²².

«Инфляция потребления» стимулировалась и опережающим увеличением доходов населения. Это непосредственно связано с ростом инвестиций, поскольку, по оценке ГСУ КНР, из 100 юаней инвестиций в основные фонды 41 юань прямо или косвенно идет на увеличение потребительского спроса²³. Более широкие права предприятий в повышении доходов трудящихся способствовали их непропорциональному росту. Например, в 1984 г. Госбанком выдано наличных средств в счет зарплаты и премиальных на 22,3 % больше, чем годом ранее (при росте национального дохода в 12 %), в первой половине 1985 г. по сравнению с соответствующим периодом предшествовавшего года этот показатель достиг 31 %, в том числе в счет премиальных — 76,4 %²⁴.

¹⁹ См.: «Хунци», 1985, № 20, с. 15.

²⁰ См.: «Жэньминь жибао», 18.IX.1985.

²¹ По неполным данным, проверкой цен в Китае в 1984 г. было выявлено 260 тыс. случаев нарушения государственной дисциплины цен. — «Цзягэ лилунь юй шицзянь», 1985, № 4, с. 61. За 9 месяцев 1985 г. выявлено 160 тыс. подобных случаев. — «Хунци», 1986, № 1, с. 15.

²² Ип: «Beijing Review», 1985, N 21.

²³ См.: «Хунци», 1985, № 20, с. 15.

²⁴ См.: «Шицзе цзинци даобао», 19.VIII.1985, «Жэньминь жибао», 13.IV.1985.

Можно констатировать утрату со стороны государства эффективного контроля за общественным спросом.

В связи с расширением хозяйственной самостоятельности предприятий и прав местных властей постоянным явлением в последние годы стал дефицит государственного бюджета. И хотя благодаря решительным ограничительным мерам он был сокращен против рекордного уровня (1979 г. — 17 млрд. юаней, или около 15 % доходов бюджета в целом), а в 1985 г. формально ликвидирован, в 1981—1984 гг. бюджет ежегодно сводился с дефицитом в 2,5—4,5 млрд. юаней. В Китае такой дефицит считают не очень опасным, однако его перманентное возникновение неизбежно отрицательно сказывалось на экономике.

Поощрение предпринимательства, рыночной деятельности привели, как сообщает китайская печать, к распространению духа стяжательства. Общегосударственной проблемой стали преступления на хозяйственной почве, нарушения законов. Причем в этой деятельности нередко замешаны кадровые работники. За 9 месяцев 1985 г. в Китае было выявлено 27 тыс. «нелегальных» предприятий, в деятельности которых принимало участие 67 тыс. кадровых работников²⁵.

И в сельском хозяйстве переход на мелкоподрядную систему принес отнюдь не только положительные результаты. Усложнилась демографическая ситуация и обострилась проблема занятости, растет дифференциация в доходах крестьян и связанная с этим социальная напряженность, распространяются частнособственнические настроения и т. д.²⁶

* * *

Характерной особенностью прошедшей пятилетки в КНР было нарастающее развертывание реформ в народном хозяйстве. Этому сопутствовали широкие и довольно свободные дискуссии по различным экономическим вопросам, в ходе которых высказывался большой спектр идей. Не ставя целью подробно рассматривать этот вопрос в данной статье, скажем лишь, что постепенно и в научных кругах, и в официальной экономической политике государства была выработана линия, которая оказалась в основном свободной от крайних, в том числе и явно антисоциалистических позиций.

Сравнительно быстро и масштабно продвинулась реформа в сельском хозяйстве. Полный семейный подряд уже в первом году пятилетки занял господствующее положение на селе. Вначале за производственными бригадами сохранялись значительные организационно-управленческие, хозяйственные и социальные функции. Например, бригады через подрядную систему реализовывали государственные планы закупок, обеспечивали проведение общих хозяйственных работ. Однако по мере развития подрядной системы улучшения сельскохозяйственного положения ситуация стала меняться. Земля за отдельными крестьянскими дворами стала закрепляться не на 3 года, а на 10 и более лет. Подрядная система стала распространяться не только на основные сельскохозяйственные отрасли, но и на другие сельские производства (рыбоводство, лесоводство, строительство, транспорт и т. д.).

В частную собственность крестьян перешла большая часть сельскохозяйственной техники: к началу 1985 г. они владели 2,8 млн. тракторов (преимущественно малогабаритных), или 68 % всего тракторного парка страны, а также 120 тыс. грузовиков²⁷.

В результате произошло значительное ослабление организационно-хозяйственных функций производственных бригад при усилении регули-

²⁵ In: «China Daily», 5.XII.1985.

²⁶ См.: Актуальные проблемы хозяйственного развития Китая. — «Проблемы Дальнего Востока», 1985, № 2.

²⁷ См.: «Нунминь жибао», 23.I.1985.

рующих функций рынка и косвенных экономических рычагов со стороны государства. После завершения к концу 1984 г. разделения хозяйственных и административных функций народных коммун и создания местных органов власти в Китае, по сути отсутствует какой-либо унифицированный «носитель» коллективной собственности в деревне (на практике в этой роли выступают подчас комитеты сельских жителей). Аграрная политика КПК предусматривает поощрение добровольного объединения крестьян в разнообразные производственные объединения. Эта своего рода «повторная» кооперация должна идти в соответствии с уровнем развития производительных сил деревни и избежать издержек прежнего формального обобществления. Поэтому процесс создания хозяйственных объединений крестьян насильственно не форсировался и на протяжении ряда лет протекал медленно. Некоторые сдвиги произошли лишь в последние годы. К концу 1984 г. в стране насчитывалось 466,8 тыс. «новых хозяйственных объединений» с 3,5 млн. занятых, из которых 0,7 млн. приходилось на «помощников» и «учеников»²⁸. Массовый характер носит только участие крестьян в снабженческо-сбытовых кооперативах, в которые входит 80 % крестьянских дворов. Пока нет оснований рассчитывать, что «новые хозяйственные объединения» крестьян заменят в ближайшей перспективе прежнюю кооперативную систему.

Параллельно с развитием подряда в китайской деревне в последние годы расширялся индивидуальный сектор, главным образом вне сельскохозяйственного производства. Число частников в китайской деревне к концу 1985 г. достигло 12—13 млн. человек.

В прошедшей пятилетке новый импульс получило развитие в сельской местности КНР мелкой промышленности, которая ныне в значительной степени ориентируется на удовлетворение потребностей в первую очередь сельского хозяйства и населения. В 1985 г. сельские предприятия произвели продукции на 230 млрд. юаней, или 28 % стоимости всей промышленной продукции страны, прирост производства составил за год 38 % по сравнению с 17,7 % в промышленности в целом. На 6 млн. сельских предприятий (в том числе 3,3 млн. — индивидуальные)²⁹ занято более 60 млн. человек. К 1990 г. намечается довести занятость здесь до 100 млн. человек³⁰. Разрабатываются планы подъема технического уровня сельской промышленности.

Несомненный прогресс в сельском хозяйстве Китая в прошедшей пятилетке позволил начать с 1985 г. реформу системы закупок сельхозпродукции, которую премьер Госсовета КНР Чжао Цзыян назвал вторым по значению шагом реформы в деревне после введения подряда³¹. Ее главные элементы — замена обязательных госзакупок зерна и хлопка закупками по контрактам³², более широкое и свободное применение рыночных и договорных цен, регулирование рыночных цен посредством государственных закупок и продаж сельхозпродукции по стабильным ценам. Все это в конечном счете должно привести в соответствие цены и издержки производства, которые в результате длительного проведения политики неизменных цен значительно оторвались друг от друга. Вместе с тем, как показали итоги 1985 г., отработка новой системы закупок сельхозпродукции является весьма сложным делом и займет, возможно, несколько лет.

По мнению одного из ведущих теоретиков аграрной науки в КНР

²⁸ Чжунго тунцзи няньцзянь 1985 (Статистический ежегодник Китая). Пекин, 1985, с. 291.

²⁹ Чжунго цзинцзи няньцзянь 1985 (Ежегодник экономики Китая). Пекин, 1985, с. V-19.

³⁰ Ип: «China Daily», 23.XII.1985.

³¹ Ип: «Beijing Review», 1985, N 1.

³² В последние годы централизованно закупалось 80 % товарной продукции сельского хозяйства (прим. авт.).

Ду Жуньшэна, на следующем этапе после урегулирования системы цен и закупок будет формироваться своеобразный свободный рынок и механизм рыночного регулирования под руководством социалистической плановой системы. Цены будут главным регулятором производства, ассортимента и качества сельскохозяйственной продукции³³.

Как показало Всекитайское совещание по работе в деревне, состоявшееся в декабре 1985 г., китайское руководство не обольщается успехами в аграрной сфере, отдает себе отчет в том, что здесь все еще существует немало серьезных проблем, таких, например, как слабость материально-технической базы сельского хозяйства, нехватка финансовых средств и т. п. Озабоченность вызывают и новые, вставшие уже в ходе реформы в деревне сложности: падение заинтересованности крестьян в развитии зернового производства, ухудшение состояния ирригационных сооружений в сельской местности, ускорившее высвобождение рабочих рук из земледелия. В этой ситуации в Китае, сохраняя в целом курс на реформы в деревне, начинают вносить в сложившуюся в первой половине 80-х годов аграрную политику определенные коррективы и усовершенствования. Более четко говорится об «отставании кооперативной системы и пути совместной зажиточности», о необходимости оказания помощи бедным районам, достижении единства эффективности, экономической и социальной. Взята линия на оказание финансовой поддержки производителям зерна за счет доходов сельской промышленности³⁴.

В экономике городов первые годы 6-й пятилетки прошли под знаком «урегулирования», когда упор делался на ликвидацию макроэкономических диспропорций, повышение эффективности производства и качества продукции, хотя и проводились довольно широкие эксперименты по совершенствованию хозяйственного механизма. Цели «урегулирования» вряд ли можно считать полностью достигнутыми. Тем не менее в Китае возобладала точка зрения, которую выразил известный экономист Сюэ Муцяо. Он считает, что, хотя эта работа еще не завершена, «в основной задаче урегулирования уже выполнена». Китайская экономика, заявил Сюэ Муцяо, «уже вышла на путь здорового развития, что дает возможность ускорить проведение реформы хозяйственной системы»³⁵. Было решено вслед за перестройкой сельского хозяйства форсировать хозяйственную реформу в городе.

III пленум ЦК КПК двенадцатого созыва (октябрь 1984 г.) на основе результатов экспериментов и явно под воздействием положительной оценки широкомасштабной перестройки управления сельским хозяйством определил курс на развертывание хозяйственной реформы в городе. Были закреплены уже фактически сложившиеся в предыдущие годы концепция реформы, ее принципы и направления. В 1984—1985 гг. под реформу активно подводилась нормативно-правовая основа, ее ход был ускорен.

На ход реформы в конце пятилетки значительное влияние стали оказывать накопленный практический опыт, лучшее понимание того, что реформа, особенно на начальном этапе, может усугубить прежние и вызвать новые хозяйственные проблемы. Так, на III сессии ВСНП шестого созыва (март—апрель 1985 г.) в качестве одной из главных задач на нынешнем этапе реформы было определено всемерное усиление «макроэкономического управления с тем, чтобы предотвратить случаи выхода экономики из-под контроля»³⁶. Объявленные конкретные меры контроля за кредитованием, денежной эмиссией, фондом потребления, капи-

³³ Ип: «Beijing Review», 1985, N 25.

³⁴ См.: «Нунминь жибао», 31.XII.1985; 1 и 16.I.1986.

³⁵ «Жэньминь жибао», 8.X.1984.

³⁶ III сессия ВСНП КНР шестого созыва (Главные документы). Пекин, 1985, с. 83.

тальным строительством, использованием инвалюты и по соблюдению финансовой дисциплины непосредственно отразились на многих направлениях реформы хозяйственной системы КНР в 1985 г. Таким образом, уже начальный этап реформы потребовал ее своеобразного «урегулирования». Другим важным моментом явился особый акцент китайского руководства на социалистическом характере проводимых в стране преобразований, гарантией которого выступают «отставание абсолютно ведущего места экономики общественной собственности» и упор на «общее благосостояние всего народа»³⁷.

Такая постановка вопроса ни в коей мере не ставит под сомнение общую концепцию реформы, ее нацеленность на создание «социалистической хозяйственной системы нового типа», определяемой как «плановое товарное хозяйство», посредством «дальнейшего оживления предприятий, дальнейшего развития социалистического товарного рынка» и «укрепления системы косвенного макроэкономического контроля». Это нашло подтверждение в решениях Всекитайской партконференции (осень 1985 г.)³⁸.

В течение прошедшего пятилетия некоторые элементы реформы экономики городов уже были более или менее широко внедрены в жизнь. Речь идет о расширении хозяйственной самостоятельности предприятий (замена отчислений прибыли в бюджет налогом; возможность создания собственных фондов; предоставление определенных прав предприятиям в ценообразовании, снабжении и сбыте; повышение материальной заинтересованности работников и коллективов в улучшении производственных показателей), некоторое сокращение сферы директивного планирования и расширение рыночного регулирования, перевод кооперативного сектора на рельсы «самохозяйствования», поощрение индивидуального сектора и т. д.

В конце пятилетки наибольшей активностью, на наш взгляд, характеризовались преобразования в области цен, что, по мнению китайского руководства, является «ключом ко всей реформе, к ее успеху или поражению»³⁹. Был взят курс на выправление наиболее острых «перекосов» в ценах (отрыв их от издержек производства) и на повышение гибкости механизма цен на основе сужения рамок централизованного ценообразования и расширения полномочий низовых хозяйственных единиц, создания многообразной системы цен (фиксированных, колеблющихся, договорных и рыночных), что должно обеспечить расширение рыночного регулирования в экономике и достижение соответствия между спросом и предложением. В частности, было объявлено об урегулировании цен на уголь в зависимости от его качества и района потребления, повышении отпускных цен предприятий на некоторые виды нефтепродуктов и введение тарифов на короткие железнодорожные перевозки. Расширились права предприятий на самостоятельное (но с утверждением местными ценовыми органами) определение цен, в частности на некоторые виды бытовой техники. Резко возросла роль рыночного спроса в формировании уровня розничных цен на овощи, свинину и т. п.

Ведущие китайские специалисты считают, что трудности на начальном этапе реформы цен неизбежны, в частности, рост индекса розничных цен в 10 % в год оценивается как «приемлемый»⁴⁰. Однако вследствие явно негативной реакции населения возможную «цепную реак-

³⁷ См. выступление Чэнь Юня на Всекитайском совещании по обмену опытом в области исправления стиля партийной работы («Жэньминь жибао», 1.VII.1985), речи Чэнь Юня и Дэн Сяопина на Всекитайской партконференции («Жэньминь жибао», 24.IX.1985).

³⁸ См.: «Жэньминь жибао», 26.IX.1985.

³⁹ Высказывание Чжао Цзыяна см.: «Жэньминь жибао», 2.I.1985.

⁴⁰ См.: Цзягэ лилунь юй шицзянь, 1985, № 4, с. 58.

цию повышения цен» в следующей пятилетке и процесс инфляции предполагается «строго удерживать в определенных рамках и размерах»⁴¹.

Другим важным направлением хозяйственной реформы в КНР явилась реформа системы заработной платы, нацеленная на ликвидацию уравниловки и реализацию принципа распределения по труду. На практике делались попытки ввести колеблющуюся зарплату, которая бы увязывала общую сумму доходов трудящихся с экономической эффективностью предприятий и личным вкладом работника. По-видимому, этот эксперимент оказался не вполне удачным. Решено не расширять его сферу в 1986 г. С целью пресечения неконтролируемого роста доходов трудящихся в 1984—1985 гг. были приняты положения о налогообложении сверхлимитных премий (для предприятий, сохранивших старую систему оплаты труда), премий в системе кооперативных предприятий, зарплаты на предприятиях, перешедших на новую систему оплаты труда.

К реформе системы заработной платы примыкает реформа системы труда. Ее основное направление — переход к работе по контрактам на определенный срок, на выполнение тех или иных видов работ. Такая система должна стимулировать работников более добросовестно трудиться, так как рабочее место более не закрепляется за ними на неопределенный срок. Пока масштабы распространения контрактного найма ограничены: на таких условиях к концу августа 1985 г. работало 2,1 млн. рабочих государственных предприятий⁴², или несколько более 2 % их общего числа.

Изменения системы зарплаты в минувшее пятилетие породили у городского населения явные надежды на существенный рост жизненного уровня, в связи с чем Чжао Цзыян был вынужден недавно заявить о наличии здесь объективных ограничений и невозможности разом разрешить все вопросы, накопившиеся в механизме заработной платы в существовавший период⁴³.

Нерешенной пока проблемой остается и оживление хозяйственной деятельности предприятий, которую в Китае рассматривают как центральную для всей реформы хозяйственной деятельности в городах. После III пленума ЦК КПК 1984 г. особое значение придается «оживлению жизнедеятельности» крупных и средних предприятий, составляющих по количеству 2 % всех промышленных предприятий, но располагающих 60 % основных фондов и дающих такую же долю отчислений государству⁴⁴. В сентябре 1985 г. вступило в силу утвержденное Госсоветом постановление по данному вопросу, направленное на то, чтобы на деле дать предприятиям все положенные им права (включая право выхода на внешний рынок), которых прежде они были практически лишены во многих случаях; улучшить условия деятельности предприятий; ускорить преобразование управления внутри предприятий (например, путем повсеместного создания там небольших хозрасчетных подразделений при сохранении единой ответственности предприятия за прибыли и убытки).

На мелких предприятиях, особенно в сфере торговли и услуг, все шире применяются такие формы хозяйствования, как сдача в коллективный подряд персоналу, прямое преобразование в кооперативные предприятия и, наконец, передача их в аренду отдельным лицам⁴⁵. Последняя форма, широко распространившаяся также на сельских и поселковых предприятиях, подчас дает неплохие хозяйственные результа-

⁴¹ «Жэньминь жибао», 26.IX.1985.

⁴² См.: «Жэньминь жибао», 27.IX.1985.

⁴³ См.: III сессия ВСНП..., с. 25—26.

⁴⁴ См.: «Жэньминь жибао», 21.IX.1985.

⁴⁵ На конец 1984 г. на эти формы управления были переведены соответственно 46,6 тыс., 5,5 и 5,9 тыс. мелких государственных предприятий сферы торговли и услуг. — «Жэньминь жибао», 10.III.1985.

ты, но ведет, по мнению ряда китайских экономистов, к фактическому изменению характера собственности⁴⁶.

Не вполне ясен ход реформы системы планирования. Предусматривалось сократить в 1985 г. список видов продукции, директивно планируемый Госпланом, со 123 до 60 единиц, а долю этой продукции в валовом промышленном производстве — с 40 до 20 %. Однако эта работа пока не завершена, продолжается формирование концепции реформы планирования, в частности оптимального разграничения сферы директивного и «направляющего» планирования. Сейчас в качестве одной из главных перед плановой системой КНР ставится задача «руководить рыночным механизмом». В 7-й пятилетке предполагается продолжить курс на постепенное сужение сферы директивного планирования в пользу расширения косвенного контроля за хозяйственной деятельностью со стороны государства.

* * *

Прошедшее пятилетие в Китае прошло под знаком проведения «открытой внешнеэкономической политики», отводящей внешнеэкономическим связям особо важную роль в подъеме народного хозяйства, реализации требований научно-технической революции путем активного привлечения в страну из-за рубежа новейшей техники, технологии и управленческого опыта.

Объем торговли за 5 лет возрос в 1,5 раза и достиг запланированных на пятилетку показателей. Хотя в Китае считают уровень развития внешнеэкономических связей еще недостаточным, величину товарооборота объективно следует считать внушительной, учитывая масштабы экономики и населения страны, неплохую обеспеченность природными ресурсами. В настоящее время экспорт КНР составляет около 9 % от объема национального дохода (без учета различий между внутренними и внешнеторговыми ценами).

Основными торговыми партнерами Китая остаются развитые капиталистические страны (прежде всего Япония, США, ФРГ), на которые в 1984 г. приходилось 56 % товарооборота⁴⁷, а также Гонконг (19 %). Доля социалистических стран составляет лишь 7 % внешней торговли КНР, в том числе доля стран СЭВ — 6 %.

Достаточно стабильной остается товарная структура внешней торговли Китая. Основу экспорта составляют текстиль и одежда (24 % в 1984 г.), нефть и нефтепродукты (22 %), продовольствие (12 %) и сырьевые товары (10 %). В 1984 г. КНР вывезла 22 млн. т нефти и 5,7 млн. т

Таблица 2

Внешняя торговля КНР (млрд. долл.)

	1980 г.	1981 г.	1982 г.	1983 г.	1984 г.	1985 г.	1985 г. к 1980 г. в %
Оборот	37,8	44,0	41,6	43,6	53,5	69,7	184
Экспорт	18,3	22,0	22,3	22,2	26,1	27,4	150
Импорт	19,5	22,0	19,3	21,4	27,4	42,3	217
Сальдо	-1,2	0	+3,0	+0,8	-1,3	-14,9	

Источники: Статистические ежегодники Китая за соответствующие годы. Данные за 1985 г. — «Beijing Review», 1986, N 5.

⁴⁶ См.: Чэнь Цзягуй. Исследование проблемы осуществления арендной формы хозяйствования на мелких предприятиях. — «Гуанмин жибао», 14.IX.1985.

⁴⁷ Здесь и далее — расчет по материалам таможенной статистики КНР. — См. БИКИ, 7.IX.1985.

нефтепродуктов, 1,7 млрд. м хлопчатобумажных тканей. Характерной чертой экспорта в прошедшее пятилетие было расширение поставок на внешний рынок сельскохозяйственной продукции. В 1984 г. экспорт мяса достиг 260 тыс. т, живых свиней — 3,1 млн. голов, хлопка — 200 тыс. т, зерна 3,4 млн. т (вдвое больше, чем в 1982 г.). Китай превратился из импортера в нетто экспортера хлопка и с 1985 г. — зерна (вывоз составил 7,0 млн. т)⁴⁸.

Крупной статьей импортируемых Китаем товаров являются машины и оборудование, на которые в 1984 г. пришлось 26 % всего ввоза. Вместе с тем стране приходится в значительных количествах импортировать сырье, материалы, а до 1985 г. и зерно (в 1984 г. — 10 млн. т зерна, 7,9 млн. куб. м древесины, около 1/4 млн. т алюминия, меди, цинка, 12,3 млн. т стального проката, 1,2 млн. т сахара). Отметим, что в последние годы Китай расширил импорт товаров народного потребления. В 1985 г. было выделено около 2 млрд. долл. на закупку бытовой техники и других потребительских товаров⁴⁹.

«Открытая внешнеэкономическая политика» Китая предусматривает развитие разнообразных форм сотрудничества с другими странами, прежде всего капиталистическими. За 1979—1985 гг. КНР заключила кредитных соглашений на сумму 20,3 млрд. долл., из которых на конец 1985 г. было использовано лишь 15,6 млрд. долл. Проводя достаточно осторожную международную кредитную политику, Китай все больше ориентируется на более льготные кредиты МБРР: с 1981 г. от него получено кредитов на 4 млрд. долл.⁵⁰

Внешнее финансовое положение КНР в 6-й пятилетке оставалось достаточно стабильным, хотя в результате быстрого роста импорта со второй половины 1984 г. и образования значительного торгового дефицита резервы в иностранной валюте сократились с 17 млрд. долл. в сентябре 1984 г. до 11 млрд. долл. в первом квартале 1985 г.⁵¹

В последние годы КНР все большее предпочтение отдает не кредитам, а прямым иностранным инвестициям в свою экономику в надежде на большую эффективность их использования в связи с возникающей непосредственной заинтересованностью вкладчиков. К концу пятилетки КНР подписала контракты об использовании прямых иностранных инвестиций на сумму 16,2 млрд. долл., в том числе в 1985 г. — на 5,9 млрд. долл., из них фактически использовано, однако, всего лишь 4,6 млрд. долл.

По состоянию на осень 1985 г. в КНР было утверждено создание 1881 предприятия, финансируемых смешанным капиталом, то есть с участием средств иностранных инвесторов, 3408 так называемых контрактных предприятий, а также 104 предприятия, полностью принадлежащих иностранному капиталу⁵². Кроме того, Китай создал 65 смешанных предприятий за пределами страны⁵³.

Внешний фактор играет все возрастающую роль в экономике КНР. За пять лет ввезено около 600 комплектов документации современной техники и технологии⁵⁴. Доля иностранных средств и импортной техники в общей сумме инвестиций в капитальное строительство с 16,7 % в 1978 г. возросла до 45,6 % в 1984 г.⁵⁵, то есть можно говорить о серьезной зависимости процесса воспроизводства в КНР от внешнего фактора.

⁴⁸ In: «Beijing Review», 1986, N 1.

⁴⁹ In: «China Daily», 24.IV.1985.

⁵⁰ См.: «Жэньминь жибао», 21.IX.1985.

⁵¹ In: «Beijing Review», 1985, N 23, 43.

⁵² См.: «Жэньминь жибао», 14.I.1986.

⁵³ In: «Beijing Review», 1985, N 27.

⁵⁴ См.: «Цзинцзи жибао», 7.XI.1984.

⁵⁵ См.: «Гуанмин жибао», 25.XII.1985.

Но и во внешнеэкономической сфере остаются серьезные проблемы. Децентрализация системы управления внешней торговлей привела к росту ее несбалансированности, что потребовало введения ряда ограничений на импорт и использование инвалютных факторов в реализации экспортной продукции. Причем зарубежные партнеры КНР не хотят делиться с Китаем действительно новой технологией, опасаясь его превращения в серьезного конкурента на мировом рынке, и с готовностью идут лишь на сотрудничество в относительно простых производствах.

В последние годы получили заметное развитие торгово-экономические связи КНР с социалистическими странами. В китайской печати появились суждения о необходимости для Китая нормализовать экономические отношения с СССР и странами Восточной Европы «в условиях роста протекционистских тенденций на Западе и разного рода ограничений на экспорт китайских товаров»⁵⁶. В минувшем году объем торговли Китая с социалистическими странами превысил 4 млрд. долл. Советско-китайская торговля, достигнув 1 млрд. руб. в 1984 г., в 1985 г. составила около 1,5 млрд. руб. Заключены пятилетние соглашения КНР с европейскими странами СЭВ о торговых и экономических отношениях. Предусматривается, что страны СЭВ примут участие в реконструкции и строительстве ряда китайских предприятий, в том числе построенных с их помощью в КНР в 50-е годы.

* * *

На состоявшейся в сентябре 1985 г. Всекитайской конференции КПК были приняты «Предложения ЦК КПК относительно составления седьмого пятилетнего плана экономического и социального развития». Документ ориентирует страну на продолжение поступательного развития народного хозяйства и дальнейшее развертывание экономической реформы. Планируется обеспечить 7 %-ный среднегодовой прирост промышленного производства, 6 %-ный — сельскохозяйственного, 4—5 %-ный — реальных доходов населения, увеличение объема внешней торговли за 5 лет на 40—50 %.

Предложениями ЦК КПК приоритет отдается реформе экономики городов, в результате чего планируется создание «фундамента социалистической хозяйственной системы нового типа». Директивные задания должны сокращаться, а права предприятий — возрастать. Цены на большинство потребительских товаров и услуг будут переводиться в категорию «свободных» цен.

Народному банку Китая предоставляются большие полномочия в проведении государственной финансово-кредитной политики, в том числе в ограничении денежного обращения и кредитования.

Вместе с тем весьма показательно, что реформы в предстоящую 7-ю пятилетку предполагается осуществлять в 2 этапа. На первом этапе — в 1986—1987 гг. упор должен быть сделан на усиление комплексного характера реформ, на отлаживание косвенного регулирования макроэкономических процессов, на «закрепление, усвоение, дополнение и совершенствование» результатов уже проведенных реформ. Впоследствии предполагается расширить сферы проведения реформ. Ныне в Китае на основе опыта реформ, осуществленных в последние годы, укрепляется точка зрения о необходимости повышения эффективности контроля государства за хозяйственными процессами, более настоятельно подчеркивается неправомерность ожидания немедленного эффекта от реформы. Это отражает более углубленное понимание в стране всего многообразия и сложности стоящих перед экономикой Китая проблем, включая, конечно, и перестройку всей хозяйственной системы.

⁵⁶ «Шицзе цзинцзи даобао», 19.VIII.1985.

Изменения в системе организации НИОКР в Китае

И. И. САРАФАНОВ

Начало существенных преобразований в системе организации научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР) в Китае относится к концу 70-х годов. Они были направлены на решение многих научных, технических, экономических, финансовых, социальных и других проблем развития китайского общества.

Этапы преобразований в системе НИОКР взаимосвязаны, их содержание и направление определяют проводимые эксперименты реформы хозяйственной системы. Образование Государственного комитета по науке и технике в 1977 г. было практически отправным пунктом этих изменений¹. На этом этапе предусматривалось упорядочить систему организации НИОКР, разработать план развития науки и техники на 1978—1985 гг. и на период до 2000 г. и ликвидировать последствия «культурной революции» и других политических кампаний, проходивших в 1966—1976 гг. Как отмечалось в «Уведомлении ЦК КПК» от 18 сентября 1977 г., министерствам и ведомствам Госсовета КНР и местным органам управления ставилась задача разработать оптимальные, реально выполнимые планы, тесно увязанные с нуждами строительства и содержащие конкретные программы развития науки и техники на 3 года и 8 лет. Государственному плановому комитету и вновь созданному Государственному комитету по науке и технике поручалось проанализировать, свести вместе и сбалансировать эти планы и на их основе составить общегосударственный план развития науки и техники, который должен стать частью плана экономического и социального развития страны. В научно-исследовательских институтах предлагалось ввести систему личной ответственности директоров институтов и лиц, занимающих технические должности, провести аттестацию сотрудников, восстановить научные и инженерные звания, предоставить научным работникам работу по специальности и не менее пяти из шести дней в неделю выделять на выполнение НИОКР². Первый этап изменений завершился в марте 1978 г. разработкой 8-летнего плана развития науки и техники на 1978—1985 гг.

В марте 1978 г. на Всекитайском совещании по науке заместитель премьера Госсовета КНР, председатель Государственного комитета по науке и технике Фан И изложил основные задачи второго этапа преобразований в системе организации НИОКР. На этом этапе основное внимание было направлено на выполнение целевых программ НИОКР общегосударственного значения, предусмотренных 8-летним планом развития науки и техники страны на 1978—1985 гг. и скорректированным на Всекитайском совещании по науке. Основной целью этого плана было за 8 лет (1978—1985) приблизиться или достичь передового мирового уровня 70-х годов в некоторых важнейших областях науки и техники, сократить разрыв в научном и техническом уровне Китая и экономически развитых стран до 10 лет, довести численность научных работников и техников до 800 тыс. человек, а в течение последующих 15 лет (1986—2000) в ряде отраслей науки и техники достичь и презойти мировой уровень развития.

¹ В 1970 г. Государственный комитет по науке и технике был распущен. Его функции до 1977 г. выполняла Академия наук Китая.

² См.: «Жэньминь жибао», 23.IX.1977.

В плане намечалось провести широкомасштабные научно-исследовательские работы в 27 областях: ядерная физика, природные ресурсы, сельское хозяйство, промышленность, национальная оборона, транспорт, океанология, охрана окружающей среды, медицина и др. Выделено 108 наиболее важных научных, технических и инженерных проблем по 8 важнейшим направлениям: сельское хозяйство, источники энергии, материалы, вычислительная техника, лазеры, космическая наука и техника, физика высоких энергий и генная инженерия.

Как отмечалось на Всекитайском совещании по науке (март 1978 г.), Китай отстал от передового мирового уровня развития многих отраслей науки и техники на 15—20 лет, а некоторых отраслей — на 30 лет.

Выполнение 8-летнего плана развития науки и техники потребовало коренной перестройки системы организации НИОКР и ее информационного, материально-технического и финансового обеспечения на всех уровнях народного хозяйства. На упомянутом Всекитайском совещании по науке Фан И от имени ЦК КПК и Госсовета КНР в качестве первоочередной задачи предложил упорядочить работу ведущих научно-исследовательских организаций, создать целостную, общегосударственную многоотраслевую систему фундаментальных и прикладных научных исследований в области естественных и технических наук, организовать службу научно-технической информации, изучать достижения зарубежной науки и техники и внедрять их в производство, расширять научно-техническое сотрудничество с зарубежными странами. Академии наук Китая, министерствам и ведомствам Госсовета КНР, а также ведущим вузам страны ставилась задача восстановить и укрепить ряд ведущих научно-исследовательских организаций, дезорганизованных во время «культурной революции» и последующими политическими кампаниями.

Академии наук Китая было поручено создать научно-экспериментальные базы физики высоких энергий, физики тяжелых ионов, управляемого термоядерного синтеза в магнитном поле, физики твердого тела, физики полупроводников, астрофизики, молекулярной биологии, включая генную и клеточную инженерию. Академии наук Китая также вменялось в обязанность развивать производство уникальной научной аппаратуры, внедрять ЭВМ в НИОКР, издавать научную литературу.

Академии наук Китая как центру научных исследований в области естественных наук предлагалось основные усилия концентрировать на развитии математики, физики, химии, астрономии, наук о Земле, биологии. Важнейшими направлениями должны стать физика высоких энергий, управляемый термоядерный синтез в магнитном поле, молекулярная биология. В области технических наук основной задачей АН Китая определялось дальнейшее развитие полупроводниковой, вычислительной, лазерной и космической техники.

Значительная роль в выполнении фундаментальных и прикладных исследований отводилась вузам страны. Ряд лабораторий вузов должны оснащаться современным научно-экспериментальным оборудованием, позволяющим выполнять НИОКР на современном уровне.

В соответствии с потребностями народного хозяйства, природными условиями, источниками энергии и минерального сырья в провинциях, городах центрального подчинения и автономных районах намечалось создать научно-исследовательские институты для выполнения программ НИОКР, обеспечивающих экономическое развитие этих регионов и районов, учредить филиалы АН Китая или местные академии.

Крупным промышленным предприятиям, особенно горнодобывающей промышленности, рекомендовалось создать собственные научно-исследовательские институты, а средним и мелким предприятиям в соответствии с имеющимися возможностями — организовать совместные научно-исследовательские лаборатории.

Особое внимание на этом этапе перестройки обращалось на укреп-

ление и развитие службы научно-технической информации и обеспечение современной информационной техникой. В качестве первых шагов намечалось создание региональной и отраслевой сети научно-технической информации. Используя многочисленные каналы, предлагалось в широких масштабах наладить сбор зарубежных научных и технических материалов, организовать регистрацию отечественных результатов НИОКР и обмен ими в стране.

С целью повышения эффективности НИОКР научные работники должны пять шестых рабочего времени в неделю уделять выполнению плановых заданий. Особое внимание обращалось на повышение квалификации научных работников без отрыва от научных исследований за счет самоподготовки. После завершения рабочего дня не рекомендовалось отвлекать научных работников на какие-либо мероприятия, кроме комсомольских и партийных собраний. Ведущим научным работникам предоставляются помощники и сокращается объем административной работы³.

Отличительной особенностью второго этапа изменений в системе организации НИОКР было то, что курс «зарубежное — на службу Китаю» провозглашен основой внешних научно-технических связей КНР на 1978—1985 гг. План развития науки и техники на 1978—1985 гг. был рассчитан на максимальное использование техники, технологии, научных и технических достижений экономически развитых стран и подготовку китайских специалистов за границей.

Определенное влияние на ход преобразований в системе организации НИОКР оказал «сычуаньский эксперимент» расширения хозяйственной самостоятельности предприятий, впервые примененный в провинции Сычуань в конце 1978 г. С целью расширения самостоятельности научно-исследовательских организаций в 1980 г. в опытном порядке этот принцип стал применяться в системе организации НИОКР для выбора тем научных исследований и выполнения дополнительных НИОКР по контрактам после завершения государственных плановых заданий. В ряде мест начала внедряться система контрактов и договоров на выполнение инженерно-технического обслуживания, совместное освоение и проведение испытаний новых видов продукции, планирование технического развития предприятий.

В ходе осуществления перестройки организации НИОКР повысилась заинтересованность научно-исследовательских организаций в выполнении прикладных научных исследований и опытно-конструкторских работ. Так, например, Даляньский научно-исследовательский институт станкостроения в результате сотрудничества с заводами Чанжоу и Ухани ликвидировал недогрузку в работе, повысил эффективность в НИОКР, увеличил доходы на 600 тыс. юаней.

В некоторых отраслях промышленности в опытном порядке стали создаваться совместные научно-производственные объединения. С расширением хозяйственной самостоятельности научно-исследовательских организаций возросла их активность, образовались внебюджетные фонды НИОКР, окрепли связи с производством, сократились сроки внедрения в производство результатов НИОКР, научных и технических достижений⁴.

Курс «урегулирования» народного хозяйства Китая, провозглашенный на II сессии ВСНП пятого созыва в июле 1979 г., дефицит государственного бюджета и ограниченные потенциальные возможности Китая вызвали корректировку плана развития науки и техники на 1981—1985 гг. В конце 1980 — начале 1981 г. Государственный комитет по науке и технике разработал курс развития науки и техники на период до

³ См.: «Жэньминь жибао», 29.III.1978.

⁴ См.: Чжунго цзинцзи няньцзянь. Пекин, 1981, с. XIV. 171—174.

1990 г., предусматривающий продолжение научно-исследовательских работ в области сельского хозяйства, энергетики, материалов, электроники, вычислительной техники, технологии промышленного производства, военной техники и охраны окружающей среды. На неопределенный срок было отложено осуществление в полном объеме таких крупных научно-исследовательских проектов, как сооружение протонного ускорителя мощностью 50 ГэВ, запуск метеорологических, астрономических и геодезических ИСЗ и т. д., требующих больших капиталовложений и высококвалифицированных научных и инженерных кадров.

В соответствии с этим курсом преимущественное развитие получили прикладные научные исследования и опытно-конструкторские работы. Фундаментальные научные исследования ограничиваются решением теоретических проблем в процессе выполнения прикладных исследований и опытно-конструкторских работ. Для развития экономического и военного потенциалов в Китае неперенным условием поставлено использование науки и техники зарубежных стран.

Значительное внимание уделяется военным программам НИОКР. Член Политбюро ЦК КПК, постоянный заместитель председателя Военного Совета ЦК КПК Ян Шанкунь 10 февраля 1982 г. в беседе с корреспондентом Синьхуа следующим образом охарактеризовал потенциальные возможности Китая в осуществлении военных программ НИОКР: «В 1980 г. Китай успешно произвел запуск ракеты-носителя в районе Тихого океана. В 1981 г. Китай одной ракетой-носителем вывел на орбиту три спутника. В 1982 г. Китай произвел запуск ракеты-носителя подводного базирования. Все это свидетельствует о совершенствовании технологии создания ракет-носителей и о повышении обороноспособности Китая. В 1982 г. Китай приступил к новому этапу НИОКР в области новейших систем оружия»⁵. В августе 1982 г. на XXIV сессии Постоянного Комитета ВСНП пятого созыва было принято решение об объединении канцелярии оборонной промышленности Госсовета КНР, Комиссии по науке и технике Министерства обороны и канцелярии Комитета по науке, технике и вооружению Военного Совета ЦК КПК в Комитет оборонной науки, техники и промышленности Госсовета КНР. Организация нового комитета была направлена на централизацию управления военными программами НИОКР и концентрацию производства систем оружия и военной техники⁶.

Основные установки нового курса в области развития науки и техники были изложены 28 мая 1981 г. в передовой статье «Гуанмин жибао»: «Чтобы последовательно проводить в жизнь курс развития науки и техники, — говорится в статье, — нужно прежде всего всесторонне понять и изучить этот курс. Сейчас, делая упор на серьезное отношение к прикладным исследованиям в области технических наук и опытно-конструкторским работам, следует одновременно обратить внимание на ликвидацию явлений недооценки фундаментальных исследований. Нельзя пренебрегать фундаментальными исследованиями, нужно поддерживать самые важные из них; однако в массовом порядке следует развивать прикладные исследования и опытно-конструкторские работы. Нужно заниматься поисковыми исследованиями, однако особое внимание следует обратить на научно-технические новшества, которыми уже владеет мир и которые приемлемы в условиях нашей страны»⁷.

Одним из важнейших условий осуществления намеченного курса определяется своевременное внедрение результатов НИОКР, научных и технических достижений.

«В настоящее время, — отмечала «Гуанмин жибао», — многие научные достижения не могут найти применения: значительная часть новой

⁵ «Жэньминь жибао», 10.II.1982.

⁶ См. там же, 24.VIII.1982.

⁷ «Гуанмин жибао», 28.V.1981.

продукции задерживается на этапе образцов, выставочных экспонатов, не поступая в серийное производство; немало новой техники долгое время сосредоточивалось в военном производстве; «заимствованная зарубежная техника не находила широкого применения».

Новым курсом предусматривается осуществление «трех мер»: «внедрение результатов НИОКР, использование научных и технических достижений военных отраслей промышленности в гражданских отраслях экономики, применение в Китае научных достижений и техники зарубежных стран»⁸.

В качестве научно-организационных мероприятий предлагается поддерживать тесное сотрудничество между организациями-разработчиками и заводами-изготовителями, шире внедрять систему контрактов и договоров на выполнение НИОКР, в ряде случаев создавать научно-производственные объединения.

Этот эксперимент, как подчеркивается в газете «Гуанмин жибао», позволяет научно-исследовательским организациям министерств и ведомств Госсовета КНР ускорить внедрение результатов НИОКР в производство и создать денежные фонды для финансирования научных исследований и материального поощрения научных работников.

В 1980 г. реформу в системе организации НИОКР начала проводить Академия наук Китая. В опытном порядке стали выполняться НИОКР по контрактам. Часть прибыли заказчика отчислялась в фонд научно-исследовательских организаций-разработчиков, расширились права самостоятельности, повысилась ответственность⁹.

В Академии наук Китая преобразования были направлены на совершенствование руководства отделениями академии, реорганизацию научно-исследовательских институтов, внедрение системы ответственности в НИОКР, установление тесного сотрудничества с промышленными предприятиями, военными ведомствами, местными комитетами по науке и технике и вузами. При внедрении системы ответственности предлагается учитывать интересы государства, коллектива и личности и придерживаться принципа вознаграждения за труд в зависимости от объема выполненной работы. Предусматривалось перебазирование определенной части научно-исследовательских кадров АН Китая в средние и малые города, отдаленные районы и на промышленные предприятия, установление для директоров научно-исследовательских организаций возрастного ценза до 65 лет и продолжительности пребывания на занимаемой должности не более 3 лет. Завершение преобразований в Академии наук Китая намечались на конец 1985 г.

В октябре 1982 г. в Пекине на Всекитайском совещании, посвященном вручению премий в области науки и техники, были скорректированы и уточнены основные задачи науки и техники в развитии Китая до конца XX в. Как отмечалось на совещании в докладе премьера Госсовета КНР Чжао Цзыяна, основная задача страны в научном и техническом прогрессе заключается в том, чтобы к концу XX столетия на заводах и шахтах Китая в основном была внедрена передовая промышленная техника и технология, широко применявшаяся в экономически развитых странах в 70-х — начале 80-х годов. Без внедрения достижений науки и техники будет невозможно усовершенствовать технологические процессы, сократить потребление электроэнергии и расход материалов, повысить качество продукции и увеличить объем валовой продукции промышленности и сельского хозяйства с 710 млрд. юаней в 1980 г. до 2800 млрд. юаней в 2000 г.

По мнению Чжао Цзыяна, неэффективность современной системы организации НИОКР, отсутствие связи между научно-исследовательскими

⁸ «Гуанмин жибао», 28.V.1981.

⁹ См. там же.

организациями, дублирование тем, нехватка научно-исследовательских кадров и нерациональное распределение имеющихся специалистов сдерживают внедрение достижений науки и техники, а также решение неотложных научных и технических проблем в экономическом строительстве.

Для упорядочения системы организации НИОКР Чжао Цзыян предложил осуществить три мероприятия, не нарушающие выполнение больших научно-исследовательских проектов.

Во-первых, создать ряд центров технического развития в некоторых отраслях народного хозяйства. Эти центры должны заниматься технической реконструкцией предприятий, планированием технического прогресса, развитием новой техники и технологии и внедрением в производство новых видов продукции. Центры создаются на базе имеющихся научно-исследовательских институтов министерств и ведомств Госсовета КНР и крупных промышленных предприятий. Деятельность этих центров должна быть ориентирована на решение научных и технических проблем, в основном средних и мелких предприятий, одной или нескольких отраслей. Отраслевые центры создаются в системе одного министерства или ведомства и межотраслевые центры — совместно несколькими министерствами и ведомствами. Ответственность за деятельность межотраслевого центра возлагается на одно из министерств или ведомств.

Во-вторых, с разрешения соответствующих министерств или ведомств Госсовета КНР создать или усилить центры технического развития на крупных специализированных компаниях или ведущих предприятиях, особенно там, где предполагается техническая реконструкция. Основной задачей этих центров является обслуживание своих собственных предприятий. Первоначально в порядке эксперимента создать такие центры на отдельных предприятиях и после накопления опыта приступить к организации таких центров на других предприятиях.

В-третьих, не менять существующую систему подчиненности научно-исследовательских организаций. Поощрять и поддерживать установление прямых связей между научно-исследовательскими организациями и промышленными предприятиями, например, таких связей, как единая цель научного исследования, проектирования, производства и обслуживания, выполнение НИОКР по контрактам и договорам, служба технических консультаций и т. д.¹⁰

В декабре 1982 г. на V сессии ВСНП пятого созыва Чжао Цзыян отметил особую роль науки и техники в экономическом строительстве Китая. В деле подъема экономики, заявил Чжао Цзыян, необходимо опираться на научный и технический прогресс, а наука и техника должны повернуться лицом к экономическому строительству. Надо внедрять во все отрасли народного хозяйства передовые научные и технические достижения, широко распространенные в экономически развитых странах в 70-х — начале 80-х годов¹¹.

В 1983 г. в Китае был взят курс — «в экономическом строительстве опираться на науку и технику, наука и техника должны служить экономическому строительству». Этот курс предусматривает решение важнейших ключевых проблем в строительстве на базе передовой науки и техники, достижение к 2000 г. в большинстве отраслей науки и техники уровня экономически развитых стран 70—80-х годов, а в некоторых отраслях — уровня 90-х годов и конца XX в.

В соответствии с принятым курсом перед министерствами и ведомствами Госсовета КНР были поставлены задачи:

— Ускорить изучение, освоение и внедрение в производство новой

¹⁰ См.: «Жэньминь жибао», 27.XI.1982.

¹¹ См. там же, 14.XII.1982.

техники и технологии; скорректировать решение 38 ключевых научных, технических и инженерных проблем, определенных 5-летним планом экономического и социального развития страны на 1981—1985 гг.; активизировать выполнение НИОКР на промышленных предприятиях; расширить научные исследования в области сельского хозяйства; усовершенствовать формы связи с производством; создать ряд посреднических научно-экспериментальных и промышленных экспериментальных баз; создать фонды развития науки и техники; усовершенствовать формы и методы заимствования зарубежной науки и техники.

— Завершить разработку научно обоснованных концепций развития важнейших отраслей науки и техники на длительный период и представить их на рассмотрение в Госсовет КНР в 1984 г.; составить план развития науки и техники на 1986—1990 гг. и на период до 2000 г., предусматривающий увеличение объема валовой продукции промышленности и сельского хозяйства к концу этого столетия в 4 раза за счет внедрения новой техники и технологии во всех отраслях народного хозяйства; подготовить план развития науки и техники по специальной тематике.

— Ускорить проведение реформы системы организации НИОКР, направленной на ориентацию развития науки и техники, на подъем экономики и повышение роли научных и инженерно-технических кадров в достижении научного и технического прогресса; продолжить эксперимент в выполнении НИОКР по контрактам и договорам, и о его результатах представить отчет и предложения в ЦК КПК и Госсовет КНР.

— Постепенно провести упорядочение работы ряда научно-исследовательских организаций.

— Продолжить изучение «новой технической революции» в экономически развитых странах и мероприятий, проводимых в Китае, и представить отчет об этом и свои предложения в Госсовет КНР.

— Создать условия для рационального использования научных и инженерно-технических кадров¹².

Преобразования в системе организации НИОКР дали свои положительные результаты. В стране была реконструирована научно-исследовательская и проектно-конструкторская база, повысился уровень НИОКР. С 1979 по 1984 г. государство зарегистрировало 27 990 важнейших результатов НИОКР, в том числе 896 результатов как открытия или изобретения¹³.

С целью материального и морального поощрения научных работников и отраслевых специалистов за научные и технические достижения в декабре 1978 г. Госсовет КНР утвердил Положение о присуждении государственных премий «За изобретения». Государственный комитет по науке и технике с 1979 по 1983 г. присудил 642 государственные премии за работы, выполненные в течение последних десяти лет, в том числе 155 премий в 1983 г. В 1983 г. лауреатами первых премий стали специалисты сельского хозяйства за выведение нового сорта заливного риса «юаньфэнхань» применением радиоактивного облучения; выведение вилтоустойчивых сортов хлопчатника «52—128» и «57—681»; создание вакцины против анемии лошадей и создание противочумной вакцины для свиней. Вторые премии были присуждены за выведение нового сорта гибридного риса «ляогэн», технологию анодного окисления нержавеющей стали, создание жаропрочного никелевого сплава GH 33A и т. д.¹⁴

В декабре 1979 г. Госсовет КНР установил государственные премии и медали соответствующего достоинства в области естественных наук. В 1982 г. Государственный комитет по науке и технике присудил 125

¹² См.: Чжунго цзинцизи няньцзянь, 1984, с. V-240—243.

¹³ См.: Чжунго тунцизи чжайяо. Пекин, 1985, с. 111.

¹⁴ См.: «Жэньминь жибао», 19.XII.1983.

государственных премий в области естественных наук за научно-исследовательские работы, выполненные отдельными учеными или группой ученых в течение последних 20 лет. Первые премии были присуждены за получение искусственного коровьего инсулина, изучение геологии Земли, открытие антисигма минус-гиперона, изучение проблемы Гольдбаха и т. д.¹⁵

В соответствии с решением Госсовета КНР от октября 1982 г. в 1985 г. впервые были обнародованы еще 1772 государственные премии за достижения в области естественных наук и техники, а том числе 1302 открытые и 470 закрытых премий. Из 1772 премий были присуждены 23 высшие премии (10 закрытых), 134 первых (54 закрытых), 537 вторых (140 закрытых) и 1078 третьих премий (266 закрытых). Высшими (открытыми) премиями были отмечены следующие достижения: разработка техники закачивания воды, обеспечивающей высокодебитную, длительную и стабильную эксплуатацию Дацзинских нефтяных промыслов; новая техника строительства Нанкинского моста через реку Янцзы; теория и практика разведки нефтегазовых многослойных пластов в Бохайском заливе; новый метод обнаружения золотосодержащих месторождений; новая техника строительства железной дороги Чэнду — Куньмин в сложных горных и геологических условиях; сооружение плотин на втором и третьем рукавах реки Янцзы и гидроэнергетических комплексов в гидроэнергетическом комплексе Гэцжоуба; новая промышленная технология производства бутадиенового каучука; радиосистема измерения и управления ракетой-носителем ИСЗ; комплексное измерительное судно «Юаньван»; экспериментальное судно «Сяньянху-10»; ракета-носитель «Чанчжэн-3»; экспериментальный спутник связи и бортовая микроволновая система измерения и управления; устройство оптического динамического наблюдения и измерения¹⁶.

Как отмечала китайская печать, в результате внедрения усовершенствованной техники закачивания воды в нефтеносный слой на Дацзинских нефтепромыслах в 1983 г. получено дополнительно 20 млн. юаней прибыли. В 1984 г. внедрение новой технологии промышленного производства бутадиенового каучука позволило увеличить производство этого сырья до 480 тыс. т в год и получить 170 млн. юаней прибыли.

Общий экономический эффект от внедрения результатов достижений, удостоенных 10 высших и 12 первых премий, составил 22 млрд. юаней¹⁷.

Однако внедрение результатов НИОКР остается слабым звеном в развитии науки, техники и технологии Китая. Большая часть результатов НИОКР не внедряется в производство. В 1984 г. в результате обследования научно-исследовательской работы более чем в 3500 научно-исследовательских институтах страны было установлено, что внедряется в производство менее 10 % результатов НИОКР. Многие научно-исследовательские институты выполняют большой объем НИОКР вне связи с производством (нецелевого назначения). Внедрение в народное хозяйство имеющихся научных и технических достижений задерживается. Промышленные предприятия и сельское хозяйство испытывают нехватку в научных и инженерно-технических кадрах. Несовершенство системы организации НИОКР и нерациональное территориальное распределение и использование имеющихся специалистов, ограниченные финансовые и материальные возможности сдерживают экономическое развитие страны. На устранение этих препятствий направлен третий этап преобразований в системе организации НИОКР¹⁸.

Основные цели и задачи этого этапа следующие:

¹⁵ См.: Чжунго цзинцзи няньзянь, 1983, с. X-24—27.

¹⁶ См.: «Гуанмин жибао», 8—11, 13.IX.1985.

¹⁷ In: «Beijing Review», 1985, N 42, p. 8—9.

¹⁸ Ibid., 1985, N 11, с. 4, 6.

- укрепить связь науки с производством,
- ускорить внедрение достижений науки и техники в производство и другие сферы деятельности человека,
- изменить систему финансирования НИОКР,
- повысить роль научных и инженерно-технических кадров в осуществлении программы «четырёх модернизаций», и прежде всего продвинуть вперед развитие науки и техники,
- создать рынок результатов НИОКР и технических достижений, содействовать превращению научных и технических достижений в товар,
- увязать интересы научно-исследовательских организаций с интересами промышленных предприятий и сельского хозяйства,
- создать научные фонды и для управления научными фондами образовать Государственное общество естественных наук и Государственное общество технических наук¹⁹.

В 1983—1984 гг. в этом эксперименте реформы системы организации НИОКР участвовали 505 научно-исследовательских институтов, 23 министерства и ведомства Госсовета КНР, 26 провинций, городов центрального подчинения и автономных районов, или 6 % всего научно-исследовательского потенциала страны. НИОКР в институтах до проведения этого эксперимента финансировались за счет государственного бюджета. В период эксперимента НИОКР выполнялись по контрактам и договорам, заключенным с промышленными предприятиями и другими заинтересованными организациями. Заказчик производит расчет с исполнителем по конечному результату. Некоторые научно-исследовательские институты и промышленные предприятия создали научно-производственные объединения, обеспечивающие эффективное выполнение НИОКР и внедрение результатов в производство.

В ходе эксперимента 505 научно-исследовательских институтов, в том числе 51 институт Пекина, создали свои научные фонды для финансирования НИОКР, увеличили прибыли, уменьшили зависимость от средств государственного бюджета.

Эксперимент предусматривает организацию центров по продаже результатов НИОКР. В начале 1985 г. только в Шанхае насчитывалось свыше 300 таких центров, занятых подбором научно-исследовательских подрядчиков для соответствующих промышленных предприятий, заказчиков, нуждающихся в приобретении результатов НИОКР и внедрении их в производство. Как отмечала китайская печать, реформой системы организации НИОКР будут охвачены свыше 9 тыс. научно-исследовательских организаций и 6 млн. специалистов с высшим и средним специальным образованием²⁰.

В соответствии с реформой системы организации НИОКР фундаментальные и частично прикладные научные исследования будут финансироваться за счет научных фондов. Государство будет выделять средства научно-исследовательским организациям только на административно-хозяйственные расходы и строительство. Как отмечалось в Постановлении ЦК КПК от 13 марта 1985 г. о реформе системы организации НИОКР, за счет государственного бюджета будут финансироваться научные исследования в области медицины, фармакологии, здравоохранения, охраны труда, планового деторождения, борьбы со стихийными бедствиями, стандартизации, агротехники, а также целевые программы НИОКР общегосударственного значения, строительство научно-исследовательских лабораторий и экспериментальных баз, включенных в государственный план и планы провинций, городов центрального подчинения и автономных районов.

В порядке эксперимента заказчик будет проводить конкурсный от-

¹⁹ См.: «Жэньминь жибао», 20.III.1985.

²⁰ In: «Beijing Review», 1985, N 11, с. 6—7.

бор научно-исследовательских организаций-подрядчиков на выполнение НИОКР по этим программам.

Анализ китайских материалов позволяет сделать вывод, что на нынешнем этапе реформа системы организации НИОКР направлена на развитие прикладных научных исследований в области технических наук и новой техники и технологии и выполнение опытно-конструкторских работ в промышленности, кроме военных отраслей промышленности, за счет средств самих предприятий и получения экономического эффекта заказчиком и исполнителем от внедрения результатов НИОКР в производство.

Реформа ведет к ограничению фундаментальных исследований в области естественных наук и порождает конкурентную борьбу между научно-исследовательскими организациями за получение подряда (контракта) на выполнение НИОКР по большим проектам, финансируемым за счет государственного бюджета.

Реформа предусматривает создание научных фондов в научно-исследовательских организациях за счет определенной доли прибыли, получаемой от НИОКР по контрактам и договорам, и использование этих средств для выполнения фундаментальных и прикладных исследований, обеспечивающих ускорение научно-технического прогресса.

Критерии оценки личности в традиционной культуре Китая*

Л. С. ПЕРЕЛОМОВ,

доктор исторических наук

В наши дни ни одна из стран Востока, вступивших на путь независимого развития, не может осуществить свои планы в изоляции от остального мира. Причем взаимодействие с более развитыми странами влечет за собой не только обмен, но и замену. Фактически это взаимодействие активно осуществляется на протяжении всего XX в.¹ Научно осмыслить возникающие при этом исторические сочетания, так сказать, синтез «западного» и «восточного», «современного» и «традиционного» — насущная задача марксистского востоковедения. Назрела необходимость теоретически рассмотреть достижения специалистов-страноведов на более высоком уровне абстракции. Ощущается потребность в появлении фундаментальной работы, которая могла бы обобщить результаты частных научных поисков на основных направлениях и предложить модели новых и своеобразных ступеней и состояний общественного развития, его вариации в сегодняшнем многообразном мире. Страноведам нужен и более совершенный научный инструментарий, позволяющий работать на более высоком профессиональном уровне, — категориальный и понятийный аппарат, делающий более точной методологию.

Отнюдь не всякий коллектив авторов способен взяться за это новое и довольно сложное дело, требующее и специальных знаний, и широкого синтетического мышления, и глубины теоретического проникновения в сущность явлений и процессов самой разной природы. К числу немногих работ, отвечающих, на наш взгляд, этим требованиям, бесспорно необходимых и китаистам, можно отнести исследование Отдела общих проблем Института востоковедения АН СССР «Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного».

Рамки журнальной статьи не позволяют во всем объеме оценить всю новизну работы, множество важных проблем, рассматриваемых в ней. Нельзя, однако, не отметить сразу же умение авторов моделировать процессы, происходящие в странах Востока, ибо без теоретического моделирования современная общественная наука обходиться не может, если хочет принести пользу активной и конструктивной практической политике. Понимая относительность метода моделирования, авторы вполне справедливо оговаривают, что „идеальные“ модели общественного развития тем не менее нужны, ибо без них социология будет не наукой, а сводом описательных повествований о жизни отдельных народов. Политэкономия капитализма стала подлинно научной лишь после того, как К. Маркс на основе огромного конкретно-исторического материала выработал абстрактно-теоретическую модель капитализма,

* К выходу в свет монографии «Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного» (Отв. ред. Л. И. Рейснер, Н. А. Симония. М., 1984), из серии «Пути развития освободившихся стран Востока», редакционная коллегия: Г. Ф. Ким (председатель), А. Б. Беленький (ученый секретарь), К. Н. Брутенц, Ан. А. Громыко, А. Б. Давидсон, А. В. Кива, [А. П. Левковский], В. Ф. Ли, Л. Р. Полонская, Е. М. Примаков, В. Г. Растяжников, Н. А. Симония.

¹ См.: В. Шейнис. Развивающиеся страны: экономический рост и социальный прогресс. М., 1983; его же. Развивающиеся страны в современном мире. Единство и многообразие. М., 1983.

стадий его развития»². Остается добавить, что «переходные ступени» и «смешанные» состояния общественного развития, отличающиеся формационной неоднородностью (что у авторов монографии равнозначно синтезированному характеру общества, то есть переплетению и компромиссному сосуществованию формационно разнородных структурных элементов на всех «этажах» общества от производства до духовной сферы, что мы и наблюдаем прежде всего на Востоке), еще не подвергались достаточному марксистскому моделированию. Пожалуй, в настоящее время вряд ли найдется ученый или политик, отрицающий важную роль традиций в странах современного Востока. Однако теоретического, комплексного осмысления этого феномена с марксистско-ленинских позиций еще не проводилось. Упомянутая работа призвана заполнить этот пробел.

В центре исследования — проблема так называемого синтеза традиционного и современного. Авторы уже во введении оговариваются, что их понимание таких категорий, как «традиционное» и «современное», неразрывно связано с категориями формационного развития: «В каждой стране содержание традиционного и современного весьма конкретно в формационном плане и зависит от переживаемой этой страной исторической эпохи. Так, если общество находится в фазе абсолютизма («умирающего феодализма». — Л. П.) или раннего капитализма, то традиционным становится (по мере зарождения капитализма) или уже является (с победой первой буржуазной революции) феодальное, современным же — соответственно капиталистическое» (с. 6). В странах Востока, ставших на путь построения социалистического общества, в частности в Китае, традиционное связано чаще всего с феодальным, а иногда и дофеодальным прошлым.

Взаимоотношение традиционного и современного авторы рассматривают в диалектическом единстве, что, на наш взгляд, обосновывает их право на концепцию «общественного синтеза» (с. 10). Они вполне справедливо отмечают, что с методологической точки зрения традиционное на Востоке модернизируется не само по себе, а именно в синтезе. В то же время, вступая в синтез, само «современное» также видоизменяется, определенным образом приспособливается к традиционному, иначе компромисс (синтез) был бы просто невозможен. Эти изменения необходимы и для обеспечения «сцепления» между традиционным и современным, и для обеспечения доминирующей, лидирующей и, главное, трансформирующей роли последнего. Поэтому данное, конкретно-страновое современное на Востоке по необходимости отличается от того чужеземного современного, с которого оно брало пример или было скопировано. Можно легко предположить, что вследствие длительности исторического процесса конечный результат его — будущее современное — будет значительно отличаться от того варианта современного, который превалирует на данный исторический момент. Короче говоря, само понятие «современное» и его реальное выражение в процессе синтеза опять же по объективной необходимости будет модифицировано. Вот почему при оценке перспектив синтеза в странах Востока необходимо постоянно иметь в виду потенцию устаревания того, что по сегодняшним меркам еще рассматривается как современное. Кстати говоря, именно это последнее обстоятельство делает невозможным повторение развивающимися странами любых «классических» вариантов общественного развития» (с. 12. Разр. наша. — Л. П.). Я специально привел эту выдержку из введения, ибо, по сути дела, в ней — итог всей работы (заключение в книге отсутствует).

² См.: Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного, с. 8 (далее страницы даются в тексте).

Данная работа посвящена доказательству этого принципиально важного положения.

Авторы рассматривают проблему синтеза на примере исследования базисных и надстроечных явлений. Работа делится на три части. Часть первая: «Восточное средневековое общество как исторический тип. Механизм его включения в систему мирового капитализма» (автор — доктор исторических наук Л. И. Рейснер). Автор второй части — «Синтез современного и традиционного в условиях независимого развития» — доктор исторических наук Н. А. Симония анализирует эту проблему на примере развития государственности.

Высоко оценивая первые две части за глубину исследования и новизну решения важных научных проблем, я целиком солидаризируюсь с той их оценкой, которая дана в рецензии В. Максименко³. Конечно, при этом мы считаем: плодотворность самой концепции не означает, что понятийный аппарат не нуждается в дальнейшей разработке или что категории «традиционное общество» и «общественный синтез» не нуждаются в большей определенности их содержания и применения.

Что же касается третьей части, то, по нашему мнению, целесообразно подробнее остановиться на ее анализе.

Третья часть — «Синтез в сфере духовной жизни», — на наш взгляд, является самой сложной и деликатной, ибо автору приходится здесь вторгаться в святая святых жизни народов Востока, задевая целый ряд «болевых» точек, связанных с компаративистским анализом не только культур, но и национальных характеров. К чести автора (кандидата исторических наук Е. Б. Рашковского), следует отметить, что он понимает всю сложность проблемы. Не случайно уже в самом начале своей первой главы («Культурное наследие народов Востока и современный научно-технический прогресс») он признает: «Культурно-историческая компаративистика немало потрудились над структурным сопоставлением Востока в целом и Запада; многосторонний сравнительный анализ восточных цивилизаций, и в частности, их важнейших основополагающих принципов, — это скорее завтрашний, нежели сегодняшний или тем более вчерашний день востоковедной науки». Весьма знаменательная оценка. Действительно, чтобы проводить структурное сопоставление основных параметров традиционных культур Востока, хотя бы на примере старого Китая, необходимы коллективные усилия, нужна сумма знаний не меньшая, чем та, которой обладали академики В. М. Алексеев и Н. И. Конрад. Но даже у них отнюдь не все концепции принимались безоговорочно и выдержали проверку временем, достаточно напомнить о концепции «Возрождения», выдвинутой в свое время академиком Н. И. Конрадом. Для выполнения поставленной задачи требуются усилия целых коллективов высококвалифицированных специалистов-страноведов в содружестве со специалистами-обществоведами. Поэтому достойна всяческого уважения творческая смелость автора, взявшегося за построение моделей целого ряда цивилизаций Востока. В общем автор справился с поставленной задачей. Ему удалось вскрыть на теоретическом уровне специфику восприятия принципов капитализма и социализма идеологами различных национально-освободительных движений в странах Востока. Однако не все элементы в концепции исследователя можно отнести к числу работающих. Вызывает сомнение его модель личности в культурах доколониального Востока. Прежде всего необходимо постоянно помнить, что, несмотря на формационное родство (в колониальный период), страны Востока отличались друг от друга конкретными историческими, социокультурными и природными условиями в еще большей мере, пожалуй, чем страны Запада. И эта страновая спе-

³ См.: В. Максименко. Восток: пути общественной эволюции. — «Азия и Африка сегодня», 1985, № 9, с. 62—63.

цифика не могла не оказать влияния на формирование типа и идеала личности. Неоднократно указывая на комплексность и многоплановость проблемы человека (человек есть результат «богатой совокупности многочисленных определений и отношений», и прежде всего «совокупности всех общественных отношений»⁴), классики марксизма-ленинизма обращали также внимание на диалектику преемственности и изменчивости в историческом развитии человека. Характеризуя человека как «постоянную предпосылку человеческой истории», они вместе с тем неоднократно подчеркивали, что человек есть ее «постоянный продукт и результат». «Мы должны знать, — писал К. Маркс, — какова человеческая природа вообще и как она модифицируется в каждую исторически данную эпоху»⁵.

В условиях модернизации развивающихся стран Востока меняются требования, предъявляемые личности, модифицируется и сама личность. Наиболее дальновидные лидеры уже сейчас закладывают основы формирования руководителей «третьего эшелона», приобщая молодое поколение к управленческим функциям. Этическое и деловое формирование репрезентативного типа личности, с которым связывают надежды на модернизацию, также проходит через синтез восточного и западного, традиционного и современного. При этом своему, традиционному, отводится особая роль, ибо именно оно формирует национальное ядро в этом синтезе. Проникновение в глубинные пласты национальных культур может оказать существенную помощь и в оценке реальности планов развития, ибо везде человеческому фактору историей отводится все возрастающая роль. Поэтому интерес к трактовке личности в восточных цивилизациях, особенно таких, как китайская, где наблюдалось стабильное единство материальной и духовной культуры на протяжении столетий, вполне закономерен. Автор совершенно прав, уделяя оценке роли личности и критериям этой оценки столь большое внимание.

Известно, что буржуазная культурно-историческая компаративистика прилагала и прилагает много усилий, чтобы доказать, что в традиционных восточных культурах мы имеем дело с принципиально иным типом личности, нежели на Западе. Главное отличие «восточной личности» от «западной» уже в доколониальную эпоху они видят в отсутствии такой категории, как «свобода личности». Отсюда делаются далеко идущие выводы о якобы пассивном характере личности на Востоке и т. п. Автор не обходит этой «болевого» точки. Справедливо критикуя европоцентристскую модель личности, он заключает: «...Было бы грубым европоцентристским упрощением отрицать... наличие в традиционных культурах Азии идеи личности (с этим отрицанием мы постоянно сталкиваемся в европейской историографии XIX—XX вв.). Без этой своеобразной идеи личности, по-особому противостоящей внешней, рутинной социальности, не было бы и великих достижений восточных культур, не было бы и великих духовно-философских традиций народов Востока» (с. 406). С этим положением нельзя не согласиться. Казалось бы, автор пойдет дальше и, опираясь на труды своих коллег-востоковедов, покажет, что восточной культуре отнюдь не чужда идея свободной личности⁶. Но он останавливается на полпути и предлагает иную модель, иной «каршину» для замера «человеческой ткани» на Востоке. «Однако идея лич-

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. 1; с. 37; т. 3, с. 3.

⁵ Там же, т. 26, ч. III, с. 516; т. 23, с. 623.

⁶ См.: А. С. Мартынов. Чжу Си и официальная идеология императорского Китая. — В кн.: Конфуцианство в Китае. Проблемы теории и практики. М., 1982, с. 111—125; его же. «Искренность» мудреца, благородного мужа и императора. — В кн.: Из истории традиционной китайской идеологии. М., 1984, с. 11—51; его же. Конфуцианская личность и природа. — В кн.: Проблема человека в традиционных китайских учениях. М., 1983, с. 180—191; И. И. Семенов. Геронизм обреченного (Конфуций о судьбе человека). — В кн.: Общество и государство в Китае. М., 1981, с. 89—96.

ности здесь выражена по-иному, нежели в традиции европейской. Связанное со множеством особенностей формирования европейской истории, взаимосочетание ее древнейших идейных основоположений — иудейского монотеизма, греческой философии, римского права — санкционировало идею внутреннего суверенитета личности, обусловленного даром свободной воли. Все три основоположения, каждое на свой лад, действовали в этом направлении. Первое настаивало на прямой и личной причастности смертного и грешного, но все же уповающего на спасение человека к сверхмировому, сверхкосмическому Божеству; второе указывало на умопостигаемую связь человеческого существа с идеальными основами миропорядка, с Логосом; третье гарантировало человеку некий фиксированный минимум автономии от мира сего — в отношениях политических, экономических и семейных. Таким образом, за человеком в принципе признавалась малая толика автономии и прав в Боге, в Мироздании, в Обществе. В культурах же Востока мерилом ценности личности была не ее свобода, а нечто иное — глубина переживания ею представлений о таинственных первоосновах бытия и о сокровенной причастности внутреннего опыта человека к этим первоосновам (всеобщее и индивидуальное Дао, космическая и «своя» дхарма, отыскание в самом себе начатков вселенского я и т. д.)» (с. 406—407). Я специально привел столь пространную выдержку, дабы не исказить мысль и логику автора: на Востоке мы все же имеем иную модель личности, нежели на Западе, поэтому для ее постижения требуются иные критерии, которые и предлагает автор.

Лучшей проверкой качества любой модели является сопоставление ее с теми требованиями, которые предъявлял К. Маркс к творцам априорных истин: «Конечно, способ изложения не может с формальной стороны не отличаться от способа исследования. Исследование должно детально освоиться с материалом, проанализировать различные формы его развития, проследить их внутреннюю связь. Лишь после того как эта работа закончена, может быть надлежащим образом изображено действительное движение. Раз это удалось и жизнь материала получила свое идеальное отражение, то может показаться, что перед нами априорная конструкция»⁷. Из этого определения следует, что решение такой сложной проблемы, как выработка критериев ценности личности на Востоке, не только должна носить конкретно-исторический характер с учетом основных условий формирования личности в каждой страновой культуре, но и, что не менее важно, отражать умение найти, выделить и внедрить в модель те факторы, которые, пройдя через века, активно участвуют в становлении личности на современном Востоке.

Действительно, предложенный автором критерий ценности личности встречается в китайской культуре, но вряд ли уместно выделять его в качестве наиболее характерного для понимания репрезентативного типа личности. Дело в том, что в китайской культуре этот критерий носил в свою очередь специфический характер и был ограничен узкими социальными рамками, ибо мог прилагаться только к определенной категории лиц, обладавших реальной властью над своими подданными. Это мерило ценности больше связано с доктриной императорской власти, где сила императорского «дэ» определялась непосредственно самой Природой. Правом на сопричастность к «таинственным первоосновам бытия» (а древние и средневековые китайцы подразумевали под этими понятиями Небо и Землю) был наделен лишь один человек — император, поскольку лишь императорская личность была соизмерима с мирозданием. Как установил А. С. Мартынов, носителю политической власти сакрализованный космос был необходим прежде всего как источник благодати и силы, и он монополизировал этот источник в высшей для

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 21.

средневековой культуры сфере — ритуальной; оттесненный на задний план в ритуале, философ-конфуцианец компенсировал себя тем, что вновь обрел этот мир в философском размышлении⁸.

Воссоздать более реальные критерии ценности базового типа личности, не скованные узкими иерархическими рамками, можно, проанализировав основные этико-политические учения древнего Китая. Выбирая из всех параметров китайской культуры для выработки мерил ценности личности учение о Дао (кстати, Дао неделимо — это Абсолют)⁹, автор напрасно столь резко сузил объект исследования и тем обеднил «живую ткань» китайской культуры. Вне этики, особенно морали, невозможно конструировать какие-либо мерил ценности китайской личности. А у автора вне поля зрения оказался такой благодатный для построения моделей материал, как письменные памятники целого ряда этико-политических школ (легистской, моистской, раннеконфуцианской), которые специально занимались проблемой человека и выработали целый ряд критериев ценности личности. Их можно было бы и не учитывать, если бы они исчезли бесследно. Но поскольку многие из этих критериев получили официальное признание еще в глубокой древности, а часть вошла в «генофонд» традиционной культуры, способствуя формированию национального характера, то творец «априорных конструкций», памятуя о принципах исследования, предложенных К. Марксом, обязан учитывать данные критерии при построении своей модели «восточной личности». Тем более что (и в этом особенность любой цивилизации, оберегающей духовные ценности нации) древние «аршины» живы и сейчас, и именно они определяют ценность личности, именно на них воспитывают нового человека — активного творца социалистического общества. Специфика истории китайской общественной мысли заключается не только в том, что она сравнительно рано (V—III вв. до н. э.) занялась изучением природы человека, а также и в том, что, уяснив решающее значение фактора воспитания в процессе формирования личности, она уделяла пристальное внимание разработке методов воспитания. Были созданы целостные системы воспитания личности, порой взаимоисключающие, но всегда исходившие из «природы человека».

Уверенные в том, что человек от природы себялюбив и своекорыстен и стремится лишь к «выгоде» («ли»), легисты всячески подчеркивали значение именно этих «природных данных» человека при формировании активной личности. Правда, рамки деятельности индивида были четко ограничены «Единым» («И»), под которым они понимали сель-

⁸ См.: А. С. Мартынов. Несколько замечаний о комплексе «Небо — Земля» в китайских художественных, политических и философских текстах. — В кн.: Литературы стран Дальнего Востока. М., 1979, с. 29; его же. Представления о природе и мироустроительных функциях власти китайских императоров в официальной традиции. — «Народы Азии и Африки», 1972, № 5.

⁹ Нелишне вспомнить, как понимали Дао крупнейшие советские китаеведы. «Дао, — писал академик В. М. Алексеев, — есть сущность, есть нечто статически абсолютное, есть центр круга, вечная точка вне познаний и измерений, нечто единственно правое, и истинное... Оно — самопроизвольная самоестественность. Оно для мира, вещей, человека, поэта и его наития есть Истинный Владыка... Небесный Станок, лепящий формы... Высшая Гармония; Магнит, притягивающий к себе не противящуюся ему человеческую душу... Таково Дао, как высшая субстанция, инертный центр всех идей и всех вещей...» (В. М. Алексеев. Китайская поэма о поэте. Стансы Сыкун Ту (837—908). Пг., 1916, с. 17). Академик Н. И. Конрад: «Все, что существует как бытие единичное, имеет свою «форму» свой «образ»; Дао, как бытие всеобщее, ни формы, ни образа не имеет, если бы оно их имело, оно стояло бы в общем ряду со всеми вещами. Поэтому в каждой вещи, в каждом явлении присутствует свое «есть»; в Дао наличествует «нет». То, что «есть», изменяется, в нем есть чему изменяться. То, что «нет», не изменяется; в нем нет чему изменяться... Дао — не изменяется; следовательно, оно пребывает не в движении, а в «покое»; поэтому оно и не конечно, а вечно, постоянно» (Н. И. Конрад. Избр. труды. Синология. М., 1977, с. 434). Поэтому нельзя расчленять Дао на «всеобщее» и «индивидуальное», ибо «индивидуальное» — только во «всеобщем». Уместнее говорить, и то с определенным допуском, лишь об этапах постижения «всеобщего» Дао через «индивидуальное».

ское хозяйство и войну. Именно в этих сферах любая личность, независимо от социального происхождения и этнической принадлежности, могла полностью реализовать свои «природные» потенции, а именно разбогатеть и осуществить служебную карьеру. Впервые в истории китайской культуры человек получал право относительной личной свободы от чрезмерных посягательств власть имущих. На страже его интересов, с точки зрения легистов, стоял закон, перед которым были все равны, исключая лишь одного правителя, поскольку он и являлся творцом законов¹⁰. Если идея всеобщности закона впоследствии заглохла и получила свое воплощение лишь через две тысячи лет с созданием КНР, то вторая кардинальная концепция легистов — достижение богатства путем максимальной активизации личности — издревле прижилась на китайской почве. Культ богатства приобрел этническую окраску. С глубокой древности вплоть до сегодняшнего дня в число обязательных благопожеланий в связи с наступающим Новым годом неизменно входит «фа цай» — «пожелание богатства». Не пропал и легистский ценностный ориентир «ли» — «стремление к выгоде». В сочетании с иероглифом «фу» — «благо, счастье» — он образовал понятие «фу ли» — «благосостояние». Одно из обязательств КПК перед народом: «вэй женьминь фу ли» («служить народному благосостоянию»).

В отличие от основоположников легизма Конфуций придерживался более осторожной позиции в оценке природы человека¹¹. Его ближайшие последователи занимали разные позиции. Одни, как, например, Мэн-цзы, считали, что человек по природе изначально добр, эта его природная способность аналогична природному свойству воды — течь вниз. Другие указывали на двойственный характер человеческой природы¹². Отсюда возрастающее значение придавалось процессу воспитания личности. Если легисты делали упор лишь на развитии «природных» качеств человека с помощью своей системы поощрений и наказаний, то конфуцианцы, наоборот, — лишь на методику воспитания, начиная как бы с нулевого цикла. Установка Конфуция, что он «занимается обучением без предвзятостей», означала признание им принципа равных возможностей в области образования. Занимаясь разработкой норм общественного поведения, конфуцианцы неизбежно должны были предложить и критерии ценности личности. К их числу относились прежде всего доброта, человеколюбие, знания и чувство справедливости. Главным среди этих четырех критериев ранние конфуцианцы считали доброту, доброе сердце. «Лишенный соболезнующего и сострадающего сердца, — поучал Мэн-цзы, — не человек; лишенный стыдящегося [своих собственных недостатков] и негодующего [на недостатки других] сердца — не человек; лишенный отказывающего [себе] и уступающего [другому] сердца — не человек; лишенный [стоящего] за правду и [выступающего] против неправды сердца — не человек. Соболезнующее и сострадающее сердце — начало человеколюбия; стыдящееся [своих собственных недостатков] и негодующее [на недостатки других] сердце — начало справедливости; отказывающее [себе] и уступающее [другому] сердце — начало норм поведения [ли]; [стоящее] за правду и [выступающее] против неправды сердце — начало мудрости. Эти четыре начала у человека подобны его четырем конечностям»¹³. Заключительное высказывание Мэн-цзы его современники и последователи, по-видимому, должны были воспринимать как конечную цель в таком нелегком деле,

¹⁰ См.: Л. С. Переломов. Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. М., 1981, с. 108—115.

¹¹ См. там же, с. 66—82.

¹² См.: Ю. Л. Кроль. Конфуцианская и легистская концепции человеческой природы в «Янь те луэ» (1 в. до н. э.). — В кн.: Конфуцианство в Китае. с. 67—70.

¹³ Цит. по: Чжуцзы цзинчэи (Собрание сочинений философов). Пекин, с. 1, 1956. Мэн-цзы чжэньи (Мэн-цзы — истинный смысл), гл. 3, с. 138—139.

как воспитание подлинной личности. Как видим, древнекитайских теоретиков воспитания личности почему-то мало затрагивала «глубина переживания» ею представлений о таинственных первоосновах бытия и о сокровенной причастности внутреннего опыта человека к этим первоосновам». Они почему-то полагали, что их мерила ценности личности более перспективны для развития китайской культуры и судеб нации. Поэтому они связали в единый комплекс все четыре ценностных ориентира: истинные знания подразумевали человеколюбие, а доброта не мыслилась без тяги к знаниям¹⁴. Теоретические разработки ранних конфуцианцев получили официальное признание, и уже в эпоху Ранних Хань (III в. до н. э. — I в. н. э.) в Китае была введена девятибалльная шкала оценки личности. Высшим параметром ценности личности считалась «мудрость», низшим — «глупость». Если «мудрость» зиждилась на «доброте», то «глупость» ассоциировалась с жестокостью и коварством. Следует отметить, что доброта является неотъемлемой частью высокой нравственности. Дабы погрузиться в ткань материала исследования, чему наставлял своих последователей К. Маркс, уместно привести то идеологическое обоснование девятибалльной шкалы ценности личности, которую выработали сами древние уже на грани нашей эры через несколько сотен лет после Конфуция и Мэн-цзы: «С тех пор, как [люди] стали вырезать письмена, предшественники получили возможность сохранять о себе память. В «Канонах» и «Комментариях» [к ним] появились прозвища и посмертные имена императоров и ванов, живших до Тана (Яо. — Л. П.) и Юя (Шуня. — Л. П.). Имена их помощников, увы, не сохранились. Однако мыслители много говорили о них, и хотя удостовериться в справедливости этих суждений не довелось урожденному Куну, наиболее известные [из этих помощников] сохранили о себе память в трактатах и книгах, и в конечном счете одни из них стали олицетворением добра, а другие — олицетворением зла, что может служить наставлением и предостережением для людей последующих поколений. Вот почему здесь можно многое взять. Кун-цзы говорил: «Да если бы довелось соединить вместе совершенную мудрость и человеколюбие, то разве я посмел бы [сделать это великое дело]?»¹⁵ И еще: «Что служит человеколюбию? Непременно — совершенная мудрость!». «Откуда взяться человеколюбию, когда [человек] пребывает в незнании?». «Те, кто обладает врожденными знаниями, стоят выше всех. За ними следуют те, кто приобретает знания благодаря учебе. Далее следуют те, кто приступает к учебе, столкнувшись с трудностями. Тех же, кто, столкнувшись с трудностями, не учится, люди ставят ниже остальных». [Кун-цзы] также говорил: «С человеком, который находится выше середины, можно говорить о возвышенном». «Лишь самые глупые и самые умные не могут измениться». В «Комментариях» говорится: «Когда, например, люди, следуя за Яо, Шунем, Юем, Цзи и Во, творят добро, то это годится; когда же они желают присоединиться к Гуню и Хуань Доу и творить зло, то это карается. Когда кто-то может присоединиться к тем, кто творит добро, и не может присоединиться к тем, кто творит зло, то это называется высшей мудростью. Когда кто-то желает творить добро, следуя за Цзе, Чжоу, Лун Фэном и Би Ганом, то это карается. Когда же совершают зло, следуя за Юй Синем и Чун-хоу, то это допустимо. Когда кто-то может присоединиться к тем, кто творит зло, и не может присоединиться к тем, кто творит добро, то это называется самой низкой глупостью. Когда цискому Хуань-гуну первым со-

¹⁴ См.: А. И. Кобзев. Проблема природы человека в конфуцианстве (от Конфуция до Ван Яньмина). — В кн.: Проблема человека в традиционных китайских учениях. М., 1983, с. 207—230.

¹⁵ Танский комментатор «Истории Ранней династии Хань» Янь Шигу отмечает, что Конфуций здесь проявляет чувство скромности. См.: Бань Гу. Цянь Хань шу (История Ранней династии Хань). Пекин, 1975, гл. 20, с. 862.

ветником служил Гуань Чжун, тот стал гегемоном; когда же ему стал помогать [в делах управления] Шу Дяо, то возникла смута. Тех, кто может присоединиться к творящим добро, а также [в равной степени] присоединиться и к творящим зло, называют людьми середины». Вот почему здесь весь список разбит на девять разрядов и после изучения «Канонов» и «Комментариев» все известные люди древности и современности в соответствии с чередованием эпох и во временной взаимосвязи расставлены по разрядам».

Как уже отмечалось, ханьские конфуцианцы ввели девять разрядов, которые группировались по трем различным категориям: высшая, средняя и низшая. Каждая из таких категорий включала соответственно по три следующих разряда: высший, средний и низший. Например, к людям первого разряда — «высшим среди высших» — относились «совершенномудрые», за ними следовали «средние среди высших» — «человеколюбивые», а завершали эту категорию «низшие среди высших» — «мудрецы». Девятиразрядная шкала определения ценности личности заканчивалась «низшими среди низших» — девятым разрядом, в который помещались «глупые люди»¹⁶. Поскольку шкала ценностей создавалась официальными чиновниками рабовладельческого Китая и утверждалась самим императором, то, естественно, она не могла не иметь определенного социального и идеологического смысла. Среди сотен имен, уцелевших после тщательного просеивания придирчивыми чиновниками, в высший разряд попали немногие. По сути дела, он оказался самым пустым среди девяти разрядов. К «совершенномудрым» были отнесены мифические правители, такие, как Хуан-ди, Яо, Шунь, и основатели отдельных династий. Из простых смертных туда был допущен лишь Конфуций. Ближайшие последователи Конфуция — Цзы Сы и Мэн-цзы — были отнесены к «средним среди высших». Подлинные мотивы, которыми руководствовались ханьские чиновники, хорошо прослеживаются на примере людей, оказавшихся в шестом разряде — «низших среди средних». Император Цинь Шихуан и его первый советник Ли Сы оказались в одном разряде с руководителями крестьянского восстания Чэнь Шэном и У Гуаном. Ханьская бюрократия не могла простить Цинь Шихуану гонений на конфуцианцев и занесла его вместе с инициатором антиконфуцианской политики Ли Сы в шестой разряд. Поскольку бывшие батраки Чэнь Шэн и У Гуан подняли в 209 г. до н. э. восстание против династии Цинь, к которому впоследствии присоединились аристократы Сян Лян и Сян Юй, то все они также удостоились шестого разряда. Не совсем понятно, почему коварный и хитрый сановник Чжао Гао, фактически правивший страной в период кратковременного царствования сына Цинь Шихуана — Ху Хая (Эр Шихуана), оказался в девятом разряде — «низшим среди низших». По-видимому, составители шкалы ценностей посчитали его нарушителем чиновничьей морали и зачислили его в категорию «глупых людей».

Для нас же в данном случае важны не скрытые мотивы, а сами критерии. Выработанные древними, эти критерии ценности личности прочно инкорпорировались в китайскую культуру и стали ее реальными ориентирами. Из многочисленных примеров приведем лишь один — наставление известного средневекового поэта Тао Юаньмина своему сыну:

Равно вежлив и добр —
 будь то утро или ночь...
 Помни это всегда,
 это в сердце храни...
 Пусть примером тебе
 служит в жизни Кун Цзи,

¹⁶ Там же, с. 861—863 (пер. Э. В. Никогосова и Л. С. Переломова).

Ты приблизишься к нему,
до него поднимись¹⁷.

Сопоставляя европейские и восточные критерии ценности личности, Е. Б. Рашковский, как уже указывалось, ограничился для Европы лишь античной эпохой. В то же время интересно проследить, возникали ли в духовной культуре феодальной Европы какие-либо тенденции к постижению восточной, в частности китайской, концепции личности. И не воспринималась ли она, что соответствовало бы логике рассуждений автора, как нечто совершенно чуждое и непригодное европейской модели личности?

Известно, что в XVII и особенно XVIII в. Европа пережила период бурного увлечения Китаем. И если европейская аристократия проявляла повышенное внимание к чисто внешнему выражению китайской материальной культуры (подражание китайской архитектуре, парковому искусству, бумажным фонарикам и т. п.), то лучшие умы Европы заинтересовались духовной жизнью Китая. Пропагандируя просвещенный абсолютизм и оспаривая концепцию Руссо о том, что искусство и наука развращают нравы, Вольтер обращался за аргументами к Конфуцию. Естественно, его не могла не заинтересовать методика воспитания «примерного подданного». По словам самого Вольтера, его драма «Китайский сирота» — «мораль Конфуция, развернутая в пяти актах». В «Опыте о нравах», в «Философском словаре», в «Бумагах Жана Неслье» и даже в статье об «Изгнании иезуитов» Вольтер неизменно восторгается китайской моралью. В своем увлечении китайскими морально-этическими нормами Вольтер не одинок, достаточно напомнить об основателе школы французских физиократов Кенэ, который за свой трактат «О деспотизме в Китае» (1767) получил прозвище «Конфуций Франции».

Просвещенная Россия также увлеклась Китаем, сначала подражая Франции. Лучшие представители русской духовной культуры, в частности А. С. Пушкин, интересовались и китайскими нормами ценности человека. Интересное исследование известного пушкиниста академика М. П. Алексева показало, что «от пряной экзотики XVIII в. он (А. С. Пушкин. — Л. П.) поднялся тогда до подлинного постижения Востока, преодолел уже то понимание его, которое шло к нему из западной литературы»¹⁸. Пушкин не только перечитал все, что было издано о Китае во Франции и России, но и почерпнул многие ценные для себя сведения из дружеских бесед с И. Бичуриным — лучшим по тогдашним временам знатоком китайской культуры¹⁹. Круг интересов А. С. Пушкина был широк, но прежде всего его интересовали конфуцианские методы воспитания личности. Для тех, кто занимается синтезом духовных культур Запада и Востока, ценной находкой является упомянутое исследование академика М. П. Алексева, которое на конкретном материале вскрывает процесс взаимопроникновения русской и китайской культур.

Обдумывая тему исторического образования Онегина, которая представлена в VI строфе I главы «Евгения Онегина», А. С. Пушкин намеревался ввести в текст романа китайские мотивы, и, видимо, даже кое-что из ценностных ориентиров Конфуция. «В черновиках первой главы «Евгения Онегина», написанных в Одессе не позже июня 1823 г., — пишет М. П. Алексеев, — в тетради № 2369, в левом углу 6 листа в чер-

¹⁷ См.: [Л. З. Эйдлини.] Тао Юаньмин и его стихотворения. М., 1968, с. 183. Кун Цзи — он же Цзы Сы (492—431 гг. до н. э.) — внук Конфуция.

¹⁸ М. П. Алексеев. Пушкин и Китай. — В кн.: Пушкин в странах зарубежного Востока. Сборник статей. М., 1979, с. 58, 59, 88.

¹⁹ В библиотеке Пушкина сохранилась книга французского сиолога С. Жюльена. Н. Я. Бичурин начиная с 1828 г., после выхода «Описания Тибета», дарил все свои книги А. С. Пушкину с трогательными посвящениями.

новиках VI строфы, есть несколько зачеркнутых стихов, которые читаются так:

[Конфуций] мудрец Китая
Нас учит юность уважать —
[От заблуждений охраняя]
[Не торопиться осуждать]
[Она одна дает надежды]
[Надежду может...]»

Хотя это и зачеркнутые стихи, но все же это наброски самого Пушкина. Проникая в творческий замысел поэта, М. П. Алексеев пишет: «В желании установить объем исторических познаний Онегина Пушкин словно колебался — дать ли ему поверхностное знание древней истории от греко-персидских войн или только от римских времен; не должен ли был, однако, Онегин знать и о древнейшей цивилизации мира? Любопытно было бы проследить, к какому источнику восходит это зачеркнутое упоминание Конфуция? Однако мысль Пушкина недосказана: она оборвалась на полуслове и затем окончательно была выброшена из текста; нам так, вероятно, и не удастся узнать, как в сознании поэта связались воедино мысли о воспитании Онегина и мнение о воспитании китайского мудреца. Вспомнил ли он здесь восторженные отзывы о Конфуции Вольтера?»²⁰ Попытаемся все же ответить на этот вопрос нашего известного пушкиниста. Прежде всего укажем на оценки Пушкина, соответствующие истине. Конфуций и в самом деле был мудр, и он действительно занимался проблемами воспитания личности, стараясь охранить ее от «заблуждения». Уважение к юности в его учении возможно было лишь в одном случае — если эта юность ценила добро и проявляла стремление к знаниям. Именно желание показать тягу к знаниям и могло связать воедино пушкинские мысли о воспитании своего героя с теми представлениями Конфуция о целях воспитания, которые смог почерпнуть Пушкин из имевшейся в его распоряжении литературы и общения с Бичурным. Не исключено, что именно желанием углубить свое представление о китайской культуре, прежде всего об учении Конфуция, и объясняется стремление Пушкина посетить Китай. Уже через 10 дней после подачи А. С. Пушкиным прошения о посещении Китая, 17 января 1830 г., через Бенкендорфа он получил официальный отказ за подписью самого царя. Для нас в данном случае важно, что Пушкин не рассматривал китайские ценностные ориентиры как нечто чужеродное, непригодное для европейца. Обладая соответствующими его эпохе знаниями о Китае, пушкинский гений интуитивно почувствовал наличие некоей общности в понимании критериев ценности человека, иначе он бы не обратился к Конфуцию.

Эта тенденция поисков общих критериев оценки личности не угасала в русской духовной культуре. Ее активным стимулятором стал Л. Н. Толстой. Великому русскому писателю было легче, чем великому поэту, — появилось больше переводов китайской классики. Увлечение Л. Н. Толстого духовной культурой Китая известно. Подчас он прямо использовал отдельные положения даосизма и конфуцианства для подтверждения своей теории. Л. Н. Толстой в этих учениях искал воззрения, позволявшие подкрепить идеи всепрощения и непротивленчества. Для нас в данном случае интересно то, что Л. Н. Толстой считал главным в учении Конфуция и как он представлял себе его методы воспитания, то есть какие ценностные ориентиры он ставил на первое место. Приведем начальный абзац из «Изложения китайского учения Конфуция Львом Николаевичем Толстым» в том виде, как оно было заимствовано П. А. Буланже из черновых бумаг Толстого. «Сущность китай-

²⁰ М. П. Алексеев. Указ. соч., с. 71, 72.

ского учения такая: истинное [великое] учение научает людей высшему добру — обновлению людей и пребыванию в этом состоянии. Чтобы обладать высшим благом, нужно 1) чтобы было благоустройство во всем народе. Для того, чтобы было благоустройство во всем народе, нужно 2) чтобы было благоустройство в семье. Для того, чтобы было благоустройство в семье, нужно 3) чтобы было благоустройство в самом себе. Для того, чтобы было благоустройство в самом себе, нужно 4) чтобы сердце было чисто, исправлено. (Ибо где будет сокровище ваше, там будет и сердце ваше.) Для того, чтобы сердце было чисто, исправлено, нужна 5) правдивость, сознательность мысли. Для того, чтобы была сознательность мысли, нужна 6) высшая степень знания. Для того, чтобы была высшая степень знания, нужно 7) изучение самого себя (как объясняет один комментатор)»²¹.

Толстой правильно уловил суть учения Конфуция — процесс самовоспитания начинается с «очищения сердца», вспомним, какое значение придавал «сердцу» Мэн-цзы. Главными же задачами воспитания, выполнение которых и формирует настоящую личность, является достижение «высшего добра» и «высшей степени знания». Именно эти критерии и были заложены в официальную ханьскую шкалу ценностей личности.

Увлечение А. С. Пушкина и Л. Н. Толстого раннеконфуцианскими критериями ценности личности нашло свое логическое завершение в творчестве основателя советского китаеведения академика В. М. Алексеева. Тонкий знаток китайской культуры, чей жизненный путь отнюдь не был усыпан одними розами, завещал на раскрытой мраморной книге, венчающей его памятник, начертать два каллиграфически исполненных иероглифа: «бу юнь» — «не хмурится»²². Эти два иероглифа взяты из первого абзаца «Лунь юя», точнее — завершающей фразы первого абзаца: «Учитель сказал: ...Люди его не знают, а он не хмурится, разве нельзя считать такого человека благородным мужем?»²³. «Благородный муж» («цзюнь-цзы») Конфуция — средоточие всех его критериев ценности.

Конкретные примеры из творчества трех представителей русской и советской культуры наглядно свидетельствуют, что ценностные ориентиры, выработанные древнекитайской культурой, отнюдь не чужды, более того, даже весьма притягательны и для европейской культуры. Поэтому утверждение Е. Б. Рашковского о наличии различных, невзаимодействующих восточных и западных критериев ценности личности не соответствует действительности, по крайней мере на китайском материале. Можно предположить, что аналогичную картину дадут нам японская и корейская культуры эпохи феодализма, поскольку они испытали сильное воздействие китайской духовной культуры. Однако здесь последнее слово за специалистами-страноведами.

Вызывает возражение и тот вывод о характере социального поведения восточных людей в древности и средневековье, который делает автор, исходя из предложенного им мерила ценности личности на Востоке: «Суть несходства западных и восточных понятий о свободе в другом — в различии их глубинного идейного содержания (теоцентрический взгляд на личность в первом случае и пантеистический, космоцентрический — во втором), а также в тех издержках, которые проявились в конкретных социально-исторических процессах. В первом случае — это

²¹ Мудрость народов Востока. Выпуск 1. Жизнь и учение Конфуция. Составил П. А. Буланже. Со статьей Льва Николаевича Толстого «Изложение китайского учения». Издание «Посредника» для интеллигентных читателей. М., 1903, с. 35.

²² См.: М. В. Баньковская. «Счастлив тот, кто два мира в себе держит прочно». — В кн.: Восток — Запад. Исследования. Переводы. Публикации. М., 1985, с. 252. Сочетание «бу юнь» можно переводить и так: «не ропщет», «не раздражается», «не испытывает обиды» и т. п.

²³ «Лунь юй» в издании Ян Боцзюня: «Лунь юй и чжу» (Беседы и суждения с переводом на современный язык и комментариями. Шанхай, 1965, с. 1).

эгоцентризм, гипертрофия внешней активности индивидуального «я» (по выражению М. М. Бахтина, внешнее «оплотнение души»), во втором — тенденции пассивности, бегства, самоотключения от мира и людей, самозамыкание в отрешенной созерцательности» (с. 407. Разр. наша. — Л. П.). Конкретная история стран Востока, в частности Китая, свидетельствует об обратном — «тенденции пассивности, бегства, самоотключению и самозамыканию» крестьяне предпочитали активную борьбу против власть имущих. Десятки крупных крестьянских войн и восстаний, начиная с народной войны 209—202 гг. до н. э., сотрясали страну на протяжении более чем двух тысяч лет. Ряд восстаний заканчивался воцарением «крестьянских» династий — Хань, Мин. В среде восставших крестьян особенной популярностью пользовались даосские и буддийские традиции. Дело в том, что в отличие от конфуцианства даосизм в большей практической степени интересовался личностным моментом, психическим и физическим здоровьем человека, подготовкой его к разнообразным экстремальным ситуациям²⁴. Особенно значительных успехов в разработке методов психофизической подготовки человека (методы медитации и концентрации, приемы боевого единоборства типа «кун фу», гимнастических упражнений и т. п.) к поведению в экстремальных условиях достиг китайский буддизм. Все это способствовало воспитанию активной личности, протестующей против социальной несправедливости. Не случайно многие руководители крестьянских восстаний прошли в юности через даосские или буддийские школы воспитания, достаточно напомнить об основателе династии Мин — Чжу Юаньчжане (1328—1398).

Отмеченные недостатки ни в коей мере не влияют на общую положительную оценку упомянутой монографии. Перед нами — новаторский труд, поднимающий востоковедную науку на новые рубежи. Высказанные замечания лишь свидетельствуют о том, сколь сложна та задача, за решение которой взялся Отдел общих проблем ИВ АН СССР. Данная монография — лишь начало работы на этом новом уровне. Желательно привлечение большего числа специалистов — страноведов и обществоведов к дальнейшей разработке этого актуального направления науки об обществе, выдвинутого на передний план важными для мировой истории социально-экономическими и духовными процессами, происходящими в странах современного Востока.

²⁴ См.: Е. Б. Поршнева. Даоская традиция в народных религиозных движениях. — В кн.: Дао и даосизм в Китае. М., 1982, с. 258—273.

Сэйтё-но из: «истинное бытие» и шовинизм

Г. Е. СВЕТЛОВ

Преобразование Японии в одну из ведущих держав капиталистического мира способствовало росту националистических и консервативных настроений среди японской общественности. Подобные настроения всечески поощряются правящими кругами, которые видят в «традиционных духовных ценностях», представлениях о «национальной исключительности» японцев «теоретическое» обоснование сохранения господствующих позиций монополистической буржуазии внутри страны и ее притязаний на возрастающую роль в мире. Все это создает благодатную почву для активизации деятельности различного рода организаций, включая религиозные, идеология которых в той или иной мере окрашена в шовинистические тона.

Традиционным носителем шовинистических взглядов в религиозных кругах Японии выступает Ассоциация синтоистских святилищ — организация реакционного духовенства, ратующего за возрождение государственного синто — религиозно-политической системы, которую правители довоенной Японии эффективно использовали с целью идеологического закабаления народа, его воспитания в духе милитаризма. В то же время представления об «уникальной» сущности японской государственности, «особом пути» Японии служат идеологическим обоснованием участия ряда религиозных организаций в политике. К их числу принадлежит Сэйтё-но из¹ — одно из наиболее массовых новых социально-религиозных движений (число адептов более 3240 тыс. человек). Являя собой яркий пример приспособления религии к меняющейся действительности посредством придания своим догмам наукообразной окраски и активного участия в общественной и политической жизни, Сэйтё-но из демонстрирует наиболее высокую степень политизации религии в Японии.

Характер выступлений Сэйтё-но из на политической арене позволяет квалифицировать его как один из отрядов ультраправого движения. Политическая платформа Сэйтё-но из практически не отличается от лозунгов большинства ультраправых организаций, содержанием которых наряду с апологетикой императора и отрицанием демократии служит ярко выраженный шовинизм и воинствующий антикоммунизм.

Один из японских исследователей образно назвал Сэйтё-но из «специальным отрядом правящей Либерально-демократической партии, предназначенным для демонстративных операций»². Эта характеристика применима к деятельности ультраправых организаций в целом. Вся новейшая история Японии свидетельствует о том, что наиболее реакционные силы в правящем лагере постоянно отводят ультраправым определенную роль: они призваны как бы вести разведку боем, выдвигая лозунги, с ко-

¹ «Сэйтё-но из» буквально означает «дом роста». Такой перевод принят во всех англоязычных работах. Однако идеологи движения вкладывают в эти слова понятие «вселенная». Иероглиф «сэй» (жизнь) в данном случае символизирует время, «тё» (длина) — пространство; соединение времени и пространства образует вселенную, обозначаемую иероглифом «из» (дом). Я. О. О. Сэйтё-но из. Синсюкё-но сэкай (Мир новых религий), том V. Токио, 1979, с. 58.

² С. Судзук и. Синко сюкё-но сайуёку «Сэйтё-но из» (Сэйтё-но из — крайне правое крыло новых религий, «Асока». Токио, 1968, № 77, с. 60.

торами «порядочные» политики сегодня еще не решаются выступить открыто, тем самым готовя почву для придания им «прав гражданства». Ультраправые всегда идут на несколько шагов впереди самых ярых реакционеров из правящих кругов, предвосхищая их завтрашние действия. Одновременно в ходе таких «демонстративных операций» выясняется степень восприимчивости общественностью самых крайних лозунгов и требований.

Будучи схожим по политической ориентации с ультраправыми группами, Сэйтё-но инэ во многом от них отличается. Указанные группы не располагают собственной теоретической базой, повторяя лишь зады догматики государственного синто с упором на культ императора и «национальную исключительность» японцев. Их идейная нищета в сочетании с экстремистскими требованиями не позволяет им обеспечить поддержку широких кругов населения. Поэтому ультраправые для демонстрации своей «массовости» зачастую прибегают к услугам платных наемников из числа деклассированных элементов.

Иное дело Сэйтё-но инэ. Это движение базируется на собственном учении, которое многими воспринимается скорее как своего рода «наука о жизни», нежели специфическая религиозная догма. Сэйтё-но инэ апеллирует к населению именно своим вероучением, а не политическими требованиями, которые хотя и вытекают логически из него, но отнюдь не обладают большой притягательной силой. Поддержка верующими политической платформы Сэйтё-но инэ есть следствие их приверженности движению, а не какой-то особой привлекательности этой платформы.

Другая специфическая особенность Сэйтё-но инэ состоит в том, что ему чужда сектантская нетерпимость, присущая ряду новых социально-религиозных движений Японии, в том числе таким крупным, как Сока гаккай. Провозглашая Сэйтё-но инэ «движением, которое сводит воедино все религии», его лидеры оставляют двери организации широко открытыми для любого человека, не только не требуя от него разрыва с религией, к которой тот принадлежит, но, наоборот, поощряя его по-прежнему исповедовать эту религию. Такой подход, отвечая традиционному отношению японцев к религии, носящему ярко выраженный синкретический характер, позволяет привлечь в ряды Сэйтё-но инэ людей самых различных вероисповеданий и тем самым обеспечивает массовую базу движения.

Сэйтё-но инэ располагает большими возможностями для распространения своей идеологии. Организации принадлежит мощная издательская корпорация, объем книжной продукции которой за годы ее существования исчисляется десятками миллионов экземпляров. Общий тираж шести ежемесячных журналов и одной еженедельной газеты превышает 3 млн. экземпляров. Проповеди Сэйтё-но инэ транслируются по каналам 13 радиостанций³. Широко используется такая форма прямого общения с населением, как публичные лекции. Значительная часть неопитов обеспечивается за счет распространения печатной продукции Сэйтё-но инэ. Подписчики его периодических изданий составляют самую многочисленную категорию членов Сэйтё-но инэ.

Это отнюдь не ведет к организационной рыхлости движения. Наоборот, его организационная структура отличается достаточной прочностью, в частности за счет принятой в ней системы двойного подчинения — по горизонтали и по вертикали. Так, входящие составными частями в низовую организацию движения организации женщин, молодежи и школьников одновременно подчиняются соответствующим вышестоящим организациям. Около 2000 первичных организаций, именуемых «соайкай» — общества взаимной любви, — объединены в префектуральные федерации; те в свою очередь в региональные, действующие под непосредственным

³ См.: Я. О. н. о. Указ. соч., с. 82.

руководством штаб-квартиры Сэйтё-но инэ в Токио. Помимо этого, существует ряд специализированных организаций: политическая, просветительская и др. Для руководства организациями на различных уровнях в специальных школах из числа наиболее способных и активных адептов готовятся квалифицированные проповедники.

Показателем организационных возможностей каждого из новых социально-религиозных движений в известной мере служит его деятельность за пределами Японии и уровень его международных связей. Хотя в этом отношении Сэйтё-но инэ, бесспорно, уступает Сока гаккай и некоторым другим новым религиозным организациям, проповедники движения действуют достаточно активно в ряде стран — США, Канаде, Бразилии, Мексике и других, где созданы зарубежные филиалы Сэйтё-но инэ. Движение поддерживает постоянные контакты с рядом религиозных групп в США.

Сэйтё-но инэ, как и практически все новые социально-религиозные движения, имеет ярко выраженный авторитарный характер. Направление деятельности организации определяется ее лидером. Сколь бы демократичными, внешне ни выглядели иные формы деятельности членов Сэйтё-но инэ, как, например, групповые собеседования (дзаданкай), где каждому дозволено говорить все, что он ни пожелает, на практике адепт организации всегда остается послушным воле своего духовного пастыря, что дает возможность последнему направлять его помыслы и деяния в нужное ему русло. Это обстоятельство наряду с консервативным характером идеологии Сэйтё-но инэ, его мощным пропагандистским аппаратом и разветвленной организационной структурой обуславливает особую привлекательность Сэйтё-но инэ для консервативных политиканов, которые через руководство движения обеспечивают себе поддержку на выборах со стороны его приверженцев. В свою очередь избранные при поддержке Сэйтё-но инэ депутаты правящей ЛДП неизбежно отражают в своих выступлениях позиции руководства организации.

Догматика Сэйтё-но инэ почти полностью базируется на писаниях его основателя Масахару Танигути (родился в 1893 г.), перу которого принадлежит свыше 300 работ. В большинстве своем это рассчитанные на массового читателя книги и эссе по широкому кругу проблем: религии, философии, психологии, социологии, политике и даже медицине.

Взгляды Танигути формировались в 20-е годы. Типичный представитель мелкобуржуазной интеллигенции своей эпохи, он отразил ее растерянность, метания, нередко уводившие на путь вероискаательства. В 1923 г. Танигути опубликовал эссе «На святой путь», в котором излагались взгляды, составившие впоследствии основу догматики Сэйтё-но инэ. Суть их состояла в том, что, поскольку все сущее есть лишь проявление духа, материя как таковая не существует. Отсюда следовало, что все несчастья и болезни иллюзорны и, чтобы избежать их, человеку лишь нужно реализовать собственные желания посредством «духовной силы».

Последующая деятельность Танигути в 20-е годы в основном была посвящена разработке и детализации идей, заложенных в эссе «На святой путь». При этом Танигути эффективно использовал ряд преимуществ, которыми он обладал перед большинством «теоретиков» новых религий своего времени. Высшее образование, хотя и незаконченное, знание иностранных языков позволили ему знакомиться с работами модных тогда зарубежных авторов, которых он постоянно цитировал, поражая воображение неискушенного читателя. Этот нехитрый прием, рассчитанный на людей, соприкосновение которых с философией и другими областями науки достаточно поверхностно, в наше время широко используется идеологами религии, стремящимися придать своим догмам научно-

образную окраску. Однако в описываемый период такое было в новинку. Танигути стал, по существу, первым в Японии религиозным лидером, прибегавшим для обоснования своих антинаучных идей к «научной» аргументации, что придавало им большую убедительность в глазах его читателей из числа мелкобуржуазной интеллигенции.

В 1926 г. Танигути ознакомился с книгой американского евангелиста, лидера движения «Новая мысль» Ф. Холмса «Законы духа в действии». Холмс стоял на позициях «христианской науки» — религиозного течения протестантского толка, сложившегося в США в конце 70-х годов XIX в. Он утверждал, что «несчастье есть порождение собственно духа», а вообще «вся вселенная создана в соответствии с велениями духа». Книга Холмса произвела на Танигути исключительно сильное впечатление, убедив его в правоте собственных взглядов. Он перевелopus американского евангелиста и издал его под броским названием «Как стать хозяином собственной судьбы?»⁴.

Не меньшее впечатление произвело на Танигути и знакомство с психоанализом Фрейда. Как отмечает один из исследователей Сэйтё-но инэ, для Танигути, провозглашавшего примат духовного, психоанализ Фрейда стал не имеющей себе равных опорой. Однако Танигути вульгаризировал идеи Фрейда, связав психоанализ со спиритическими явлениями, и в такой вульгаризированной форме привнес его в свою догму. По словам того же автора, у Танигути «бессознательное превращалось в бога»⁵.

Практически все основатели новых религиозных движений в Японии XIX — первой половины XX в. использовали широко распространенное в народных верованиях представление о том, что человек может быть «одержим божеством» и в таком состоянии вещать его истины. Так и Танигути в 1929 г. испытал «божественное озарение», якобы услышав голос, возвестивший ему «истину», к которой он к тому времени уже пришел: «Материя не существует, есть лишь „дзиссо“»⁶. В этот буддийский термин, обычно переводимый как «истинное бытие», Танигути вкладывал понятие «дух», «духовная сила». Некоторое время спустя он стал издавать журнал «Сэйтё-но инэ». 1 марта 1930 г. — день выхода в свет первого номера журнала — считается датой основания им новой религиозной организации.

Претендуя на универсальность провозглашенной им «истины», Танигути не был заинтересован в том, чтобы в Сэйтё-но инэ видели лишь одну из многочисленных религиозных групп. В первом номере своего журнала он, по существу, объявил себя мессией, призванным научить людей обрести счастье, «разорвать путы окружающих их обстоятельств», стать хозяевами своей судьбы, излечить все болезни, искоренить нищету, покончить с семейными неурядицами — иными словами, спасти страждущее человечество. Миссия Сэйтё-но инэ состояла, по его словам, в том, чтобы «изучать законы духа, применять их к жизни и развернуть практическое движение с целью сделать человека властелином своего счастья»⁷.

Дать систематическое изложение вероучения Сэйтё-но инэ — задача не из легких. Разнообразие его компонентов дает иным авторам основание называть Сэйтё-но инэ «универмагом религий». Действительно, буддийский пантеизм, национализм синто, отдельные положения христианства, заимствования из «христианской науки», психоанализа Фрейда, индивидуальной психологии Адлера — все это и многое другое можно найти в писаниях Танигути. Дело, однако, не только в эклектизме основателя Сэйтё-но инэ. В его работах множество несоответствий, противоречий и даже взаимоисключающих положений. Многое из того, на что он делал

⁴ См.: Акно Сакки и др. Кёсо (Основатели). Токно, 1966, с. 128.

⁵ Там же, с. 124.

⁶ Там же.

⁷ Там же, с. 126—127.

упор вначале, впоследствии отошло на задний план. Но одна мысль проходит красной нитью через все публикации Танигути на протяжении многих лет. Это мысль о возможности обретения земных благ путем познания концепции вселенной в том виде, в каком она преподносится Сейтё-но изэ, то есть познания «дзиссо» — «истинного бытия». Концепция «дзиссо» и составляет ядро вероучения Сейтё-но изэ.

Социальный смысл концепции «истинного бытия» очевиден. Если все сущее — не более чем «тень духа», если зло «иллюзорно», то единственный путь избавления от него — духовное просветление, ведущее к осознанию этой истины. Создавая иллюзию освобождения от гнета окружающей действительности, которая объявляется просто-напросто «несуществующей», вероучение Сейтё-но изэ призывает человека примириться со своим положением, сколь бы тяжело оно ни было, и отказаться от борьбы за его улучшение. Объективно это идеология утверждения *status quo* — неизменности существующего порядка вещей.

Умозаключения Танигути, возможно, так бы и остались достоянием относительно узкого круга мелкобуржуазных интеллигентов, озабоченных поисками прибежища для своих «мятущихся душ», если бы с самого начала они не увязывались с традиционными религиозными представлениями японцев. Танигути прекрасно понимал, что его кокетничанье с модными философскими течениями импонирует людям образованным, но не производит впечатления на широкие слои населения, в общении с которыми следует оперировать привычными им понятиями. Поэтому в какие бы наукообразные одежды ни облачал Танигути свое «учение», оно оставалось религиозной догмой, нуждающейся для своего внедрения в умы верующих в соответствующей религиозной практике.

Как и в подавляющем большинстве новых религий, в Сейтё-но изэ наиболее прелекательной для масс верующих стала практика «исцеления верой». Поэтому самая широкая реклама случаев «исцеления» в процессе синсокан (постижение божественной истины) была и по сей день остается одной из главных тем многочисленных публикаций Сейтё-но изэ, лекций самого Танигути и других проповедников Сейтё-но изэ. Содержание этих публикаций и выступлений поражает своим воинствующим невежеством, категорическим отрицанием достижений современной медицины.

Именно надежда на «исцеление» на первых порах привлекла в ряды Сейтё-но изэ представителей тех слоев населения, для которых философствование Танигути было малодоступно: многочисленных домохозяек, лавочников, владельцев небольших предприятий, служащих. Не воспринимая всех тонкостей нового вероучения, они видели в нем лишь практическое средство обретения земных благ, что характерно для японской религиозной традиции в целом и для новых религий в частности. В некоторых японских и особенно иностранных публикациях о Сейтё-но изэ проводится мысль о том, что вероучение этого движения апеллирует преимущественно к образованным слоям населения. Это не совсем так. Если мелкобуржуазную интеллигенцию привлекала «философская» сторона учения Танигути, то на уровне массового сознания дело обстояло иначе. В вероучении Сейтё-но изэ и буржуа с университетским образованием, и домохозяйка, окончившая лишь среднюю школу, находили то, к чему каждый из них стремился. Это обстоятельство и обеспечило Сейтё-но изэ относительно широкую базу.

Разрабатывая, по существу, новую религиозную догму, Танигути не уставал повторять, что Сейтё-но изэ вовсе не религия, а учение, воплощающее в себе не только все известные религии и философские учения, но и все достижения науки. Отсюда и концепция верховного божества, именуемого в Сейтё-но изэ Жизнью вселенной (мноя-но kami), которая олицетворяет богов всех других религий. Однако в различные периоды истории Сейтё-но изэ содержание концепции Жизни вселенной интер-

претировалось по-разному. И что самое существенное, диктовалось это отнюдь не необходимостью догматического порядка, а соображениями, ничего общего с ней не имеющими, связанными в первую очередь с политическими изменениями в Японии и, следовательно, с той ролью, которую играло Сэйтё-но инэ в общественно-политической жизни страны.

В период становления движения в конце 20-х — начале 30-х годов, стремясь охватить им адептов традиционных школ буддизма, составлявших подавляющее большинство верующих, Танигути провозглашал Будду первоначальным воплощением Жизни вселенной. Вселенная, рассуждал он, — это форма текущей в вечности жизни. Сам Будда и есть эта «жизнь». Проникнув в Европу, буддизм принял форму немецкой философии Канта и Гегеля, а в США — просветительских идей Эмерсона или «практических» религий типа «христианской науки». Все эти учения совпадают с «чисто японской философией», как Танигути называл мифологию синто, зафиксированную в летописно-мифологическом своде «Кодзикки»⁸.

Однако по мере того, как в политике Японии брали верх наиболее реакционные силы, по мере усиления пропаганды идей шовинизма и милитаризма, репрессий против всех инакомыслящих, включая религиозные организации, активизации подготовки агрессивной войны против соседних народов трактовка Танигути понятия Жизни вселенной менялась, приобретая характер откровенной апологетики государственного синто с его культом «живого бога» — императора. Отказавшись от своих прежних рассуждений о роли идеи Будды в мире, Танигути выдвинул тезис о том, что вселенная — это Амэ-но минака нуси (божество, которое, согласно мифологии синто, «явилось первым»), а все сущее — проявление «великой священной жизни» императора. «Все религии, — писал он, — ведут свое происхождение от императора. Подобно тому как семицветную радугу рождает один-единственный источник света, так и будда Вайрочана, Шакья Муни, Иисус Христос берут свое начало в императоре. Почитать богов различных религий и не почитать императора — значит уподобляться верующему, который поклоняется радуге, не ведая о существовании солнца»⁹. Так абстрактная идея «истинного бытия» приобрела конкретную форму обожествленного императора и тем самым была поставлена на службу государственной политике.

В свою очередь это означало безоговорочную поддержку военных авантюр японского империализма, которым Танигути стремился придать «теоретическое» обоснование. Объявляя «уникальную» японскую государственность самой совершенной формой государственной организации, «проявлением истинного бытия», Танигути делал вывод о том, что подчинение Японии других стран и народов есть не что иное, как распространение истины. А отсюда следовало, что «там, куда вступает императорская армия, претворяются в жизнь предначертания богов»¹⁰.

Танигути и его приверженцы не только благословляли агрессивные войны, развязанные японским империализмом, но и оказывали практическую помощь властям. Распространив свое влияние на мелких и средних предпринимателей, Сэйтё-но инэ активно участвовало в движении за увеличение производства на военные нужды, боролось с пацифистскими и пораженческими настроениями. Отмечалось, что на тех предприятиях, где действовали проповедники Сэйтё-но инэ, повышалась производительность труда, уменьшалось число невыходов на работу по болезни, случаев выпуска бракованных изделий, сокращалась текучесть кадров. Журнал Сэйтё-но инэ в октябре 1937 г. писал, что пропаганда идеологии движения «служит самым эффективным средством предот-

⁸ См.: Хироо Такаги. Нихон-но синко сюкё (Новые религии Японии). Токио, 1965, с. 36.

⁹ Там же, с. 37.

¹⁰ Акио Сакии др. Указ. соч., с. 129.

вращения трудовых конфликтов и борьбы с пораженческими настроениями в условиях военного времени»¹¹. Сам Танигути ратовал за использование женского труда на предприятиях, создал специальную школу для женщин, чтобы «просвещать» их в духе «служения государству».

В благодарность власти разрешили Танигути и его последователям проповедовать свое вероучение на оккупированных японской военной территориях. Дважды — в 1942 и 1944 гг. — Танигути выезжал с лекциями в Маньчжурию.

В канун и период второй мировой войны подавляющее большинство религиозных организаций Японии сотрудничало с милитаристской политикой правительства. Во многих случаях религиозные лидеры вынуждены были идти на такое сотрудничество из чисто прагматических соображений, стремясь уберечь свои организации от репрессий. Это было откровенное приспособленчество. Сотрудничество же Танигути и его приверженцев с политикой войны и агрессии логически вытекало из идеологии Сэйтё-но инэ. В проповеди Танигути, отдававшего приоритет духовному началу над материальным, было много общего с широко пропагандировавшимися милитаристскими правителями Японии взглядами о том, что Япония располагает исключительными духовными преимуществами, которые перевешивают материальные факторы, действующие не в ее пользу. Это основная мысль проходит через все догмы государственного синто с их апологетикой «уникальной» японской государственности и «особого» предназначения японской нации. Танигути оставалось лишь без особого ущерба для проповедуемых им идей облачить их в синтоистские одежды.

После капитуляции Японии в обстановке активизации демократических сил оккупационные власти провели ряд мер по демократизации различных сторон жизни японского общества, в том числе и в сфере идеологии. Была ликвидирована система государственного синто, запрещалась проповедь догм, которые использовались для пропаганды ультранационалистических и милитаристских идей. Танигути и его ближайшим сподвижникам за активную пропаганду идей шовинизма и сотрудничество с милитаристами было запрещено заниматься общественной деятельностью.

Лидеры Сэйтё-но инэ вынуждены были маневрировать. Оставаясь фактически главой организации, Танигути формально передал руководство ее делами в руки своего зятя Сэйтё Танигути. Сэйтё-но инэ зарегистрировали на основе принятого после капитуляции закона о религиозных организациях, тем самым легализовав его деятельность. Вынужденные отказаться от открытой пропаганды идей государственного синто, проповедники Сэйтё-но инэ изъяли из своих публичных выступлений положения, отождествлявшие Жизнь вселенной с божествами синто, стали чаще прибегать к заимствованиям из догматики христианства. При этом учитывалось, в частности, и то, что христианские группы пользовались покровительством оккупационных властей. Именно к этому периоду относится установление контактов Сэйтё-но инэ с рядом американских религиозных организаций, вероучения которых в свое время оказали влияние на формирование взглядов Танигути. Среди них были уже упоминавшаяся «новая мысль», а также «единство», «религиозная наука», «божественная наука» и др. Сэйтё-но инэ выступило спонсором лекционных поездок в Японию представителей этих организаций, содействовало изданию их литературы на японском языке. В свою очередь некоторые работы Танигути были переведены на английский язык и изданы в США, что способствовало пропаганде его идей за пределами Японии. Такого рода контакты давали Танигути и чисто практические

¹¹ Там же, с. 130.

выгоды: он обрел покровителей в лице ряда американских религиозных деятелей, которые ратовали за его реабилитацию.

В конце 40-х годов в политике США в отношении Японии произошел серьезный поворот: был взят курс на ее превращение в основной военный плацдарм США и «бастион против коммунизма» на Дальнем Востоке. Это означало свертывание линии на буржуазно-демократические преобразования, проводившиеся в первые послевоенные годы, что создавало благоприятные условия для оживления деятельности реакционеров, которые до поры до времени вынуждены были оставаться в тени. Среди них был и Танигути, сбросивший с себя одеяния демократа и миротворца с той же легкостью, с какой он еще несколько лет тому назад в них облачился.

В современной Японии отношение к прошедшей войне служит критерием, позволяющим отличить подлинного демократа от реакционера. Уже в 50-е годы Танигути выступил в числе откровенных адвокатов преступлений японских милитаристов. Япония не совершала агрессии против кого бы то ни было, утверждал он. Японская армия вступила в Маньчжурию, чтобы спасти местное население от «бесчинств бандитов» и создавала там «земной рай справедливого правления». А поскольку США вмешались в эти дела, Япония «в целях самозащиты совершила нападение на Пирл-Харбор»¹². Сколь бы чудовишно и нелепо ни звучали эти откровения, видно, что они со всей определенностью отражали настроения тех кругов, которые уже тогда мечтали о возрождении военной мощи Японии.

Разумеется, в рассуждениях Танигути не было, да и не могло быть места раскаянию за злодеяния, совершенные японской военщиной на оккупированных территориях. Это противоречило бы логике вероучения Сэйтё-но инэ, согласно которой человек безгрешен, а там, где нет греха, нет места и для раскаяния. Поэтому Танигути считал, что японцы должны возможно скорее избавиться от чувства вины за совершенные военщиной преступления, тем более что подобные настроения мешают прогрессу Японии. Сожалел же он лишь о том, что не все японцы, стали членами Сэйтё-но инэ, ибо если бы такое произошло, то Япония победила бы в войне¹³.

Как и до капитуляции, Танигути вновь стал отождествлять вероучение Сэйтё-но инэ с догмами государственного синто. Сильную синтоистскую окраску вновь приняла и концепция верховного божества Сэйтё-но инэ. Воздвигнутый в 1979 г. на острове Кюсю культ центр Сэйтё-но инэ — Сумиёси хонгу — посвящен синтоистским божествам, считающимся прародителями рода Танигути. Сэйтё-но инэ начиная с 50-х годов снова активно участвует в политической жизни на стороне наиболее реакционных сил. Эта деятельность вступила в новый этап после создания в 1963 г. Политической лиги Сэйтё-но инэ, которая сотрудничает с правящей Либерально-демократической партией, поддерживая на выборах кандидатов консерваторов, выступающих с наиболее реакционными требованиями. Характерно, что, мотивируя создание политической организации, лидеры Сэйтё-но инэ опять-таки исходили из догматики государственного синто. Так Сэйтё Танигути в одном из своих интервью ссылался на принцип единства религии и политики в древнем японском государстве. Он предупреждал, что политика, лишённая элементов религии, неизбежно «склонится на сторону материализма» и тем самым, мол, под угрозой будет поставлена сама свобода вероисповедания¹⁴.

Политическая платформа Сэйтё-но инэ практически совпадает с политикой правящей ЛДП с той только разницей, что Сэйтё-но инэ в духе,

¹² Сюкэн Судзуки. Указ. соч., с. 60.

¹³ См.: Масахару Танигути. Варэра нихондзин то ситэ (Мы, японцы). Токио, 1958, с. 154.

¹⁴ См.: «Тюо корон». 1983, № 8, с. 252.

характерном для всех ультраправых организаций, ставит точку над «i» там, где либерал-демократы до поры до времени предпочитают стыдливо отмалчиваться. Таким образом, политические лозунги Сэйтё-но из всегда представляют интерес как индикаторы будущей политики консерваторов. Это подтверждает вся политическая деятельность Сэйтё-но из за последние десятилетия.

Еще задолго до того, как правительство объявило реформу системы образования одной из своих наиболее важных задач, Сэйтё-но из выступило за ее пересмотр путем внедрения в нее пропаганды «традиционных духовных ценностей», культивирования среди молодежи «патриотического духа». Не случайно поэтому главным объектом нападок Сэйтё-но из стал прогрессивный Всеяпонский профсоюз учителей, члены которого, особенно в первые послевоенные годы, немало сделали для того, чтобы демократизировать японскую систему школьного обучения, дать детям правильное представление об истории Японии, воспитывать их на научно-подтвержденных исторических фактах, а не на синтоистских мифах, как это имело место в течение почти восьми десятилетий со времени незавершенной буржуазной революции 1867—1868 гг. и вплоть до поражения Японии в войне. Чтобы противостоять деятельности Всеяпонского профсоюза учителей, Сэйтё-но из из числа реакционно настроенных работников системы образования создало собственную организацию — Союз новых воспитателей, — активно включившуюся в кампанию по стимулированию «патриотического духа».

Составной частью этой кампании в течении ряда лет было движение за восстановление главного праздника милитаристской Японии — кигэнсэцу — Дня основания империи, основанного на синтоистском мифе о том, что якобы японское государство создано легендарным Дзимму Тэнно, от которого ведет свое происхождение династия японских императоров. В 1966 г. реакционным силам удалось добиться восстановления кигэнсэцу в форме принятия закона о праздновании Дня основания государства, что Сэйтё-но из считает одним из своих наиболее значительных политических достижений.

О том, какие плоды давала «патриотическая» пропаганда Сэйтё-но из, свидетельствует хотя бы широко известный факт, что молодого террориста, совершившего в 1960 г. убийство руководителя японских социалистов Инэдзиро Асанума, вдохновило на эту акцию чтение публикаций Танигути. Писатель Юкио Мисима, в течение ряда лет выступавший как выразитель наиболее реакционных тенденций в жизни японского общества, в предисловии к одной из книг Танигути не скрывал своего восхищения молодыми людьми, воспитанными лидерами Сэйтё-но из в духе шовинизма и антикоммунизма¹⁵.

Одним из важнейших направлений политической деятельности Сэйтё-но из остается участие в кампании за пересмотр ныне действующей конституции, принятие которой явилось важным демократическим завоеванием японского народа. Подвергая нападкам нынешнюю конституцию, идеологи Сэйтё-но из требуют ни больше, ни меньше, как «возвращения к конституции Великой Японской империи 1889 г.», которая была одной из наиболее реакционных конституций своего времени. Особенно упор при этом делается на необходимость возвращения императору функций политического руководителя государства, отмены антивоенных положений конституции. Возвращение к конституции 1889 г. Сэйтё-но из рассматривает как восстановление «идеальной политической системы», в которой люди будут гармонично объединены как члены единой семьи во главе с императором.

Отвергая любую форму демократии как абсолютно неприемлемую

¹⁵ См.: М. Танигути. Сэнрё кэмпо ка-но Нихон (Япония под гнетом оккупационной конституции). Токио, 1969, с. 2.

для Японии, идеологи Сэйтё-но из требуют пересмотра также положений конституции, в которых провозглашаются права граждан Японии. В одном из своих выступлений в 1966 г. Танигути обрушился с нападками на 24-ю статью основного закона, в котором утверждается принцип «равенства прав мужа и жены». Будучи ревностным поборником сохранения домостроя в семейных отношениях, он подчеркивал необходимость для женщины заниматься прежде всего домашними делами, не гнушаясь при этом ссылками на призыв Гитлера к женщинам фашистской Германии покидать работу, возвращаться в семью, дабы стать примерными женами и матерями.

Столь же злобным нападкам подверг Танигути и статью 28 конституции, в которой провозглашается «право трудящихся на создание организаций, а также право на коллективные договоры и прочие коллективные действия». По его утверждениям, эта статья «используется красными для маневров в целях подготовки революции», как он квалифицирует забастовочную борьбу трудящихся. Такое отношение Сэйтё-но из к рабочему движению логически вытекает из «философии» Танигути, согласно которой материальный мир — это всего лишь «тень духа», а потому иллюзорны эксплуатация, безработица, имущественное неравенство и все люди — будь то рабочие или капиталисты — «дети бога», которым надлежит не враждовать, а сотрудничать. Отсюда следует, что предприятие — одна большая семья, а процветание компании — залог благоденствия и предпринимателей, и рабочих. Так «философия» Танигути выливается в апологетику классового сотрудничества.

Ратуя за возрождение «традиционных духовных ценностей», лидеры Сэйтё-но из активно поддерживают все шаги, направленные на восстановление в той или иной форме государственного синто. Сэйтё-но из постоянно выступает за придание официального характера празднованию Дня основания государства, единственной базой для учреждения которого служит синтонистская мифология. Столь же активное участие принимает Сэйтё-но из в инспирируемом наиболее реакционными кругами движении с требованием передать под опеку государства синтонистское святилище Ясукуни, которое и по сей день остается важным центром шовинистической и милитаристской пропаганды. Реализация этого требования, по существу, означала бы пересмотр ныне действующей конституции, провозглашающей отделение религии от государства.

Отношение Сэйтё-но из к проблемам войны и мира вновь определяется «философией» Танигути, согласно которой война — это всего лишь продукт взаимного заблуждения, а потому нет смысла искать в ней правых и виноватых. Именно с таких позиций Танигути и его сторонники подходили к оценке агрессивной войны американского империализма против народа Вьетнама, тем самым оправдывая агрессора.

Однако практика выступлений Сэйтё-но из на политической арене убедительно свидетельствует о том, что его лидеры отрицают наличие категорий добра и зла лишь тогда, когда это выгодно реакционерам. Но если речь заходит о силах демократии и социализма, их подход становится совершенно иным. Социалистические страны для них — источник мирового зла, поскольку в этих странах господствует материалистическое мировоззрение, которое отрицает духовность и не признает людей «детьми бога». Силы социализма изображаются идеологами Сэйтё-но из главными врагами японского народа. Борьба против «коммунистической угрозы» — основной критерий их отношения к любой внешнеполитической проблеме. Вот почему Сэйтё-но из поддерживает американо-японский договор безопасности, ратует за наращивание военной мощи Японии, активно участвует в кампании незаконных территориальных притязаний к Советскому Союзу.

В демократических кругах Японии Сэйтё-но из рассматривают как самую опасную среди правых организаций. Дело в том, что реакцион-

ная политическая программа Сэйтё-но инэ не только пользуется поддержкой хорошо организованных и послушных воле своего лидера сторонников движения, но и оказывает известное влияние на тех представителей японской общественности, которые попали в сферу действия мощного пропагандистского аппарата организации. В этой связи следует обратить внимание еще на одно обстоятельство. Светская оболочка Сэйтё-но инэ делает его привлекательным даже для тех людей, которые до соприкосновения с движением не испытывали интереса к религии. Степень приспособляемости Сэйтё-но инэ к меняющейся действительности, очевидно, выше, чем у ряда других новых религий, что дает движению перспективу по крайней мере на сохранение уровня своего влияния в обозримом будущем.

Социальный состав адептов Сэйтё-но инэ в наши дни достаточно разнообразен. Наряду с мелкими и средними предпринимателями, служащими, представителями интеллигенции в рядах движения очень много женщин-домохозяек из буржуазных семей (около 70 % от общей численности приверженцев организации). В последние годы усилился приток в Сэйтё-но инэ школьников старших классов. Что толкает всех этих людей в ряды Сэйтё-но инэ? Религиовед С. Судзуки так отвечает на этот вопрос: «Популярность Сэйтё-но инэ как религиозной и политической организации объясняется тем, что это движение питает радужными иллюзиями устремления трудящихся, оказавшихся вне рядов рабочего движения и не находящих в себе силы и способности объединиться; разочаровавшихся в существующей системе образования студентов; мечты заключенных в бетонных гнездах «дантэ» домохозяек, духовный мир которых ограничен заботами о доме и детях, ностальгию профессиональных военных, ушедших на пенсию учителей и служащих». У всех этих людей, отмечает Судзуки, вероучение Сэйтё-но инэ пробуждает «элитарное сознание, чувство собственной значимости»¹⁶.

Таким образом, подобно другим новым социально-религиозным движениям, Сэйтё-но инэ спекулирует на чувстве отчужденности, столь распространенном в современном японском обществе. Именно люди одинокие, по тем или иным причинам оказавшиеся вне коллектива, становятся легкой добычей глашатаев «новых истин». Внедряя в сознание этих людей иллюзии о принадлежности к некоей элите, идеологи Сэйтё-но инэ вовлекают их в политическую борьбу на стороне наиболее реакционных сил.

В сегодняшней Японии, общественно-политическая жизнь которой характеризуется усилением шовинистических и милитаристских тенденций в политике правящих кругов, ростом консервативных настроений, оживлением интереса к религии среди населения, сохраняется благоприятная обстановка для деятельности организаций и групп, подобных Сэйтё-но инэ. Поэтому вопрос о будущем таких организаций — это вопрос не только религии, но и политики. Его решение в немалой степени зависит от того, сколь успешной будет борьба демократических сил Японии против наступления реакции, против политики милитаризации страны, в защиту действующей конституции, демократических прав и свобод японского народа.

Эта борьба усиливается по мере возрастания угрозы демократическим институтам Японии, активизации попыток реакции вновь толкнуть страну на путь милитаризма. И она дает свои результаты. Каким только шагами не предпринимала правящая ЛДП при поддержке ряда правых общественных и религиозных организаций, в том числе и Сэйтё-но

¹⁶ С. Судзуки. Ампо тосо-э-но сисо то кодо (Идеология и практика борьбы за договор безопасности). Годайкёсо-но дзисудзо (Облик пяти основателей). Токно, 1970, с. 278—279.

из, чтобы провести законодательство о передаче святилища Ясукуни под опеку государства, но все они оказались тщетными. Официальное посещение Ясукуни премьер-министром Накасонэ 15 августа 1985 г. вызвало столь бурное возмущение японской прогрессивной общественности, что глава правительства вынужден был, по крайней мере временно, отказаться от практики паломничеств в это капище шовинизма и милитаризма. Правительству так и не удалось в полной мере придать официальный характер празднованию Дня основания государства которое рассматривается им как важное средство пропаганды национализма и оправдания милитаристского прошлого Японии. Реакция не смогла добиться легализации ряда других актов, направленных на подрыв конституции. Ее происки наталкиваются на сопротивление прогрессивных политических партий, рабочих профсоюзов, многочисленных общественных и религиозных организаций, всех тех, кому дороги демократия и мир.

П. Ю. МАСЛОВ

На протяжении 80-х годов во внешнеполитической линии КНР произошли известные перемены. Если в самом начале нынешнего десятилетия китайские руководители продолжали выдвигать концепцию «стратегического сотрудничества» с США, выступали за создание «структуры совместного сопротивления» с участием Соединенных Штатов, стран НАТО, Японии и др., то на XII съезде КПК (сентябрь 1982 г.) во внешнеполитические установки Китая были привнесены определенные коррективы. Съезд КПК указал на необходимость достижения Китаем «независимого», «самостоятельного» положения в международных отношениях. В соответствии с этими установками КНР выступила с дозированной критикой некоторых действий США, например в отдельных районах «третьего мира», и одновременно заявила о возможности нормализации китайско-советских отношений в случае выполнения Советским Союзом ряда «условий». Начиная с 1982 г. были постепенно возобновлены контакты в различных сферах советско-китайских отношений, к чему на протяжении многих лет призывала советская сторона¹.

Известные сдвиги, вернее, смещение акцентов во внешнеполитической практике КНР вызвали обеспокоенность американской синологии, столкнувшейся, по существу, с новой для нее (по сравнению с предыдущим десятилетием) ситуацией и пытающейся определить значение «необычных» тенденций в международной практике Китая для стратегических интересов США в 80-е годы и в более отдаленном будущем. После некоторой паузы американское китаеведение отреагировало рядом исследований на подвижки во внешнеполитическом курсе Китая. Одна из таких работ — книга, подготовленная под эгидой Китайского совета Азиатского общества (США) в рамках реализации его программы обеспечения «большей осведомленности и понимания Китая в Соединенных Штатах» (с. VII) *.

К проведению названного исследования были привлечены весьма авторитетные в США синологи: Г. Хардинг — сотрудник Института Брукингса; М. Хант — профессор Университета Северной Каролины; С. Левин — адъюнкт-профессор Американского университета в Вашингтоне; К. Либертал — профессор Мичиганского университета; Дж. Поллак — сотрудник «Рэнд корпорейшн»; Б. Рейнолдс — специалист по китайской экономике.

В предисловии, написанном Г. Хардингом и президентом Азиатского общества Р. Окснэмом, подчеркивается, что данное исследование отражает убежденность Китайского совета в том, что КНР «заслуживает большего внимания и лучшего понимания в Соединенных Штатах» (с. VII). Авторы предисловия определяют цель книги как попытку «убедить американцев принять более широкую и взвешенную точку зрения

¹ См.: М. С. Украинцев. Сотрудничество СССР с социалистическими странами Азии и Кампучией. — «Проблемы Дальнего Востока», 1985, № 4, с. 61—62.

* China's Foreign Relations in the 1980s. Ed. by H. Harding. New Haven — London, 1984, 240 p.

на Китай» (с. VIII), что необходимо, как они считают, в связи с новой расстановкой приоритетов по внешнеполитической практике КНР после XII съезда КПК. Эту задачу американские специалисты решают путем анализа некоторых внутри- и внешнеполитических акций китайского руководства, главным образом в период «после Мао», пытаясь таким образом определить содержание и перспективы внешней политики Китая вплоть до конца текущего столетия.

Так, М. Хант предлагает не принимать во внимание «идеологический» аспект внешней политики Китая как не имеющий, по его мнению, существенного значения: «Несомненно, в обозримом будущем осуждение империализма и похвалы пролетарскому интернационализму (запомним, что в современном Китае последнее понятие практически не употребляется. — П. М.) останутся важной частью риторики Пекина». Но сомнительно, рассуждает далее Хант, чтобы Китай рисковал «скудными ресурсами для превращения пылкой риторики в действие» (с. 39). М. Хант успокаивает американского читателя указанием не только на риторический, по его убеждению, характер антиимпериалистических выпадов Пекина, но и на неспособность последнего существенно поколебать интересы США: «Даже если придет время, когда растущая мощь даст Китаю возможность отбросить осторожную, основанную на минимальном риске внешнеполитическую линию, его действия гораздо более вероятны в ближайших областях стратегических интересов, чем в отдаленных регионах, за горизонтами Китая» (с. 39). Другими словами, американский синолог обнадеживает американского читателя в том, что в обозримом будущем КНР не сможет вступить в реальное противоречие с США за пределами своей ближайшей периферии. Он призывает с «пониманием» подходить к оценке внешней политики КНР, что, по его мнению, позволит добиться большей стабильности во взаимоотношениях Соединенных Штатов с Китаем.

Другой автор рассматриваемой работы — К. Либертал — пытается провести связь между внутренней и внешней политикой КНР. Он утверждает, что в китайском руководстве происходит столкновение между «эклектичными модернизаторами», понимающими «важность импорта технологии и расширения внешней торговли», но не поддерживающими необходимости «важных политических перемен», с одной стороны, и «всесторонними модернизаторами», выступающими за некую «модификацию институциональной структуры страны», — с другой. Разбирая разного рода гипотетические ситуации внутривнутриполитической борьбы в Китае с участием «эклектических» и «всесторонних» модернизаторов, а также «национальной бюрократии», способной, по его убеждению, сократить контакты, в частности экономические, с Западом, К. Либертал в конце концов приходит к успокоительному для своих единомышленников выводу о том, что при любом повороте международных событий Китай «не изменит своей ориентации на сотрудничество с Западом и Японией с тем, чтобы развить страну и защитить себя от Советского Союза» (с. 69—70).

Как видим, американский синолог не удержался от искушения, отнюдь не академического, сделать, по существу, провокационный ход, говоря о «необходимости» для Китая защищаться от СССР как о деле само собой разумеющемся и даже не требующем доказательств. Не сомневаясь в общей внешнеполитической ориентации Китая, К. Либертал указывает, что прочность американо-китайских связей будет зависеть от ряда факторов внутреннего для КНР характера, в том числе от решения ею «проблемы институциональных ролей и прерогатив» государственно-партийного механизма (с. 70), другими словами, от направления развития внутривнутриполитической ситуации в стране.

Эту мысль разделяет Б. Рейнолдс, пытающийся, как это модно сей-

час в западной синологии, связать реформы в хозяйственном механизме и изменения в экономической политике КНР с активизацией ее линии на развитие контактов с несоциалистическими странами. Он утверждает, что «денеологизация» экономики, в частности внешней торговли Китая, будет толкать его на интенсификацию связей именно с этой частью государств мира. Расценивая это как явление бесспорно благоприятное, Б. Рейнолдс предостерегает, что множество «могущественных барьеров стоит на пути фундаментальных экономических реформ», прежде всего потому, что последние «угрожают привилегиям министерств и контролю со стороны партии. Партия может потерять часть своей власти при ориентированной на рынок экономике» (с. 103).

Сам же Б. Рейнолдс не теряет оптимизма, полагая, что эти барьеры могут быть устранены при условии, что в Китае будет «сильное, стабильное руководство, приверженное изменению структуры экономики» (с. 106). Такое руководство в КНР Б. Рейнолдс прельщает следующей перспективой: «если реформы преуспеют», то, по мнению американского экономиста, «Китай примкнет к Японии в развитии, альтернативном как рыночной, так и директивной экономике». По Б. Рейнолдсу, «восточноазиатская альтернатива» как «капиталистическому индустриальному миру», так и «социалистической крестьянской экономике» будет означать, что будущее принадлежит Японии и Китаю (с. 106). Но если и говорить о такой перспективе, то стоит подумать, где гарантии, что Запад не воспользуется односторонней внешнеэкономической ориентацией Китая, чтобы поставить его в положение не только экономической, но и политической зависимости? Кстати, опасения на этот счет в последнее время все более откровенно выражают и в КНР.

С. Левин убеждает на страницах книги читателя в том, что Китай является «региональной державой с глобальными амбициями». В силу этого международный статус Китая в представлении американского специалиста неоднозначен: в развитии международных отношений КНР «больше, чем только региональный фактор, но все еще меньше, чем глобальная сила» (с. 107). А это означает, как утверждает С. Левин, что внешняя политика КНР «все еще ориентирована преимущественно на Азию. Интересы безопасности Китая фокусируются на Азии, а его военные возможности не распространяются за пределы региона. Политическое и культурное влияние Китая наиболее сильно в Азии, большая часть внешней торговли приходится на его азиатских соседей» (с. 108). При этом, по С. Левину, чуть ли не главная проблема во взаимоотношениях КНР с соседями состоит в неадекватном восприятии международного статуса Китая его руководителями, с одной стороны, и правительствами азиатских стран, с другой. «Китай, расценивая себя в глобальных критериях, — пишет американский политолог, — не всегда сознает, как могуществен он в региональных масштабах. Остальная Азия, рассматривая Китай с региональной точки зрения, не всегда сознает, как слаб он в глобальных масштабах» (с. 112).

Задаваясь вопросом будущей политики Китая, С. Левин формулирует проблему следующим образом: вступит ли КНР на путь «экспансионизма и гегемонии в Азии» или «останется в рамках курса, проводившегося в течение прошлого десятилетия, — активного вовлечения в международные отношения в Азии, вносящие вклад в дело мира и стабильности в регионе?» (с. 109). Собственно, этот вопрос носит чисто риторический характер, поскольку его постановка в такой плоскости уже содержит ответ. К тому же он не корректен и по существу: достаточно вспомнить попытку Пекина «преподать урок» Вьетнаму. В целом С. Левин убеждает американского читателя, что «Азия без сильного китайского присутствия будет более уязвимым регионом» (с. 143—144).

Дж. Поллак констатирует, что в конце 1978 г. в США существовали «большие ожидания и даже эйфория относительно перспектив китай-

ско-американских отношений», а «коалиция», состоящая из США, Японии и КНР, прямо «рассматривалась как серьезная возможность по сдерживанию провоцирующих (?) действий Советского Союза в Азии» (с. 159). Однако и в тот период, признает Дж. Поллак, Пекин уклонялся от установления с Вашингтоном «формальных связей в сфере безопасности», поскольку они ограничивали бы свободу действий Китая и даже «угрожали втянуть Пекин в советско-американскую конфронтацию» вопреки его желанию (с. 159).

По Дж. Поллаку, хотя в начале 80-х годов «китайско-американский диалог по вопросам безопасности продолжался», Пекин несколько изменил свой подход к Соединенным Штатам. Американский Китаевед связывает это с осложнением тайваньской проблемы в связи с приходом к власти администрации Р. Рейгана, недовольство Пекина положением «послушного, манипулируемого младшего партнера» США, его опасениями, что Вашингтон, как «более могущественный партнер, неизбежно попытается бы использовать слабость и уязвимость Китая» для приведения его в подчиненное положение (с. 160). Пекин, полагает Дж. Поллак, смириться с этим не мог, так как считал, что по многим причинам «Америка нуждалась в Китае больше, чем он в Америке» (с. 162).

Поскольку ныне, полагает американский специалист, международный статус Китая повысился (он называет его «кандидатом в сверхдержавы»), последний представляет собой в долговременном отношении «политическую и военную силу слишком значительную», чтобы рассматривать ее как просто дополнительную или промежуточную, и потому-де КНР становится объектом «сверхдержавного обхаживания, а не критики, принуждения или изоляции» (с. 176). Фактически Дж. Поллак предлагает, в силу создавшейся ситуации сохранив существование линии Вашингтона в отношении Китая, несколько изменить в соответствии с требованиями текущего момента и особенно перспективы практические способы ее проведения.

Г. Хардинг, как и Дж. Поллак, пытается выявить причины смены Пекином тактики в отношении США. По Г. Хардингу, к концу 1982 г. выявились «серьезные трения» в китайско-американских отношениях (с. 195). Эти трения проявились, по его мнению, в обострении тайваньской проблемы, в общем недоверии (в тот период) китайского руководства к внешнеполитическим установкам администрации Р. Рейгана. Именно в этот момент, полагает Г. Хардинг, обе стороны осознали ограниченность американо-китайских отношений. США указывали на объективные пределы в торговле с КНР, на нежелание последней идти на значительную финансовую задолженность. КНР проявляла открытое недовольство протекционистской торговой политикой Соединенных Штатов, их контролем над импортом в Китай новейшей технологии. К тому же в этот момент китайское руководство пришло к выводу, что «улучшение китайско-советских отношений не является более недостижимым». Наконец, Пекин осознал, что теряет в результате «тесных связей» с США позиции в «третьем мире» (с. 195—197).

Зафиксировав изменившийся подход Китая к развитию отношений с США и СССР, Г. Хардинг задается вопросом: «Действительно ли Китай займет равноудаленную позицию между Соединенными Штатами и Советским Союзом или, что более вероятно, будет продолжать иметь лучшие отношения с Вашингтоном, чем с Москвой?» (с. 200). Явно склоняясь в пользу второго варианта, Г. Хардинг всячески подчеркивает, что он может быть реализован только в результате точно выверенных, взвешенных политических акций США. Фактически поставив под сомнение тезис Пекина о «равноудаленности», более того, указывая на ее мнимый характер, Г. Хардинг полагает, что Соединенные Штаты должны поощрять желательные для них действия КНР, но избегать в

то же время, учитывая особую щепетильность Китая в этом отношении, тактики лобового нажима на него и заключения с ним «формального» союза.

Резюмируя, заметим, что авторы данного исследования призывают американского читателя от имени Китайского совета не «драматизировать» происшедшие во внешнеполитической тактике КНР перемены. Они убеждены, что экономические и культурные связи Китая с Западом будут расти, хотя и опасаются, что это может вызвать в КНР «определенную оппозицию и сопротивление». Выразив уверенность в том, что в будущем «Китай увеличит уровень своей вовлеченности в международные отношения в Азии, поскольку модернизация предоставит в распоряжение Пекина больше экономических и военных ресурсы», авторы считают необходимым уверить читателя в том, что КНР будет выступать «как одна держава среди многих, а не как доминирующая сила в регионе» (с. XIII).

Авторы политологического исследования предсказывают, что Китай будет проводить «свой собственный независимый курс во внешней политике», что выразится в стремлении «избегать альянса, или даже тесных связей, со сверхдержавами больше, чем на короткий отрезок времени» (с. XIII). По мнению американских специалистов, именно в этом будет состоять отличие внешнеполитического курса КНР 80-х годов в сравнении с предыдущим десятилетием, когда Китай проводил линию на «стратегическое сотрудничество» с США.

«Разочаровав» читателя этим довольно пессимистическим с точки зрения интересов Вашингтона выводом, авторы тут же указывают на имеющиеся у американской дипломатии резервы, весьма четко очертив общую направленность американо-китайского сотрудничества, его пределы и обнадеживающие перспективы: «Китай не будет до конца столетия ни близким другом, ни заклятым врагом Соединенных Штатов. Во многих областях параллельные интересы Китая и Соединенных Штатов будут продолжать сводить две страны вместе».

При этом китайскому партнеру прямо дают понять, что от него требуется неукоснительное выполнение ряда условий, если он хочет избежать «осложнения» отношений с Вашингтоном. К числу этих условий относятся следующие: Пекин должен перестать опасаться «разлагающего влияния контактов с Западом» и придать им широкий, по существу, неконтролируемый характер; Китай не должен возвращаться к прежней «жесткой» позиции по Тайваню; наконец, КНР должна избегать затрагивать каким-либо действенным образом интересы США в Азии (для указания на последнее условие использован следующий эвфемизм: Китай не должен в дальнейшем «занимать агрессивную позицию в Азии») (с. XIV).

В силу вышесказанного и с учетом сделанного КНР указания на «независимость и самостоятельность» ее внешнеполитической линии американо-китайские отношения, по мнению авторов, потребуют от Соединенных Штатов «более изощренной дипломатической стратегии, более адекватного понимания Китая общественностью, чем в прошлом» (с. XIV). Другими словами, в представлении авторов, а в их лице Китайского совета влиятельного Азиатского общества, США необходимо изыскать в своем курсе в отношении КНР, адаптируясь к новой ситуации, такие возможности, которые позволили бы надежно нейтрализовать негативные, с точки зрения Вашингтона, аспекты международной деятельности Китая и всячески стимулировать «позитивные».

Миккели, февраль 1981

...В Миккели мы с Тимо Виховайненом прибыли поездом. Город этот находится в центральной части Финляндии. Дни стояли солнечные, белизна снега подчеркивала традиционную чистоту улиц и зданий. В городе около 30 тыс. населения, большинство домов — пятиэтажные, темно-серого цвета, их оживляют весело раскрашенные балконы и оконные рамы. Провинциальный архив разместился в небольшом здании на одной из улочек неподалеку от центра. Директор архива Раймо Винкки — опытный специалист, один из главных создателей «Путеводителя по архивам Финляндии»¹. Р. Винкки рассказал нам, что основное хранилище находится в огромной штольне, выдолбленной в скале. Из здания архива, где расположены служебные помещения, туда ведет небольшой коридор. Директор по праву гордился надежностью хранения вверенных ему документальных богатств.

Зная о цели наших поисков и учитывая ограниченность времени, которым я располагал, работники архива приложили все усилия, чтобы я мог проработать большое количество материалов в кратчайшие сроки. Благодаря нашей слаженной непрерывной работе и четкой организации снятия копий на ксероксе мне удалось разыскать и скопировать поистине драгоценные документы.

Путеводителем при анализе документального комплекса была опись монастырского архива, сделанная в 1862 г. По ней удалось установить, что основными делами, в которых могли обнаружиться интересовавшие меня документы, были: «ведомости о количестве и качестве братии первоклассного Спасопреображенского Валаамского монастыря» за 1823—1826 гг.: «журналы» входящих и исходящих бумаг за тот же период, а также «описи» монастырской библиотеки, производившиеся в 1826, 1830, 1838 г.г., и «алфавиты» к описным книгам библиотеки Валаамского монастыря.

В первой же «ведомости о количестве и качестве братии» была обнаружена графа с именем Иакинфа. «Журналы» входящих и исходящих бумаг регистрировали переписку монастырских властей с Петербургской консисторией по поводу нахождения в монастыре Н. Я. Бичурин. Руководствуясь их данными, найти эти документы в хранилище уже не составляло труда. В свою очередь информация о состоянии монастырской библиотеки в 20—50-е годы XIX столетия показала, что библиотечный фонд пополнялся книгами Н. Я. Бичурин по мере их публикации автором. Это вызвало вопрос: приобретались ли книги монастырем или дарились автором?

Итак, успешная работа в Миккели позволяла на основе обнаруженных документов в известной степени заполнить пробел в наших знаниях о жизни и научной деятельности Н. Я. Бичурин. В то же время возникали новые вопросы, ответы на которые необходимо было искать и в архиепископате в Куопио, и в самом монастыре, и в библиотеках Хельсинки.

Вдохновленные первыми находками, мы с Тимо на взятом напрокат автомобиле усталились в Хейнавессе, где теперь расположен монастырь.

**Валаамский монастырь.
Сентябрь 1823 — октябрь 1826 г.**

Остров Валаам (по-фински Валамо — «высота») представлял собой гигантскую скалу около 30 верст в окружности, подымающуюся над водами северо-западной части Ладожского озера. От Петербурга путь к нему составлял 200 верст, от уездного центра Сердобола — 40 верст. В осеннюю и весеннюю пору, во время ледостава и вскрытия льда на Ладоге попасть на остров было практически невозможно.

Монастырь был основан в XII столетии. «Находясь на границе новгородских и шведских владений, монастырь вел периодическую жизнь: то он был сжигаем и разоряем шведами, то снова возникал. В последний раз он был разорен в 1611 г. и оставался в запустении до 1715 г., когда Петр I, укрепившись на берегах Невы, повелел во-

* Окончание. Начало см. «Проблемы Дальнего Востока», 1986, № 1.

¹ Guide to the Public Archives of Finland, the National Archives. Helsinki, 1980.

зобновить обитель»². Александр I особенно заботился о Спасопреображенском Валаамском монастыре, жертвовал ему крупные суммы, а в 1819 г. посетил Валаам. За год до ссылки Н. Я. Бичурин монастырь был возведен в ранг первого класса. Вот как описывает Валаам и монастырские порядки современник Н. Я. Бичурин Д. А. Брянчанинов, выходец из вологодских помещиков, ставший впоследствии епископом кавказским и черноморским и посетивший этот монастырь на Ладого в 1846 г.

«...Природа дикая, угрюмая, привлекающая взоры самою дикостью своею, из которой проглядывают вдохновенные, строгие красоты. Вы видите отвесные, высокие, нагие скалы, гордо выходящие из бездны: они стоят, как исполины на передовой страже. Вы видите крутизны, покрытые лесом, дружелюбно склоняющиеся к озеру... Вы видите огражденные отовсюду гранитными, самородными стенами заливы, в которых спокойно дремлют чистые, как зеркало, воды, в то время как на озере бушует страшная буря... Вы плывете по излучистым проливам, где часто две противоположные стены сходятся так близко, что оставляют лишь тесный проход для одного галюта».

«Вы входите с северной стороны в губу, далеко вдавшуюся во внутренность острова... Губа постепенно расширяется и наконец образует овал значительного размера... перед вами — обширный монастырь на высокой, длинной гранитной скале, как легкое бремя на плечах гиганта... Пристаете к гавани, выходите на берег: по крутому скату горы устроена гранитная лестница; по ней подымаетесь к монастырю, стоящему на вершине горы, на обширной площади».

В плане монастырские строения представляли из себя два четырехугольника, вписанных один в другой. Во внутреннем дворе находились основные церкви: Преображенская, Валаамских чудотворцев Сергия и Германа, святителя Николая, все — справа от ворот. Слева же — келья настоятеля и братии, а напротив входа во внутренний двор — трапезная. Над внешними воротами была воздвигнута церковь Петра и Павла. К наружным стенам примыкали здания больницы, гостиницы, монастырской кладовой (рухольни), библиотеки.

Монастырская библиотека считалась богатой по сравнению с другими монастырями. Основной ее фонд составляли рукописные «творения святых отцов, писавших о монашеской жизни»³. Библиотека собиралась в конце XVIII — начале XIX столетия.

Жизнь ссыльного Никиты Яковлевича Бичурин — монаха Иакинфа — состояла из двух главных обязанностей: выполнения общих монастырских требований и реализации научных замыслов, созревших еще в Пекине. Вторую обязанность, разумеется, он возложил на себя сам, считая ее к тому же более естественной.

Как и все обитавшие в монастыре, Н. Я. Бичурин должен был участвовать в общих богослужениях, в общей трапезе, иметь одинаковую со всеми одежду, которую получал в рухольне. Главным лицом в монастыре был настоятель, его помощником по всем монастырским делам — наместник. Вместе с казначеем, ризничим и духовниками (неромонахами, имевшими право принимать исповедь как у монахов, так и у прихожан) они составляли монастырский собор, он и определял для каждого характер «послушаний». Отправление служб, обязанности пономаря, клиросное пение — это возлагалось на неромонахов и нероднаконов. Простые монахи были обязаны шить одежду и обувь, работать при кухне и в трапезной, производить столярные, слесарные и кузнечные работы. Рыбная ловля, труд на полях, в садах и огородах, стирка белья — все это также было монашескими «послушаниями». Но на таких ссыльных, как Иакинф, их обычно не налагали. За это и недолгоблвали монахи ссыльных и разжалованных. Были и «послушания» при аптеке, при библиотеке, однако документы не сохранили сведений о том, поручалось ли Иакинфу что-либо конкретное.

Из семи церквей в монастыре фактически постоянно действующим был лишь собор, только он вмещал в себя всю братию. После службы все направлялись в трапезную. В праздничные дни пища полагалась, по указанию церковного устава, рыбная, в обыкновенные дни — с маслом, в среды и пятницы, а также в период великого поста — только растительная. Трапеза проходила при глубоком молчании, которое нарушал лишь голос монаха, производившего «душеназидательное чтение».

Условия существования оставляли Н. Я. Бичурину время и возможности для научных занятий. Монастырское начальство, очевидно, не препятствовало этому. С одной стороны, православную церковь интересовали нравы, обычаи и религии народов Востока, в том числе и тех, о которых писал Н. Я. Бичурин, с другой — слава учебного дела чести монастырю, где он творил. Привезенных с собой материалов и книг было достаточно для занятий в течение достаточно длительного периода. Под рукой была и монастырская библиотека. Конечно, библиотекарь выдавал из нее книги толь-

² В. В. Зверинский. Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи, с библиографическим указателем. I. Преобразования старых и учреждение новых монастырей с 1764—1795 по 1 июля 1890 года. СПб, 1890, с. 109.

³ Сочинения епископа Игнатия. т. 1. СПб., 1865, с. 461—463. Интересное описание Валаамского монастыря оставил и В. И. Немирович-Данченко (Крестьянское царство Валаам. Летняя поездка на Валаамский монастырь. Изд. 2-е, доп., т. 1 и 2. СПб., 1889). О рукописях Валаамской библиотеки см. также: И. А. Шляпкии. Рукописи Валаамского монастыря. — «Библиограф», СПб., 1889, № 10—11, с. 195—200.

ко по распоряжению настоятеля и только те, которые «соответствовали душевному устройению каждого». Но в библиотеке были и светские издания. Всего по «Описи библиотеки Валаамского монастыря 1826 г.» в ней значилось 194 книги, среди них были: «История о крестовых походах, из сочинений Вольтера. Перевод с французского Н. Вельяшевым-Волынцевым. Печатапо без цензурного рассмотрения в Москве в 1782 г.», «История Российской империи в царствование Петра Великого (с разрешения цензуры) 1809 г.», «Потерянный рай» Г. Милтона, перевод, издание 1820 г.⁴

Интересно, что к 1830 г. библиотека пополнилась «Опытом древней китайской философии о их нравоучении и правлении с приложением проповеди» («Переведен с латинского языка в Александро-Невской семинарии. Печатано в типографии корпуса чужестранных единоверцев 1794 г. в С. Петербурге») и «Христианскими изысканиями в Азии с известиями о переводе Священного писания на восточные языки» (перев. с англ. СПб., 1815, «с дозволения цензуры») ⁵.

Даже если можно брать книги в библиотеке и работать, ссылка есть ссылка. Ведь хотелось дать русскому обществу нужные и интересные сведения о Китае и прилегающих к нему азиатских странах. Нужно было закончить обработку сделанных в Пекине переводов, осмыслить содержащиеся в них факты, попытаться изложить их в виде книг и статей. Это вызвало необходимость печататься, а без личной и научной свободы это невозможно. Именно этой свободы и лишила Н. Я. Бичурин валаамская ссылка.

Ни один узник не теряет надежды. Монах Иакинф понимал, что если надеяться на освобождение, то нужно соблюдать по крайней мере два условия: во-первых, не давать повода валаамским и петербургским властям обвинить его в нарушении режима ссылки, именуемого монастырским уставом, во-вторых, постоянно совершенствовать свои знания китайского языка, истории, географии, государственного устройства и обычаев Китая. Монах Иакинф нужен был на воле лишь очень небольшому кругу друзей. Знаток Китая — Иакинф — был нужен не только друзьям, но и правительственным учреждениям, занимавшимся связями с Цинской империей. Он был узником, лишенным нравственного права на тайный побег, ибо это означало бы его общественную и научную гибель. Лишь власть, низвергавшая его на «неведомый гранит», могла вызволить его, если признала бы это целесообразным.

Поэтому когда в монастырских «ведомостях» в графе «Присланные под начал при указах от С.-Петербургской духовной консистории» записывалось: «монах Иакинф, от 25 августа 1823, за № 2038. Бывший начальник Пекинской духовной в Китае миссии, за противозаконные поступки лишен архимандричьего и священнического звания», то не случайно в графе «Поведения» ставилась запись: «Изрядного здесь» ⁶.

Конечно, монашество претило его натуре. Но оно же дало возможность побывать в далеком и удивительном Китае. Оно же привело его в изгнание. Ему исполнилось 46 лет, из них более 13 он провел в Пекине. Сколько лет предстояло провести в монастыре? Он знал, что ссылка — нередкое дело в России. Уже второй раз в изгнании находился прекрасный поэт А. С. Пушкин, который был на 22 года моложе его. Здесь, на Валааме, с ним разделял ссылку его сотоварищ по пекинской жизни — Серафим. Он появился в монастыре вскоре после водворения там Н. Я. Бичурина. Ссылные постоянно прибывали на Валаам. В феврале 1824 г. за «искалечение самого себя» в монастырь «под начал» прибыл рядовой Андрей Иванов, в июне 1825 г. для «исправления от порочной жизни» сюда привезли титулярного советника Лазарева, а в августе того же года в ссылку на 5 лет доставлен подпоручик князь Тенишев. За поведением каждого из них монастырские власти вели неуспынный надзор.

Тем временем друзья в Петербурге не забывали о Н. Я. Бичурине. Они позаботились о его материальном положении. Их хлопотами в ноябре 1824 г. в монастырь из консистории был направлен указ, согласно которому игумену Иоанфану предписывалось «из числа отпущенных, по высочайшему соизволению, из кабинета е. и. в. в пользу бывшего при пекинской миссии и ныне находящегося в Валаамском монастыре монаха Иакинфа 4100 руб., высочайше утвержденным мнением его высокопреосвященства, велено сто рублей выдать теперь же ему, Иакинфу, а четыре тысячи рублей внести в сохранную казну для обращения из процентов, с тем чтобы проценты Вы могли получать и доставлять ему, Иакинфу, под росписку на разные его мелочные надобности, а наипаче на покупку книг духовного содержания, чтением коих он, яко человек ученый, может в свободное от молитвы и монастырских трудов время

⁴ См.: Провинциальный архив в Миккеле. Вп: 14, № 57, 58, 90.

⁵ См.: Провинциальный архив в Миккеле. Вп: 1, Алфавитная опись библиотеки Валаамского монастыря 1830 г., с. 32 об., № 264, с. 58 об., № 442.

⁶ Там же, Ва: 2^х1, «Ведомость о количестве и качестве братии... Валаамского монастыря», 1823 г., л. 27 об. — 28.

За 1824 г. в такой же «ведомости» эта запись повторена дословно, кроме характеристики поведения, в соответствующей графе проставлено: «добропорядочного». (Ва: 2^х, л. 27).

В 1825 г. под тем же № 8 среди «присланных в Валаамский монастырь под начало в разные времена при указах от С.-Петербургской духовной консистории» вновь означен бывший начальник Пекинской миссии монах Иакинф, находящийся в монастыре с 25 августа 1823 г. и сохраняющий «добропорядочное» поведение.

заниматься и таковым полезным занятием укреплять дух свой противу искушений, которые в нещасном его положении весьма легко могут ему приключаться.

В исполнение сего консистория, отправя четыре тысячи рублей императорского воспитательного дома в Санкт-Петербургский опекунский совет и получа из оного совета на прописанную сумму билет, препровождает при сем к Вам, о. игумену, как оный билет в четыре тысячи рублей для хранения и получения по нему процентов, так и наличными деньгами сто рублей для отдачи сих означенному монаху Иакинфу с роспискою, которую при рапорте о получении сих денег и билета имете Вы представить в консисторию. Октября 21 дня 1824 года»⁷.

Сумма, «пожалованная» Н. Я. Бичурину, была весьма значительной. Она соответствовала тому вознаграждению, которое иногда выдавалось членам Пекинской духовной миссии за важные труды в области китаеведения. Но для Иакинфа сам факт перевода на его имя этих денег означал, кроме признания его научных заслуг, и проблеск свободы. Изведавшему горечь неволи дана была сладостная мечта о возвращении в столицу, где он мог бы заняться в полной мере любимыми предметами.

Официальные бумаги, приходившие в монастырь, касались и положения дел в масштабах всей Российской империи. В апреле 1825 г. поступил печатный экземпляр указа Синода с повелениями, «чтобы духовенство всемерно воздерживалось от постыдной страсти пьянства», а настоятелям монастырей предписывалось, «дабы они склонных к пьянству монахов... из монастырей своих никуда не отпускали и для прискания себе места не увольняли»⁸.

Но для Н. Я. Бичурина с воли имелись и другие вести. В течение всего периода его ссылки известный издатель Г. Спасский в своем «Сибирском вестнике» публиковал небольшие работы Иакинфа, скрывая их авторство по цензурным соображениям. А в декабре 1825 г. он перепечатал в «Азиатском вестнике» перевод статьи о русском китаеведе, появившейся в парижском журнале «Нувель анналь де вояж»⁹. Статья высоко оценивала успехи Н. Я. Бичурина в изучении и переводе с китайского языка фундаментальных китайских сочинений по истории и географии страны. А. С. Пушкин узнает о монахе Иакинфе со страниц этих изданий, и не один Пушкин, но и вся передовая русская общественность. Валаамский узник ощущает это сострадание к своей участи, но его кипучая натура не позволяет оставаться пассивным объектом заботы. Он сам активно поддерживает связи с петербургскими научными и общественными кругами.

В письме к П. Л. Шиллингу фон Конштадту он просит прислать ему «Сной вэнь цзянь» («Описание Западного края») ¹⁰, то есть уже в тот период Н. Я. Бичурин готовит свое «Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана», вышедшее в свет в 1829 г. Научные занятия не были для него монастырским «послушанием», он стремился успеть осуществить широкую программу исследований, намеченную еще в Пекине. Хранителем его библиотеки в Петербурге остался М. Д. Сипаков, с которым Иакинф постоянно состоит в переписке ¹¹.

Галиот «Валаам» осуществлял связь монастыря с Петербургом, совершая два-три рейса за навигацию. Пользуясь случаем, в конверте для П. Л. Шиллинга Н. Я. Бичурин направил письмо и Э. Волконской, в салоне которой он был принят после возвращения из Пекина.

Судебное дело Н. Я. Бичурина — главы миссии, фактического посланника России в Китае — надделало много шума в столичном обществе. Никите Яковлевичу не было безразлично «мнение света», поэтому с Валаама он направляет письмо, которое можно рассматривать как первую его попытку создать автобиографию, где он излагает действительную суть и подоплеку «дела», приведшего его к валаамской ссылке. П. Е. Скачков, обнаруживший этот документ в фонде П. Л. Шиллинга архива Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР и опубликовавший его, считал, что он является прошением на имя высокопоставленного лица.

Дела и труды Н. Я. Бичурина были известны К. В. Нессельроде, в будущем государственному канцлеру, который затребовал рукописи работ Н. Я. Бичурина о Китае, вероятно, в связи с хлопотами П. Л. Шиллинга об освобождении Иакинфа. Но все же данный документ не является прошением. Он написан совершенно в ином ключе.

⁷ Там же. Ев: 67, Указы 1824 г., л. 160—160 об. Соответствующий рапорт и копию расписки Иакинфа в получении денег 19 ноября 1824 г. монастырские власти направили в консисторию 22 ноября (там же, л. 162—163 об.).

⁸ Там же. Аа: 2. Журнал входящий Спасопретображенского Валаамского монастыря с 1813 по 1826 г., л. 56. В том же «журнале» зафиксированы и документы, касающиеся прибытия Н. Я. Бичурина в монастырь (л. 46) и присылки ему денег (л. 52 об.).

⁹ См.: Д. И. Белкин. Русские литераторы 20-х — начала 40-х годов XIX в. и китаевед Н. Я. Бичурин. — В сб. Формирование гуманистических традиций отечественного востоковедения. М., 1984, с. 58—60, 96.

¹⁰ См.: П. Е. Скачков. Письма Бичурина из валаамской монастырской тюрьмы. — «Народы Азии и Африки», 1962, № 1, с. 100—101.

¹¹ Только этим можно объяснить фразу в письме к П. Л. Шиллингу: «Сия книжка должна быть в моей библиотеке, но Михайло Дмитриевич не смог рассмотреть» (см. там же, с. 101).

Н. Я. Бичурин описывает свой жизненный путь и случившееся с ним после возвращения из Пекина лицу, которое, не зная его, принимало участие в попытках вызволить его с Валаама. В данном документе вообще нет ни просьб, ни адресата. Н. Я. Бичурин пишет кому-то без обращения. Возможно, он опасался перлюстрации и не хотел раскрывать механику борьбы за его освобождение. Это послание вполне могло быть адресовано княгине З. Волконской или кому-то из ее окружения.

Документ не является исповедью, но он поражает своей душевной открытостью. «От двенадцатого до тридцатого года жизни я вел себя весьма рассеянно, — пишет Н. Я. Бичурин, — и укоризны, каковы ныне я себе делаю за прошедшие легкомысленные поступки, тягостнее для меня, нежели настоящее несчастье». В чем же мог укорять себя Иакинф, что могло быть тягостнее валаамской ссылки? Зная факты его биографии, можно предположить, что, действительно, он пережил в Иркутске еще до поездки в Китай сильное увлечение. И упоминаемое в обвинительном заключении письмо от женщины, которая родила ему ребенка, письмо, от которого Н. Я. Бичурин не отказался, было связано именно с этим периодом его жизни. Конечно, судьба его неофициальной семьи не могла не заботить и не тяготить его. Для нас же эта деталь важна тем, что, вполне вероятно, ныне где-то здравствуют прямые потомки Никиты Яковлевича.

Через 5 лет после приезда в Пекин Н. Я. Бичурин «избрал для себя известные правила, в которых мало-помалу утвердившись, ныне постоянно следуя оным». Главным из этих правил был постоянный, ежедневный, упорный труд. Никита Яковлевич понимал, какие огромные задачи стояли перед отечественным китаеведением. Он попытался собственными силами выполнить тот объем работ, который по тем или иным причинам был не под силу его предшественникам. При этом он впервые в русском китаеведении работал в соответствии с научно обоснованной программой, созданной им самим: изучать Китай в комплексе с сопредельными странами, в том числе и с теми, которые в результате маньчжурских захватов вошли в состав Цинской империи. Духовная миссия в Китае работала уже 100 лет. Ознакомившись с ее пекинским архивом, Иакинф знал, что было сделано за этот период. От европейских миссионеров он получил достаточное представление об успехах западной синологии. Все это заставляло его работать с полнейшим напряжением сил. Он с гордостью исполненного долга имел право сказать себе: «Ежели отдавать самому себе справедливость, не противную скромности... целые тринадцать лет занимаясь познанием Китая, я один сделал в пять крат более, нежели все прошедшие миссии в течение ста лет, успехи». Ссылка на Валаам привела к тому, что «погибли все надежды сделать труды мои полезными отечеству».

Что же на деле привело его в Валаам? В 1806 г. при столкновении посла в Китай графа Ю. А. Головкина с сибирским генерал-губернатором И. Б. Пестелем и иркутским губернатором Н. И. Трескиным Н. Я. Бичурин занял сторону Ю. А. Головкина. По рекомендации Ю. А. Головкина он и был направлен в Китай главой миссии вместо архимандрита Аполлоса. Но Трескин и Пестель, через которых шли связи миссии с Петербургом, после отъезда Ю. А. Головкина стали чинить Иакинфу неприятности. В ответ он обратился с жалобой к канцлеру. Пестель оправдался, но решил отомстить. Орудием мести был избран церковник К. Пальмовский. О том, что такое К. Пальмовский, дают достаточное представление ответы Аркадия на 26-й, 31-й и 41-й пункты во время допроса в консистории. Обратимся вновь к его показаниям:

«Что ж касается до всемилостивейше пожалованной в Пекинский Сретенский монастырь в двух переменах ризницы... из нее не упомянул он, Аркадий, сколько-то вещей похитил бывший при их миссии причетник Константин Пальмовский и заложил в ссудной лавке за 25 лан серебра и сие серебро промотал. «А ту ризницу выкупил он, Аркадий, на деньги и по приказанию Иакинфа при прикомандированных к тому Иакинфом ученике Сипакове и церковнике Яфишом» и возвратил в монастырь «без всякого со стороны полиции посредства». Константин Пальмовский «вместе с означенными ризничными вещами похитил» еще несколько вещей из церковной утвари, но выкупить их нельзя было, так как слуга-китаец, заложивший их в неизвестной лавке, скрылся. А орарь (часть дьяконского облачения) Пальмовский подарил «непотребной женщине в непотребном доме», она носила орарь вместо пояса. Причетник Василий Яфицкий выкупил его у той женщины по приказанию Иакинфа. Тот орарь был сожжен Иакинфом, так как крестов на нем уже не было.

Разбил ли причетник К. Пальмовский цирюльню в Пекине, Аркадий не знает. И бежали ли на это зрелище опротивевшие китайцы, он не слышал. «Да и никто в Пекине из пожилых людей, начиная от 30 лет, бород не бреют, а бреют только бороды одни молодые люди; половина же головы, передняя часть, бреется всеми вообще китайцами по древнему их обыкновению».

Причетник К. Пальмовский «за вышепомянутое святотатство» был выслан из Пекина к иркутскому гражданскому губернатору при отношении Иакинфа под присмотром отряженного пекинским Трибуналом пристава, но избег должного наказания, так как в дороге подпоил пристава и выкрал у него отношение Иакинфа о нем, Пальмовском, и ежг, а приставу велел говорить, что отношение потеряно им «ночью порою». Таким образом, Пальмовский смог служить в канцелярии гражданского губернатора в Иркутске, а был ли переводчиком там, Аркадий не знает¹².

¹² См.: ЛГИА, ф. 19, оп. 120, д. № 413, 1822 г., л. 133—134 об., л. 137 об., л. 147.

Отсюда становится ясной и деталь, которую раскрывает в своем письме Н. Я. Бичурин: «Высланный мною из Пекина церковник Пальмовский обольщен был подать донос на меня от имени учеников, и г. Пестель, препроводивши оной куда следовало, старался подкрепить другими обстоятельствами. Архим[андрит] Петр, будучи обманут одоброжелательствовавшими мне, захотел в свою очередь быть доносителем, и правительству трудно было не поверить. В консистории не принимали ничего к моему оправданию»¹³.

...Но не только переписка была средством связи Н. Я. Бичурина с внешним миром. В монастыре его могли навещать друзья и ученые, ценившие его знания. По крайней мере в дневниках академика-востоковеда А. И. Шегрена имеется упоминание о том, что он совершил в 1825 г. путешествие на Валаам, чтобы совещаться с Иакинфом о своих китайских рукописях¹⁴.

В монастырском уединении казалось, что время остановилось. Даже смена времен года приобрела однообразие. Но там, в большом мире, в столице и во всех концах Российской империи, зрела и ощущалась необходимость перемен. Собиралась гроза 1825 г., прогремевшая на Сенатской площади и стоившая жизни лучшим сынам того поколения. Самодержавие устояло. Отправляя на виселицу и каторгу декабристов, царские власти имитировали и некоторые «свободы». Возвращаясь из Михайловского А. С. Пушкин. Благодаря неустанным хлопотам друзей вспомнили и об ученом-китаеведе, находившемся на Валааме.

20 октября 1826 г. игумену Валаамского монастыря был направлен указ, гласивший: «Его сиятельство синодальный обер-прокурор и кавалер, князь Петр Сергеевич Мещерский сообщил его высокопреосвященству, что государь император высочайше повелеть соизволил находящегося в Валаамском монастыре монаха Иакинфа перевести в Александроневскую лавру, дабы он там, по познаниям своим в китайском и манжурском языках, мог быть полезен для Государственной коллегии иностранных дел. Во исполнение сей высочайшей воли и последовавшей по сему отношению резолюции его высокопреосвященства, консистория предписывает о. игумену немедленно уволить его, Иакинфа, из Валаамского монастыря в Александроневскую лавру с надлежащим билетом». А 3 ноября Иоанафан рапортовал в консисторию о том, что «вследствие указа духовной консистории от 26 минувшего октября за № 2373 находившийся в Валаамском монастыре монах Иакинф уволен из сего монастыря в Александроневскую лавру с надлежащим билетом сего ноября 1-го числа»¹⁵.

Ссылка закончилась...

Хейнавесси, февраль 1981

Тусклый день быстро переходил в слепые сумерки. Мы с Тимо Вихавайненом на машине направлялись из Хейнавесси в Куопио — город, в котором расположен центр православной церкви Финляндии. Тимо вел машину максимально осторожно. Она была американская, новой марки, раньше моему коллеге на такой ездить не приходилось. Плохо различимая дорога слегка обледенела, а навстречу мчались доверху груженные мощные шведские лесовозы. Желая выиграть время, мы свернули с этой дороги и, как оказалось, немного сблизись с пути. А нужно было до пяти часов успеть в гостиницу, иначе могли быть затруднения с местами, и главное — вовремя сдать арендованный автомобиль, чтобы не платить за лишние сутки проката. Ехали молча. Тимо был озабочен дорожными проблемами, я же вспоминал прошедший день...

Монастырь расположен среди сосновых лесов, в живописной холмистой местности. Летом сюда можно из Куопио добраться озерами на теплоходе. У монастыря нет могучих стен. Почти все строения деревянные: кельи, трапезная, дом для приезжих, покои игумена. Архитектура самая обычная, очень скромная. Если бы не каменная церковь в центре ансамбля, то издали его можно было бы принять за недорогую турбазу.

Игумен Пантелеймон принял нас приветливо. Молодой финн, он кончил духовную семинарию в Ленинграде, бывал в Москве и Киеве. Он рассказал нам, что в монастыре всего братии 20 человек, из них два иеромонаха, четыре монаха, остальные — послушники. Тогда еще был жив старый валаамец монах Акакий, который в свои 107 лет являлся самым старшим среди долгожителей Скандинавии.

Узнав о цели нашего визита, Пантелеймон любезно предложил ознакомиться с той частью монастырского архива и библиотеки, которая хранилась здесь в келье архиепископа. Все кельи располагаются в здании, стоящем на берегу озера. Одноэтажное строение вытянуто в длину метров на 20—30 и приподнято на сваях. Келья архиепископа просторна. На стене картина Шнипкина «Валаам». Среди духовных книг попадаются и другие издания — Достоевский, Горький, Леонов.

¹³ П. Е. Скачков. Указ. соч., с. 101.

¹⁴ A. J. Sjöberg. Ephemider, v. XV, p. 26. На этот факт мое внимание обратил финский востоковед Харри Хален, работающий в отделе азиатских и африканских исследований Хельсинкского университета, за что и приношу ему глубокую благодарность.

¹⁵ См.: Провинциальный архив в Миккели. Ев: 69. Указы 1826 г., л. 173—173 об., 174.

Просматриваю рукописи. На полках аккуратно выстроились приходно-расходные книги монастыря за XVIII, XIX и XX вв. Перелистываю книги за 1823, 1824, 1825 и 1826 гг., проведенные Н. Я. Бичуриным в монастыре. От отца Иакинфа никаких поступлений в монастырскую казну не было. Не упоминается его имя и ни в каких других графах отчетов монастырской бухгалтерии.

В связи с аварией электротрансформатора церковь не освещалась, и нам не удалось осмотреть ее. В трапезной пообедали. Нас было двое в зале, рассчитанном на несколько сот человек. Летом он не пустует, блюда монастырской кухни здесь отведывают многочисленные туристы и отдельные прихожане. Поблагодарив игумена за прием и приглашение переночевать в доме для приезжающих, мы с Тимо поспешили засветло добираться до Куопио, где я рассчитывал встретиться с главой православной церкви Финляндии — архиепископом Павлом, а также познакомиться с той частью валаамской библиотеки, которая хранится в архиепископате.

Куопио, февраль 1981

В Куопио мы с Тимо Вихавайненом успели вовремя: и машину сдали прокатной фирме — оставили ее на углу у гостиницы и позвонили им, на каком она углу какой улицы, — и номер достался нам небольшой, но уютный. На следующее утро я отправился в архиепископат. Здесь уже знали о моем предстоящем визите, но получилось так, что архиепископа Павла в первой половине дня не было, он уехал еще накануне в монастырь, мы с ним разминулись где-то на зимних дорогах.

Я решил его дожидаться, а пока, чтобы не терять времени, познакомиться с музеем и библиотекой. Само здание архиепископата невысокое, построено в современном стиле: бетон, стекло. В нем расположены канцелярия, музей, покои архиепископа и семинария, в двух классах которой обучается 13 человек.

Директор музея Кристина Томеннус предоставила нам полную возможность ознакомиться с небольшой, но богатой и хорошо оформленной экспозицией, посвященной главным образом истории Валаамского монастыря. Выставлена интересная коллекция икон, большинство которых относится к XVII в. и принадлежит кисти С. Ф. Ушакова и его учеников. Здесь же демонстрируется рака основателей монастыря Сергия и Германа. Она из серебра, вес которого внушительен: 7 пудов 15 фунтов 3 золотника. В течение года в музее бывает около 40 тыс. посетителей. Часть их составляют советские туристические группы, главным образом из Пскова — города-побратима Куопио.

На нижнем этаже здания хранится главная сокровищница — библиотека. Из 30 тыс. экземпляров старой валаамской библиотеки в Финляндию было вывезено 17 тыс. Эти цифры были названы в интервью финскому радио в 1953 г. тогдашним игуменом монастыря Нестором и библиотекарем Ювианом. Большинство книг сейчас хранится в Славянском отделе библиотеки Хельсинкского университета, некоторое количество имеется в самом монастыре и часть — в Куопио.

Библиотека занимает довольно большую комнату. Вдоль одной из стен выстроились полки с рукописными книгами, кожаные переплеты которых скрывают огромный труд их авторов и переписчиков. На других стеллажах светская литература: наставление анонимного автора «Борьба с гущей ученостью» (СПб., 1871) соседствует с книгой Макгована «Китайцы у себя дома», здесь же находятся и «Поднятая целина» М. Шолохова, и «Белорусские народные сказки». Рядом с произведениями И. Лажечникова можно увидеть «Происхождение видов» Ч. Дарвина, а «Давид Рикардо и Карл Маркс» стоит в ряду с «300-летием дома Романовых». С трепетом беру в руки тоненькую брошюрку темно-серого цвета, на обложке которой напечатано: Н. Ульянов «Удержат ли большевики государственную власть?» (Петроград, 1917). В тогдашнем Валаамском монастыре вопрос, вынесенный в заголовок ленинской работы, был вопросом отнюдь не риторическим — монастырь не принял Советскую власть. Но ее приняла Россия, и история подтвердила правильность выбора, сделанного трудовым народом...

Но ни одной работы Н. Я. Бичурина я здесь не обнаружил.

Тем временем возвратился архиепископ Павел. Он из старых валаамцев, но о монахе Иакинфе ему слышать не приходилось, поэтому мой рассказ о пребывании Н. Я. Бичурина в монастыре был ему любопытен. Мне же хотелось выяснить, какие виды «послушаний» мог выполнять ссыльный такого ранга, как Иакинф, была ли у него возможность трудиться над своими рукописями о Китае. Архиепископ ответил, что, по его мнению, Иакинф вряд ли был слишком загружен церковными службами или какими-либо послушаниями. И дело было не в снисхождении к нему, а в том, что на Иакинфа смотрели как на временного обитателя монастыря, который и после разжалования все же не был простым монахом, судьба его могла вновь перемениться, и он вновь мог стать одним из видных деятелей церкви тогдашней России. Я услышал и много интересного о быте и порядках прежнего Валаама, о миссионерской деятельности в Африке нынешней епархии.

Что же касается книг Н. Я. Бичурина в монастырской библиотеке, то последним шансом обнаружить их был визит в Славянский отдел библиотеки Хельсинкского университета.

Петербург, 1826 — Хельсинки, февраль 1981

Иакинф направлялся в Петербург навстречу своему пятидесятилетию. Его основные работы были пока еще в рукописях или даже только в замыслах. Но он получил подтверждение тому, что он нужен, что труды его не пропадут даром. Конечно, это вызвало душевный подъем. В лавре его ожидала монашеская келья и монашеское окружение, но от ворот лавры было совсем близко до Невского проспекта...

В Петербурге было много людей, которые ожидали его. И он оправдал возлагавшиеся на него надежды. Одна за другой начинают выходить книги, над рукописями которых он кропотливо трудился в монастыре: 1827 г. — «Ответы на вопросы относительно Китая»; 1828 г. — «Записки о Монголии, сочиненные монахом Иакинфом. С приложением карты Монголии и разных костюмов», «Описание Тибета в нынешнем его состоянии»; 1829 г. — «История первых четырех ханов из дома Чингисова» и «Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана». Это был творческий взрыв, которого ни до Н. Я. Бичурина, ни после него не знало мировое Китаеведение. В 1828 г. Н. Я. Бичурин был избран членом-корреспондентом Российской Академии наук. Его книги поступают и в библиотеку Валаамского монастыря. По описи 1838 г. в ней значатся «Записки о Монголии», «История первых четырех ханов из дома Чингисова», «Описание Тибета», «Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана». Нахожу их и в картотеке Славянского отдела библиотеки Хельсинкского университета. Спешу заполнить требования, чтобы взглянуть, есть ли на этих экземплярах дарственные надписи... Но, увы, фонд книг Валаамского монастыря находится в хранилище, расположенном за пределами Хельсинки. Ждать исполнения заказа нужно несколько дней. Но этих дней в моем распоряжении уже нет, командировка заканчивается. Мой заказ остается на попечении Тимо Вихавайнена.

По возвращении в Москву я получил два письма из Хельсинки. Одно было от Харри Халена, который сообщил мне о своей находке упоминания имени Иакинфа в книге Шегрена. Другое — от Тимо. В него была вложена ксерокопия титульного листа «Записок о Монголии, сочиненных монахом Иакинфом», отпечатанных в С.-Петербурге в типографии Карла Крайя в 1828 г. На обороте титульного листа стоял бичуринский автограф: «В Валаамскую обитель от сочинителя. Декабря 3, 1828».

Поиск был завершён. Но вставали новые вопросы: нет ли бичуринских писем в архиве З. А. Волконской? Как складывались отношения Н. Я. Бичурина с П. Каменским после возвращения Х миссии из Пекина? Что можно обнаружить в архиве Александроневской лавры? Значит, поиск бичуринских документов должен продолжаться.

К 100-летию со дня рождения
Линь Боцюя

ЛИНЬ ЛИ (КНР)

От редакции:

В этом году исполнилось 100 лет со дня рождения видного деятеля Коммунистической партии Китая Линь Боцюя.

Линь Боцюй (или Линь Цзухань) родился 20 марта 1886 г. на юге провинции Хунань. Будучи студентом в Токио, в 1905 г. вступил в созданную Сунь Ятсеном революционную организацию «Тунмэнхой», принимал активное участие в революции 1911 г., свергнувшей Цинскую династию. Линь Боцюй состоял в гоминьдане со времени его основания Сунь Ятсеном (1912). Активно работая в гоминьдане, Линь Боцюй помогал Сунь Ятсену вырабатывать политические установки на союз с Советской Россией, союз с КПК и на поддержку рабочих и крестьян.

На Линь Боцюя, так же как и на других китайских революционеров, огромное влияние оказала Великая Октябрьская революция в России. Вскоре после создания Коммунистической партии Китая, в 1921 г., он вступил в ее ряды. В период сотрудничества КПК и гоминьдана Линь Боцюй занимал важные посты в ЦИК гоминьдана и много сделал для создания единого фронта КПК и гоминьдана.

В период Северного похода в 1926—1927 гг. Линь Боцюй — начальник политотдела 6-й национально-революционной армии.

Когда Чан Кайши в 1927 г. совершил контрреволюционный переворот, Линь Боцюй и ряд других деятелей левого гоминьдана решительно осудили это предательство. Линь Боцюй принял участие в Наньчанском восстании 1 августа 1927 г., которое положило начало истории китайской Красной армии. После поражения восстания он уехал сначала в Гонконг, а затем в Японию.

В 1928 г. по указанию ЦК КПК Линь Боцюй отправился на учебу в СССР, где провел около 4 лет.

Вернувшись в Китай в 1932 г., он работал комиссаром народного хозяйства, а затем комиссаром финансов во Временном центральном правительстве Китайской советской республики (провинция Цзянси).

Затем китайская Красная армия совершила героический Великий поход на Северо-Запад, где образовался Пограничный район Шэньси — Ганьсу — Нинся. Линь Боцюй был избран главой правительства этого района. Признанием большой работы, которую он вел, руководя особым Пограничным районом, явилось его избрание на VI пленуме ЦК КПК в 1938 г. членом ЦК КПК.

На VII съезде КПК (апрель — июнь 1945 г.) в Яньани он был вновь избран членом ЦК, а на I пленуме ЦК — членом Политбюро ЦК КПК.

После принятия в 1954 г. первой Конституции КНР Линь Боцюй стал заместителем председателя Постоянного Комитета ВСНП (переизбран на этот пост в 1959 г.).

На VIII съезде КПК в сентябре 1956 г. он вновь вошел в Политбюро ЦК КПК.

29 мая 1960 г. на 75-м году жизни перестало биться сердце Линь Боцюя — стойкого коммуниста, интернационалиста, сторонника дружбы Китая и СССР.

Ниже публикуются воспоминания дочери Линь Боцюя — Линь Ли (впервые обнародованы в китайской печати в 1979 г.).

Скоро 20 лет, как отца нет с нами. Занимаясь революционной деятельностью, он не мог часто проводить время в кругу семьи. Как редко были эти встречи! Словно сейчас вижу радостное лицо отца и слышу его голос. Он заботился о нас и настойчиво занимался нашим воспитанием, начиная с бытовых вопросов и кончая политикой, он стремился к тому, чтобы мы не выделялись среди остальных. Вся его жизнь, наполненная героической борьбой, глубоко запечатлелась в наших сердцах.

В воспоминаниях детства я вижу отца то среди народа на митинге памяти героев на кладбище Хуанхуаган, то на трибуне во время митинга, когда принимали клятву выступить в Северный поход. Однако большую часть времени он отдавал революционной деятельности в трудной и опасной обстановке.

В те годы наша семья, как и семьи всех революционеров, жила бурной, беспокойной жизнью. После поражения революции 1927 г. наша семья, в которой было 6 детей, проживала на втором этаже дома в переулке на территории французской концессии в Шанхае. Однажды отец вернулся домой переодетый в серый халат торговца, с обветренным и запятым лицом, поседевший. Мы, дети, обступили его и наперебой бросились расспрашивать, где он был. Отец усадил нас вокруг и как занимательную историю рассказал о том, что с ним приключилось. Я тогда ничего не понимала, но жадно слушала о его опасной деятельности. Лишь позднее я узнала, что тогда, после Наньчанского восстания, он отправился в уезды Хайфэн и Луфэн, а оттуда кружным путем через Гонконг вернулся в Шанхай. Отец жил не дома, а скрывался в мансардах и пристройках у родственников. Вскоре был организован его выезд за границу. С этого времени в течение 10 с лишним лет мы не только не видели отца, но даже имени его не упоминали при посторонних людях.

В первые годы после отъезда отец еще писал нам под другим именем, к тому же он пытался найти возможность, чтобы отправить нас во Владивосток. Он, как и все остальные люди, проявлял заботу о жене и детях. Однако, чтобы оформить паспорт для поездки, мать должна была иметь поручителя. Поездка в Советский Союз не состоялась в связи с событиями «18 сентября»¹. Позже отец прислал письмо, в котором размышлял, как нам жить дальше. Он предлагал, чтобы старшие дети — вторая сестра и старший брат — пошли работать, помогать матери содержать семью, а мы, младшие, обучались бы кустарным ремеслам. Это был 1931 г. Тогда уже отец думал о том, чтобы мы больше общались с простым народом.

Отец покинул дом, и мы, дети, понимали, что это вызвано необходимостью, так как он был коммунистом.

Мы, конечно, знали также, что еще в более ранний период он входил в состав «Тунмэнхоя» и, будучи старейшим членом гоминьдана, участвовал в Синьхайской революции (революция 1911 г. — Прим. перев.). В то время он был назначен начальником Секретариата в правительстве великого президента Сунь Ятсена. Уже в первый период сотрудничества гоминьдана и компартии отец был членом Коммунистической партии Китая, являлся Постоянным членом ЦИК гоминьдана; в период Северного похода он был представителем партии в 6-й армии. Когда Чан Кайши изменил революции, организация направила отца в Нанкин. Поднять восстание там не удалось. Отец едва не попал в руки чанкайшистов. По всему городу был расклеен приказ о его аресте. Впоследствии отец вспоминал, что кое-кто «посоветовал» ему, поскольку

¹ События «18 сентября» 1931 г. — вторжение Японии в Маньчжурию.

он, «собственно говоря, был старейшим членом гоминьдана и в гоминьдане занимал солидный пост, не ставить себя в затруднительное положение, идя за компартией». В решающий момент он резко отверг этот совет так называемого «старого друга», который обещал ему почетное положение и блага. Отец пошел совершенно другим путем, разминувшись с этим «другом». Отец был именно таким человеком: он поклялся отдать жизнь за освобождение китайского народа, за коммунистические идеалы, поэтому был оторван от семьи, подвергнулся смертельной опасности.

Принято считать, что для такого человека, как отец, выходца из старого общества, посвятить себя делу коммунизма было нелегко. Однако если внимательно присмотреться к истории его жизни, то такой поворот от революционера-демократа к борцу-коммунисту вовсе не случаен. В силу того что он жил в старом обществе, он хорошо познал его мрачные стороны и наблюдал его разложение. Многочисленные привилегии феодальных правителей старого Китая представляли собой яркий контраст бесправию широких народных масс. Синьхайская революция отнюдь не изменила этой ситуации: народ по-прежнему находился в бедственном положении. Патриот, горячо любящий свой народ, последовательный демократ, несомненно, не мог смириться с этим. В нашей семье многие годы передавались из уст в уста легенды о борьбе отца с некоторыми старыми, насквозь прогнившими обычаями из чиновничьего мира. После Синьхайской революции отец стал чиновником, но резко отличался от своих коллег: он отказался от всех старых бюрократических привилегий, не брал взяток, не принимал подарков, не имел наложницы. В глазах людей того времени это выглядело странным. В 1917 г. он был назначен начальником департамента финансов провинции Хунань. Служба в департаменте финансов, с точки зрения старого бюрократа, наиболее тепленькое местечко, где можно было получать «навар» с населения. Просители шли нескончаемым потоком с подношениями и взятками, однако он строго от всего этого отказался. Очевидцы до сих пор вспоминают обстановку тех лет: отец стоял посреди зала, с покрасневшим от гнева лицом, и отчитывал дающих взятки и подарки или просто выгонял их за дверь. Прежде бывало так, что, когда начальник департамента финансов уходил со своей должности, казна была разорена. И единственный случай оказался тогда, когда отец уходил с этой должности: в казне не только были залатаны дыры, но еще и оставался переходящий остаток. В те годы довольно значительная часть получаемого отцом жалованья уходила на помощь бедствующим.

Отец на своем собственном опыте убедился, что один человек, отказавшись от феодальных привилегий, не в состоянии изменить мрачный облик старого Китая. Поэтому, когда пришла весть об Октябрьской революции, он искренне приветствовал эту великую победу и свои надежды на будущую китайскую революцию выразил в написанном им стихотворении. С того времени он стал защищать истины марксизма-ленинизма, посвятив этому всю жизнь.

Дух самоотречения во имя общих интересов, который был характерной чертой отца, трогал всю семью: все мы верили в чрезвычайную важность его дела, священного дела. Поэтому, как ни трудно было нам справляться с домашним хозяйством, мы не только не тянули его назад, а даже в суровые годы террора после 1927 г. наша семья, находившаяся в Шанхае, всеми силами, как могла, помогала укрывать партийцев-подпольщиков. Мои старшие брат и сестра хорошо помнят, что в нашем доме бывали Юнь Дайни, Ли Фучунь, Цай Чан и многие другие товарищи.

После отъезда отца в 1927 г. мать и старшая сестра пытались получить весточки от отца через родственников. Наконец где-то в 1935 г.

нам стало известно, что отец находится в походе в отдаленном районе. Мы тогда не знали, что Красная армия совершает Великий поход. Конечно, мы тревожились за отца. Однако мужественный облик его, находящегося в походе, глубоко запечатлелся в нашем сознании. Мы гордились им. Вполне понятно, что под влиянием примера старого революционера его дети, родственники и многие молодые люди из его родной деревни в период антияпонской войны устремились в Яньань, пошли по пути революции.

Как я была рада, увидев отца в канцелярии 8-й армии в Сиани (Цишучжуан) в феврале 1938 г. после долгих лет разлуки! Седой, бодрый духом, чрезвычайно занятый, отец тем не менее не выглядел усталым. В маленькой комнатке в здании канцелярии находилась немногочисленная и незатейливая мебель. Отец и жил, и работал там. В этой комнате он многое сказал мне и младшей сестре. Фактически это был для нас первый урок политграмоты. Он интересовался, как дела дома, и я по порядку все ему рассказала. Когда я заговорила о хозяйственных трудностях в семье, он спросил: «Не голодаете?» Я ответила: «Нет». Он сказал: «Тогда ничего! Среди простого народа многие недоедают. Сейчас после вторжения японских захватчиков недоедающих еще больше. Как подумаешь о голодающих, так и о семье забудешь». Отец также задал несколько неожиданных вопросов, например, он спросил: «Ты знаешь, сколько стоит один цзинь риса? Сколько стоит один цзинь соли? Сколько стоит один чи хлопчатобумажной ткани?»² Я считала, что он будет со мной говорить о великих принципах революции, и никогда бы не подумала, что он заговорит о дровах, рисе, масле и соли. Тем не менее отец сказал: «Все это касается жизни широких народных масс, беспокоясь о народе, нельзя забывать об этих вещах». Он также спросил меня о новой письменности. Раньше я о ней совершенно не слышала. Отец сказал: «Совсем отстала, скорее бери бумагу, я тебя научу». В то время отец с энтузиазмом распространял эту новую письменность. Он страстно мечтал ликвидировать неграмотность масс.

В целом в то время, подготавливая нас к вступлению на революционный путь, отец терпеливо наставлял нас, повышал наши знания, чтобы расширить наш кругозор и поставить его на службу рабоче-крестьянским народным массам.

И еще один разговор оставил в моей душе чрезвычайно глубокое впечатление. Отец сказал, что он с ранних лет экономил на еде и одежде, чтобы поставить на ноги двух своих младших братьев. Он направил их на учебу во Францию. Однако они не оправдали его надежд. В итоге он понял, что надежды следует возлагать в первую очередь на широкие слои революционной молодежи, а не только на своих детей и братьев. Эти слова заставили нас понять, что мы должны сами шаг за шагом идти по революционному пути, опираясь на отца и братьев.

Если у тебя на первом месте мысли об удобствах, то о какой революции может идти речь? Эти слова он повторял нам, братьям и сестрам, неоднократно.

Его слова не расходились с делами. В Яньани в период антияпонской войны в праздничные и воскресные дни группы молодежи собирались в его жилище, расположенном в одной из пещер. Все мы чувствовали на себе его заботу как революционера старшего поколения. В памяти многих товарищей до сих пор свежи воспоминания об этом времени. Сын одного погибшего героя товарищ Чэнь Чанлинь вспоминал, что хотя всеобъемлющая забота моего отца о молодежи выражалась также и в материальной помощи, однако более важной была помощь в политическом отношении. Отец в 40-х годах много раз писал ему, убеждая отправиться в деревню, взяться за низовую работу.

² 1 цзинь=0,5 кг, 1 чи=0,33 м.

Отец еще в период стародемократической революции³ обращал серьезное внимание на наше воспитание. Как коммунист, он и подходил к этому вопросу с новых позиций. Он требовал от детей и родственников простоты и скромности в быту и работе. В трудных условиях Яньани того времени руководящие кадры не пользовались какими-либо привилегиями. Разница выражалась лишь в питании. Однажды отец узнал, что приехавший из деревни племянник хотел использовать свои привилегии как родственника. Отец немедленно сделал внушение секретарю и охраннику, чтобы они не нарушали установленный порядок.

Глубокой осенью 1946 г. я вернулась в Яньань из-за границы. Отца я не видела уже свыше 8 лет. В резиденции правительства Пограничного района, расположенной в скалах, я провела несколько незабываемых дней, потому что отец нашел время побеседовать со мной. Он вновь убеждал меня лучше служить народу и в идейно-политическом плане готовить себя к вступлению в партию. Это было как раз накануне наступления на Яньань войск Ху Цзуннаня⁴. Отец записал меня в организацию по защите Яньани. Однако вскоре эта организация приняла решение послать меня работать на Северо-Восток. Отец сказал: «Мы много лет были разлучены, теперь, собственно говоря, я думаю, что ты будешь рядом. Однако следует подчиняться решению организации». Он советовал мне, чтобы я, приехав на Северо-Восток, ни в коем случае не забывала, что надо поработать в деревне, принять участие в проведении аграрной реформы и непременно использовать возможность закалки на рядовой работе. Он сказал: «Только пройдя такую закалку массовой борьбы, можно постепенно понять нашу страну, нашу партию, по-настоящему работать для партии».

В момент расставания я спросила отца, когда он будет в Шэньси. Он ответил: «Я председатель правительства Пограничного района Шэньси — Ганьсу — Нинся. Пограничный район подвергается нападением, поэтому я должен оставаться здесь вместе с народом».

Весь период, пока шло наступление Ху Цзуннаня на северную часть Шэньси, отец находился в рядах защитников Пограничного района до полного разгрома войск противника. Только когда Яньань была возвращена, он уехал из северной Шэньси.

Отец, которому тогда уже было за 60 и который стал совершенно седым, стремился обойти на плато северной Шэньси войска Ху Цзуннаня и вступить с ним в бой. Он, словно угадывая мои мысли, сказал: «Еще тебе хочу напомнить об одном: по прибытии на Северо-Восток не пытайся через организацию телеграфировать мне». Позже я поняла, что он имел в виду. В то время в условиях невиданной по масштабам войны много семей, родственников остались по обе стороны фронта. Существовали препятствия для связи. Люди беспокоились. Телеграфная связь тогда использовалась только для служебных целей, обслуживала нужды освободительной войны. Использование телеграфа в личных целях было бы проявлением привилегированности. Именно так, шаг за шагом, отец внушал нам мысли не пользоваться особыми правами.

После освобождения страны, хотя большинство нас, братьев и сестер, находилось в Пекине, в связи с занятостью мы могли собраться вместе только в праздничные и воскресные дни, когда были свободны. Мы были уже взрослые, но отец использовал всякую возможность, чтобы воспитывать нас. Часто он 3—4 часа подряд разъяснял нам великие истины марксизма-ленинизма. Вместе с тем он с учетом наших индивидуальных особенностей останавливал наше внимание на том или ином вопросе.

³ Имеется в виду революция 1911 г.

⁴ Ху Цзуннань — гоминьдановский генерал.

И еще одно обстоятельство беспокоило его: сам он был к нам очень строг, но видел, как другие товарищи проявляют о нас особую заботу. По прошествии времени это могло утвердить в нас мысли о нашей исключительности. Поэтому в период моей работы в редакционно-переводческом бюро при ЦК КПК он специально приглашал к себе ответственных лиц из организации, где я работала, невзирая на то, нравится мне это или нет, в моем присутствии давал им поручение: «Прошу вас контролировать ее работу и требовать с нее». И по этой же причине он постоянно интересовался, с кем я общаюсь, какие у меня друзья и т. д. Он беспокоился, что в необычной атмосфере захваливания мы можем зазнаться, остановиться на месте, утратить революционное чутье движения вперед.

Чтобы искоренить в нас чувство политического превосходства нашего «красного происхождения», он нам говорил: «Хотя наша семья революционная, однако все же происходим мы не из трудового народа, это надо помнить». Это серьезное замечание хорошо запомнилось всем нам — братьям и сестрам. В биографии мы всегда указывали свое происхождение, каким оно было до участия в революции.

Мы понимали чувства отца. Он не придирался к мелочам, делал все основательно. Надеялся, что мы станем настоящими коммунистами. Во всех испытаниях, с которыми мы могли столкнуться и которые он предвидел, начиная с одежды и питания до работы и учебы, от льгот, вытекающих по должности, до внутрипартийной борьбы, в нужный момент мы всегда чувствовали его заботу о нас. В 1957 г. меня решили послать на учебу за границу, но в то время в организации, в которой я состояла, имели место некоторые внутрипартийные вопросы. Отец сказал мне: «Коммунист прежде всего должен хорошо выполнять свои партийные поручения. Ты можешь не ездить за границу, но не выполнить партийное поручение не можешь». Эти простые и лаконичные слова я помню и поныне.

У товарищей отца по совместной работе осталось глубокое впечатление от работы, проведенной отцом при обучении кадров, воспитании у них коммунистической идеологии, утверждении революционной веры, твердом следовании правильному революционному курсу и выработке правильного стиля работы. Действительно, он всегда был готов проявить заботу о соратниках и подчиненных. Даже к глубоким чувствам боевой дружбы он предъявлял строгие требования и возлагал на них большие надежды. Когда было необходимо, отец мог без колебаний подвергнуть критике ошибки товарищей.

Его требовательность и критика вызывали к нему полное доверие со стороны кадровых работников, а также детей и внуков главным образом потому, что перед ними был его личный пример стиля работы, заключавшегося в преодолении трудностей и в борьбе против «исключительности».

И в годы революционных войн, и в мирный период, и в яньаньских пещерах, и в Пекине после образования КНР — он всегда сохранял скромность в быту и обладал могучей революционной волей в борьбе с трудностями. Будучи в Яньани, он постоянно носил простую хлопчатобумажную одежду. Переехав в Пекин, он по-прежнему одевался просто и скромно. И даже в питании он никогда не позволял себе изысканности. Он не изменял ни на йоту своей обычной скромной жизни, даже выезжая за границу. В 1951 г. возглавляемая им делегация участвовала в мероприятиях по случаю празднования 1 Мая в СССР. Делегация была размещена в гостинице высокого класса. Отец экономно пользовался водой. Мы сказали ему, что плата за воду небольшая: тонна стоит ничтожно мало (по китайским меркам 1—2 фэня). Он ответил: «Неважно, что дешево, все равно это результат труда советских людей, надо быть бережливым». Он был именно таким и считал, что никто не

имеет права транжирить то, что создано трудом народа. Это было для него законом, и этому он учил своих детей и тех, кто работал рядом с ним.

Мы понимали его. После смерти отца все его наследие мы полностью передали государству. Хотя он не оставил завещания, такое решение соответствовало его взглядам.

Наш отец смог от начала до конца сохранить качества пролетарского революционера, боровшегося с трудностями, оно было неотделимо от постоянного самоанализа и самовоспитания.

На протяжении всего его жизненного пути от революционера-демократа до бойца-коммуниста каждому его шагу вперед предшествовал суровый самоанализ и самокритика.

В годы бесчинств Линь Бяо и «банды четырех», хотя отца давно уже не было в живых, он, как и многие революционеры старшего поколения, был оклеветан и оболган.

Тем не менее факты — упрямая вещь. После смерти отца в строках написанного товарищем Чэнь И стихотворения читаем: «За прожитую в революции жизнь не стыдно, линия героя правильной была». Товарищи, работавшие вместе с отцом, конкретными фактами подтвердили правильность его позиции. Некоторые вспоминали, что в 1959 г. на совещании в Лушани отец поддержал правильные мнения товарища Пэн Дэхуая, он не одобрял крайне левые течения и методы. Это доказывает, что он, как коммунист, считал для себя долгом проявить твердость. Хотя прошло много лет после смерти отца, с течением времени прошедшие закалку в бурях более чем 20-летней борьбы воспоминания о нем продолжают трогать сердца. Напротив, чем быстрее летят годы, тем ближе людям его мысли и чувства. Каждый раз на пути движения вперед, когда я сталкивалась с неудачами, стоило мне только подумать о его наставлениях, как я вспоминала его задушевный и обнадеживающий взгляд и невольно вновь вдохновлялась, презирая трудности и опасность, продолжала идти дорогой, который должен идти коммунист.

Перевод с китайского с сокращениями Б. К. ЧИЖОВА.

**Су Чжаочжэн —
выдающийся
деятель
китайского
рабочего движения**

*Т. Н. АКАТОВА,
доктор исторических наук*

В истории каждой страны есть имена героев, которые воплотили все лучшие качества своего народа и в то же время со всей полнотой отразили яркие черты и передовые устремления своего времени, исторического периода, в который им довелось жить и действовать. Именно таким героем знаменательного, переломного в мировой истории периода, последовавшего за победой Октября, является Су Чжаочжэн — простой матрос, ставший талантливым организатором китайского пролетариата, видным деятелем КПК, активным борцом международного рабочего и коммунистического движения.

Прекрасные человеческие качества Су Чжаочжэна ярко и полно проявились в обстановке стремительного нарастания подъема национально-освободительной борьбы 1919—1924 гг. и революции 1925—1927 гг. В Китае в эти насыщенные бурными событиями годы имели место те принципиальные изменения, которые произошли в общественно-политическом и экономическом развитии страны в результате первой мировой войны и победы Великой Октябрьской социалистической революции. Впервые молодой рабочий класс Китая вступил в национально-освободительную борьбу как активная политическая сила, впервые проявилось огромное значение международной пролетарской солидарности и всесторонней помощи первого в мире государства рабочих и крестьян для освобождения китайского народа. Характернейшей чертой революционного процесса в Китае в послеоктябрьский период стало возрастание общественно-политической роли пролетариата промышленных центров, который самым ходом истории выдвигался на авансцену общенациональной освободительной борьбы. Закономерна и исторически была оправдана особая сила возмущения пролетариата империалистическим гнетом, довлевшим над всей страной. Примерно половина китайского пролетариата трудилась на иностранных предприятиях, самым непосредственным образом испытывая жестокую эксплуатацию и национальную дискриминацию. В крупных городах и портах, где были сконцентрированы основные массы пролетариата Китая, было заметно значительное влияние иностранного империализма на все сферы экономики и политики, резко подчеркивалось национальное унижение всего китайского народа.

Уже первые выступления китайских рабочих против иностранного капитала показали, что именно такой специфически пролетарский метод борьбы, как забастовка, наносит наиболее ощутимый урон позициям империализма в Китае. Активизация пролетариата в общенациональной борьбе в большой мере способствовала приобщению передовых общественных деятелей Китая к марксизму-ленинизму, к идеям международной пролетарской солидарности. Это была новая эпоха в общественно-политической жизни древней страны, и она выдвинула новых революционных героев и вождей, доселе неизвестных китайской истории.

К этой замечательной плеяде принадлежит и Су Чжаочжэн, вышедший из самых обездоленных слоев китайского народа. Он родился в

1885 г. в семье бедного крестьянина провинции Гуандун и с юных лет вынужден был искать заработок в английской колонии Гонконг.

Более 20 лет Су Чжаочжэн прослужил простым матросом на английских и других иностранных судах, побывал во многих странах мира, испытал все невзгоды и унижения своей нелегкой профессии. Условия труда китайских матросов на иностранных судах были очень тяжелы. Они красочно описаны в выступлениях самого Су Чжаочжэна, а также в его биографии, составленной выдающимся деятелем КПК, другом и соратником Су Чжаочжэна — Дэн Чжунся. Дэн Чжунся образно назвал «бичом китайских моряков» подрядную систему найма, принятую иностранными судовладельцами. Старшинка-подрядчик не только требовал крупную сумму за устройство матроса на работу (причем он обычно и ссужал эту сумму под большие проценты), но и в продолжение всего срока службы присваивал себе минимум 10 % скудного матросского жалования. Особенно подчеркивал Дэн Чжунся унижительную, до предела усугублявшую трудности жизни китайских моряков национальную дискриминацию, проводимую по отношению к ним иностранными судовладельцами. За одну и ту же работу на одном и том же пароходе китайский матрос получал в 5 раз меньше, чем белый. Жили китайские матросы в неимоверной скученности, в худшей части судна, обращение с ними было жестоким и унижительным. Все это вызывало в китайских матросах протест против жестокой эксплуатации и национального унижения, ненависть к иностранным предпринимателям.

Специфика матросской профессии требовала взаимной выручки и солидарности, вела к расширению кругозора, давала возможность сопоставить свое положение с жизнью трудящихся других стран, увидеть революционную борьбу других отрядов мирового пролетариата. Среди товарищей по команде Су Чжаочжэн завоевал авторитет своею принципиальностью, справедливостью, убежденностью в необходимости решительной борьбы за улучшение жизни. Интересно, что еще в 1909 г. он вступил в созданный Сунь Ятсеном «Тунмэн хуэй» и выполнял ряд поручений по связи между конспиративными пунктами в различных портах, по закупке боеприпасов. Он принял активное участие в Синьхайской революции 1911—1913 гг., свергнувшей маньчжурскую династию. Су Чжаочжэн все время искал пути переустройства общества, улучшения жизни народа, избавления от иностранного гнета. В периоды безработицы он, как и другие матросы, возвращался в родную деревню. Здесь он призывал односельчан к активному сопротивлению местным эксплуататорам, за что однажды был арестован и более года провел в заключении¹.

Рано сформировавшееся стремление Су Чжаочжэна улучшить жизнь трудящихся путем активной борьбы против китайских и иностранных эксплуататоров свидетельствуют о его развитом инстинктивном классовом чутье. Дэн Чжунся особенно подчеркивал то огромное, решающее значение для Су Чжаочжэна, как и для всех других китайских революционеров, мучительно искавших путь спасения и возрождения родины, которое имела победа русского народа: «Победа в России Октябрьской социалистической революции произвела на него неизгладимое впечатление, она укрепила его революционное сознание, его волю к борьбе»².

Революционная убежденность Су Чжаочжэна, авторитет, завоеванный им среди товарищей по работе, его выдающиеся организаторские способности ярко проявились в создании первого классового профсоюза моряков и в руководстве знаменитой забастовкой моряков Гонконга весной 1922 г. После долгой подготовительной работы в марте 1921 г. Су Чжаочжэн, Линь Вэйминь и другие моряки-активисты создали среди ма-

¹ См.: Дэн Чжунся. Биография товарища Су Чжаочжэна. — В кн.: Кантонская Коммуна. К сорокалетию восстания в Гуанчжоу. М., 1967, с. 118, 121.

² Дэн Чжунся. Наша сила. — Сб. материалов: Рабочее движение в период Первой гражданской революционной войны. Пекин, 1954, с. 8 (на кит. яз.).

тросов Гонконга Объединенный союз китайских моряков. Уже само название союза отражало серьезное достижение в деле классового, а не традиционного, узкоземляческого, объединения матросов. В него вошли как уроженцы Гуандуна, составлявшие примерно 60 % всех китайских матросов в Гонконге, обслуживавших морские линии, так и уроженцы Чжэнзяна (главным образом из порта Нинбо), также составлявшие значительную часть команд дальнего плавания. В условиях тяжелейшей постоянной безработицы между земляческими корпорациями моряков шла жестокая борьба за рабочие места. Вражда их была традиционной и, казалось, непреодолимой. Су Чжаочжэн и его товарищи использовали в агитации за объединение самые «больные» вопросы: произвол иностранных хозяев и их подручных — подрячников, а также снижение реальной заработной платы в условиях неумеренного роста дороговизны. Объединенный союз моряков в труднейших условиях полного произвола английских властей Гонконга сразу же начал конспиративно готовить забастовку. Был создан специальный комитет по вопросам заработной платы, он направлял делегатов на различные суда, выяснял требования матросов, были собраны сведения о заработках матросов всех категорий, составлены таблицы прожиточного минимума для одиноких и семейных, наглядно показано бедственное положение моряков³.

Впервые забастовка рабочих готовилась столь планомерно и тщательно. На основе собранных сведений были выработаны конкретные требования, дифференцированные для различных по оплате труда категорий моряков. Характерно, что, стремясь к установлению пролетарской солидарности, Су Чжаочжэн и Линь Вэйминь обратились с призывом не только к другим китайским рабочим Гонконга, но и к иностранным морякам поддерживать забастовку⁴. Последнее было чрезвычайно важно и свидетельствовало об определенной зрелости классового сознания Су Чжаочжэна, который подчеркивал и разъяснял рабочим, что их борьба должна быть направлена против иностранных империалистов, а не иностранцев вообще, что в этой борьбе рабочие всего мира являются их союзниками и братьями по классу. Проведя необходимые приготовления, Союз моряков осенью 1921 г. дважды безрезультатно предъявлял иностранным судовладельцам требования о повышении заработной платы и признании права Союза на найм и распределение моряков на работу. В третий раз — 12 января 1922 г. требования были предъявлены в ультимативной форме. Союз угрожал забастовкой. Однако требования моряков были оставлены без ответа. 13 января забастовали более 1500 матросов английских, японских, американских и других иностранных судов, находившихся в порту Гонконга. Вновь прибывавшие сюда иностранные суда также включались в забастовку. Благодаря заранее проведенной Союзом моряков подготовке вспыхнули забастовки солидарности в портах Шаньтоу, Шанхая, Сингапура. К концу первой недели бастовало уже 6500 человек⁵. Су Чжаочжэн возглавлял руководство борьбой. Огромное значение в успехе забастовки имело использование специфики взаимоотношений Гонконга и Кантона — центра Гуандунской провинции. Гонконг стал плацдармом английского капитала в эксплуатации всего Китая, и прежде всего провинции Гуандун, которая стала английской «сферой влияния». Английские власти Гонконга не останавливались ни перед чем, чтобы воспрепятствовать укреплению экономической и политической самостоятельности Гуандуна, утверждению здесь демократического правительства Сунь Ятсена. Су Чжаочжэн являлся участником Синьхайской революции, членом суньятсеновского гоминьдана со дня его основа-

³ См.: 1-й китайский ежегодник труда, ч. 2. Пекин, 1928, с. 330 (на кит. яз.).

⁴ См.: И Бинь. Забастовка гонконгских моряков. Шанхай, 1955, с. 17 (на кит. яз.).

⁵ См.: Дэн Чжунся. Краткая история профсоюзного движения в Китае. М., 1952 с. 65—66.

ния, поэтому он согласовывал с правительством Сунь Ятсена вопросы поддержки бастующих и предоставления им убежища в Кантоне. В Кантоне был создан стачечный комитет, сформировавший отделы (общий, финансовый, продовольственный, пропаганды), а также отряды связи из велосипедистов и патрульные отряды для борьбы с штрейкбрехерами. Стачком организовал общежития и столовую. Су Чжаочжэн вначале возглавил общий отдел, но вскоре общее собрание бастующих избрало его председателем стачкома. В Гонконге и Шаньтоу были созданы нелегальные отделения стачкома. По инициативе Су Чжаочжэна начал создаваться денежный фонд забастовки еще в период ее подготовки, но он, естественно, не был достаточен. Огромное значение имела материальная помощь Кантонского правительства, выделявшего стачкому ежедневные пособия, общая сумма которых достигла 100 тыс. юаней. Немаловажное значение имели и пожертвования в помощь забастовке от рабочих и прогрессивной общественности страны. Путем угроз и запугивания власти Гонконга пытались сорвать забастовку, в колонии было объявлено военное положение, один из отрядов бастующих, пробиравшихся в Кантон, был обстрелян, шестеро рабочих погибли, многие были ранены, здание Союза моряков было разгромлено, его вывеска сорвана. Эти репрессии вызвали негодование всех трудящихся колонии. Забастовка моряков переросла во всеобщую антиимпериалистическую забастовку, охватившую более 130 тыс. рабочих Гонконга⁶. Главным требованием забастовщиков явилось требование к английским властям признать за китайскими рабочими право на организацию и восстановление Союза моряков. Гонконгские власти перешли к маневренной тактике, пытаясь всеми силами прекратить забастовку, не выполняя этого требования. Анализировавший позднее эти события Дэн Чжунся подчеркивает выдающуюся роль Су Чжаочжэна, проявившего в переговорах с властями и судовладельцами удивительную находчивость, принципиальную настойчивость и подлинную мудрость⁷.

Продолжавшаяся 56 дней забастовка завершилась блестящей победой: Союз моряков был восстановлен. Это было невиданным унижением для властей Гонконга, для рабочих же — заслуженным торжеством, отмеченным радостными манифестациями. Все требования рабочих, включая и оплату за время забастовки, были приняты.

В развитии рабочего и коммунистического движения в Китае эта грандиозная забастовка имела определяющее значение. Хотя КПК еще не успела утвердить свое влияние на Юге и в руководстве забастовкой не было коммунистов, она укрепила престиж и политические позиции молодой КПК, созданной как партия пролетариата. Учрежденному коммунистами Всекитайскому секретариату профсоюзов удалось организовать в северных и центральных районах страны кампанию солидарности с Гонконгской забастовкой. Впервые в истории Китая наглядно проявилось значение пролетарской солидарности в борьбе рабочих за свои права. Это было ценнейшим опытом. Руководимые коммунистами рабочие клуба железных дорог Северного Китая создали «Северное общество помощи бастующим морякам Гонконга», оно развернуло агитацию и сбор средств в размере однодневного заработка. Интересно, что рабочим Пекин-Ханькоуской железной дороги удалось оборудовать паровоз, который со знаменами и лозунгами: «Поможем гонконгским морякам!» прошел от Пекина до Ханькоу и обратно⁸. Су Чжаочжэн, руководя забастовкой, всемерно стремился развить и утвердить пролетарскую солидарность как в масштабах всего Китая, так и в международном плане. Отдел пропаганды стачкома развернул очень большую работу, рассылая

⁶ См.: И Б и н ь. Указ. соч., с. 27.

⁷ См.: Д э н Ч ж у н с я. Краткая история..., с. 72—73.

⁸ См.: И. Б и н ь. Указ. соч., с. 32; Д э н Ч ж у н с я. Краткая история..., с. 80.

призывы о помощи не только во все адреса имевшихся в стране рабочих союзов, но и за границу. Сам Су Чжаочжэн установил постоянную связь с советским Информационным агентством в Кантоне, ежедневно посещал его, передавая новости о ходе забастовки. Он отправил в редакцию «Юманите» обращение Союза моряков о помощи забастовке, прося передать его пролетариату всей Европы. Как вспоминал сам Су Чжаочжэн, находясь в Кантоне во время забастовки, он приложил все усилия, чтобы установить контакты с коммунистами, но этого достичь не удалось, так как организация КПК в Гуандуне была еще очень слабой.

Руководимая Су Чжаочжэном забастовка гонконгских моряков, начавшись как экономическая, превратилась в крупное антиимпериалистическое выступление всекитайского значения. Победа рабочих в борьбе против иностранных компаний и английских властей Гонконга с полным основанием расценивалась в те дни как крупная победа населения в общем национально-освободительном движении китайского народа. Эта победа продемонстрировала, что китайский пролетариат превратился в полноправную и весьма перспективную силу антиимпериалистической борьбы. Усилился интерес самых широких кругов к положению и борьбе рабочего класса. Успех забастовки, несомненно, способствовал созданию единого национального антиимпериалистического фронта — важнейшего фактора развития китайской революции.

Значительность и грандиозность забастовки моряков, стремление ее руководителей и участников к самостоятельной классовой организации и пролетарской солидарности сыграли большую роль в становлении профсоюзного движения в Китае. В ходе последовавшего за ней первого подъема рабочего движения (январь 1922 — февраль 1923 г.) коммунистам удалось укрепить свое влияние в пролетарских массах и организовать 1 Мая 1922 г. созыв I Всекитайского съезда профсоюзов в Кантоне. Су Чжаочжэн был делегатом этого съезда от Союза моряков Гонконга, по его предложению была принята резолюция об установлении Дня памяти расстрелянных английскими войсками гонконгских забастовщиков⁹. Исполнительное бюро Красного Интернационала профсоюзов направило съезду обращение «К рабочим Китая», в котором высоко оценило героическую борьбу рабочих Гонконга, призвало их «войти в международную семью революционных пролетариев... для совместной борьбы и совместной победы»¹⁰.

Чрезвычайно важным и показательным в биографии Су Чжаочжэна была его постоянная, в высшей степени целеустремленная тяга к знаниям. С детства познавший нужду и тяжелый труд, он не получил даже начального образования. После изнурительного рабочего дня, в душной и тесной каюте, где вповалку спали матросы, он находил в себе силы самостоятельно одолевать иероглиф за иероглифом. Его необычайные одаренность и трудолюбие особенно подчеркивал Дэн Чжунся. Он писал, что в 1925 г. Су Чжаочжэн, будучи председателем стачкома Гонконг-Кантонской забастовки, сам писал статьи и составлял многочисленные документы¹¹.

Важным событием в жизни Су Чжаочжэна явилось вступление в 1924 г. в КПК. Этот год был переломным в развитии всего революционного процесса в стране: в январе 1924 г. члены КПК вступили в гоминьдан, был создан единый национальный антиимпериалистический фронт. Осуществление в Китае ленинской стратегии единого антиимпериалистического фронта сделало возможным стремительное нарастание в стране революционной ситуации. Китай стоял на пороге революционных потрясений. Правительство Сунь Ятсена в Гуандуне предоста-

⁹ См.: Дэн Чжунся. Краткая история..., с. 93.

¹⁰ «...Красный Интернационал профсоюзов», 1922, № 4, с. 387—388.

¹¹ См.: Дэн Чжунся. Биография товарища Су Чжаочжэна, с. 129.

вило КПК свободу руководства рабочим движением. В июне 1924 г. по инициативе Профинтерна в Кантоне была созвана I конференция транспортных рабочих Тихого океана, на ней присутствовали представители рабочих водного и железнодорожного транспорта Южного и Северного Китая, Явы и Филиппин (приглашенные на конференцию делегаты Японии и Индии не смогли получить разрешение своих правительств)¹². Впервые на территории Китая проводилась международная конференция рабочих. Су Чжаочжэн принял самое активное участие в организации этой конференции и представлял на ней многотысячные массы китайских моряков Гонконга. Конференция провозгласила в своем манифесте следующие лозунги: «Трудящиеся массы Востока! Мы призываем вас объединиться... для борьбы с империализмом!», «Да здравствует единый фронт трудящихся масс Востока с революционным мировым пролетариатом!»¹³. Во время этой конференции Су Чжаочжэн установил контакты с представителями Профинтерна, с профсоюзными лидерами других стран Востока. Большое значение для Су Чжаочжэна имели и непосредственные связи с руководимыми КПК организациями железнодорожников и моряков других провинций Китая.

Находясь в Пекине в качестве представителя рабочих Гонконга и Гуандунской провинции в Комитете содействия созыву демократического общекитайского Национального собрания, Су Чжаочжэн стал членом коммунистической фракции этого комитета¹⁴. КПК в этот период стремилась всемерно использовать благоприятную обстановку, сложившуюся на Севере страны после государственного переворота, в ходе которого северный милитарист Фэн Юйсян захватил Пекин 23 октября 1924 г. Фэн Юйсян заявил о поддержке единого фронта гоминьдана и КПК, о необходимости объединения Китая, обратился за помощью к Советскому Союзу. Деятельность КПК стала легальной, и она начала восстанавливать в Северном и Центральном Китае профсоюзы рабочих, которые были почти полностью разгромлены после подавления забастовки 7 февраля 1923 г. на Пекин-Ханькоуской железной дороге. Примечательно, что руководство КПК для решения этих ответственных задач привлекло Су Чжаочжэна, который зарекомендовал себя как талантливый организатор рабочих. По поручению руководимого КПК Всекитайского секретариата профсоюзов Су Чжаочжэн в течение нескольких месяцев вел работу по восстановлению и организации профсоюзов на железных дорогах и в крупнейших промышленных центрах Северного Китая. ЦК КПК пригласил его в Шанхай для обсуждения мероприятий по подготовке II Всекитайского съезда профсоюзов и дал ему в этой связи ряд ответственных поручений¹⁵. Дэн Чжунся отмечает, что Су Чжаочжэн сыграл большую роль в подготовке и проведении этого исторического съезда, основавшего Всекитайскую федерацию профсоюзов. II Всекитайский съезд профсоюзов, делегаты которого представляли более 500 тыс. вовлеченных в профсоюзы рабочих, был созван в знаменательный день международной пролетарской солидарности 1 Мая 1925 г. в Кантоне. Он состоялся в самый канун революции 1925—1927 гг. и подвел итоги подъема рабочего движения как важного компонента нарастающей в стране революционной ситуации. Создание Всекитайской федерации профсоюзов, вступившей в Профинтерн, было огромным достижением китайского пролетариата. В ответе на приветствие съезда, адресованное Профинтерну и всему мировому пролетариату, Исполнительное бюро Профинтерна провозгласило: «Да здравствует китайский отряд международной армии труда! Да здрав-

¹² См.: Рабочее движение в Китае. Революция 1924—1927 гг. М., 1966, с. 250.

¹³ «Коммунистический Интернационал», 1924, № 7, с. 211—212.

¹⁴ См.: Дэн Чжунся. Биография товарища Су Чжаочжэна, с. 122—123.

¹⁵ См. там же, с. 123.

ствует единство мирового профдвижения!»¹⁶. Су Чжаочжэн вошел в состав избранного съездом Исполкома ВКФП наряду с Лю Шаоци, Дэн Чжунся и другими видными деятелями КПК.

С именем Су Чжаочжэна связано одно из основных событий китайской революции 1925—1927 гг. — знаменитая Гонконг-Кантонская забастовка, продолжавшаяся 16 месяцев (19 июня 1925 г. — 10 октября 1926 г.). По продолжительности, размаху и эффективности эта забастовка — выдающееся явление в истории международного рабочего движения.

Революция началась мощным антиимпериалистическим «движением 30 мая», вспыхнувшим в ответ на шанхайские расстрелы 30 мая 1925 г. Вслед за Шанхаем движение распространилось на другие города страны. Перед КПК и всеми революционными силами единого антиимпериалистического фронта встала задача всемерно усилить, углубить революционный подъем, распространить его на всю страну. Необходимо было максимально использовать для этого единственную в Китае опорную, территориальную базу революционных сил единого фронта в Гуандуне. От решения этой задачи зависела судьба китайской революции. Между тем положение революционных сил в Гуандуне в эти дни было катастрофическим. Против гоминьдановского правительства подняли мятеж реакционные южные милитаристы, поддержанные властями английского Гонконга. 6 июня 1925 г. мятежники захватили Кантон и объявили правительство единого фронта низложенным. Рабочие Кантона, а также моряки Гонконга активно помогли революционным войскам подавить мятеж, главари которого скрылись в Гонконге¹⁷. Эти события еще раз подчеркнули, что укрепление экономического и политического положения революционной базы неразрывно связано с борьбой против английских властей Гонконга. Учитывая опыт руководимой Су Чжаочжэном забастовки гонконгских моряков 1922 г., КПК и гоминьдан приняли решение организовать в Гонконге всеобщую политическую забастовку протеста против шанхайских расстрелов и эвакуировать бастующих на территорию Гуандуна. Это должно было обеспечить экономическую блокаду и ослабление Гонконга. На подпольную работу в Гонконг были направлены Су Чжаочжэн и Дэн Чжунся. Хотя возмущение гонконгских рабочих действиями английской полиции в Шанхае было очень велико, организация всеобщей забастовки чрезвычайно осложнялась слабостью и раздробленностью профдвижения в колонии и враждой и конкуренцией из-за работы между отдельными союзами. И вновь с впечатляющей силой проявился организаторский талант Су Чжаочжэна, его колоссальный авторитет в пролетарских массах. Забастовка в Гонконге стала всеобщей, охватив 250 тыс. китайских рабочих и служащих колонии. Бастующие покинули Гонконг, более 130 тыс. человек обосновались в Кантоне, остальные рассеялись по деревням и городкам провинции Гуандун, откуда они были родом. Забастовали также 2 тыс. рабочих и служащих Шамяни (англо-французской концессии в Кантоне). Председателем созданного в Кантоне Гонконг-Кантонского стачечного комитета стал Су Чжаочжэн, его заместителем — Дэн Чжунся. Деятельность этого стачкома достойна внимания: она дала КПК огромный политический и организационный опыт. Забастовка с самого начала сочеталась с всеохватывающим антианглийским бойкотом и полной экономической блокадой Гонконга, проведение которых на территории, контролируемой гоминьдановским правительством, для всех было обязательным. Это чрезвычайно расширяло функции и права стачкома, который не без основания называли в те дни

¹⁶ «Красный Интернационал профсоюзов», 1925, № 5, с. 124.

¹⁷ Подр. см.: Т. Н. Акатова. Сянган-Гуанчжоуская (Гонконг-Кантонская) забастовка. М., 1959, с. 52—53.

«вторым правительством». Стачком создал в Кантоне общежития и столовые для бастующих, школы для детей и рабочих, больницу. Всеми этими заведениями ведал его специальный отдел обслуживания. Очень хорошо была поставлена работа отдела пропаганды и агитации, создавшего различные курсы и кружки политграмоты. Совместно с Всекитайской федерацией профсоюзов этот отдел организовал издание не только многочисленных воззваний, плакатов, брошюр, но и книг. Издавалась также ежедневная газета «Гунжэнь чжилу» («Путь рабочих»). В Государственной библиотеке им. В. И. Ленина бережно хранятся многочисленные издания Гонконг-Кантонского стачкома. Эти пожелтевшие от времени книги и листки с впечатляющей силой передают революционный пафос тех дней: высочайший накал революционного энтузиазма, беспредельного героизма, богатейшей творческой инициативы бастующих рабочих и их руководителей-коммунистов. Чрезвычайно ответственной была деятельность финансового отдела, изыскивавшего средства для поддержания бастующих и многосторонней деятельности стачкома. Во главе этого отдела стоял сам председатель стачкома Су Чжаочжэн, которому рабочие безгранично доверяли. Он вел строжайший учет всех поступлений и расходов, каждую неделю отчитывался перед рабочими. Гоминьдановское правительство не только предоставило помещения для общежитий и столовых, но ежемесячно выдавало стачкому крупные суммы. В фонд стачкома поступали штрафы, налагавшиеся на тех, кто нарушал антианглийский бойкот; деньги, вырученные от продажи конфискованных пикетами стачкома контрабандных товаров. Из всех городов страны и от китайских эмигрантов шли денежные переводы и посылки с продуктами. За революционным Кантоном с большим интересом следили весь прогрессивный Китай, все мировое рабочее и коммунистическое движение. Весьма значительной была материальная помощь со стороны международного пролетариата, и прежде всего трудящихся Советского Союза. Стачком создан военный отдел для контроля над проведением антианглийского бойкота и блокады Гонконга. Численность вооруженных пикетов доходила до 3000 бойцов. Пикеты блокировали все пути, по которым можно было провезти контрабандой английские товары в Гуандун, или сырье и продовольствие из Гуандуна в Гонконг, проверяли грузы каждого парохода в порту Кантона. Нарушители бойкота платили штрафы либо заключались, наряду со штрейкбрехерами в тюрьму, созданную стачком. Су Чжаочжэн сообщил в своем докладе на международной Тихоокеанской конференции профсоюзов (1927), что в стычках с нарушителями погибло более 180 пикетчиков¹⁸. Забастовка и бойкот нанесли серьезный урон экономике Гонконга и позициям английского империализма в Гуандуне. Это привело к экономическому и политическому укреплению Гуандунской революционной базы, обеспечило поддержку забастовки местными буржуазными кругами, укрепило единый национальный антиимпериалистический фронт и создало условия для дальнейшего подъема революции. Кантонское правительство объявило себя Национальным правительством Китая и стало готовить Северный поход с целью объединения национального освобождения и демократизации всей страны.

Посетившая летом 1925 г. Кантон профсоюзная делегация СССР констатировала: «Стачечный комитет Гонконга и Шамяня можно признать образцовым не только для Китая, но и вообще для международного движения»¹⁹. Стачечный комитет использовал все возможности для просвещения и организации рабочих Гонконга в классовые проф-

¹⁸ См.: Су Чжаочжэн. Рабочее движение Китая. — Сб. Рабочий Китай в 1927 г. М., 1928, с. 199.

¹⁹ Рабочий Китай в борьбе против империализма. Отчет первой профсоюзной делегации СССР в Китай. М., 1927, с. 64.

союзы, содействовал развитию профдвижения во всей стране. Су Чжаочжэн был избран председателем исполкома созданного во время забастовки Объединенного союза транспортников Гонконга. Созванный в Кантоне в январе 1926 г. Всекитайский съезд моряков избрал его председателем исполкома Всекитайского съезда моряков²⁰. Опыт деятельности стачкома был в центре внимания созванного в Кантоне 1 Мая 1926 г. III Всекитайского съезда профсоюзов. С полным основанием съезд констатировал, что рабочий класс в антиимпериалистическом национально-революционном движении находится на самом передовом крае борьбы за интересы всей нации. При этом была подчеркнута настоятельная необходимость борьбы профсоюзов за улучшение положения рабочих. В специальной резолюции об экономической борьбе подчеркивалось, что без этой борьбы профсоюзы «все равно что организм без кровообращения»²¹. Съезд избрал Су Чжаочжэна председателем исполкома Всекитайской федерации профсоюзов. Он оставался на этом посту до последнего дня своей жизни.

Гонконг-Кантонская забастовка была окончена по решению Национального правительства и стачкома 10 октября 1926 г., в день освобождения революционными войсками города Ухань.

Столицей Национального правительства стал город Ухань, туда же была переведена и возглавляемая Су Чжаочжэном ВКФП. В марте 1927 г. III пленум ЦИК гоминьдана сформировал новый состав Национального правительства, впервые в него были введены коммунисты. Министром труда стал Су Чжаочжэн. Уханьский период вошел в историю как труднейший для КПК период кризиса революции.

После контрреволюционных переворотов Чан Кайши в Шанхае и Ли Цзишэня в Кантоне (апрель 1927 г.) Уханьский район стал единственной территориальной базой революции. Против нее ополчились все силы внутренней и внешней реакции. Экономический кризис и жесточайшая безработица чрезвычайно осложнили деятельность революционных профсоюзов. На посту министра труда и главы ВКФП Су Чжаочжэн проявил исключительную настойчивость и принципиальность, чтобы добиться улучшения положения рабочих и развития революционного профдвижения. Этот период отмечен важными событиями рабочего движения. В мае 1927 г. при содействии Коминтерна и Профинтерна в Ханькоу была созвана Тихоокеанская конференция профсоюзов. На ней присутствовали делегаты Китая, Японии, СССР, Англии, США, Франции, Кореи, Явы²². С обстоятельным докладом на конференции выступил член Политсекретариата Коминтерна и генеральный секретарь Профинтерна А. Лозовский (С. А. Дридзо). Су Чжаочжэн в своем выступлении подробно осветил положение китайского пролетариата, цели его борьбы. Специальный раздел его доклада был посвящен проблеме поддержки китайского пролетариата международным революционным рабочим классом, а также необходимости объединения профсоюзов угнетенного Востока. Он подчеркнул огромное значение международной материальной и моральной помощи китайской революции со стороны пролетариата и отметил, что провозглашенный советскими трудящимися лозунг «Руки прочь от Китая!» стал девизом международной пролетарской солидарности. На конференции был создан Тихоокеанский секретариат профсоюзов с главным учреждением в Шанхае. Его возглавил Су Чжаочжэн. На этом посту Су Чжаочжэн провел большую работу по развитию профсоюзного движения на Востоке, укреплению интернациональных связей, пропаганде идей Профинтерна. Он настойчиво боролся против попыток деятелей международно-

²⁰ См.: Рабочее движение в Китае..., с. 127.

²¹ Рабочее движение в Китае..., с. 137.

²² См. там же, с. 264.

го реформизма оправдать колониальную политику империалистических держав, разобщить и дезориентировать, начинающееся профдвижение в странах угнетенного Востока, В органе Тихоокеанского секретариата, журнале «Тихоокеанский рабочий», была помещена содержательная полемическая статья Су Чжаочжэна «Китайская революция и международный пролетариат»²³, в ней на конкретных примерах было показано значение интернациональной помощи китайскому революционному движению со стороны международных организаций революционного пролетариата — Коминтерна и Профинтерна.

19—28 июня 1927 г. в Ухани был проведен IV Всекитайский съезд профсоюзов. Созванный в критические дни революции, когда политические и экономические выступления пролетариата встречали все большее противодействие со стороны уханьского гоминьдана, съезд подвел итоги развития рабочего движения за весь период предреволюционного подъема и революции 1925—1927 гг. Как председатель Исполкома Всекитайской федерации профсоюзов и министр труда Национального правительства в Ухани, Су Чжаочжэн провел большую работу по подготовке съезда и выработке проекта развернутой программы экономической и политической борьбы китайского пролетариата. Экономические требования китайского пролетариата впервые были тщательно и детально разработаны с учетом специфики его структурного состава: огромного преобладания докапиталистических форм труда, высокого процента женщин и детей среди промышленных рабочих, огромной по своим размерам армии безработных²⁴. В своем выступлении на съезде Су Чжаочжэн подчеркнул сложность политической обстановки, необходимость самоотверженной борьбы китайского пролетариата за победу китайской революции. Вскоре после завершения работы этого съезда, в обстановке открытых антикоммунистических выступлений уханьского гоминьдана Су Чжаочжэн демонстративно вышел из уханьского правительства, которое становилось, как констатировал Исполком Коминтерна, «контрреволюционной силой»²⁵.

15 июля 1927 г. произошел окончательный разрыв единого фронта между КПК и гоминьданом. Это коренным образом изменило условия развития рабочего и коммунистического движения в Китае. Вставший на путь контрреволюции гоминьдан развязал против КПК и руководимого ею революционного рабочего актива жесточайший белый террор. КПК вынуждена была уйти в подполье. Лишь немногим из руководимых коммунистами профсоюзов удалось частично уцелеть. Эти подпольные профсоюзы (в отличие от легальных, руководимых гоминьданом организаций) называли «красными».

В городах и промышленных центрах КПК оказалась в невероятно трудных условиях. Каждый день погибали пытавшися связаться с рабочими массами коммунисты. Пресса пестрела сообщениями о казнях, облавах, арестах членов КПК и заподозренных в связях с нею. Но КПК не оставляла надежды вновь озарить Китай пламенем революции. В труднейших условиях компартия настойчиво искала пути возрождения революции. В августе 1927 г. чрезвычайное совещание ЦК КПК утвердило новый состав руководства КПК во главе с Цюй Цюбо и приняло курс на вооруженное сопротивление контрреволюционному гоминьдану. Су Чжаочжэн был введен в состав Политбюро ЦК КПК, им была составлена программа действий КПК по руководству рабочим движением в условиях гоминьдановского террора.

²³ Su Chao-jen. The Chinese Revolution and the International Proletariat. — "The Pan-Pacific Worker", vol. 1. Sydney, 1928, N 1, p. 19—22.

²⁴ См.: Рабочее движение в Китае... с. 229—237.

²⁵ Стратегия и тактика Коминтерна в национально-колониальной революции на примере Китая. Сб. документов. М., 1934, с. 186.

Осенью 1927 г. в условиях строжайшей конспирации Су Чжаочжэн, постоянно рискуя жизнью, осуществлял перебазирование основных сил КПК и Всекитайской федерации профсоюзов из Ухани в Шанхай. Дэн Чжунся подчеркивал бесстрашие и находчивость Су Чжаочжэна, курсировавшего между Уханью и Шанхаем под носом гоминьдановской полиции, его заслугу в организации штаб-квартиры КПК в подполье Шанхая²⁶. В сентябре 1927 г. Исполком ВКФП, обосновавшийся в шанхайском подполье, обратился к рабочим всей страны с воззванием, призывая их подняться на борьбу против вставшего на путь контрреволюции гоминьдана, заявляя, что живы и действуют КПК и руководимая ею ВКФП, жива китайская революция²⁷.

С именем Су Чжаочжэна связано героическое вооруженное восстание в Кантоне в декабре 1927 г., вошедшее в историю как «Кантонская коммуна». Это был крупнейший арьергардный бой революционных сил. Руководство КПК придавало огромное значение организации этого восстания, надеясь возродить Гуандунскую революционную базу с центром в Кантоне и, опираясь на нее, развернуть борьбу против гоминьдана в масштабах всего Китая. Су Чжаочжэн, прекрасно знавший обстановку в этом районе, принял активное участие в разработке планов восстания. Характерно, что главной боевой ударной силой восстания должны были стать находившиеся на легальном положении в Кантоне 2 тыс. бывших участников возглавлявшейся Су Чжаочжэном знаменитой Гонконг-Кантонской забастовки. Жестоким ударом по революционным силам было изгнание из Кантона забастовщиков, проведенное реакционерами как раз накануне восстания. Руководимые коммунистами повстанцы проявили героизм и самопожертвование. 11 декабря 1927 г. ими было создано первое в истории Китая революционное правительство рабочих и крестьян — Совет народных комиссаров. Его председателем был единодушно избран Су Чжаочжэн, находившийся в то время в Ухани. Су Чжаочжэн не успел прибыть в Кантон: восстание было жестоко подавлено неизмеримо превосходящими силами внутренней и внешней реакции.

После поражения Кантонской коммуны гоминьдановский террор еще более усилился. Отчетливо выявилась необходимость перестройки всей работы КПК и ВКФП с учетом превосходства сил реакции. В феврале 1928 г. в Шанхае под руководством Су Чжаочжэна было проведено первое в условиях подполья расширенное совещание Исполкома ВКФП. В феврале 1928 г. Су был направлен руководством КПК в Москву как представитель КПК в Коминтерне и одновременно — представитель ВКФП в Профинтерне. На состоявшемся в Москве в апреле 1928 г. IV конгрессе Профинтерна Су Чжаочжэн выступил с ярким, обстоятельным докладом о героической борьбе китайских рабочих в ужасных условиях безудержного гоминьдановского террора, о значении международной помощи в развитии китайской революции. Он был введен в Президиум конгресса и избран членом Исполкома Профинтерна. Как представитель руководства КПК, Су Чжаочжэн вел в Москве подготовку к созыву VI съезда КПК. Этот исторический съезд, перед которым стояли важнейшие задачи утверждения новой стратегии и тактики КПК после разрыва единого фронта, не мог быть созван в Китае, где свирепствовал гоминьдановский террор. Актом большой международной помощи было проведение съезда в Москве (июнь — июль 1928 г.). Выступления Су Чжаочжэна на съезде — образец подлинно большевистской самокритичности, суровой и мужественной. Глубоко проанализировав недостатки работы КПК и ВКФП среди пролетарских масс как в трудных условиях гоминьдановского террора, так и в пред-

²⁶ См.: Дэн Чжунся. Биография товарища Су Чжаочжэна, с. 126.

²⁷ См.: «Правда», 4.X.1927.

шествовавшие годы революционного единого фронта, он отстаивал рекомендованную Коминтерном «линию масс», курс на всемерное сближение КПК с рабоче-крестьянскими массами, подчеркивал важность работы коммунистов в профдвижении²⁸.

Су Чжаочжэн вновь был избран в состав Политбюро ЦК КПК, возглавив комиссию по профдвижению. VI конгресс Коминтерна, проходивший в Москве в августе—сентябре 1928 г., избрал Су Чжаочжэна, являвшегося делегатом от КПК, в состав Исполкома Коммунистического Интернационала. Находясь в Советском Союзе, Су Чжаочжэн часто выступал с докладами о положении в Китае, о значении международной пролетарской солидарности. Осенью 1928 г. после окончания работы VI конгресса Коминтерна Су Чжаочжэн тяжело заболел. Сказались сильнейшее переутомление, тяготы долгой трудовой жизни и революционной борьбы. Советские врачи рекомендовали ему санаторное лечение в Крыму и последующий длительный отдых. Однако, вернувшись из Крыма, он заторопился на родину, где в труднейших условиях развертывалась революционная борьба, где ежедневно гибли его товарищи-коммунисты и где ему самому ежедневно угрожала смертельная опасность. Он был полон планов претворения в жизнь решений VI съезда КПК о всемерном укреплении связи коммунистов с самыми широкими пролетарскими массами. Сразу же после возвращения в Шанхай Су Чжаочжэн провел 7 февраля 1929 г. второе расширенное совещание Исполкома ВКФП. Он выступил на нем с докладом о работе IV конгресса Профинтерна и о мероприятиях по перестройке работы КПК среди пролетарских масс. Совещание наметило программу конкретных действий по укреплению руководства КПК рабочим движением²⁹, явилось важным шагом в претворении исторических решений VI съезда КПК. Через несколько дней после этого совещания Су Чжаочжэн скоропостижно умер.

Вся его жизнь была подвигом во имя освобождения китайского пролетариата, всего китайского народа. Он был революционным деятелем международного масштаба, подлинным интернационалистом, другом Советского Союза. Советские люди, современники Су Чжаочжэна, с сочувствием и надеждой следили за революционной борьбой в Китае. Смерть Су Чжаочжэна была ими воспринята с глубоким сожалением. В советских журналах и газетах были помещены специальные траурные публикации о его жизни и деятельности, о пребывании в Советском Союзе. В 1929 г. в Москве вышел сборник статей «Су Чжаочжэн — вождь китайских рабочих»³⁰. Центральное место в этом сборнике занял перевод с китайского языка подробной биографии Су Чжаочжэна, включавшей описание событий китайской революции, непосредственным участником и руководителем которых он был. Биография была написана другом и соратником Су Чжаочжэна, выдающимся деятелем КПК — Дэн Чжунся.

Во всех трудах советских историков, посвященных китайской революции 1925—1927 гг., истории рабочего движения в Китае, непременно описывается деятельность Су Чжаочжэна, его руководство знаменитыми событиями борьбы китайского пролетариата. И в наши дни советские люди чтут память героя китайского народа Су Чжаочжэна, чье имя вошло в историю мировой освободительной борьбы.

²⁸ См.: VI съезд КПК. Стенографический отчет, кн. 3. М., 1930, с. 17—18.

²⁹ См.: «Буэрсайвэйкэ», 1929, № 7, с. 35—40.

³⁰ Су Чжао-чжэнь, вождь китайских рабочих. Сб. статей. М., 1929.

Меняющаяся действительность в зеркале литературы КНР*

В. Ф. СОРОКИН,
доктор филологических наук

С первых дней существования КНР достоверное отображение сегодняшней действительности, трудовых и боевых будней народа, его свершений и преодоления им преград на пути социалистического созидания рассматривались как основная задача и важнейший долг литературы. Позднее засилье левацких схем и упрощенного, одностороннего подхода к проблемам классовой борьбы, соотношения политики и искусства сделало практически невозможным создание правдивых произведений о нынешнем дне страны, о жизни трудящихся масс. Возрождение реалистических традиций в конце 70-х годов вновь поставило эту проблему в повестку дня. В докладе Чжоу Яна на IV съезде работников литературы и искусства самой важной задачей творческих работников было названо «изображение сложных характеров, богатого духовного мира, глубоких перемен в людях» в ходе процессов, характерных для современной китайской действительности («Жэньминь жибао», 20.II.1979). После 1980 г. современная тема в литературе оттесняет, по крайней мере в количественном отношении, на второй план «думы о прошедшем».

Это деление, конечно, в некоторых случаях довольно условно: отзвуки бурных событий прошлых десятилетий нередко врываются в рассказ о дне сегодняшнем, через них нередко находят объяснение поступки героев и взаимоотношения между ними. С другой стороны, писатели часто не ограничиваются изображением судеб своих персонажей на тех или иных ушедших в историю этапах, а проецируют их и на наши дни. Есть и такие произведения, в которых прошлое и настоящее преподнесены в сложном переплетении; ярким тому примером может быть рассказ Ван Мэна «Весенние голоса».

Недавно вернувшийся из командировки в ФРГ инженер едет на праздник Нового года в родную деревню, к отцу, с которого недавно сняли ярлык «помещика». То по аналогии, то по контрасту у героя возникают мысли, грустные и успокаивающие, но-стальгические и устремленные в будущее. Трясаясь при свечах в набитой народом теплушке, он вспоминает современные поезда и отели, в которых довелось жить, думает о том, как необходимо и как нелегко родной стране преодолевать отставание. Он воскрешает в памяти порывы революционной молодости и те 22 года, когда ему, выходя из «плохой семьи», пришлось заниматься самокритикой. Но, верит герой, теперь такое не повторится. Даже в отдаленных уголках жизнь начинает меняться, думает герой. «О моя дорогая земля, прекрасная, но оскудевшая, неужели и к тебе придет изобилие? Как дым, как туман, рассеются горькие воспоминания. Не все, не все — все не должно уйти из памяти!» Но сейчас, в канун праздника, под звуки штраусовских «Весенних голосов» герой не хочет грустных воспоминаний, он настроен на оптимистический лад.

Прошлое не уходит само собой, его тяжелое наследие нельзя преодолеть только устранением судебных несправедливостей и реабилитацией пострадавших, необходима нелегкая борьба с конкретными носителями дурных традиций, с привыкшими к безнаказанности нарушителями общественной морали и государственных законов. Об этом со всей остротой сказал прославившийся в 50-е годы, а затем обреченный на долгое молчание художник-публицист Лю Биньянь в своем первом после возвращения к писательству очерке «Люди и оборотни».

Заведующая угольным складом Ван Шоусинь выдвинулась во время «культурной революции». Спекуляция углем позволила ей сколотить огромное, по китайским, да и не только по китайским меркам, состояние, а подкупленные должностные лица, включая почти всех работников укома КПК, обеспечивали ей безопасность. Положение не изменилось и после смены власти — после «четверки» Ван Шоусинь жилось еще вольготнее. Все старания уличить ее долгое время блокировались находившимися у нее на содержании клевретами, и даже после осуждения Ван Шоусинь продолжала мстить людям, разоблачившим ее. Завершая рассказ об этом действительно имевшем место деле, Лю Биньянь спрашивает: «Намного ли изменились социальные условия, которые способствовали появлению на сцене Ван Шоусинь и ее процветанию? Разве множество больших и малых ван шоусинь не продолжают в разных уголках страны подрывать

* Окончание. Начало см.: «Проблемы Дальнего Востока», 1985, № 1.

завоевания народа?.. Люди, будьте бдительны!» Как показали прошедшие в 1983 и 1984 гг. компании по борьбе с преступностью, коррупцией и служебными злоупотреблениями, призыв писателя был весьма актуален.

С совсем иной, но также унаследованной от прошлого проблемой сталкивается читатель в повести Шэнь Жун «Средний возраст» (1980) — бесспорно, одном из самых популярных произведений последних лет, к тому же прекрасно экранизированном. В стародавние времена бытовала поговорка: «Когда человек достигает среднего возраста, он бросает все дела». Средний возраст — это 40—50 лет; в эпоху ранних браков к этому времени у человека выросли дети, появлялись внуки, и он действительно начинал отходить от повседневной суеты, от хозяйственных забот, покидал государеву службу. Отталкиваясь от этого изречения, писательница хочет провести совсем иную мысль — о том, что в наши дни люди среднего возраста, выросшие и получившие образование в первый, благоприятный период развития КНР, являются костяком во многих сферах деятельности. И в первую очередь она думает о китайской интеллигенции, столь необходимой обществу и столь дефицитной, а до недавнего времени и столь притесненной. Предшествующее поколение немногочисленно само по себе и все больше редет; те, кто моложе, не смогли получить должного образования. Значит, людям среднего возраста нужно тянуть воз, пока не оперятся совсем молодые.

И они, как убеждает нас повесть, «тянут». С сознанием долга перед страной и перед окружающими, безропотно, не трясущи, не делая невозможного. Но все ли возможное делает общество для своих верных и скромных сынов и дочерей, спрашивает писательница. Лу Вэньтин, прекрасный специалист, которой доверяют ответственные операции, работает рядовым врачом в глазной больнице, с очень скромной зарплатой. Живет она в коммуналке с двумя детьми и мужем, с которым ей очень редко удается побыть вместе. Она окидывает взором свою жизнь: «Из дома в больницу, из амбулатории в палату, из медпункта на обход, и так изо дня в день, из года в год». Все думают, что она полна сил, но работа «на износ» сделала свое дело — в 42 года Лу переносит инфаркт, едва не отнявший у нее «эту постыльную и мучительную, но такую еще притягательную жизнь».

И дело, разумеется, не только в физическом утомлении, как показывает писательница, Лу Вэньтин живет в постоянном нервном напряжении. Причины его многообразны — мысли о детях, которым она не может уделять должного внимания, сознание своей ущемленности из-за «плохого социального происхождения», воспоминания о пережитых проработках... Но в основе всего лежит недостаточное доверие к трудовой интеллигенции, невнимание к ее законным нуждам и чаяниям. Недаром Цзян Яфэнь, подруга героини, уезжающая к родственникам в Канаду, в главной причине отъезда (на этот шаг они с мужем идут с нелегким сердцем) видит то, что глубоко укоренившееся пренебрежительное отношение к интеллигенции будет и дальше мешать жить не только ей, но и дочери. И если за последние годы в отношении к интеллигенции в Китае произошли, как уже говорилось, позитивные перемены, то не будет преувеличением сказать, что талантливая и человечная повесть Шэнь Жун сыграла известную роль в мобилизации общественного мнения в пользу этих перемен.

«Расцвет нации», «сильный и могучий Китай», «модернизация» — таковы официально провозглашаемые цели предпринимаемых в Китае в последние годы напряженных усилий, этому призвано служить строительство «социализма с китайской спецификой». Вот уже не первый год в высказываниях руководителей идеологического фронта, в выступлениях ведущих писателей неизменно проводится мысль о первоочередной важности отражения средствами литературы происходящих в стране после 1978 г. социально-экономических изменений, связанных с осуществлением реформ в городе и на селе. Так, на IV съезде китайских писателей секретарь ЦК КПК Ху Цици вновь подчеркнул, что «отражение бурной действительности четырех модернизаций, создание образов новых людей — смелых новаторов, активных реформаторов, отдающих себя четырем модернизациям... является самой почетной задачей» («Жэньминь жибао», 30.XII.1984). Установочные статьи в этом же духе регулярно публикуются в центральной китайской прессе, отмечаящей наряду с известными достижениями и немалые трудности, ждущие своего преодоления.

По единодушному мнению критики, у истоков литературы, посвященной магистральной теме модернизации и реформ, находится повесть Цзян Цзылуна «Директор Цяо приходит на завод», увидевшая свет в 1979 г. В ней впервые выведен тип нового для Китая тех лет руководителя, энергичного и смелого, отчетливо осознающего задачи момента и достаточно волевого, чтобы провести свои решения в жизнь. Обладает он и необходимой профессиональной подготовкой — он получил ее в СССР и начал было применять на практике. «До 1958 г. таких руководителей было много», — говорит один из персонажей. В годы всякого рода экспериментов и кампаний его знания оказались ни к чему, а сам он угодил в «коровник» и на помост для критики. И вот теперь он добровольно покидает мягкое кресло в управлении, чтобы вытащить завод энергооборудования из хаоса, в который его вовлекла «культурная революция» и сделавшие на ней карьеру руководители.

Это их имеет в виду Цяо, когда говорит, что «появилось много специалистов по проведению политических кампаний... Но вот когда дело касается экономического строительства, управления заводом, тут, увы, они могут давать только абстрактные указания и не в состоянии предложить эффективные меры». Их ярким антиподом

предстает Цяо. С первых шагов на заводе он дает конкретные указания, снимает одних работников, поднимает наверх других. Он проводит поголовную аттестацию персонала, после чего около тысячи человек переводятся в обслуживающий персонал. Не обращая внимания на ропот недовольных, на клеветнические письма, на нежелание части молодежи работать по-новому, он идет напролом, не вступая в компромиссы ни с вышестоящими инстанциями, ни со смежниками.

Призывая людей равняться на производительность японского завода и на техническую сноровку западногерманского наладчика, Цяо горит от стыда за собственную отсталость и расхлябанность, полон патриотического гнева. Деловой человек во всем, он и женитьбу на женщине, с которой учился в СССР, проводит как нужное мероприятие.

Позднее критика скажет, что перелом на заводе достигнут в повести неправдоподобно быстро, что образ Цяо недостаточно разработан и не во всем убедителен. Но во время появления повести как раз определенность образа Цяо, одержимость трескотни, от работы вполсилы, очковтирательства и кумовства. Уже на что, казалось бы, крут директор, на каждом шагу наказывает и административно, и материально, а сотни рабочих разных предприятий писали в редакции письма с просьбой помочь им найти такого руководителя для своего завода. Спустя 5 лет после публикации повести в прессе отмечалось, что другого столь же известного литературного персонажа, «слова и действия которого повсюду воздействовали на реальную жизнь», более не появлялось («Хунци», 1984, № 15, с. 39).

Начатая повестью о директоре Цяо и ее менее удачным «Продолжением» линия непосредственного отражения хода реформ хозяйственного и управленческого механизма в промышленности оставалась продуктивной на протяжении последующих лет. Речь в данном случае идет о первом этапе реформы, предусматривавшем ликвидацию уравниловки в оплате труда, введение элементов хозрасчета, повышение дисциплины, выдвижение кадров прежде всего по деловым качествам и т. п. Коренная перестройка экономики городов на началах рыночного хозяйства, намеченная решением ЦК КПК в 1984 г., еще только начинается и в литературе, естественно, не отображена.

Большинство произведений последователей Цзян Цзылуна, как и ряд его собственных вещей, построено по одной и той же модели, давно известной в литературе разных стран. В центре повествования стоит страстный поборник реформ, наделенный всевозможными достоинствами и одновременно «оживления» образа) трудной биографией или сложностями в личной жизни. Он смело вступает в борьбу с консерваторами, которые из-за догматического мышления или цепляясь за свои посты и привилегии выступают против реформ. После ряда перипетий, а порой и временных неудач герой-реформатор одерживает победу; тем самым, по оценке китайской критики, демонстрируется «неодолимость могучего потока реформ».

По такой схеме в частности, скомпонованы повести «Мужской характер» Чжан Сяньляна, «Первопроходец» Цзян Цзылуна, «Раскаты грома» Шуй Юньсяня. Несколько отлично построение вызвавшего оживленную дискуссию романа Чжан Цзе «Тяжелый взлет». Герой, заместитель министра тяжелой промышленности Чжэн Цзыюнь, борется за перевод на научную основу как хозяйственной, так и идеологической работы в отрасли, выступает за предоставление больших прав предприятиям, более гибкое планирование, против бюрократизма и формализма. Его поддерживают руководители предприятий, цехов и часть руководства министерства. Однако министр, выведенный как скрытый последователь «четверки», на каждом шагу ставит палки в колеса. Финал романа в первом варианте (1981) оставался «открытым» — исход борьбы был неясен. Это было расценено частью критики как «неверие в реформы»; кроме того, она усмотрела в романе тенденцию к буржуазному либерализму. Во втором варианте, вышедшем в 1984 г., писательница учла возражение и довела развитие событий до победы реформаторов. Но вскоре она выступила в центральной печати с самокритикой — в связи с тем, что выдвигаемые в книге идеи по перестройке хозяйственного механизма идут не так далеко, как новые решения китайского руководства по экономической реформе в городах. Тем не менее роман получил в 1985 г. премию имени Мао Дуня.

Похвалы критики снискал вышедший в 1984 г. роман Кэ Юньлу «Новая звезда». В центре повествования — 32-летний секретарь укома КПК, в прошлом — один из ссылавшихся в деревню «грамотных молодых людей». В нем выделяются черты восприимчивости к новому, в том числе зарубежному, опыту, готовность к самопожертвованию, он «сочетает в себе мыслителя и реформатора». Всего за месяц он решительным образом меняет весь стиль работы и жизни в уезде, преодолевая при этом сильное противодействие разного рода интриганов, цеплявшихся за свои привилегии, проработчиков, умеющих воздействовать на людей лишь окриками. Противники используют то обстоятельство, что в ходе реформ возникло «новое поветрие анархизма», «подняли голову любители легкой наживы». При всей своей, подчеркиваемой критикой, политической ловкости, герой едва не лишается своего поста, и лишь письменная поддержка секретаря провинциального комитета выручает его. Одобряя в целом роман, критика признает, что герой выглядит слишком уж опытным, ему все чересчур легко дается, к тому же он во всем полагается на одного себя. «Это делает образ секре-

таря укома менее правдоподобным и менее симпатичным» («Гуанмин жибао», 17.1.1985). Кэ Юньлу продолжает рассказ о судьбе своего героя — в начале нынешнего года вышла первая часть романа «Ночь и день».

При разнообразии конкретных сфер и обстоятельств их деятельности «деловые люди нового типа» наделяются авторами целым рядом общих черт: основательной профессиональной подготовкой, острым чувством нового, кипучей энергией, реалистическим подходом к проблемам, критическим взглядом на нынешнее положение вещей в сочетании с верой в безграничные потенциальные возможности китайской индустрии и технической мысли. Чтобы реализовать эти потенции в будущем, сейчас необходимо учиться у развитых стран, то есть у США, Японии, Западной Европы, в какой-то мере у Гонконга. В соответствии с политикой «открытых дверей» одной из важных форм такой учебы являются совместные, с участием иностранного капитала, предприятия в «особых экономических зонах».

Нельзя не отметить, что эти зоны (число которых растет) пользуются все большим вниманием руководства литературно-художественных организаций, направляющих туда группы писателей. По их возвращении появляются очерки, рассказывающие о том, что уже известно, — об очень высоких по сравнению со средними для КНР зарплатами законтрагованных рабочих и служащих, их «западном», до известной степени, образе жизни, о быстрых темпах строительства предприятий и жилищ. Некоторые из посетивших «особые зоны» писателей — в частности, Лю Биньянь, причем в непривычной для него осторожной форме — ставят вопросы и высказывают опасения, связанные с будущим зон и их обитателей. Решить задачу пропаганды «опыта и достижений особых экономических зон», рассматриваемых как образцы для развития остальных районов КНР, такие краткосрочные визиты, конечно, не могут. Не так давно в крупнейшей «особой зоне» Шэньчжэнь создано отделение ассоциации работников литературы и искусства; на них-то и будет, надо полагать, возложено осуществление этой задачи.

«Деловые люди нового типа» утверждают себя в суровой подчас борьбе с препятствиями, объективными и субъективными. В числе первых — научно-техническая отсталость страны, нехватка квалифицированных кадров, исторически сложившиеся диспропорции в развитии хозяйства. Но писателей, и это понятно, больше интересует преодоление препятствий субъективного характера, прежде всего неумения или нежелания значительной части кадров, особенно старшего поколения, перестроиться на новый лад. Среди противников реформ (нередко прикидывающихся их сторонниками) писатели выделяют закоренелых «догматиков», сторонников «изживших себя» методов 50-х годов; любителей спокойной жизни и теплых местечек; выдвигенцев «культурной революции».

Помимо открытого или закулисного сопротивления противников реформ, на их пути стоят и другие препоны — силы инерции укоренившихся дурных привычек. Это может быть система «налаживания отношений», «обходных путей», в результате чего порядочный, в сущности, бескорыстный руководитель предприятия вынужден то и дело попадать в чреватую нарушением закона ситуацию («Дневник секретаря заводоуправления» Цзян Цзылуна). Или же бюрократическое пристрастие к пустопорожним разговорам вместо конкретного дела, которые обличает Лу Вэньфу в очень популярном рассказе «Ограда». Руководство некоего проектного бюро, у которого обвалилась часть ограды, проводит по сему поводу долгие словопрения, ученые мужи вспоминают исторические прецеденты, предлагают абсурдные решения. Когда же молодой и энергичный сотрудник в считанные часы производит ремонт, руководители сначала дают ему нагоняй за «самоуправство», а потом приписывают заслугу себе. Хотя рассказ написан несколько конспективно и содержит не так уж много действительно смешных моментов, он все же стал вкладом в сатирический жанр, успехами которого литература КНР ни в прошлые годы, ни сейчас не избалована.

О том, какой остроты может достигать противодействие реформам, рассказывает повесть Шао Сюэпэна «Пути ведут в большой мир». Герой произведения — секретарь парторганизации в морском порту. С помощью главного диспетчера он организует работу по-новому и быстро ликвидирует простой иностранных судов, из-за которых государство теряло валютные поступления. Это подрывает престиж других руководителей портовых работ и лишает их «левых» доходов (взятки за внеочередную разгрузку). Они подговаривают группу несознательных рабочих, недовольных интенсификацией труда, и те портят механизмы. Но эта ситуация в литературе не является типичной; как правило, рабочие выступают в поддержку реформ.

Здесь необходимо отметить, вместе с китайскими критиками, что жизнь рабочего класса, перемены в образе жизни и сознании рядовых тружеников индустрии отражены в литературе наших дней явно слабее, нежели это было в первом десятилетии КНР. Писателям не удается создать запоминающиеся, многогранные жизнеутверждающие образы современного рабочего, способные выдержать сравнение с героями тогдашних книг Ай У, Чжоу Либо, Цао Мин.

Из относительно удачных произведений на эту бесспорно нужную тему можно назвать повесть Кун Цзешэна «Простая работница». Сверловщица Хэ Чань — из отправленной в свое время в деревню «грамотной молодежи» — вначале относится к работе равнодушно, она поглощена личными трудностями, заботами о сыне — «безотцовщине». Постепенно, не без влияния проявившего интерес к ее судьбе директора

завода, она втягивается в общее дело, повышает квалификацию, начинает ощущать себя полноправным и ответственным членом коллектива. Такой сюжет встречался в литературе и 30 лет назад, но развивался он в идейном и производственном планах. Кун Цзешэну же удалось показать рост своей «простой» работницы через непростое, как это обычно и бывает, переплетение жизненных обстоятельств, стремлений, разочарований и надежд.

Этого не скажешь о рассказе Дэн Гана «Родовые муки», в котором изображены последствия введения на заводе бригадного подряда. Рабочий Го формально имеет пятый, довольно высокий разряд, но он получен за пропагандистское рвение и за работу в канцелярии. Пока действовала уравниловка, бригада терпела неумейку, теперь решительно от него избавляется. Начальство готово вернуть Го на пропагандистское поприще, но он после внутренней борьбы отказывается и идет в подсобные рабочие. Тронутые этим порывом, его бывшие товарищи по бригаде обещают помочь ему освоить мастерство станочника. Бесспорна жизненность конфликта — прямого следствия преобразований в системе организации производства. Смущает, однако, то, что решение своего персонажа автор (сам рабочий с многолетним стажем) мотивирует исключительно моральными соображениями. Можно подумать, что большая потеря в зарплатке ни для него, ни для семьи значения не имеет. Быть может, Дэн Ган пошел на облегощенное решение сознательно, чтобы у читателей не возникала мысль о том, что реформы требуют от определенной части затронутых ими людей немалых жертв.

Начавшиеся в самом конце 70-х годов реформы в китайской деревне по своим темпам и масштабам далеко опередили преобразования в промышленности. Как известно, они заключаются прежде всего во введении системы семейных подрядов (крестьянские дворы получают в длительное пользование участки земли, урожай с которой они частично могут реализовывать на свободном рынке) и «специализированных дворов» (по существу, фермерских хозяйств, пользующихся правом найма рабочей силы).

К осмыслению столь стремительных и далеко идущих перемен литература оказалась, по признанию многих ведущих писателей, не готовой, хотя о необходимости коренного улучшения ситуации в сельском хозяйстве страны, повышения весьма низкого уровня жизни крестьян писалось много и убедительно.

Один из многих примеров — повесть Шэнь Жун «Секрет деревни Тайцзыцунь». Действие происходит в 1978 г. — прошли времена безнаказанных убийств и беспричинных избиений, но жизнь села по-прежнему регламентируется всевозможными запретами и указаниями сверху. Как говорит секретарь партиячейки бригады Ли Ваньцзюй, «то велют засаживать всю землю картошкой, то заставляют уничтожать до последнего стебля гаолян; о начале прополки и о жатве объявляют всем по радио, как будто крестьяне разучились крестьянствовать». Наверху же, на уровне коммуны, устанавливают, какой процент от собранного зерна имеет право каждая бригада оставить на прокорм людей, независимо от реально собранного урожая... Стараясь облегчить жизнь членов бригады, Ли Ваньцзюй ловко обходит эти ограничения, полагая, что можно обманывать начальство, но нельзя обманывать землю, работающих на ней людей и их желудки. Благославляемый односельчанами, Ли становится жертвой доноса. Тем не менее все кончается хорошо — в духе решений III пленума ЦК КПК необоснованные ограничения, введенные руководством коммуны, отменены.

Парадокс заключается в том, что к моменту публикации повести (1982) сами коммуны и бригады как хозяйственные единицы перестали существовать, уступив место «дворам». Одновременно был выдвинут лозунг «Обогащайтесь!» — с уточнением, что «часть людей станет зажиточной раньше остальных». Возвращение деревни на путь единоличного хозяйствования, как и распространение частной инициативы в сфере городской торговли и обслуживания, по признанию Ван Мэна, поставило писателей перед лицом «множества новых вопросов». Назвав часть из них (специализированные хозяйства в деревне, подрядные поля, индивидуальные и коллективные предприятия в городе, политика «открытых дверей» и т. д.), Ван Мэн пишет: «Всеми этими вопросами мы до сих пор почти не занимались, а готовых ответов не найти» («Гуанмин жибао», 3.V.1984).

Другой видный писатель, Ли Чжунь, выразился более определенно: творческие работники, сформировавшиеся в 50-е годы, привыкли воспевать такие качества, как коллективизм, бескорыстие, самопожертвование, им психологически трудно привыкнуть к лозунгу «Обогащайтесь!» («Вэнь бао», 1984, № 2, с. 8). Другие, в ответ ли на призывы сверху, по зову ли долга, вглядывались в происходящее на селе, чтобы понять его, запечатлеть и оценить.

Давалось это нелегко, и не только из-за неожиданности, непривычности новых явлений. Как признал чуть позднее один из руководителей культурной жизни в Гуандуне писатель Чэнь Цаньюнь, некоторые из его собратьев одно время «ничего не могли писать (о реформах), даже думали менять профессию. Причина состояла в том, что они не понимали новую политику, не решались писать: система хозяйственной ответственности, приобретение акций, единоличная торговля — все это в прошлом криковалось, сейчас напишешь об этом, а потом опять будет ругать» («Жэньминь жибао», 14.I.1985). Тем не менее картины свершившихся на селе перемен, пусть еще не совсем понятных и еще ждущих глубокого анализа и оценки, стали появляться.

Прежде всего вниманием писателей привлекли, и это естественно, зримые черты

начавшегося роста благосостояния крестьян, — роста крайне неравномерного, охватившего далеко не все дворы и не все районы, но неоспоримого. Приобретение наиболее зажиточными крестьянами машин и инвентаря, строительство кирпичных домов на месте лачуг, проникновение в деревню элементов городского образа жизни и культуры, улучшение питания — обо всем этом радостно рассказывалось в очерках и рассказах (рассчитанных, кстати, на городского читателя, до которого ветер перемен еще не долетел). Легко понять, к примеру, Ван Мэна, приехавшего в те места, где он когда-то проходил трудовое перевоспитание, и не узнавшего ни деревни, ни ее обитателей, одетых на городской манер и, что особенно поразило писателя, соорудивших волейбольную площадку. Правда, из упоминания о часто посещающих село делегациях становится ясно, что перед нами выделяющийся на общем фоне «образец», но писателя это не смущает.

А как могла не привлечь внимания фигура «десятитысячника» — хозяина двора, получавшего в год свыше 10 тыс. юаней дохода (это при средней цифре в несколько сот юаней на хозяйство)? Лишь бегло говоря о благоприятствовавших росту доходов факторах (большое число трудоспособных членов семьи, близость рынка сбыта и т. д.), авторы в большинстве своем, вслед за официальной пропагандой, восхваляли деловые качества новых богачей, которые якобы указывают путь к зажиточной жизни всему крестьянству, расписывали их достаток — просторные дома, цветные телевизоры, мотоциклы, иной раз даже автомобили. Более того, утверждалось, что уже сейчас обогащение отдельных лиц идет на пользу всем окружающим.

В рассказе Лу Вэньфу, так и озаглавленном «Десятитысячник», герой по фамилии Ян узнает о бедственном положении, в котором находится здание местной школы, и тут же «отваливает» без малого 3 тыс. юаней на ее ремонт. В своем увлечении Лу Вэньфу не успевает задуматься над социальным смыслом нарисованной им — и, надо полагать, имеющей какое-то жизненное основание — картины: ведь то, что одним движением руки совершает Ян, не могли сделать ни власти, ни все жители деревни вместе. Неужели дело образования на селе отныне будет зависеть от подобных «мелоченатов»? Впрочем, «интерес» нуворишей к образованию может найти и другой выход. Как поведал в «Жэньминь жибао» (14.I.1985) писатель Цзяо Цзюяо, некий богатей, в свое время заставивший двоих детей работать в поле, теперь готов заплатить 10 тыс. юаней (!) учителям, которые возьмутся подготовить тех в колледж. В этом Цзяо Цзюяо усматривает формирование у крестьян «новой системы ценностей, новой психологии», но опять-таки игнорирует социальную сторону подмеченного им явления.

Представляя читателям «десятитысячников», писатели обычно стараются, чтобы их персонажи произвели благоприятное впечатление. В них выделяется примерно тот же набор черт, что и в «реформаторах» от индустрии — чутье нового, инициатива, трудолюбие. До известной степени исключением представляется на этом фоне «хозяйка десяти тысячной фермы» из очень интересной, большой серии своеобразных «очерков в форме интервью» Чжан Синьсинь и Сан Е под общим названием «Пекинцы»¹. В изображении довольно молодой крестьянки, разбогатевшей на откорме пушных зверьков, наряду со сметливостью и энергией проглядывают и явно негативные черты. Она неопрятна, груба, безвкусоно одета во все импортное, презирает культуру («на ней много не заработаешь»), хвастлива («захочу — прогуляюсь в Америку, у меня денег хватит»). А с какой высоты она смотрит на малоимущих, по ее понятиям, горожан («старший-то брат, рабочий класс, отстал от нас. Я за месяц зарабатываю столько, сколько рабочий за год не получит!»). И для контраста рядом с ней фигурирует муж — человек деликатный и скромный, как скромны доходы от обрабатываемого им поля. Сдается, что в портрете хозяйки фермы отразилась неприязнь к выскочкам со стороны «отсталых» и малоимущих горожан.

Вот другой тип предпринимателя, выведенный в той же серии очерков «Пекинцы» — «Третья волна». Это вполне современный молодой человек, образованный, умеющий поговорить о политэкономии социализма, о некоем «небывалом плюралистическом обществе», которое-де должно появиться в Китае. Он создал на паях компанию с целью построить большой отель для иностранных туристов. Пока что дела движутся медленно — богатые крестьяне остерегаются вкладывать деньги, иностранные капиталисты ставят невыгодные условия. Но он не унывает: «Сейчас все мечтают заработать денег, основать свою компанию», но мало кто преуспевает, ибо работают по старинке. Он же рассчитывает на свое техническое образование и знание теории информатики.

Вроде бы звучит убедительно. Но вспоминаешь, что сам герой рассказов о себе, о том, как он пробивался в вуз, стал химиком — и тут же пошел в журналисты в надежде на заработок, потом увлекся сочинением романов, оставшихся неизданными... И невольно закрадывается сомнение в серьезности и осуществимости его нынешних амбициозных планов. Скорее всего, герой, как и персонажи рассказа Сунь Юна «Сторонний наблюдатель», поддался всеобщей, по его представлениям, страсти делать деньги, результат же весьма сомнителен. Впрочем, наверное, возможны и другие подходы к этому образу. Чжан Синьсинь и Сан Е работают тонко, они не производят приговора, представляя читателю разобранься самому.

Оценивая повесть Чжан Игуна «Чунь Ньюэр и ее «газика», журнал «Хунци» пишет, что мы «живем в эпоху, которой нужны сильные люди и которая рождает сильных

¹ Название серии нужно понимать и расширительно — «Китайцы».

людей... Главное зависит от человека — хватит ли смелости, исторической сознательности, инициативы» («Хунци», 1985, № 12, с. 42). Что имеется в виду под «исторической сознательностью», не уточнено — по-видимому, готовность следовать по пути модернизации и реформ. Как бы то ни было, обладательницей всех перечисленных качеств журнал объявляет героиню повести Чжан Игуна, крестьянскую девушку, которую бросил подавшийся в шахтеры жених. Оскорбленная девушка решает доказать, что вполне можно преуспеть и в условиях нынешней, пореформенной деревни. Она продает своего осла (символизирующего старую деревню, отсталую), собирает у четырех десятков соседней сумму в 5 тыс. юаней и покупает грузовичок. Быстро научившись водить, она начинает подрабатывать перевозкой товаров из села в город и обратно, «вакалывая» при этом так, что даже «газик» стонет. И вот результат: Чунь Ньюэр, на зависть всем парням, не только расплачивается с долгами, но и занимает первое место на районном конкурсе водителей. Словом, все как в старинных пьесах о молодых красавицах, непременно добывающихся в конце концов главной ученой степени...

О поисках молодежи путей и места в жизни, о писательских подходах к этой животрепещущей проблеме следует поговорить особо. Здесь же важно отметить, что в литературе последних лет акцент все чаще ставится на индивидуальные качества человека, его личную инициативу, которая находит свое приложение через конкуренцию, причем, как правило, в частном или коллективном, а не в государственном секторе хозяйства. В этих условиях сознание персонажей не может оставаться неизменным, в нем неизбежно, и это видно по целому ряду произведений, растут семена индивидуализма, того самого индивидуализма, с которым велась борьба на протяжении всей истории КНР. Очевидно, меняется постановка проблемы личного и общественного, индивида и коллектива. Нельзя представить себе, чтобы писатели не задумывались над этим, но по доступным нам произведениям еще нельзя составить представления ни о направленности их раздумий, ни о конечных выводах.

О том, что полемика вокруг вновь возникающих социальных проблем уже идет и в обществе, и в литературе, свидетельствует пример с рассказом Цзинь Хэ «Две автомашины». В нем выведен образ крестьянина, который за 300 юаней нанялся водителем к автовладельцу-частнику. Приехав в город, он навещает семью шурина, которая живет на значительно меньшую зарплату государственного служащего. Шурина убеждает его, что он трудится на эксплуататора и помогает его обогащению, приводя героя в смущение. Но на его сторону становится семья шурина. «Какое мне дело, эксплуатация это или нет, — восклицает жена, — Лучше быть немножко эксплуатируемым и разбогатеть, чем нищенствовать без эксплуатации!» А дочь добавляет: «Вот кончу школу — пойду искать местечко вроде дядино, где бы меня эксплуатировали». С ними солидаризируется критик Ли Цинцюань («Гуанмин жибао», 8.VIII.1985). Коммунисты против эксплуатации человека человеком, говорит он, но отмена ее возможна лишь при коммунизме, сейчас же речь может идти лишь об ограничении. Альтернативой нынешнего пути, убеждает критик читателей, является лишь единая практика «культурной революции».

Несомненно, социальные и нравственные проблемы, возникающие в ходе осуществления реформ и политики «открытых дверей» чем дальше, тем больше будут занимать писателей, обладающих острым ощущением своего гражданского долга. Китайские руководители неоднократно заявляли, что в настоящее время идет большой эксперимент, последствия которого никто заранее предсказать не может, и что в случае необходимости в процесс реформ будут вноситься коррективы. Помочь выявить и осознать возникающие проблемы, найти пути их решения — неотъемлемая функция и долг литературы.

Происходящие в обществе перемены отражаются, естественно, и на быте людей, на взаимоотношениях в семье, порождают конфликты между людьми, придерживающимися разных взглядов на жизнь, разных систем моральных ценностей. Одной из первых об этих переменах рассказала Чжан Канкан в повести «Северное сияние» (перевод см. в «Иностранной литературе», 1985, № 6). Ушли в прошлое дни, когда бедность превозносилась как добродетель, когда люди старались во всем походить друг на друга и провозглашали заученные цитаты. Сейчас покупают (у кого есть деньги, конечно) японские магнитофоны и меховые пальто, ходят в вечерний университет и на танцы, спорят на научные темы, слушают зарубежную эстрадную музыку и зубрят иностранные языки.

Люди, с которыми писательница сталкивает свою героиню Циньцин, по-разному воспринимают происходящее. Одни — как жених Юньсян и его приятели — стараются в меру возможностей наслаждаться жизнью; их не волнуют большие проблемы жизни страны, они не любят вспоминать о прошлом. Имея родителей «с положением» или приличные доходы, они имеют доступ к дефицитным благам и вполне удовлетворены. Жених искренне любит Циньцин, но ему совершенно чужды ее духовные запросы, ее мечты. Ее уход для него не просто обиден, но и непонятен — чем мог не подойти такой жених, как он — квалифицированный рабочий с неплохим заработком?

Человек совсем другого склада — Фэй Юань, бывший хунвэйбинский вожак, испытавший крах иллюзий, едва не спившийся в деревне. Теперь он студент, готовится поехать в аспирантуру в Японию. Начитанный и ироничный, он ни во что не верит, проповедует «разумный эгоизм» и «самосохранение», равнодушен к окружающим

его людям. И третий герой — слесарь-теплотехник и студент-вечерник Цзэн Чу. То застенчивый, то излишне импульсивный, своеобразно мыслящий, он многим представляется несовременным чудачком. Пережитые им неприятности не научили его осторожности, ему до всего есть дело. «Истину, добро и красоту можно найти, если отстаивать правду и справедливость» — таков девиз, которому он следует.

Цинцинь на протяжении повести старается разобраться в своих чувствах, обрести устойчивые нравственные критерии. С детства мечтала она увидеть «самое красивое на свете» — северное сияние, ради этого готова на любые жертвы. Согласившись на мещански благополучный брак с Юньсяном, она предала бы свою мечту. Потому-то она отказывается от завидной, по мнению окружающих, партии и тянется к Цзэн Чу — он тоже из тех, кто хочет увидеть свое «северное сияние». Повесть опубликована в 1981 г., вскоре после «культрева», не минуя ее героев (как и автора). Но насколько далеки их жизненные интересы, ориентиры, характер взаимоотношений от того, что так недавно навязывалось и воспринималось как норма. Для персонажей Чжан Канкан, которым еще нет 30 лет, прошлое мертво, они устремлены в будущее, которое каждый видит по-своему.

Не так обстоит дело с героями романа Дай Хоуин «О люди, люди!» — одного из наиболее дискуссионных произведений последних лет. Они — в большинстве своем работники университета — старше героев «Северного сияния» чуть ли не на поколение. Слишком многое в их судьбах, в их взаимоотношениях было связано с политическими кампаниями прошлых лет, слишком разные уроки извлекли они из прошлого. Секретарь парткома Си Лю говорит: «Раньше у меня были заслуги, потом были страдания, теперь у меня есть власть». И Си Лю старается использовать власть для упрочения своего положения и утверждения догматизма в идеологии.

Его антиподом выступает преподаватель философии Хэ Цзинфу, некогда зачисленный в «правые». Из тяжких испытаний он вынес убеждение в том, что одной из причин постигших страну бедствий был отказ от гуманизма, который на самом деле является составной частью марксистского мировоззрения. Об этом Хэ написал книгу, борьба вокруг издания которой составляет сюжетный стержень романа. В ходе противоборства выявляются идейные и жизненные позиции сторон. Как правило, они вытекают из поведения персонажей в прошедшие трудные годы. Ортодоксы остались ортодоксами, оппортунисты — оппортунистами, но все, кто честен и смел, независимо от возраста, в том числе и сын Си Лю, тянутся к Хэ. Отдает ему свое сердце и бывшая однокурсница, которую он давно и тайно любит. Можно спорить, как это и делала китайская критика, правильно ли понимает Дай Хоуин место гуманизма в общественном сознании, его взаимосвязь с марксизмом. Но не может не импонировать стремление писательницы подходить с высокими моральными критериями к поведению своих персонажей, идет ли речь о работе, дружбе или семье.

Из стен философского факультета, от столкновений идей и принципиальных споров повесть Лю Синью «Вертикальная развязка» переносит нас в старый пекинский дворик, где в двух комнатухах ютятся семья почтового служащего Хоу. Когда собираются все 3 ее поколения, прописанные здесь, кому-то приходится спать под столом — остальное пространство занято. О простых делах и заботах простой семьи, похожей на множество обитателей пекинских переулков, рассказывает Лю Синью в своей повести, по-новому и в совсем иных исторических условиях продолжающей лусиневскую традицию пристального и сочувственного внимания к «малым мирам сего», к тому большинству народа, которое ничем особенным не выделяется, а честно и скромно выполняет свое человеческое и гражданское предназначение, живя и трудясь в это время, на этой земле.

У детей старого Хоу свои житейские заботы: дочь стремится создать наконец свою семью (сосланная вместе с большинством своих сверстников в деревню, она не смогла сделать это раньше); сын хочет перевестись в Пекин из провинции, где он очутился в годы «культрева». Но надо всем доминирует самая жгучая из потребностей — в более просторном, отвечающем минимальным современным требованиям жилье. Именно в недостаток приличной жилплощади в конечном итоге упирается решение всех жизненных проблем, именно это приводит в общем-то дружную и добрую семью к разрывам и взаимным обидам.

Реалистически глядя на вещи, семья Хоу понимает, что, несмотря на значительное жилищное строительство, развернувшееся в последние годы в Пекине, при нормальных обстоятельствах очередь до них дойдет нескоро. Одна надежда — на планируемое как раз на месте их квартала сооружение транспортной развязки на нескольких уровнях. Эта «вертикальная развязка» вырастает в повести в символ грядущего обновления, в зримое воплощение надежды рядовых людей на лучшее будущее. И читатель, успевший полюбить большинство персонажей Лю Синью, тоже надеется, что каждый из них получит свою долю счастья.

А вот писатель Чэнь Цзигуан в рассказе «Вращающийся мир» показывает нам семью, где плоды «модернизаций» уже налицо и каждый уже обрел свое счастье. Отец — машинист локомотива, передовик труда с 50-х годов. Недавно он освоил скоростной тепловоз, жаль лишь, что скоро идти на пенсию. Мать — мастерица разведения «популярных во всем мире кур», к которой то и дело ездят набираться ума-разума иностранные специалисты. Сын из-за «культрева» подзадержался с учебой и лишь в

21 год поступил в летное училище. Сейчас ему 34, но он уже капитан «Боинга». Он обладает «типично мужской красотой» и невероятным самообладанием.

Самая же «модернизированная» в семье — его жена, переводчица, в свои 29 лет объехавшая многие страны. Это она обставляла новое жилище семьи — четырехкомнатную квартиру в «многоэтажном доме нового типа», куда они переехали из пригорода. Помимо всякой электротехники, в доме есть пианино, скрипка, столик и мольберт для занятий живописью. Комнаты украшают сделанные невесткой копии работ Пикассо и Родена, а также портреты любимых писателей. Сюда часто приходят избранные гости, молодые люди в модных костюмах, и ведут беседы «о жизни, об обществе, о литературе и искусстве, о прошлом и будущем, о Китае и других странах, о Земле и других планетах». Детей у капитана и переводчицы пока нет: они «ждутся наиболее благоприятного для деторождения возраста».

Читая подобные описания, знакомясь с людьми, которые как будто бы раз и навсегда решили все проблемы, невольно опять вспоминаешь Лу Синя — рассказ «Счастливая семья». Его герой, третьестепенный литератор, пытается изобразить «идеальную», «современную», по понятиям 20-х годов, семью, наделяя ее всевозможными положительными качествами. Рассказ сатирический, с элементами гротеска, но, право же, степень идеализации в произведении Чэнь Цзигуана куда выше. И если состоящие из ведущих писателей жюри присудило рассказу «Вращающийся мир» одну из премий за лучшие рассказы 1983 г., напрашивается вывод, что автор, как говорится, попал в струю. В наивной до близости к пародии, но зато наглядно общедоступной форме он пропагандирует успехи «модернизации» и политики «открытых дверей», спроецированные на быт. Но авторский замысел, очевидно, шире — недаром он дал своим героям фамилию Лун (Дракон) и недаром один из иностранцев говорит в рассказе о «начале взлета гигантского дракона Востока».

Особую струю в литературе, призванной отображать «человека нового исторического периода», составляют произведения на военные темы. Идеологическое руководство уделяет им повышенное внимание, регулярно проводятся совещания разных уровней и масштабов, публикуются директивные статьи, щедро поощряются признанные удачными произведения. Как было заявлено на состоявшемся в январе 1984 г. Всекиайском совещании по вопросам очерковой литературы на военные темы, эта литература достигла расцвета после «войны самообороны и ответного удара по Вьетнаму»; ее характеризует «мужественная и возвышенная красота патриотизма и революционного героизма» («Гуанмин жибао», 4.II.1985).

Среди наиболее примечательных произведений на военные темы критика неизменно называет повести «Незначительные события на Западном фронте» Сюй Хуайчжуна и «Венки под высокой горой» Ли Цуньбао. В этих книгах (первая из них по сюжету несколько напоминает «А зори здесь тихие». Б. Васильева) рецензенты усматривают правдивое изображение напряженности и суровости войны — их авторы не могли не сказать об упорстве и мужестве, с каким вьетнамские воины отстаивали родную землю. Но еще более высокую оценку в китайской печати получил показ в «Венках у высокой горы» «духовного возмужания и нравственного возвышения людей, переживших десятилетие смуты». К сожалению, процесс «очищения человеческих душ» и «воспитания нового, социалистического человека» связан в повести с военными действиями против социалистического государства. Нам представляется также неправомерной аналогия между сражением за гору Факашань на вьетнамо-китайской границе (о нем идет речь в сборнике произведений армейских авторов «Один день на горе Факашань») и защитой хребта Шанганьлин во время борьбы против американской интервенции в Корее.

Участников сражения за Факашань «Жэньминь жибао» назвала «нашими новыми самыми любимыми», имея в виду вышедшую в 1951 г. книгу Вэй Вэй «Наши самые любимые». Вэй Вэй продолжает писать о войне в Корее и выпустил несколько лет назад роман «Восток». Он удостоился похвал критиков за изображение мужества и высокого нравственного облика китайских добровольцев. Но вот что обращает на себя внимание: если бы не упоминания о лозунге «Спротивление Америке и помощь Корее», трудно было бы понять, против кого воюют китайские солдаты. Зато автор счел необходимым представить в одной из глав романа советского посла в КНДР якобы дающим бесцеремонные «советы» главнокомандующему китайскими войсками Пэн Дэжуаю. В этой связи вспоминается, что и в другом романе («Лучшие люди двух поколений» Лю Ячжоу) есть сцена, в которой герой, генерал Ли Чэнь, во время Женевской конференции 1954 г. «борется острием против острия» с генералом Басовым «из делегации одной державы». Нелегко понять, зачем этим писателям понадобилось бросать тень на советско-китайские отношения в начале 50-х годов, как трудно объяснить и появление в 1984 г. рассказа Ван Лисиня «Памятник ракете», в котором, по существу, охавивается роль советских военных специалистов, работавших в Китае в первый период существования КНР.

Это не единственные в литературе рассматриваемого периода попытки представить в искаженном свете те или иные события из истории русско-китайских и советско-китайских отношений, извратить роль России в истории Дальнего Востока и Центральной Азии, представить русских и советских людей в непривлекательном виде. Можно назвать также романы «Монумент вечного спокойствия» Чжан Сяотяня (1979), «Эхо истории» Ли Кэи (1981) и ряд других книг. Были и произведения, в которых «хорошие» ря-

довые советские люди противопоставлялись «плохим» начальникам или же произвольно толковались события вокруг Афганистана и Кампучии. Но в самое последнее время чаще приходится читать доброжелательно написанные рассказы китайских литераторов о поездках по нашей стране, о встречах с советскими людьми, о нашей культуре, исторических памятниках, строительстве наших городов. Вместе с переводами книг советских писателей, широко публикуемых в КНР, такие материалы, бесспорно, содействуют важному и нужному делу восстановления добрососедских, дружественных отношений между нашими странами и народами.

Таковы некоторые существенные, на наш взгляд, тенденции и особенности отображения китайской действительности последних десятилетий в современной художественной прозе. Естественно, наш разговор основан лишь на части практически необозримой литературной продукции, публикуемой китайскими журналами и издательствами. Но мы старались опираться на те произведения, которые положительно оценены китайской общественностью, отмечены премиями, заслужили благоприятные отзывы критики.

Проблема правдивого воспроизведения современной жизни родной страны, реалистического постижения стоящих перед обществом задач, достижений и трудностей в их разрешении исполнена особого значения для литературы, написавшей на своем знамени: «Служить социализму, служить народу». Вряд ли поддежит сомнению, что лучшим и самым действенным путем служения является честный и откровенный разговор с читателем о том, что произошло и происходит вокруг, не избегающий сложностей и недостатков, не отделимый от гражданской позиции автора и его идеалов. Только тогда обретают подлинную ценность усилия, направленные на расширение тематики, раскрытие психологии героев, поиски новых выразительных средств и форм (а все это действительно присутствует в творчестве многих нынешних писателей и заслуживает серьезного изучения).

Нельзя не видеть значительных достижений китайской литературы на этом пути, особенно явных, когда речь идет о событиях недавнего прошлого. Но и сами писатели КНР, и критика много говорят о недостатках и нерешенных задачах, о том, что не полностью удовлетворяются законные ожидания читательской аудитории. Часто при этом употребляется расхожая, но мало что объясняющая формула «литература отстает от бурно развивающейся действительности». Но вот как Ван Мэн уточняет и дополняет этот тезис: «Проблема состоит в том, что в самые последние годы отражению жизни в литературе в известной степени недостает остроты, тепла, глубины и силы... Наша литература более однообразна, упрощена и поверхностна, чем действительность («Гуанмин жибао», 3.V.1984). Другой известный писатель, Малчинху, говорит о том, что в последние годы некоторые авторы не были достаточно активны, другие занимали позицию стороннего наблюдателя.

Этот упрек, к счастью, не относится к тому писателю, с разговора о котором мы начали статью — а именно к Лю Синью. В последнее время он вновь в центре внимания печати, его роман «Колокольная башня» единодушно признан значительной удачей и удостоен премии имени Мао Дуня за 1985 г.² Писатель как бы возвращается к теме «Вертикальной развязки», но раскрывает ее на куда более широком социальном фоне, в более сложном переплетении человеческих судеб и характеров. Более десятка семей населяют большой двор в старинном пекинском квартале неподалеку от знаменитого средневекового сооружения — Колокольной башни. Рассказывая о двенадцати часах из жизни этих семей, Лю Синью ярко воспроизводит современный быт, нравы, настроения различных слоев населения Пекина, говорит о прошлом своих героев, неизбежно отложившем свой отпечаток на их нынешние судьбы, об их жизненных проблемах и устремлениях. Критика согласна в том, что, несмотря на отсутствие сквозного сюжета, роман увлекает читателя разнообразием представленных в нем житейских ситуаций и человеческих типов, нарисованных с большой достоверностью и писательской заинтересованностью.

Идя дальше в избранном направлении, Лю Синью в конце 1985 г. опубликовал новое произведение — на этот раз в жанре «документальной прозы». Оно называется «Автопроизведение — на этот раз в жанре «документальной прозы». Оно называется «Автоиспытываемых и пассажирами, и водителями трудностях и возможных путях их смягчения. Как «нужную, помогающую в работе» оценили книгу на обсуждении в редакции «Вэнь бао» транспортники Пекина.

Разумеется, это отнюдь не единственный и, может быть, даже не главный путь вмешательства писателя в жизнь, но он нагляден и конкретен. Главное — в позиции художника, в его готовности жить горестями и радостями современников, в искренности его стремления отдать весь свой талант, все силы своей души борьбе за счастье родного народа, за социалистическое будущее Китая. Хочется верить, что на этом пути китайскую литературу ждут новые удачи, новые достижения.

² Премии Мао Дуня присуждаются раз в 3 года (согласно завещанию покойного писателя, они финансируются из оставленных им личных средств). На этот раз премии удостоены также упоминавшиеся выше «Тяжелые крылья» Чжан Цзе и роман Ли Чжуня «Воды Хуанхэ текут на восток», действие которого происходит в конце 30-х и в 40-е годы.

Труд народа-мастера (Прикладное искусство Китая)

Л. И. КУЗЬМЕНКО

В октябре — ноябре 1985 г. в течение трех недель в залах Государственного музея искусства народов Востока с большим успехом проходила выставка «Современное декоративно-прикладное искусство Китая». Она была целиком сформирована на основе музейных собраний КНР и включала около 200 экспонатов, созданных за минувшее десятилетие. В декабре 1985 г. выставка была развернута также и в Вильнюсе.

В экспозиции были представлены почти все виды традиционного искусства и народных ремесел различных центров Китая: керамика и фарфор, художественные лаки, перегородчатая эмаль, художественные изделия из металла, резьба по слоновой кости, камню, дереву, плетение из соломки и бамбука, а также разнообразные вышивки и ковры, народный и театральный костюм, куклы.

Экспозицию открывал значительный раздел китайской керамики и фарфора, которые являются ведущими видами декоративного искусства страны. Как известно, в Китае еще с раннего средневековья складывались основные керамические центры, где использовались цветные и белые глины с разнообразными принципами декорировки. Печи Цычжоу в провинции Хэбэй издавна отличались особыми стилистическими приемами, основанными на сочетании светлого кремовато-белого фона и темной монохромной росписи; печи Лунцюань — нежной серовато-зеленой глазурью, или гладкой, или кракелированной. В настоящее время эти принципы используют не только в грубой керамике, но и в фарфоре. На протяжении веков, совершенствуя керамическую массу из белого каолина, добавляя в него полевой шпат и кварц, мастера получили материал, отличающийся белизной, звонкостью и пластичностью.

Несколько столетий основным центром фарфорового производства остается город Цзиндэчжэнь в провинции Цзянси. Мастера этого центра за последние годы восстановили секреты многих уникальных глазурей, утраченные в конце XIX — начале XX века: «цвета бычьей крови», или «жертвенно-красной»; небесно-голубой «лунный свет»; ярко-розовой «щеки красавицы» и др. Часто используется глазурь типа «лунцюань», получаемая путем добавления закиси железа, которая при обжиге придает вещи изысканный зеленоватый оттенок. Подобная глазурь допускает гравировку или сдержанную рельефную лепку. Китайские керамисты еще в старину овладели секретами твоярения кракелированных изделий, когда глазурь дополняется сеткой трещинок («кракле»). Интересной и очень сложной является техника нанесения окислов или солей металлов на сырой черепок, которые при обжиге, восстанавливаясь до металлов, образуют в глазури потеки или причудливые пятнышки с золотистым блеском, усложняя глазурь своеобразными декоративными эффектами. Традиционные глазури художники нередко komponуют в одном изделии, излюбленным является сочетание «лунцюань» и алой «жертвенно-красной». В странах Европы всегда поражались изделиям с тонким прозрачным фарфоровым черепком «яичная скорлупа», сквозь который просвечивают пальцы, такие сосуды всегда дополнялись сеткой гравировкой по тесту, или росписью нежными эмалевыми красками. Примерно в XII—XIII вв. появляется в Китае подглазурная роспись кобальтом. Этот сложный вид декорировки требует тщательного обжига при температуре не ниже 1400°, только тогда краска становится яркосиней с фиолетовым отливом, что прекрасно дополняет белоснежный фон фарфорового черепка. Современными мастерами применяется усложненная кобальтовая роспись, когда изделие расписывается по черепку уже после наложения глазури. Художник применяет здесь иногда чисто живописные приемы, заимствованные из «гохуа».

Другим центром росписи фарфора является город Гуанчжоу (Кантон) в провинции Гуандун. Он известен как центр многих художественных ремесел — росписи лаковых изделий и расписных эмалей, резьбы по слоновой кости, вышивки гладью. С XVIII в. европейский рынок потребовал все большего количества китайского фарфора, что было связано с модой на произведения китайского искусства, появлением различных «китайских домиков и дворцов» или «китайских комнат». Цзиндэчжэнь уже не справлялся с заказами, и часть фарфоровых нерасписанных изделий отправлялась в Гуанчжоу, где их в мастерских декорировали росписями. Постепенно Гуанчжоу сам становится центром производства фарфора. Мастера здесь специализируются на изготовлении изделий с яркими полихромными композициями, с изысканной ажурной резьбой по тесту, дополненной скульптурными налпами в виде цветов. Кантонские мастера активно используют позолоту изделий. Наряду с производениями, которые создаются под некоторым европейским влиянием, здесь выпускаются и классические произведения, использующие принципы средневекового китайского искусства. Это можно уви-

деть, например, в большом декоративном блюде «Фениксы и пионы», где полихромная роспись в гамме «розовое семейство» (ярко-розовых, фиолетовых, зеленых, синих и кораллово-красных цветов) сочетается с органично введенными в живописную композицию иероглифическими текстами благопожелательного поэтического характера.

Резьба по слоновой кости и камню является древнейшим видом искусства в Китае, изделия из этих материалов археологи находят в гробницах II тыс. до н. э. Работа по кости требует чрезвычайного терпения и виртуозности. Обработка ее начинается с распиливания клыка на отдельные части под струей воды. Затем распиленным кускам придается форма согласно задуманной композиции. Работая в этом материале, художники умело используют вытянутую форму словоного клыка, его благородный цвет и легкий сетчатый рисунок. Для полировки кости применяют распаренные стебли хвоща и поверхность стебля бамбука. Особой сложностью отличается создание многофигурных композиций в одном куске бивня. Иногда кость подкрашивается различными красками растительного происхождения. Виртуозной работой отличается композиция «Букет в вазе»: в хрупком материале выполнены лепестки с тончайшими прожилками, гибкие стебли, упругие бутоны; бабочка, сидящая на цветах, окрашена в яркий цвет — своеобразный колористический акцент, дополняющий благородную желтизну кости. Веера делаются из тончайших спилов кости (около 1 мм), которые покрываются ажурной резьбой, превращающей пластину кости буквально в легкое кружево. Основными центрами резьбы по кости являются Пекин, Шанхай и Гуанчжоу. Резчики по камню используют такие породы, как кораллы, лазурит, агат, жадеит, халцедон, горный хрусталь, аметистовый кварц, но особой популярностью пользуется «юя» — нефрит, имеющий разнообразные оттенки — серовато-зеленые, темно-зеленые, коричневатые и т. д. Этот камень всегда почитался в Китае, в древности с ним были связаны различные магические представления, из него изготовляли ритуальные предметы. Известны захоронения периода Хань, где использовались своеобразные нефритовые саркофаги из тончайших пластинок, соединенных золотой или серебряной проволокой, различные диски «би», олицетворяющие небо, сосуды «цзун» и т. д. В средние века складывается эстетика «кабинета», или «стола ученого», где изделия из полудрагоценных камней неброской изысканной окраски, в том числе и нефрит, использовались в виде различных сосудов для промывки кистей, стопок для кистей, капельницы для разбавления густой туши, подставок для просушки кистей и т. д.

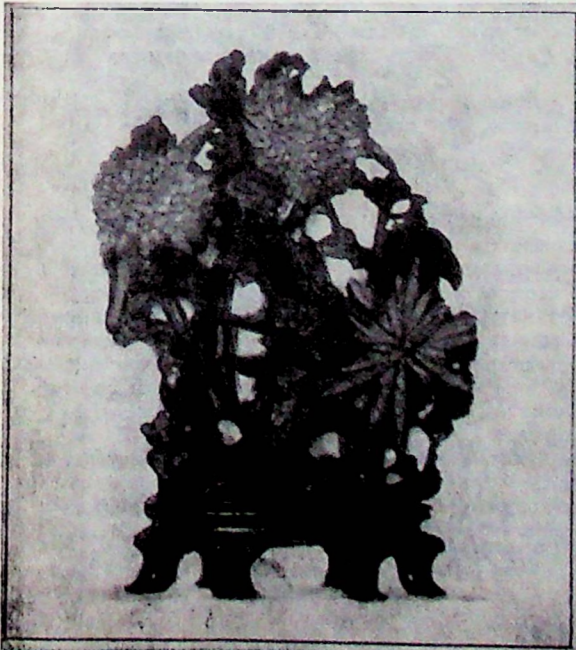
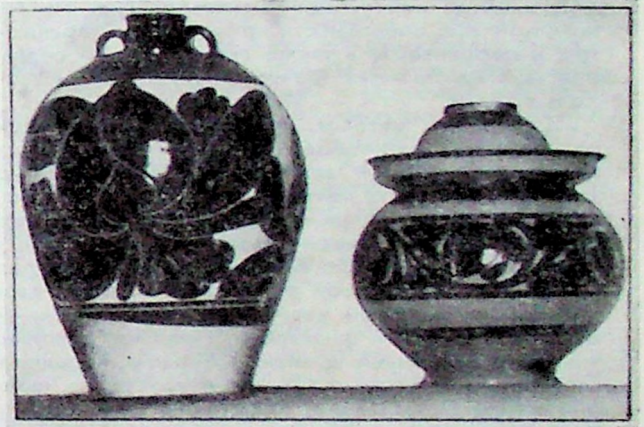
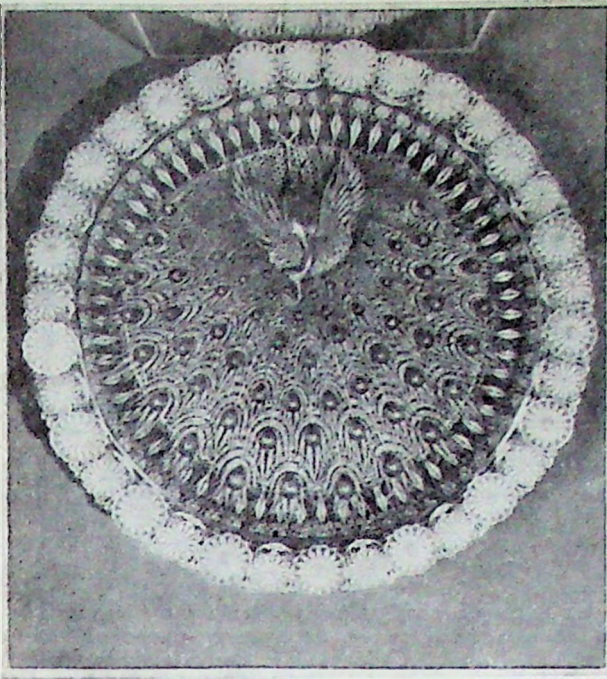
В работе над камнем художники применяют основные эстетические принципы, неразрывно связанные со сложными техническими приемами. В Китае никогда не использовали правильную симметричную огранку, а создавали изделие с гладкой или резной отполированной поверхностью. Художники и в резьбе по кости, и в резьбе по камню одновременно следовали, казалось бы, противоположным принципам, добиваясь гармонии конечного результата. Это — «преодоление» материала, когда мастер выявляет все свое умение и виртуозность при обработке его, и «следование» материалу, выявление его природной красоты, фактуры, рисунка, всех его прожилок и вкраплений. Именно в таких традициях выполнено драгоценное настольное украшение в виде подвесной декоративной вазочки, заключенной в темную, причудливых очертаний резную деревянную подставку, которая подчеркивает изящество светлой подвески. Для нее использован самый дорогой сорт нефрита цвета «осеннего тумана» (дымчато-серый) с естественными изумрудно-зелеными прожилками.

Издавна славятся обработкой камня мастерские Пекина и Шанхая, для которых характерно создание сложных тематических композиций, больших декоративных ваз из целого куска камня.

В провинции Фуцзянь и Чжэцзян используются местные сорта поделочного камня агальматолита, имеющие серовато-коричневые цвета с красивыми розоватыми, коралловыми, фиолетовыми и зеленоватыми прожилками. Из него делают большие настольные декоративные композиции в виде горного ландшафта, побегов и гроздей винограда и т. д.

Следующий раздел выставки был посвящен лаковым изделиям. Во время раскопок в городе Чанша археологами обнаружены изделия, расписанные лаком, — коробки, подголовники и др., — которые датируются V—III вв. до н. э. Таким образом, искусству изготовления художественных лаков уже около двух с половиной тысяч лет. Это очень сложное, трудоемкое ремесло, при котором используется естественный сок лакового дерева «цишу», растущего в юго-западных провинциях Китая. Лаковую смолу собирают в бамбуковые сосуды и отстаивают примерно полгода. За это время наверх всплывает лаковое прозрачное масло, которое используют при окончательном покрытии предметов. Нижние слои используют для подгрунтовки. Основной цвет лака, который он приобретает в течение длительного времени, окисляясь на воздухе, золотисто-коричневый. Можно также получить черный лак и ярко-красный, окрашивая кинovarью. Это традиционная гамма, ни с какими другими красителями лак в период средневековья не смешивался. В современных условиях при помощи различных химических добавок можно получить разнообразные цвета — синий, желтый, зеленый. Для передачи белого цвета в станковых композициях используют инкрустацию белым перламутром и яичной скорлупой. В Китае складывается несколько центров производства лаковых изделий, где, используя один и тот же материал, добиваются различных декоративных эффектов благодаря своеобразным приемам. Так, Гуанчжоу всегда сла-





вился своей миниатюрной золотой росписью по черному лаку, Пекин — резными лаками, а Фучжоу — лаками «тотай» («бестелесный»).

Производство пекинских лаков началось еще в XIV в. Густой киноварный лак наносится на заранее подготовленную форму из дерева, бамбука, папье-маше или металла. Секрет постепенного нанесения лака заключается в том, что каждый слой сохнет сутки. Чтобы покрытие было равномерным, следующий слой кладут только на просушенный лак. Для многослойной резьбы накладывают от 20 до 100 слоев лака. Затем на изделие накладывается рисунок на тонкой бумаге, которая удаляется после того, как мастер тонкой иглой накалывает узор на верхнем слое лака. После этого острым резцом обрабатываются слои лака, время от времени поливая лак водой.

Произведения, представленные на выставке, отличались традиционными композициями. Сюжет «цветы-птицы» украшает большую плоскую коробку для сладостей, где и крышка, и стенки дополнены сложнейшим орнаментом. Художник здесь использует все возможности многослойной резьбы, добиваясь того, что на фоне черного цвета отчетливо проступают рельефные изображения птицы на цветущей ветке и детали орнамента, выполненные киноварью. Киноварный лак использовали не только при изготовлении небольших предметов, но и для покрытия архитектурных деталей. Резная мебель, покрытая красным лаком, украшала дворцовые интерьеры. Фучжоуские лаки «тотай» также сложны по технике.

В экспозиции внимание буквально всех посетителей привлекали парные напольные вазы, выполненные в технике «тотай». На верхние слои сырого лака были положены пластины сусального золота, а затем несколько слоев полупрозрачного красного лака, после чего вазы подверглись тщательной шлифовке (обрабатывают верхние слои лака пемзой, волосом и просто ладонью), постепенно через лак начинает проступать мерцающее золото и достигается эффект особой «муаровой» поверхности.

Еще один прием в работе по лаку — инкрустация яичной скорлупой или перламутром. При инкрустации использовались не только маленькие кусочки перламутра, но и крупные поверхности причудливых морских раковин, которые своим нежным цветом и переливами, а также своей формой создают особый декоративизм, усложняют пластику композиции. В такой технике создаются большие панно с изображением жанровых сцен.

Изделия из металла, представленные на выставке, также отличались богатством и разнообразием приемов и стилистических принципов. Великолепные отлитые из красной меди с легкой зеленоватой патиной фигурки животных, традиционные формы старинных сосудов, чеканка по меди, изделия из серебряной филигранны. Особо интересны комбинированные изделия, например вазочка из рубинового стекла, оплетенная легким «кружевным» узором из тончайшей серебряной проволоки, или большое декоративное блюдо «Павлин», где филигранные узоры дополнены сложной многоцветной эмалевой росписью. Поражает своим великолепием шкатулка из серебра, крышка которой увенчала фигурка рыбки-вуалехвостки, выполненной из тончайшей позолоченной филигранны. Предмет дополнен эмалевыми росписями и вставками из полудрагоценных камней — бирюзы, коралла и лазурита.

В средние века, применяя инкрустацию камня по металлу, начали сочетать ее с эмалевыми вставками и постепенно овладели техникой сплошного эмалевого покрытия изделий. Так появилась техника перегородчатых эмалей, известная в Китае с XIV в. Она требует необыкновенного терпения, высокого уровня мастерства. На латунный сосуд напаивают (припоем служат мелкие серебряные опилки) по заранее нанесенному рисунку тонкие медные полоски шириной около 3 мм, они образуют своеобразные ячейки, которые заполняются разноцветной стеклянкой пастой, при этом изделие подвергается многократному обжигу, после чего тщательно шлифуется, а края перегородаков золотятся. В перегородчатой эмали, или клуазоне (франц. «клуазон» — «перегородка»), используются более двадцати расцветок эмалей, которые образуются добавлением в эмаль окислов металлов. На представленной вазе можно было видеть разнообразные орнаменты, заключенные в концентрические пояса, некоторые из которых непосредственно восходят к традициям настенной росписи пещерного комплекса в Дуньхуане (IV—VI вв.).

Стекло не получило в Китае такого распространения, как фарфор, хотя в период позднего средневековья мастера овладели секретом получения цветного непрозрачного стекла со сложным рисунком. Его использовали как имитацию полудрагоценных камней — агата, нефрита или коралла. Такое стекло служило для создания миниатюрных табакерок, его весьма трудно отличить от натурального материала. Так же как и в камне, мастера режут изделие, мелкие рельефные детали в нем, создают даже резьбу по многослойному стеклу. Маленькие плоские флаконы применялись для хранения и ношения небольших порций ароматического нюхательного порошка. К узкому горлышку плотно притиралась миниатюрная крышка из стекла, кости или камня, которая соединялась с ложечкой в виде лепестка, отверстие в горлышке небольшое — 1—2 мм.

Постепенно при создании табакерок стали использовать и возможности прозрачного стекла, дополняя его миниатюрной росписью изнутри, чтобы краска не стиралась при длительном пользовании табакеркой. Необходимо было выполнить роспись через узкое отверстие, для чего применяли тончайшие искривленные кисточки. Сюжеты рисунков традиционны — «цветы-птицы», «дети, играющие в саду» или «восемь бессмертных».

Трудно представить себе искусство и быт китайцев без дерева, из которого делали мебель, различную утварь и детали жилища — столбы, перекрытия, кронштейны. В богатых домах стены в интерьере представляли собой сплошное кружево резьбы, на фоне которой отчетливо выделялись фарфоровые или лаковые изделия. Дерево в Китае либо покрывали цветным лаком, чтобы предохранить его от разрушения во влажном климате, либо просто полировали, выявляя его естественный благородный цвет и текстуру. Известными центрами резьбы по дереву являются провинции Фуцзянь, Чжэцзян и Гуандун.

Для работы использовали, как правило, благородные южные породы дерева — красное, розовое, самшит, бамбук, камфорное дерево, абрикос. По самшиту стали работать уже в XX в., он обладает необыкновенно плотной и твердой древесиной красивого светло-желтого оттенка. Из него обычно делают небольшие скульптурные композиции, чаще всего изображающие фигурки героев литературных произведений или исторических персонажей, например Лу Чжишэня из классического романа Ши Найяна «Речные заводи». Плотная твердая древесина диктует свои законы, поэтому здесь чувствуется первоначальный нерасчлененный кусок самшита с предельно лапидарной обработкой. Из мягкого дерева создаются совсем иные произведения — покрытые сплошной ажурной резьбой, например знаменитые композиции из Гуандуна с изображением лангустов и крабов в сетчатой корзине. В этом центре ажурное дерево любят покрывать позолотой. Оригинальны скульптурные произведения из корней горной березы, где в композицию органично включаются причудливые наплывы на корнях, различные узлы и уплотнения (скульптура «Су У пасет на чужбине овец»).

Издревле славилась чжэцзянская мастера изготовлением резной мебели и резных сундуков из камфорного дерева. На выставке был представлен образец чжэцзянской резьбы — настенное панно из светлого дерева «Сучжоуский парк». Здесь резчик применяет сложную технику глубокой многоплановой резьбы, благодаря которой создается иллюзия безграничного пространства. Рельефный рисунок тщательно отполирован и покрыт тонким слоем прозрачного лака. Интересен и сюжет панно. Сучжоу славится своими знаменитыми садами, которые были предназначены для любования уголками природы. Непременными элементами традиционных садов были «горы и воды» («шаньшуй»), являющиеся отражением «ньян» (мужского и женского начал). Большое значение придавалось декоративным скалам «тайхуши» и водоемам. Если в маленьком саду (а в Сучжоу есть садики в несколько квадратных метров) нет пруда, его заменял небольшой каменный бассейн с золотыми рыбками. Через большие водоемы, где обычно цвели пышные лотосы, перекидывались мосты из дерева или дикого камня с вкраплением полудрагоценных необработанных камней. В наиболее живописных местах располагались миниатюрные беседки с причудливо загнутыми крышами. Холмы с беседками, многочисленные висящие над водой мостики имели поэтические функции: для «чтения стихов», «созерцания луны», «слушания журчанья вод».

Южные провинции славятся резьбой по кокосовому ореху, когда подчеркивается темный цвет скорлупы обрамлением из серебра или белого металла. Интересны работы из коры пробкового дерева, которая при работе крошится и ломается, но мастера научились «преодолевать» и этот материал, создавая миниатюрные композиции с изображением дворцов, пагод, садов, фигурок людей, птиц и животных, детали которых можно рассмотреть только с помощью увеличительного стекла.

Во многих провинциях Китая распространено плетение из лозы глицинии, окрашенной сухой травой, соломы и из волокон расщепленного бамбука. Основным художественным приемом здесь является сохранение естественного золотистого цвета бамбука с очень деликатным добавлением резных деревянных деталей, иногда покрытых красным или черным лаком. Из бамбуковой соломки делают коробочки для рукоделия, хранения сладостей, письменных принадлежностей. В очень своеобразных резных изделиях из фруктового дерева «лонган», растущего в провинции Фуцзянь, сочетают серовато-коричневатый цвет древесины с причудливым кружевным рисунком.

На выставке можно было увидеть разнообразные панно, выполненные наложением на плотную основу различных материалов, например разглаженной березовой коры или пшеничной соломки. Соломка отутюживается, затем окрашивается в разные оттенки золотисто-коричневатого колорита, после чего разрезается на небольшие полоски и наклеивается на бумагу.

За последние десятилетия в некоторых городах, например Тяньцзине, стали делать картины из перьев, где используется как естественный цвет оперения, так и яркая искусственная подкраска.

На выставке были представлены и ковры, выполненные с применением различных техник. В Китае это сравнительно новый вид искусства, развившийся примерно с XVIII в., поэтому именно в его стилистике новации преобладают над традициями. В современных коврах мы не увидим цветочных мотивов, изображений драконов, сюжеты их неожиданны, рисунок строится на сочетании крупных геометрических цветовых пятен, из которых создается обобщенный условный рисунок («Лодки», «Коня»). В некоторых коврах отражен язык народного лубка с чертами примитивизации. Они проникнуты юмором, отличаются простыми композициями.

Значительный раздел выставки представляла вышивка, развивающаяся в Китае на протяжении тысячелетий и получившая название «сюхуа» — живопись иглой. Сущест-

вуют разнообразные приемы вышивания — гладь, узелковый шов («метание икры»), наложение золоченых нитей, которые располагали на ткани по определенному рисунку и прикрепляли тонкими разноцветными шелковыми нитями. Далеко за пределами Китая славятся двухсторонние ширмы-экраны, в которых нет изнанки и рисунок можно рассматривать с обеих сторон. Украшением экспозиции был экран «Золотые рыбки», где на прозрачной газовой туали некрученным шелком были выполнены рыбки-вуалехвостики, водоросли и пузырьки воздуха в воде. При этом мастерицы сумели передать полную иллюзию движения рыбок в воде, и не только при помощи виртуозного наложения швов, но и благодаря тончайшим градициям оттенков, которых насчитывается у современных вышивальщиков свыше тысячи. Двухсторонней вышивкой отличаются знаменитые кантонские шали, которые с XIX в. служили предметом экспорта в Европу, именно в то время в Шанхае и Гуанчжоу распространились европейские принципы декорировки тканей, появились скатерти, салфетки, занавески, то есть предметы для европейского интерьера, создавались они при помощи филейной работы, ризелье, сочетания ручного кружева и вышитой ткани. Такие экспортные произведения популярны и в настоящее время. Среди нетрадиционных приемов вышивки — наложение шелковых нитей на мельчайшую канву, вышивка яркими шерстяными нитями на ткани типа рогожи. Есть еще один вид декорировки тканей, зародившийся еще в первые века нашей эры, — это батик, распространенный в Юго-Западном Китае. Традиционный колорит батиковых тканей — сине-белый, для чего в качестве красителя используют натуральное индиго. Сначала заполняют теплым воском контуры рисунка на белой ткани, то есть резервируют ткань, затем ее опускают целиком в чан с краской, а потом освобождают резервированные места от воска. Тончайшая паутинно-образная линия в композиции образуется в результате процарапывания воска тонкой иглой. Лучшие батйки изготавливаются в провинции Гуйчжоу.

Широко применяется вышивка в традиционном китайском costume (прежде — императорском и чиновничьем, а теперь — театральном). Китайские театральные костюмы всегда отличались особой пышностью, яркостью, некоторой фантастичностью декора. Это связано с рядом особенностей традиционного китайского театра. Мужской халат, представленный в экспозиции, выполнен из черной атласной ткани с вышивкой яркими шелковыми и золочеными нитями. На груди и спине изображены фигуры фантастических львов, играющих с детенышами. Под золочеными нитями — слой ваты, это придает вышивке рельефность. К рукам пришиты длинные куски белой шелковой ткани для акцентировки пластических движений руки актера. Другой костюм предназначен для актера, исполняющего роль женщины-полководца, на что указывают нашитые на спине четыре кожаные трубочки для флажков. Ярко-розовая шелковая ткань халата с плечем дополнена вышивкой гладью, золоченой нитью, белым пушистым мехом и блестками.

Знакомство посетителей музея с китайским театром продолжалось у витрин с театральными куклами — персонажами классической китайской оперы со всей ее оригинальной спецификой. Большую роль здесь играли пластика и грим, по цвету и рисунку которого зритель узнавал характер героя. Красный грим означал честного человека, белый — коварного, черный — прямодушного, вспльчивого. Характеристиками героя могли быть также канонические позы и жесты.

На выставке были представлены небольшие куклы с деревянными головками, при полном гриме, в красивых халатах и сложных головных уборах. Эти куклолки являлись и своеобразными сувенирами, и ценным материалом для постановщиков пьес. Работая с куклами, они могут отработать сценарную функцию спектакля. Кроме того, и сами куклы, и даже только образцы грима на масках являлись подарком с благожелательным подтекстом. А поскольку в традиционном театре ставились в основном пьесы на сюжеты знаменитых классических романов, то и театр, и его герои — куклы — приобщали даже людей, не умеющих читать, к высотам национальной культуры и литературной традиции.

Принципы теневого кукольного театра, связанного с традиционным театром, также уходят в глубь веков. Бродячие труппы, ходившие из селения в селение, давали представления подчас даже под открытым небом, при наступлении ночной темноты. Направляя источники света, кукловоды добивались теневого силуэта на белом матерчатом экране (при сильном освещении куклы могут отбрасывать даже цветную тень). Куклы делались из тонкой, специально обработанной ослиной кожи, на которую резцом наносился сплошной ажурный рисунок, затем они раскрашивались яркими красками и позолотой. Две куклы теневого театра, представленные в экспозиции, изображали героев знаменитой театральной трилогии «Крепость Мукэчжай», рассказывающей о подвигах женщины-воина Му Гуйинь. Подобные экспонаты можно рассматривать как своеобразные пластические иллюстрации, при этом либо гротескно-условные, либо предельно реалистические. Интересна миниатюрная группа из раскрашенной керамики, изображающая героев знаменитого сатирического романа У Чэнэня (1500—1582) «Путешествие на Запад». Герой романа — монах Сюань-цзан — отправляется в Индию, за буддийскими текстами. Его спутниками становятся волшебная обезьяна Сунь Укун, популярнейший персонаж и театральные спектаклей, и народных лубков, а также монах-оборотень Шасэн и чудовище с головой кабана Чжу Бацзе. Эти герои выполнены с большой долей юмора, озорства в своеобразной упрощенно-лубочной манере, выразившейся в искажении пропорций, примитивизации пластики, условном коло-

рите. В иной манере выполнена многофигурная сцена из популярного классического романа XVIII в. «Сон в красном тереме» Цао Сюэциня «Цзя Сичунь рисует». Эта композиция выполнена в уникальной технике лепки из рисового теста с такими мелкими деталями, что не верится, будто это сделано человеческими руками. Когда работа закончена, фигурки высушиваются, раскрашиваются яркими красками с введением позолоты. Фигурки необыкновенно грациозны благодаря нарочито удлиненным пропорциям. В композиции отражена одна из страниц романа, повествующая об утонченном досуге девушек из знатной семьи Цзя. Они создали кружок поэзии, где соревновались в сочинении стихов. Одна из родственниц главного героя Бао Юйя — Сичунь — не обладала поэтическим даром, но зато была прекрасной художницей, и ей поручают в течение полугода создать грандиозную живописную панораму сада, окружавшего дворец семьи Цзя. В композиции можно видеть Сичунь за столом с рисовальными принадлежностями, ее молодых прекрасных родственниц и самого Бао Юйя, наблюдающего за работой Сичунь. Из рисового теста сделаны также фигурки танцовщиц с виртуозной передачей грациозной пластики.

Интересны деревянные кукольные головки, которые можно надевать на пальцы и показывать с ними кукольное представление, — они выполнены или в натуралистической манере, или в условно-театральной, с передачей рисунка грима. Здесь и «сваха Ван» — героиня спектакля «Речные заводи», и «Царь драконов» из «Путешествия на Запад» и ряд других персонажей.

Сравнительно новым для Китая видом декоративного искусства является создание шелковых куколок, которые также изображают героев народных легенд, преданий, классической литературы и театра. Они делаются из тонкого шелка или газа, а основой служит опрессованная вата. Лица подкрашиваются тонкой кисточкой. Первым начал делать эти куколки-сувениры пекинский мастер Гэ Цзинань. Несмотря на современное происхождение, они восходят к народной игрушке, имеющей древнюю историю и первоначально связанной с различными культовыми обрядами. Затем на первый план выдвигаются ее декоративные и познавательные функции, хотя и сейчас она сохраняет символическо-благопожелательное значение — игрушки дарят на Новый год, ими украшают дома. Народная игрушка из глины, дерева или ткани характеризуется образным доходчивым языком, лаконизмом и некоторым гротеском в пластике, яркими контрастными цветами — черным, белым, ярко-розовым, зеленым и оранжевым. Народные игрушки из провинций Шаньдун и Гуандун отличаются особой праздничностью и нарядностью, проникнуты мягким юмором.

Воздушные змеи также связаны с народными праздниками, восходят к традиции древнейших культов. Известно, что в период Тан делались даже «звуковые» змеи «чжэн» (к ним привязывали особый свисток). В экспозиции можно было видеть воздушных змеев в виде огромных бабочек, стрекоз и ласточек. Они были выполнены из тончайшего, пропитанного клеем шелка и раскрашены в яркие цвета.

Древняя символика во многом была связана со сменой времен года, с пожеланиями богатого урожая, достатка и счастья в доме. Поэтому даже в современном искусстве так много изобразительных элементов, несущих благопожелательный подтекст. Наиболее популярными являются композиции «цветы-птицы», где лотос является символом лета, символом «благородного человека», возвышающегося из «грязи не грязнясь», хризантема — цветок осени, «волшебный, льющий тонкий аромат», — также является символом благородного человека, пион выражает пожелание богатства, пышности, процветания, ветки «мэйхуа» — символ Нового года, пожелание счастья. До сих пор в композициях декора произведений эти элементы образуют своеобразные формулы-ребусы благопожелательного характера. Не иссякает народная фантазия в произведениях, где в наивно-опозитивированной форме отражены думы и чаяния простых людей. Произведения, созданные именно в последнее десятилетие, удивительно органично сочетают эти древние представления, традиции высокого ремесла, при этом новации органично вводятся в существующую систему тем и образов, не разрушая ее, а расширяя и обогащая.

Выставка стала важным событием в развитии советско-китайских культурных связей.

Памяти Дин Лин

С чувством глубокой скорби узнали в Советском Союзе о кончине на 82-м году жизни выдающейся китайской писательницы, видного организатора культурного строительства в КНР Дин Лин.

Дин Лин принадлежала к славной плеяде китайских литераторов и деятелей культуры, чей творческий путь неразрывно связан с героической революционной борьбой. Коммунист с более чем полувековым стажем, она прошла через подпольную работу, гоминьдановские застенки. Довелось ей испытать и горечь несправедливых нападков в мрачные годы «культурной революции». Но никогда Дин Лин не теряла веры в светлые идеалы социализма.

Протестуя против патриархальной косности семьи, писательница отказалась от своей фамилии Цзян Бинчжи и взяла себе имя Дин Лин — свой литературный псевдоним. Дин Лин родилась в 1907 г. и через 20 лет пришла в литературу как представитель второго, после Лу Синя, поколения деятелей новейшей китайской литературы, ведущей отсчет с 1919 г. В неполные 24 года она становится редактором журнала «Большая Медведица», который был, в сущности, органом Лиги революционных писателей Шанхая.

Жизнь народа, его страдания в условиях полуколониальной нищеты 30-х годов, стихийный протест, борьба с угнетателями-помещиками; пробуждение интеллигенции, постепенно формирующейся в интеллектуальную прослойку общества для активной социальной жизни — таков был круг тем молодой писательницы.

Один из ее рассказов, «Дневник Софьи», известный писатель Мао Дунь характеризовал как «крик отчаяния мятежной девушки, душа которой ранена проклятыми вопросами своей эпохи». Трагедия китайской деревни показана в повести «Наводнение» (1931), в финале которой пробуждение классового сознания крестьян встает как грозное половодье революции.

Личная трагедия — гибель мужа, писателя Ху Епиня, расстрелянного в 1931 г. вместе с товарищами по борьбе, — не отвратила Дин Лин от активной социальной позиции. На следующий год писательница вступает в КПК. В конце 40-х годов был издан ее роман «Солнце над рекой Сангань», удостоенный в 1951 г. Государственной премии СССР. Это одно из значительных произведений китайской литературы, рисующее становление нового сознания в ходе проведения в освобожденных районах Китая в конце 40-х годов аграрной реформы.

В последние годы Дин Лин вела большую общественную деятельность. Она была членом руководящих органов Народного политического консультативного совета Китая, Всекитайской ассоциации работников литературы и искусства, Союза китайских писателей.

Дин Лин была большим другом нашей страны, неоднократно бывала в СССР, состояла членом Центрального правления Общества китайско-советской дружбы.

Те, кому довелось в 50-е годы знать Дин Лин, общаться с ней, обсуждать проблемы развития культурного сотрудничества между СССР и Китаем, воспринимают ее кончину особенно близко к сердцу. Друзья Дин Лин в нашей стране, работники культуры, активисты Общества советско-китайской дружбы сохраняют о ней добрую память.

[Из неопубликованной работы
Г. И. Мордвинова о КЧЖД]

В этом году известному китаеведу Георгию Ивановичу Мордвинову, участнику революционного движения на Дальнем Востоке, работнику Коминтерна, исполнилось бы 90 лет.

Г. И. Мордвинов принадлежал к славной плеяде ученых-китаеведов, которые посвятили свою жизнь борьбе за идеи интернационализма. Он «обладал энциклопедическими знаниями по Китаю, хорошо разбирался в китайской специфике», много сделал для взаимопонимания между нашими народами¹.

С первых дней Октябрьской революции Г. И. Мордвинов — один из активных борцов за становление Советской власти на Дальнем Востоке. Он участвовал в подавлении восстания юнкеров в Иркутске, работал в органах Забайкальской ЧК, организовывал партизанское движение против японских захватчиков и белогвардейцев. В 1918 г. Мордвинов становится членом Коммунистической партии.

В 1920 г. на Восточно-Забайкальском и Амурском фронтах Мордвинов командовал 1-й Амурской кавалерийской бригадой, был комиссаром Особого Амурского полка, участвовал в боях под Волочаевкой. По заданию командования в 1922 г. он работал в тылу врага, организовывал партизанские отряды из китайцев и корейцев, выполняя задачу по обеспечению тыла наших войск, наступавших на Владивосток.

В 1923 г. Мордвинов заканчивает рабфак в Чите и занимается партийной работой. В 1929 г. он в Москве на курсах Высшей Пограничной школы ОГПУ и одновременно, сдав приемные экзамены, зачисляется студентом Института востоковедения им. Н.Н. Нариманова. По окончании его был направлен на учебу на китайское отделение факультета истории Института Красной профессуры.

С 1938 по 1940 г. Г. И. Мордвинов работал в Исполкоме Коммунистического Интернационала. Затем учился в аспирантуре исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

Началась война, и его направляют в тыл врага организовывать партизанские отряды. После разгрома фашистской Германии Г. И. Мордвинов принимал активное участие в разгроме милитаристской Японии.

Много энергии он отдал укреплению советско-китайской дружбы на посту заместителя управляющего КЧЖД (с октября 1945 по 1949 г.), а также будучи старшим юрисконсультом Управления по делам КЧЖД МПС СССР в Москве (1950—1952). Одновременно работал над темой «История КВЖД — КЧЖД (1896—1952)». Смерть в 1966 г. помешала завершить этот труд. Им были собраны значительные архивные материалы по русско-китайским отношениям второй половины XIX и начала XX в.

Г. И. Мордвинов награжден многими орденами и медалями Советского Союза, а также МНР.

Фрагменты работы Г. И. Мордвинова о КЧЖД, публикуемые ниже (краткая историческая справка написана от редакции), раскрывают страницы дружественного сотрудничества советских и китайских железнодорожников, которые внесли важный вклад в укрепление советско-китайской дружбы.

Китайская Чанчуньская железная дорога является главной магистралью Северо-Восточного Китая (бывшая Маньчжурия). Дорога проходит от станции Маньчжурия через Хайлар, Харбин до станции Суйфэньхэ. Южная линия ее идет от Харбина через Чанчунь до Даляня и Люйшунькоу (Дальнего и Порт-Артура). КЧЖД — важнейшая китайская магистраль, связывающая КНР с Советским Союзом, и на нее приходится основной объем перевозок грузов в советско-китайской торговле.

История этой железной дороги уходит корнями в конец XIX в., когда русско-китайским договором 1896 г. предусматривалось согласие правительства Китая на строительство России железнодорожной линии через китайскую территорию на Владивосток. В соответствии с этим договором между Русско-китайским банком и китайским послом был заключен контракт, по которому Русско-китайскому банку предоставлялось право строительства и эксплуатации Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). Учреждалось Общество Китайско-Восточной железной дороги.

КВЖД вступила в эксплуатацию в июле 1903 г. Дорога внесла большие изменения в хозяйственную жизнь северо-восточных провинций, ранее бывших захолустной ок-

¹ См.: О. Борисов. Из истории советско-китайских отношений. М., 1981, с. 131.

раиной Китая. После поражения России в русско-японской войне 1904—1905 гг. по условиям Портсмутского мирного договора 1905 г. южная ветка КВЖД от Куанчэнцзы до Дальнего и Порт-Артура перешла в ведение Японии и стала именоваться Южно-Маньчжурской железной дорогой (ЮМЖД).

После Великой Октябрьской социалистической революции КВЖД была захвачена иностранными интервентами и белогвардейцами. Лишь 31 мая 1924 г. между СССР и Китаем были подписаны соглашения об общих принципах для урегулирования вопросов между СССР и Китаем и о временном управлении КВЖД. Советское правительство, как известно, отказалось от специальных привилегий, от экстерриториальности и т. д. Вопросы гражданского управления были полностью переданы в ведение китайских властей. В соглашениях указывалось, что КВЖД рассматривается как чисто коммерческое предприятие, управляемое совместно обеими сторонами. Однако китайские милитаристы, за спиной которых стояли империалистические державы, стали создавать препятствия нормальной работе дороги. В 1929 г. милитаристы организовали нападение на КВЖД и дальневосточные границы СССР. Советские войска нанесли поражение милитаристам. 22 декабря 1929 г. в Хабаровске между представителями СССР и Китая был подписан протокол, который восстанавливал на дороге статус-кво.

В сентябре 1931 г. северо-восточные провинции Китая были захвачены Японией. КВЖД стала ареной провокаций японской военщины против Советского Союза на Дальнем Востоке.

2 мая 1933 г., чтобы избежать дальнейшего обострения советско-японских отношений, Советское правительство предложило, чтобы Япония выкупила дорогу. 23 марта 1935 г. в Токио было подписано соглашение с властями Маньчжоу-го о продаже КВЖД.

После вступления СССР в войну против империалистической Японии между СССР и Китаем было заключено соглашение о КЧЖД (основные магистрали КВЖД и ЮМЖД были объединены в одну дорогу под названием КЧЖД). Соглашением подробно определялся порядок совместного управления дорогой.

Коренные изменения, происшедшие на Дальнем Востоке в результате поражения империалистической Японии, свержения реакционного гоминьдановского правления и образования КНР, создали обстановку, которая дала возможность по-новому подойти к вопросу о КЧЖД.

14 февраля 1950 г. одновременно с заключением Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР было подписано соглашение о Китайской Чанчуньской железной дороге. Обе договаривающиеся стороны согласились, что Советское правительство передает безвозмездно правительству КНР все свои права по совместному управлению КЧЖД со всем принадлежащим дороге имуществом и передача будет совершена непосредственно после заключения мирного договора с Японией, однако не позже как в конце 1952 г.

С 25 апреля 1950 г. в соответствии со статьей I советско-китайского соглашения о КЧЖД приступило к работе Советско-китайское общество КЧЖД. Деятельность общества строилась на принципах равенства и взаимного уважения суверенных прав обеих сторон.

В соответствии с советско-китайским соглашением о КЧЖД от 14 февраля 1950 г., а также советско-китайским коммюнике от 15 сентября 1952 г. о передаче КЧЖД Советское правительство безвозмездно передало в полную собственность правительству КНР все свои права по совместному управлению КЧЖД со всем принадлежащим дороге имуществом. Передача дороги была оформлена заключительным протоколом, подписанным смешанной советско-китайской комиссией 31 декабря 1952 г. в городе Харбине.

Передача КЧЖД Советским правительством правительству КНР свидетельствует о высоком уважении со стороны Советского Союза национальной независимости и национальных прав и интересов китайского народа.

Использование советского опыта в улучшении организации работы КЧЖД

Советское правительство направило на КЧЖД 1565 человек советских специалистов для практической работы во всех областях многогранного хозяйства дороги, ее подсобных предприятий и обслуживающих дорогу медицинских, школьных и других учреждений.

Основную массу специалистов составляли инженеры, техники, экономисты, плановики железнодорожного транспорта. Кроме железнодорожников, в числе командированных на КЧЖД советских специалистов были также и инженеры каменноугольной промышленности, специалисты лесной промышленности, работники медицины, работники в области искусства и спорта, педагоги и работники торговли и общественного питания.

Советские специалисты принесли с собой на КЧЖД многосторонний, самый прогрессивный передовой опыт социалистического хозяйства и советской социалистической культуры.

Их работа на КЧЖД с первых же дней оказалась самой действенной и технической квалифицированной помощью китайским железнодорожникам, пришедшим на же-

железнодорожный транспорт по заданиям Китайской коммунистической партии в большинстве случаев еще в годы гражданской войны прямо из рядов Народно-освободительной армии или из партизанских отрядов. Это были закаленные в боях и борьбе с оккупантами и врагами китайского народа командиры и политработники или юноши и девушки, посланные на железную дорогу Союзом новодемократической молодежи, однако не имевшие ни технических знаний, ни опыта железнодорожного дела. Были среди работников и старые кадровые железнодорожники, но во время японского господства они не допускались на технические и руководящие должности. Эта категория железнодорожников, так же как и новички на железнодорожном транспорте, стали учиться передовым советским методам работы.

Советские специалисты, прибывшие для работы на КЧЖД, были воодушевлены бескорыстием и братским желанием своим трудом претворить в жизнь советско-китайское соглашение о КЧЖД. Советские работники стремились оказать искреннюю помощь своим опытом и знаниями китайским работникам в деле восстановления и развития КЧЖД и других китайских железных дорог.

С первых дней деятельности КЧЖД под совместным советско-китайским управлением Правление общества приняло решение превратить КЧЖД в образцовую и передовую, высокорентабельную железную дорогу в Китае.

Для успешного решения этой задачи главные усилия всего 90-тысячного коллектива дороги, ее руководящих органов и китайских партийных и профсоюзных организаций были направлены на изучение и широкое применение на производстве опыта советских железных дорог, а также передовых советских методов работы и лучших образцов работы, созданных в процессе развития трудового патриотического соревнования китайскими передовиками производства на КЧЖД.

Сочетание передовых советских методов работы с творческой инициативой китайских железнодорожников и дружная совместная работа советских и китайских работников дороги, построенная на товарищеском доверии и взаимопонимании, были с первых же дней положены в основу всех усилий многотысячного коллектива дороги.

По советскому опыту управления и руководства социалистическим народным хозяйством и по образцам советских железных дорог на КЧЖД под руководством советских специалистов был составлен комплексный производственно-финансовый план на 8 месяцев 1950 г., то есть с первого дня совместного управления дорогой. План охватывал работу дороги в целом и в отдельности все ее хозяйственные подразделения и подсобные предприятия.

Китайские товарищи не имели опыта комплексного планирования железных дорог. Они планировали на железных дорогах Северо-Востока (в 1946—1949 гг. отдельными участками входила и КЧЖД) лишь объем работы, а себестоимость перевозок, производительность труда и другие показатели, так же как и финансирование, не планировались вовсе.

При составлении промфинплана КЧЖД на 8 месяцев 1950 г. был использован богатый опыт планирования эксплуатационной работы советских железных дорог. Промфинпланом КЧЖД предусматривались объем работы и средства для их выполнения, а именно: рабочая сила, материалы, топливо, электроэнергия, а также все накладные расходы, доход от эксплуатации, работы подсобных и промышленных предприятий и выводилась плановая прибыль от общей деятельности дороги и всех ее предприятий.

Одновременно с разработкой промфинплана была проведена огромная работа по налаживанию и унификации единой системы учета и отчетности. Составлены единые нормативы расходования рабочей силы на единицу работы, а также материалов и топлива. Упорядочена штатная структура, сразу же давшая возможность из управленческого аппарата для производственной работы высвободить 5715 человек.

В результате принятия промфинплана была достигнута целеустремленность в работе каждой хозяйственной единицы. За досрочное выполнение и перевыполнение плана развертывалась творческая борьба и трудовое патриотическое соревнование с учетом опыта социалистического соревнования на советских железных дорогах.

Советские специалисты совместно с китайскими товарищами составили организационно-технические мероприятия по широкому внедрению передовых советских методов, применительно к условиям, обычаям и трудовым навыкам в Китае, во все звенья и отрасли хозяйства дороги. Эти мероприятия предусматривали внедрение советской системы организации труда, технологии производства, нормативы расхода рабочей силы, сдельную систему оплаты труда, установление норм расхода материалов, топлива, смазки, электроэнергии и т. п.

Делу борьбы за экономию материалов советскими специалистами уделялось особое внимание ввиду того, что удельный вес расхода топлива, смазки и других материалов в плане эксплуатации занимал 42,2 %, в плане капитального ремонта — 75,6, по работе заводов — 80,6, по строительству и восстановлению 76,7 %. Поэтому в борьбе за рентабельность дороги, за увеличение накоплений главное место на КЧЖД в 1950 г. уделялось борьбе за экономию материалов, топлива и смазки. В результате целой системы мероприятий, осуществленных в 1950 г., удельный вес эксплуатационных расходов по материалам, топливу и смазке был снижен с 42,2 до 24,7 %.

Руководящие органы КЧЖД вместе с китайскими партийными и профсоюзными организациями организовали широкое обсуждение рабочими и служащими дороги производственно-финансового плана и организационно-технических мероприятий для

обеспечения выполнения плана. План и организационные технические мероприятия были обсуждены на совещаниях актива всех 5 эксплуатационных районов КЧЖД и на всех узлах, а затем на общих собраниях рабочих и служащих с участием руководящих работников дороги и общественных организаций.

Это обсуждение промфинплана явилось толчком развертывания массового трудового патриотического соревнования. В 1950 г. в борьбе за первый промфинплан КЧЖД по опыту советских железнодорожников начало развиваться движение машинистов пятисотников и тяжеловесников, которое сыграло важную роль в подъеме всех отраслей работы на КЧЖД и было распространено на все железные дороги Китая.

С глубоким интересом китайские машинисты при помощи советских машинистов-инструкторов изучали опыт машинистов-пятисотников, широко распространенный на советских железных дорогах. Так, например, в депо станции Ананьси советский машинист-инструктор тов. Мартыянов помог старшему машинисту паровоза марки «Микап 1195» Ван Цинкуя настойчивой и систематической учебой первому на КЧЖД и в Китае добиться высоких показателей в вождении своего паровоза и стать инициатором движения пятисотников на железных дорогах Китая.

Этот патриотический почин передовика, машиниста Ван Цинкуя, был быстро распространен по всей дороге. Примеру Ван Цинкуя последовали другие машинисты, ставшие пятисотниками.

Наряду с движением пятисотников в 1950 г. на КЧЖД в борьбе за выполнение и перевыполнение промфинплана началось движение машинистов-тяжеловесников.

В эксплуатационной работе и в промышленных подсобных предприятиях дороги было проведено много и других передовых советских технических и административных методов управления производством, организации труда и процесса производства, как, например: маршрутизация погрузки грузов и формирования маршрутных поездов, разработка технологических процессов работы станций, то же при ремонте паровозов, вагонов, содержание обустройств пути, связи, сигнализации центральной блокировки (СЦБ), применение антинакипинов для внутренней обработки воды в котлах паровозов, теплая промывка паровозов, ремонт товарных вагонов на специализированных путях станций без подачи их в вагонное депо, безотцепочный ремонт вагонов в поездах, планово-предупредительный ремонт пути, стрелочных переводов и искусственных сооружений, проверка состояния пути и балльная оценка пути измерительным вагоном, паспортизация путевого хозяйства, заводская пропитка шпал и пропитка шпал в пути и др.

На Харбинском и Дальнинском паровозоремонтном заводах для экономии материалов и повышения рентабельности при заводском восстановительном ремонте паровозов и вагонов была введена отливка букс из свинцовой бронзы; увеличено производство штампованных деталей; изготовлены пресс-формы для брикетирования бронзовой и баббитовой стружки и т. п.

Был внедрен поточный метод ремонта тележек и освоено строительство новых вагонов и паровозовоздушных насосов воздухораспределителей, поездного крана машиниста и др.

На угольных коях начали добывать уголь советскими отбойными молотками вместо обушка и кайлы.

Здесь нами дан лишь перечень главных направлений, по которым с первого же года совместного управления КЧЖД было начато широкое внедрение советской техники и передового советского опыта.

Быстрый рост внешнеторгового грузооборота между КНР и СССР вызвал в то время необходимость реконструировать пограничные с СССР перевалочные станции. Уже в 1950 г. было осуществлено развитие станции Маньчжурия с постройкой необходимого фронта перегрузочных обустройств и механизации перевалки штучных, особенно тяжелых и наливных грузов, а также вызвало необходимость строительства вторых путей на наиболее напряженных участках движения.

На основе производственно-финансового плана были разработаны и установлены нормативы собственных оборотных средств для всех хозяйственных единиц дороги, что способствовало выявлению и использованию всех внутренних резервов, в частности по экономии материалов и запасных частей путем реновации старых, использования отходов производства и т. п. Это явилось одним из важных условий перехода дороги в целом и ее отдельных хозяйственных единиц на хозяйственный расчет.

По мере подготовки кадров бухгалтерских и счетных работников во втором полугодии 1950 г. проведена подготовительная работа к переводу основных хозяйственных единиц дороги на самостоятельный баланс. Это повышало ответственность хозяйственных единиц за улучшение экономической и финансовой работы и повышало борьбу за снижение себестоимости перевозок за счет экономного расходования рабочей силы, материалов и денежных средств. В 1950 г. была заложена основа к переводу всех основных хозяйственных единиц дороги на полный хозяйственный расчет в 1951 г.

В итоге 8-месячный промфинплан коллективом КЧЖД был с честью выполнен и перевыполнен, в частности по погрузке — на 104,1 % (было погружено сверх плана 18 038 вагонов). Оборот вагонов сокращен на 0,21 суток против плана, себестоимость перевозок на КЧЖД снижена за 8 месяцев на 8,1 % против плана, накопления превысили план в 3,45 раза, экономия материалов по эксплуатации выразилась в 30 %.

В техсколах КЧЖД подготовлено за 1950 г. свыше 700 работников разных специ-

альностей. В порядке индивидуальной подготовки учеников по договорам подготовлено 5 тыс. квалифицированных работников. За 1950 г. прочитано свыше 10 тыс. лекций по разным железнодорожным техническим вопросам и по передовым советским методам труда, которые прослушало свыше 250 тыс. человек. На юбилейном заседании председатель Правления общества Юй Гуаншэнь заявил: «КЧЖД за короткий срок благодаря помощи советских специалистов установила образцы совершенной системы управления железными дорогами Китая. Она приобрела за год новый, совершенный облик и твердо вступила на путь образцовой дороги — рентабельной, культурной дороги, с высокой эффективностью и низкой себестоимостью перевозок, став уже в 1950 г. школой подготовки кадров для Китая»².

Министр железнодорожного транспорта КНР Тэн Дайюань, выступая 25 апреля 1951 г. на расширенном заседании Правления общества КЧЖД, посвященном первой годовщине совместного управления КЧЖД, сказал: «Советские передовые методы эксплуатации железных дорог последовательно и систематически внедряются или внедрены на КЧЖД. Появился промфинплан, положено начало введению хозяйственного расчета... повышается эффективность, снижается себестоимость перевозок. В то же время уделяется внимание работе по охране труда и улучшению условий жизни рабочих и служащих. По всем отраслям работы дороги — эксплуатационной, коммерческой, паровозному и вагонному хозяйству, путевому хозяйству, связи, сигнализации и автоблокировке, планировании, учете, заводскому хозяйстве, по службе сборов и материального обеспечения, финансовой работе, в вопросах просвещения, по отделу труда и зарплаты, по рабочему снабжению и здравоохранению — всюду передавались и вводились передовые советские технико-производственные методы эксплуатации железных дорог и научно обоснованная система работы. Осуществление советских методов во всех случаях оказалось эффективным на КЧЖД, а некоторые методы сразу же были перенесены и на другие железные дороги Китая. Задания по перевозкам, порученные КЧЖД правительством КНР, были выполнены, и притом рентабельно. КЧЖД сыграла огромную роль в деле поддержки сопротивления против агрессии американского империализма и помощи, оказываемой китайскими народными добровольцами Кореи...»³

Преобразование КЧЖД в образцовую железную дорогу и в школу подготовки китайских кадров

КЧЖД с 1 мая 1950 г. начала свою деятельность как хозрасчетное предприятие со своим самостоятельным балансом, уставным фондом и расчетными средствами в банках.

Наряду с разработкой промфинплана для дороги в целом, для всех ее эксплуатационных районов, хозяйственных единиц и подсобных предприятий как главной основы хозрасчета были определены нормативы собственных оборотных средств.

В соответствии с советскими социалистическими принципами хозяйственного расчета как самого передового метода управления хозяйством все хозяйственные единицы были наделены расчетными оборотными средствами.

Уже в III квартале 1950 г. были организованы и начали постоянно функционировать курсы по подготовке китайских кадров счетно-бухгалтерских работников, нормировщиков и плановых работников. Одновременно была организована интенсивная экономическая учеба китайских работников на местах без отрыва от производства.

В 1950 г. были переведены на полный хозяйственный расчет служба заводов и ее Дальнинский и Харбинский паровозовагоноремонтные заводы, отдел лесной промышленности и его 3 лесных района и 3 леспромхоза, отдел угольной промышленности с Мулинскими и Чжалайнорскими копиями, управление рабочего снабжения с его пятью районными отделами и подсобными предприятиями, служба материально-технического снабжения с главными и восемью участковыми складами, дорожная типография и др.

Практика работы за 8 месяцев 1950 г. показала, что предприятия и организации дороги, переведенные на хозрасчет, работали более рентабельно. Их прибыль была значительно выше, чем по остальным предприятиям дороги, не переведенным на хозрасчет.

По мере подготовки китайских счетно-бухгалтерских кадров и других подготовительных мероприятий в 1951 г. на дороге начал осуществляться последовательный перевод на полный хозяйственный расчет хозяйственных единиц — эксплуатационных районов, паровозных и вагонных депо и др.

В 1951 г. шире и организованнее с помощью советских специалистов была поставлена учеба руководящих китайских кадров. Наряду с технической учебой большое внимание уделялось повышению финансово-экономических знаний китайских руководящих работников.

² «Хочэтоу», 30 апреля 1951 г. Доклад председателя Правления общества КЧЖД Юй Гуаншэня.

³ «Жэньминь жибао», 25.IV.1951.

В китайской печати была широко развернута пропаганда идей и принципов хозрасчета.

Газета «Хочэтоу» 17 апреля 1951 г. писала: «Советские специалисты передают на КЧЖД передовой опыт страны социализма. На КЧЖД последовательно вводится система хозрасчета, и в этой области уже достигнуты блестящие успехи. Все железные дороги Северо-Востока должны изучать и распространять опыт КЧЖД».

В борьбе за выполнение и перевыполнение промфинплана за 1951 г. значительно шире, чем в 1950 г., развернулось массовое трудовое патриотическое соревнование. Если к концу 1950 г. на дороге было 18 177 участников соревнования, то к концу 1951 г. количество участников возросло до 60 859 человек. Одновременно широко стал распространяться опыт китайских работников и коллективов, изучивших передовые методы советских железнодорожников, творчески применявших и развивавших их в местных условиях.

Главную особенность промфинплана 1951 г. составляла задача ускорения оборота вагона. Богатейший опыт советских специалистов по ускорению оборота вагона помог КЧЖД и другим железным дорогам Северо-Востока справиться с повышенными государственными заданиями по перевозке грузов.

По инициативе и с помощью Правления и Управления КЧЖД Планово-экономический комитет Северо-Восточного правительства разработал и ввел схему направления грузопотоков по железным дорогам Северо-Востока, включая и КЧЖД, по важнейшим грузам (уголь, зерно, металлы, лес, цемент).

Общая сумма накоплений за 1951 г. от деятельности КЧЖД и всех ее предприятий и организаций составила 1 189 155 млн. юаней*, или 243 % к плану.

26 апреля 1952 г. газета «Жэньминь жибао» в статье, посвященной второй годовщине деятельности Советско-китайского общества КЧЖД, отметила, что «благодаря тесному единению, дружбе и сотрудничеству китайских и советских работников дороги КЧЖД превращена в самую передовую и образцовую железную дорогу».

В связи с развернувшимся в Китае движением «всемерно развивать производство, экономить средства и увеличивать сверхплановые накопления» коллектив работников КЧЖД в результате широкого обсуждения принял в июне 1952 г. обязательство увеличить размеры производства — погрузить сверх плана 36 тыс. вагонов и достигнуть экономии стоимостью не менее чем 500 тыс. т зерна, или 316 млрд. юаней, из которых сверхплановые накопления должны составить не менее 200 млрд. юаней. Коллектив дороги не только выполнил обязательство погрузить сверх плана 36 тыс. вагонов, но по количеству отправленных грузов фактически перевыполнил его на 8012 вагонов, достигнув при этом огромной экономии в результате максимального использования вагонного парка и государственных средств.

Общий грузооборот в тонно-километрах в 1952 г. по сравнению с 1951 г. увеличился на 10,2 %, а против 1950 г. на 40,7 %.

Пассажирские перевозки в 1952 г. КЧЖД выполнила на 103,2 %.

Широкое распространение на КЧЖД получили следующие передовые советские методы: диспетчера товарища Судникова по согласованному подводу поездов к пунктам оборота паровозов; начальника станции товарища Малядова по сокращению простоя вагонов в ожидании «подачи-уборки»; составителей поездов товарищей Архипова, Карашкевича и других по ускоренному формированию поездов; товарищей Бондарева, Наумовского, Шмелева и других по сокращению простоя под накоплением, ускоренно формированию и отправлению поездов. Одновременно по всем звеньям дороги распространялся опыт китайских новаторов, хорошо изучивших и творчески применяющих в своей работе советские передовые методы.

На станциях Шэньян, Сыпингай, Харбин и Хайлар были организованы школы по передаче опыта работы лучших составителей дороги товарищей Ли Снкую, Ли Дафу, Чжан Сяофына и маневрового диспетчера Ди Ядуна. В эти школы были командированы составители и маневровые диспетчеры с крупных станций по 1—2 человека. Работа в этих школах была организована по образцу советских стахановских школ.

В 1952 г. движение пятисотников, тяжеловесников и машинистов-лунинцев на КЧЖД превратилось в действительно массовое движение, что видно из таблицы о развитии движения машинистов-пятисотников и тяжеловесников и пробега паровоза между подъемочными ремонтами.

Производительность труда на КЧЖД в приведенных тонно-километрах на одного работника эксплуатации составила 317,4 тыс. тонн, против 259,2 тыс. тонно-километров в 1951 г., или возросла на 22,4 %.

Положительное влияние сочетания советского опыта с творческим энтузиазмом всего коллектива китайских рабочих и служащих дороги наиболее ярко отразилось именно в росте производительности труда и снижении себестоимости перевозок.

Если среднесуточная производительность труда одного работника эксплуатации в приведенных тонно-километрах за май 1950 г., то есть с начала совместной советско-китайской эксплуатации дороги составила 15,3 тыс. тонно-километров, то в IV квартале 1952 г., являющемся заключительным этапом совместной советско-китайской деятельности КЧЖД, она равнялась 34,1 тыс. тонно-километров в сутки, а в декабре

* Здесь и далее цифры приводятся в старых денежных единицах (10 тыс. юаней = 1 юаню с мая 1955 г.).

Показатель	Год		
	1950	1951	1952
Количество рейсов паровозов с пробегом в 500 и более км	2 019	13 869	21 278
Процент к общему количеству рейсов	7,4	27,6	54,9
Количество тяжеловесных поездов	3 440	18 424	26 890
Перевезено грузов сверх нормы, в т	838 698	3 740 096	9 396 489
Пробег между подъемочным ремонтом, в тыс. км			
Грузовых паровозов	70,8	79,9	113,8
Пассажирских	90,8	95,7	115,4
Пробег между промывочным ремонтом, в км			
Грузовых паровозов	3 700	4 550	5 063
Пассажирских	4 200	4 900	5 454

1952 г., на день безвозмездной передачи КЧЖД Китаю, выработка на одного работника эксплуатации составила 39,7 тыс. тонно-километров, или 259,5 % к среднемесячной выработке в мае 1950 г.

Для улучшения использования паровозного парка весь он был приведен в хорошее и отличное состояние путем проведения заводского и среднего ремонта и главным образом коренного улучшения текущего содержания на основе самого широкого распространения лунинского метода ухода за паровозом и полной ликвидации японской обезлички паровозов, при которой паровозы не были прикреплены к паровозным бригадам, машинисты и их помощники отвечали только за эксплуатацию и не отвечали за текущий ремонт и содержание паровозов. Эта порочная капиталистическая система, рассчитанная на быстрый износ, в корне противоречащая социалистическому принципу хозрасчета, была изжита как вредный пережиток ненавистного китайским трудящимся длительного японского хозяйничанья на дороге.

Лунинский метод отличного текущего содержания паровозов, сущность которого под руководством советских специалистов быстро была усвоена китайскими товарищами, стал применяться не только в паровозном хозяйстве, но и в других отраслях многогранного железнодорожного производства.

В период японской оккупации Маньчжурии японские капиталисты и генералы, стоявшие во главе ЮМЖД, управлявшие всеми дорогами Маньчжоу-го, смотрели на китайских работников как на рабов, поручая им самые черные, тяжелые работы, не требующие никакой квалификации. Все должности квалифицированных рабочих, технически-инженерные должности и командный состав, начиная от самого низового звена и кончая руководителями общества, были заняты японцами. Они проводили в отношении китайцев типичную колониальную политику, никакой технической учебы китайских кадров при японском господстве не было. Не заботились о подготовке китайских квалифицированных и технических руководящих кадров, особенно из среды рабочих, и реакционные гоминьдановские правители.

Только с образованием Китайской Народной Республики подготовка своих китайских технических кадров в промышленности, на транспорте и во всех отраслях народного хозяйства осуществляется в самых широких масштабах.

Советские специалисты, командированные на КЧЖД, воспитанные в духе интернациональной солидарности и глубокого сочувствия и уважения к борьбе китайского народа, с горячим желанием и энтузиазмом стремились передать китайским товарищам железнодорожникам весь опыт своего социалистического отечества, свой личный, накопленный опыт и знания с тем, чтобы быстрее и качественнее подготовить новые китайские кадры, с отрывом от производства и повышать квалификацию китайских товарищей, работающих без отрыва от производства.

Для организации подготовки кадров с отрывом от производства были открыты 3 дорожные технические школы со сроком обучения различным специальностям от 1,5 месяцев до 2 лет.

Технические школы были укомплектованы советскими и китайскими преподавателями, которые, используя советский опыт, разработали учебные планы и программы. В этих школах были оборудованы кабинеты и лаборатории, оснащенные приборами, разрезными деталями и моделями. В библиотеках технических школ была подобрана по программам новейшая техническая литература по всем специальным вопросам и наглядные пособия, которые в необходимых размерах, как и стенограммы лекций, прочитанные советскими специалистами, переводились на китайский язык.

При технических школах по лучшим образцам советских техникумов были оборудованы хорошие общежития, красные уголки для проведения культурно-массовой работы, комнаты отдыха.

Помимо подготовки работников для самой КЧЖД, на дорогу приезжало учиться много работников почти со всех железных дорог Китая. Они изучали опыт работы КЧЖД и обучались на специально организованных для этой цели курсах продолжительностью от двух недель до двух месяцев. Всего за 1952 г. на КЧЖД обучалось

2257 таких работников разных специальностей: 147 движенцев, 66 путейцев, 82 связиста, 491 вагонник, 865 работников заводов, 268 работников по культурно-массовой работе, художественной самодеятельности и др.⁴

В сентябре — октябре по заданию Министерства железнодорожного транспорта был организован специальный семинар для руководящих работников управлений министерства и железных дорог Китая. На этом семинаре обучалось 350 человек по специально разработанным планам и программам.

Советские специалисты на КЧЖД, помимо своей основной работы, принимали активное участие в организации и проведении этой учебы, разрабатывали планы, программы, конспекты и читали лекции и доклады.

За 2 года и 8 месяцев совместного советско-китайского управления дорогой КЧЖД стала огромным учебным комбинатом по подготовке кадров Китайской Народной Республики. Здесь главным образом готовились кадры железнодорожников, но наряду с этим обучались угольщики и машинисты, работники лесного хозяйства, мясной и пищевой промышленности на предприятиях рабочего снабжения дороги, педагоги и врачи, экономисты и руководители хозяйственных предприятий с самостоятельным балансом, инструкторы спорта и работники художественной самодеятельности и т. п.

Материал подготовлен Б. Г. МОРДВИНОВЫМ и Б. К. ЧИЖОВЫМ

⁴ См.: АМПС, опись № 764, дело № 4, с. 50.

В настоящее время всесторонним изучением в КНР Советского Союза, его истории и современного положения, его опыта социально-экономического и научно-технического развития занимаются свыше 60 организаций, специализированных научно-исследовательских институтов и кафедр, функционирующих в рамках Академии общественных наук (АОН) Китая и ее провинциальных подразделений. Исследовательскую работу по Советскому Союзу в КНР ведут также различные практические ведомства, вузы, многочисленные всекитайские и региональные научные общества¹. Значительная часть этих центров по изучению СССР расположена в приграничных с Советским Союзом провинциях и районах Китая, что объясняется географической близостью, исторически тесными связями этих районов с Россией и Советским Союзом, наличием здесь большого отряда квалифицированных специалистов-советологов и т. д.

Необходимо подчеркнуть, что китайская советологическая школа, организационная структура центров по изучению СССР, основные направления их деятельности и сейчас все еще остаются малоизученной за пределами КНР темой. В первую очередь это объясняется тем, что до самого последнего времени значительная часть советологических исследований в Китае велась в закрытом порядке. Некоторое представление об организации подобного рода исследований в КНР на провинциальном уровне может дать ознакомление с деятельностью научно-исследовательских учреждений провинции Хэйлуцзян, где раньше других были созданы и активно функционируют поныне ряд советологических центров при Академии общественных наук и высших учебных заведениях провинции.

Формирование исследовательских центров провинции Хэйлуцзян имеет довольно длительную и полную драматических событий историю. В начале 60-х годов при народном правительстве провинции Хэйлуцзян было создано несколько научно-исследовательских институтов, в том числе один из первых специализированных советологических центров Китая — Институт советского Дальнего Востока (Харбин, 1963). Следует отметить, что он был создан в тот период, когда формировалась так называемая «особая линия» пекинского руководства и начался процесс резкого ухудшения советско-китайских отношений. В 1964 г. Институт слился с НИИ философско-общественных наук провинции Хэйлуцзян, который имел значительный по тем временам штат — 110 человек. «Культурная революция» привела к фактическому прекращению почти всех исследовательских работ в Китае, в том числе и в Институте советского Дальнего Востока. Научные кадры подверглись гонениям, а «исследования» СССР сводились к голословному утверждению пресловутых тезисов о «реставрации капитализма» и «буржуазном перерождении» СССР. Другие темы, связанные с изучением Советского Союза, были объявлены «запретными зонами»².

В конце 60-х — начале 70-х годов одним из главных направлений, на котором концентрировались усилия китайских советологов, в первую очередь историков, становится так называемая «погранично-территориальная проблема». Для «научного» подтверждения «обоснованности» территориальных притязаний Пекина на советские земли к изучению архивов, исторических документов, включая материалы на русском языке, были привлечены и специалисты-советологи из исследовательских центров Северо-Востока КНР. В тот же период в закрытом порядке был осуществлен перевод

¹ С целью координации всей научно-исследовательской работы по Советскому Союзу и странам Восточной Европы в сентябре 1982 г. в Шанхае было создано Китайское научное общество Советского Союза и Восточной Европы — Чжунго сулянь дунъюу сюэхуэй, — план работы которого обсуждался на собрании правления общества в 1984 г. в городе Чэнду.

² Известный китайский эксперт-советолог Лю Кэмин в одной из статей признал, что исследовательским работам по Советскому Союзу в КНР периода «культурной революции» были присущи «упрощенство и односторонность», а вице-президент АОН Китая Лю Гогуан, выступая на симпозиуме по советской экономике в июле 1983 г., сказал еще более откровенно: «В тот период наша исследовательская работа главным образом велась не с целью объективного анализа в рамках делового и реалистического подхода на базе большего фактического материала, а для того, чтобы подогнать результаты этой работы под потребности критики современного ревизионизма».

и издание ряда работ русских и советских ученых по истории формирования границы, русско-китайских и советско-китайских отношений³.

Анализ появившихся в Китае в 60—70-е годы статей и работ на указанные темы позволяет сделать вывод о том, что их авторы, скрывавшиеся под псевдонимами (например, автор установочной статьи в первом номере журнала «Лиши яньцзю» за 1974 г. — Ши Юйсинь), либо за подписью «теоретическая группа рабочих, крестьян и солдат», преследовали не научные цели, а выполняли определенное задание подкрепить официальные тезисы Пекина об «агрессии царской России против Китая», о «неравноправных договорах», по которым якобы Китай «утратил свыше 1,5 млн. км² своих исконных территорий». Необходимо отметить, что большое количество статей и монографий, содержащих «обоснования» этих тезисов, были подготовлены именно на Северо-Востоке, в частности в Хэйлунцзяне⁴. По материалам самого крупного в истории КНР археологического исследования провинции Хэйлунцзян, проведенного по указанию Госсовета КНР в 1981—1983 гг., в ряде журналов (например, «Дунбэй коагу юй лиши», «Хэйлунцзян вэньхуа цункань» и др.) было опубликовано около 400 такого рода статей, многие из которых носили антисоветский характер.

В организационном плане исследовательская работа на советологическом направлении стала восстанавливаться в Китае в первой половине 70-х годов: в 1973 г. была разослана директива о воссоздании научно-исследовательских институтов фило-софско-общественных наук провинциального уровня. Этот процесс шел медленно, с большими трудностями, во-первых, потому, что не хватало научных кадров в этой области (их численность в провинции Хэйлунцзян, например, к 1976 г. составила 70 человек, то есть лишь половину от уровня 1964 г., а к 1978 г. — 90 человек); во-вторых, не было четких указаний относительно научной деятельности, многие китайские ученые-историки, специалисты-советологи были травмированы репрессиями периода «культурной революции» и боялись их повторения. Как показали дальнейшие события, эти опасения были небезосновательны⁵.

С 1977 г. начинается новый этап в развитии советологических исследований в КНР. После учреждения в 1977 г. Академии общественных наук Китая⁶ постепенно создаются ее провинциальные подразделения. 24 апреля 1979 г. после трехмесячного подготовительного периода была официально основана Академия общественных наук провинции Хэйлунцзян, являющаяся в настоящее время по численности сотрудников и объему научных изысканий одной из ведущих советологических организаций в КНР. Свыше 300 ее сотрудников (в том числе 200 с лишним научных и управленческих кадров) работают в восьми научно-исследовательских центрах: в институтах философии, экономики, политологии, истории, диалектики природы, литературы, информации, а также в Институте Сибири. Помимо этого, при АОН провинции Хэйлунцзян недавно был создан центр подготовки и усовершенствования кадров для различных ведомств. Имеется также редакция журнала «Сюэси юй таньсо» («Учеба и поиск») и отдел аспирантуры. Характерной чертой АОН провинции Хэйлунцзян является не только прикладное изучение проблем местного провинциального характера, но и советологические исследования с упором на всеобъемлющее изучение Сибири и советского Дальнего Востока, которое ведется практически во всех восьми институтах.

Институт Сибири, будучи единственным в Китае учреждением этого профиля, подразделяется на 3 сектора — экономики, истории, справочно-переводческий. Около 30 его сотрудников ведут углубленное и широкое изучение Сибири и Дальнего Востока, включая историю и современность, стратегию и тактику развития этих регионов Советского Союза, а также историю и современную жизнь малых народностей, населяющих указанные районы. Если несколько лет назад одним из главных направлений работы Института Сибири была подготовка материалов на так называемую «погранично-территориальную тематику»⁷, то теперь наряду с ней исследуются также новая и новейшая история Сибири, включая историю революционного движения и период

³ В одном лишь пекинском издательстве «Шаньгу» было выпущено около двух десятков переводов изданных в России и Советском Союзе книг на указанные темы, среди которых можно назвать такие солидные монографии, как Новая история Китая. М., 1972 (под ред. С. Л. Тихвинского, перевод вышел в свет в Пекине в 1974 г.); Русско-китайские отношения в XVII веке. Материалы и документы в 2-х томах. М., 1969 (перевод в КНР сделан в 1978 г.) и многие др.

⁴ Так, в Институте истории и Институте Сибири АОН провинции Хэйлунцзян были подготовлены работы: Каким образом царская Россия совершила агрессию против Китая; Краткий очерк покорения Сибири; «Горькая страница в истории народов Сибири и т. д. (Ежегодник исторической науки в Китае. КНР, 1983, с. 415—416).

⁵ На II Всекитайском научном симпозиуме по современной советской литературе (Харбин, 12—21 сентября 1979) большинство его участников признало, что с точки зрения внутренней политики СССР является социалистическим государством («Вэнь байцзя», 1979, № 2, с. 254). Итоговые материалы симпозиума подверглись суровой критике Пекина, а хэйлунцзянский журнал «Вэнь байцзя», опубликовавший отчет о симпозиуме, был закрыт.

⁶ См.: Сб. статей к 35-летию КНР. — Гуанхуэйдэ чэнцзю, т. 2, 1984, с. 333.

⁷ Ежегодник исторической науки в Китае, с. 415—416.

гражданской войны, развитие Сибири и Дальнего Востока в 30-е годы и в годы Великой Отечественной войны⁸. Из современных проблем наибольшее внимание уделяется экономическому, в частности промышленному, развитию Сибири.

Среди подготовленных в Институте Сибири работ можно назвать выпущенные в 1980—1982 гг. 2 сборника документов «Экономическая реформа в СССР», а также монографию «Обзор экономики советской Сибири и Дальнего Востока» (октябрь 1983 г.). Исследования в этой области ведутся в сотрудничестве с провинциальным Институтом экономики в рамках Хэйлуцзянского общества изучения проблем экономики СССР и Восточной Европы. Учитывая достаточно высокий уровень этих исследований в Хэйлуцзяне, в июле 1980 г. здесь было проведено первое годовое собрание Китайского научного общества по изучению экономики Советского Союза, в работе которого приняли участие 120 представителей различных исследовательских институтов, вузов, издательских и пропагандистских органов, а также центральных и местных экономических учреждений⁹.

Значительная работа в Институте Сибири ведется по переводу и реферированию советской литературы¹⁰. Результатом пятилетней работы стал выпущенный в 1984 г. «Словарь географических названий СССР (Сибирь и Дальний Восток)» объемом в 2,5 млн. иероглифов (1630 с.). Институт Сибири поддерживает контакты с западными и японскими советологическими центрами, получает основные западные издания по Советскому Союзу, имеет, как и другие исследовательские организации аналогичного профиля в Китае, аппаратуру приема и записи передач советского телевидения (Орбита-2) для последующего анализа их содержания. В последнее время представители Института стали высказываться за установление контактов и связей с советскими учеными, за сотрудничество в разработке ряда тем.

В области советологии крупным центром преподавательской и научной работы на Северо-Востоке КНР является Хэйлуцзянский университет. Его предшественником была Школа иностранных языков в Яньани, которая в 1946 г. перебазировалась в Харбин и стала именоваться Харбинской школой (затем с 1956 г. — Институтом иностранных языков). Сам университет был основан в сентябре 1958 г. и в настоящее время имеет 12 факультетов, на которых свыше 600 преподавателей (в том числе 100 профессоров и 300 доцентов) ведут обучение 3 тыс. студентов дневного отделения по 23 специальностям. Университет поддерживает тесные связи с вузами США, Японии, Канады, Швейцарии и других стран, обмениваясь преподавателями, аспирантами и студентами.

Одним из двух научно-исследовательских институтов, функционирующих в рамках Хэйлуцзянского университета, является Институт советских проблем. Он был создан в 1979 г., в настоящее время коллектив его состоит из 15 научных сотрудников. Институт советских проблем в основном призван обеспечивать учебный процесс, но в нем ведутся и комплексные исследования по секторам истории советской экономики (с упором на изучение сельского хозяйства), советской литературы (включая литературу Сибири и литературу «малых форм» 20—30-х годов), русского языка и его преподавания, лексикографии и педагогики. За последние годы в этом институте совместно с учебными кафедрами и привлеченными специалистами по Советскому Союзу из других исследовательских учреждений Китая была проделана значительная работа по составлению словарей¹¹, переводу произведений классиков русской и советской литературы с материалами, посвященными творчеству писателей, подготовлены собственные исследования сотрудников Института советских проблем¹².

Харбинский педагогический университет также является крупным учебным и науч-

⁸ Институт Сибири совместно с НИИ истории АОН провинции сейчас ведет работу над фундаментальной монографией «История освоения Сибири Россией и Советским Союзом за период 1581—1981 гг.».

⁹ Отчет о собрании опубликован в журнале «Цзинцзисюэ дунтай», 1980, № 12, с. 24—26.

¹⁰ Фонды библиотеки Института Сибири насчитывают свыше 200 тыс. наименований книг, из которых четвертая часть издана в СССР; из 300 газет и журналов, публикуемых Институтом Сибири, свыше 80 % — советские.

¹¹ Недавно была завершена работа над переводом советского Энциклопедического словаря, готовятся к изданию научно-технический словарь, словарь русских говоров, словарь общественно-политической лексики и т. д. За период с 1975 по 1980 г. было подготовлено расширенное издание известного «Большого русско-китайского словаря» под ред. Лю Цзэжуна, затем было решено увеличить объем этого словаря со 120 тыс. до 160 тыс. слов. Предполагается подготовить на этой базе наиболее полный русско-китайский словарь объемом в 200 тыс. слов. Для этого, по замыслу китайских лингвистов, потребуется около 7 лет работы и тесное сотрудничество с советскими специалистами.

¹² Совместно с кафедрой русской и советской литературы в настоящее время завершается большая работа по переводу и выпуску 10-томной библиотеки русской классики XIX в. с очерками о творчестве писателей, запланирован перевод отдельных произведений известных советских писателей.

но-исследовательским центром провинции Хэйлуцзян¹³. В университете, созданном в 1951 г., в настоящее время обучается около 7 тыс. студентов, которых готовят по 16 специальностям на 13 факультетах. Из 1700 сотрудников университета около 800 чел. — преподаватели, включая 9 профессоров и 100 доцентов. В аспирантуре, восстановленной в 1978 г., сейчас обучается почти 80 аспирантов. Важное место в научно-исследовательской работе в университете отводится советологическим исследованиям. В число 29 исследовательских кафедр входит единственная в Китае кафедра по изучению советской философии. Силами сотрудников этой кафедры подготовлены переводы трех книг советских авторов, планируется перевести и издать наиболее представительные работы советских философов в 20-томной серии «Естественнонаучная и философия». В конце августа 1984 г. в Харбине был проведен I всекитайский симпозиум по ряду проблем советской философии, на котором присутствовали 70 специалистов из различных учреждений и было зачитано 20 докладов. Участники симпозиума отметили крупные достижения советской философской мысли в области науковедения, методологии научных исследований, научного моделирования и т. д., а также их прикладное значение для научной работы в Китае.

В рамках научно-исследовательского института педагогики, функционирующего при Харбинском педагогическом университете, в 1983 г. был создан сектор по изучению советской системы просвещения, работе которого, в условиях проводимой в КНР реформы образования, придается особое значение. В июле 1984 г. в Харбине состоялся всекитайский симпозиум по изучению реформы общеобразовательной и профессиональной школы в СССР, в работе которого участвовало 70 специалистов. В своих выступлениях авторы 40 докладов дали высокую оценку основным направлениям реформы советской системы образования.

Значительная доля советологических исследований ведется на факультете истории этого университета.

Однако изучение истории китайско-русских отношений здесь ведется тенденциозно. Достаточно сказать, что центральным направлением работы кафедры истории до недавних пор оставалась тема «Агрессия царской России против Китая»¹⁴. В настоящее время, видимо, в таком же духе изучается история экономических связей Китая с Россией, начиная с XVII в. и вплоть до 1917 г.

Немало вопросов, связанных с Советским Союзом и его внешней политикой в 30—40-х годах, исследуется в рамках Всекитайского общества изучения истории второй мировой войны, созданного на симпозиуме, проходившем в июле 1979 г. в Харбине. Активным организатором и участником симпозиума был исторический факультет Харбинского педагогического университета.

Университет имеет свои печатные органы, в частности журнал «Бэйфан луньцун», нередко публикующий на своих страницах материалы, связанные с Россией и Советским Союзом.

Характеристика вузовской советологии в провинции Хэйлуцзян была бы неполной без упоминания о важной роли значительного отряда преподавателей-русистов. Главной их задачей, естественно, является подготовка высококвалифицированных специалистов со знанием русского языка и культуры, определенная часть из которых пополнит ряды китайских советологов¹⁵. Наряду с этим многие преподаватели русского языка ведут значительную научную и переводческую работу. Подготовленные ими переводы книг и статей из советских журналов публикуются в университетских вестниках и специализированных журналах.

В провинции Хэйлуцзян ведется также серьезное изучение научно-технических достижений Советского Союза. Этим занимается Исследовательский институт научно-технической информации, выпускающий с 1980 г. один раз в два месяца журнал «Сулянь кэсюэ юй цзишу» («Наука и техника в Советском Союзе») объемом в 50 страниц. Кроме того, в отделах научно-технической информации крупных предприятий и отраслевых институтов, как правило, имеются специалисты со знанием русского языка, которые внимательно изучают советскую специальную литературу и периодику, готовят доклады и реферативные сборники.

В заключение обзора можно отметить, что за последние 6—7 лет в КНР постепенно сформировалась обширная сеть советологических центров, ведущих всестороннее изучение Советского Союза, его истории и современных проблем. Процесс становления китайской советологии еще не завершен. Однако, учитывая глубину изыскательской работы, можно сказать уже сейчас, что китайская советология, если она пойдет по пути объективности и исторического реализма, вскоре сможет претендовать на право быть самостоятельной и важной отраслью общественных наук в Китае.

К. Ю. ФЕДОРОВ

¹³ Университет обладает самой большой в провинции Хэйлуцзян библиотекой, фонды которой насчитывают 1,2 млн. экз., из них свыше 100 тыс. — на русск. яз.

¹⁴ Начиная с 1975 г. факультет и кафедра выступили инициаторами четырех общекитайских и региональных конференций по «критике» изданной в 1972 г. в СССР Новой истории Китая (под ред. С. Л. Тихвинского).

¹⁵ Общее число студентов четырех курсов Хэйлуцзянского университета, изучающих русский язык, составляет 60 человек, преподавателей — 16.

«Жэньминь жибао» об экономических преобразованиях в Китае

Орган ЦК КПК «Жэньминь жибао» уделяет большое внимание важнейшим задачам экономического, социального и культурного развития страны. В текущем году, как и в прошлом, акцент делается на мероприятиях, связанных с проведением реформы. Уже в традиционной новогодней редакционной статье подчеркивается, что реформа — первостепенная и долговременная задача партии, а не кампания, что реформу необходимо продвигать шаг за шагом вперед, преодолевая возникающие противоречия. Характерно, что статья дается под заголовком: «Пусть весь Китай будет охвачен духом Юйгуна». Если вспомнить, что мифический Юйгун, начавший срыпать огромную гору, несмотря на скептицизм соседей, воплощает дух упорства, уверенности в достижении цели, то эту статью можно расценивать как ответ скептикам — тем, кто выражает сомнения в возможности доведения реформы до конца, как призыв к массам активно участвовать в реформе, не боясь трудностей.

Курс на проведение реформы был принят на III пленуме ЦК КПК одиннадцатого созыва в декабре 1978 г. Началась реформа в сельском хозяйстве, и сейчас в этой сфере народного хозяйства подводятся некоторые итоги. Так, в номере от 1 января 1986 г. в «Жэньминь жибао» помещен текст речи члена Политбюро ЦК КПК, заместителя премьера Госсовета Вань Ли, с которой он выступил 6 декабря прошлого года на рабочем совещании по вопросам сельского хозяйства в ЦК КПК. По его оценке, первый этап реформы в деревне завершился и необходимо переходить ко второму этапу.

Вань Ли расценивает первый этап реформы в деревне как достаточно успешный и подчеркивает значение трех моментов в ее проведении. Реформа добилась успеха на этом этапе главным образом потому, отмечает он, что проводившийся политический курс отражал интересы крестьян. Обращаясь к участникам совещания, Вань Ли говорит, что новое направление в сельском хозяйстве не является «изобретением отдельных товарищей из ЦК, или руководителей из провинций, или партийных секретарей», это «коллективное творчество партии, в основном опирающееся на практику, изобретательность, инициативу многомиллионных крестьянских масс».

Вань Ли обращает внимание на то, что в ряде районов руководители еще не уяснили себе того, что следует исходить из практики, и продолжают «рубить сплеча, подходить к реформе грубо и прямолинейно», действуют зачастую вслепую. После III пленума ЦК КПК одиннадцатого созыва, подчеркивает Вань Ли, произошел крутой поворот от запрещения дворового подряда до повсеместного распространения системы ответственности в форме семейных подрядов. Прделана большая работа, чтобы «снять путы» с производительных сил в деревне, и с этой целью государством был издан целый ряд соответствующих постановлений. Однако, по словам Вань Ли, некоторая часть документов по вопросам реформы не отражает ее духа или подходит к проблемам недифференцированно, то есть «сковывает реформу». Вань Ли считает важной задачей решить эти проблемы.

Цель реформы, говорится в статье, — «выход на путь строительства социализма с китайской спецификой». Вань Ли предупреждает, что в ходе реформы «неизбежны трудности, зигзаги, возникновение тех или иных проблем». Как отмечает Вань Ли, есть в стране и противники реформы.

Правильность политики китайского руководства в деревне после III пленума ЦК КПК одиннадцатого созыва на практике подтвердилась, поясняет автор. Вань Ли считает, что многие конкретные мероприятия в настоящее время завершаются, однако необходимы еще теоретические разработки.

Этот вывод свидетельствует, что проведение реформы в Китае осуществляется прагматическим путем, методом проб и неизбежных в подобном случае ошибок. Несмотря на то что реформа проводится уже в течение 6 лет, глубокого теоретического анализа ее результатов еще не проводилось, и это ставится как задача на будущее.

Большое внимание в своем выступлении Вань Ли уделяет важности расширения прав уездов при проведении реформы в деревне. Необходимость особого внимания к уездам в развитии реформы он объясняет рядом причин. По его оценке, в настоящее время реформа в деревне, непрерывно углубляясь, вошла в соприкосновение с реформой в городах, превратившись в важнейшую неотъемлемую часть преобразований всей хозяйственной системы. При этом, «если мы не сможем провести реформу в городах, — говорит Вань Ли, — то мы не сможем провести и второй этап реформы в деревне». А уезды, как подтвердила практика последних лет, «являются связующим звеном между городом и деревней, связующей частью макро- и микроэкономики».

Вань Ли выделяет следующие основные направления практической работы на втором этапе реформы в деревне:

— развитие товарного хозяйства на селе, усиление воспитательной работы, укрепление руководства, соблюдение законов, с тем чтобы «социалистическое товарное хозяйство продолжало развиваться и далее на здоровой основе»;

— отмена или критический пересмотр скопившихся реформу документов;

— предоставление большей самостоятельности уездам, где возможности организации сбалансированного товарного производства довольно значительны.

Вань Ли указывает, что в «сложившейся в настоящее время структуре существуют некоторые нерациональные положения, которые накладывают пути на активность уездов». Снятие их «будет способствовать развитию хозяйственной жизни в деревне, реформа углубится и обеспечит новое развитие в работе в деревне, а это наиболее важно для второго этапа реформы».

В целом, как можно видеть, Вань Ли, хотя и заявляет, что цель реформы — «резким скачком» выйти на путь строительства социализма, тем не менее активно защищает путь постепенного, шаг за шагом, развития реформы методом проб, выявления положительных моментов и отказа от ошибочных.

Мероприятия по проведению реформы в сфере промышленности во многом представляя собой изыскания внутренних ресурсов, повышения экономической эффективности, укрепления «базы предприятий». Большую роль при этом, по оценке китайских газет, сыграли выборочные обследования отраслей промышленности, проведенные в последние два года. Этот опыт намечается распространить в масштабах всей страны. «Жэньминь жибао» в номере от 3 января с. г. на первой полосе помещает редакционную статью, в которой говорится, что с 1 января официально началось «второе большое повсеместное обследование промышленности всей страны». Это мероприятие расценивается как «важнейший шаг в модернизации промышленности» и сравнивается по значению со всеобщей переписью населения. Цель всестороннего обследования промышленности в таких грандиозных масштабах — «нащупать основы для планирования перспектив развития народного хозяйства и общества», выработка правильного направления, создание необходимых условий для продвижения хозяйственной реформы в городах, ускорение модернизации промышленности. Обследование позволит оценить положение в отраслях промышленности, хозяйственное положение предприятий, их техническое оснащение, экономическую эффективность, структуру производства в целом, дать оценку трудовым ресурсам. Всего насчитывается 360 общегосударственных экономических показателей, более 500 — по различным отраслям народного хозяйства, а по номенклатуре продукции свыше 5 тыс. показателей. Как указывается в статье, эти показатели, «взаимно пересекаясь и дополняя друг друга, позволяют получить несколько десятков тысяч цифр», которые имеют «важнейшее значение для последующего урегулирования капиталовложений, реформы системы управления, рационализации внутренней структуры промышленности, определения номенклатуры продукции, повышения уровня хозяйственного управления предприятиями», качественной характеристики людских ресурсов в промышленности.

«Жэньминь жибао» акцентирует внимание на том, что «в отличие от переписи населения обследование промышленности затрагивает интересы районов, ведомств и самих предприятий». Поэтому «легко могут иметь место факты сокрытия информации, подтасовки, очковтирательства». Поэтому в ходе мероприятий планируется «создать строгую систему ответственности, касающуюся каждого человека, данного района, ведомства и данного предприятия». Ключ к эффективному проведению обследования промышленности, указывается в статье, «в том, чтобы все звенья руководства решительно придерживались высоких критериев, строгих требований и обеспечивали бы качество показателей».

Связанные с реформой преобразования затрагивают самые различные области экономики, например торговлю. В номере от 3 января «Жэньминь жибао» публикует иространный отчет о состоявшемся в октябре 1985 г. в Ухани теоретическом совещании, посвященном реформе системы торговли в центральных городах. Участники совещания сошлись во мнении, что торговля является важнейшим стратегическим звеном развития городского хозяйства и государство должно превратить крупные центральные города в свои опорные пункты при осуществлении контроля над рынком в масштабах государства. В ходе дискуссии выступавшие в целом поддержали необходимость преобразований в сфере торговли в духе реформы и в первую очередь требовали четкого различия между административным управлением и управлением с помощью экономических рычагов. Высказывались также мнения о целесообразности расширения прав предприятий, но в то же время отмечалось, что необходимо иметь орган, который бы полностью отвечал за контроль над деятельностью владельцев средств производства, поскольку эти средства являются общенародной собственностью. Внимание газеты акцентировалось и на других проблемах. В целом публикации в «Жэньминь жибао» свидетельствуют об уверенности китайского руководства в том, что механизм реформы набрал силу и реформа получит дальнейшее развитие, а возникающие проблемы будут решаться постепенно в ходе ее проведения.

Б. Н. БАСОВ

Журнал «Вопросы востоковедения» Института востоковедения Академии наук МНР выходит два раза в год. В его очередном номере за 1985 г. помещены материалы о VII Конгрессе Коминтерна, сыгравшем большую роль в развёртывании войны Спротивления китайского народа против японской агрессии, другие материалы из новой и новейшей истории Китая, статьи, посвященные Индии, Кампучии, другим странам и проблемам Азии. Журнал № 2 (1985) открывается статьей, анализирующей значение решений VII Конгресса Коминтерна в развитии национально-освободительной борьбы народов Востока. В статье, в частности, подчеркивается, что VII Конгресс Коминтерна в своих решениях отметил, что империализм — это источник агрессивных, захватнических войн. Это определение актуально и в наши дни, когда народы убеждаются в том, что по вине милитаристского курса держав империализма, прежде всего американского, курса, нацеленного на раскручивание гонки ядерных вооружений, крайне обостряется международная ситуация в глобальных масштабах. Анализируя агрессивную политику империализма США, Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев указывает, что по вине империализма над человечеством нависла страшная угроза. Единственный разумный выход из создавшегося положения, говорил он, — это договоренность противостоящих сил о немедленном прекращении гонки вооружений — прежде всего ядерных — на Земле и недопущение ее в космос.

Решения VII Конгресса Коминтерна имели важное значение для судеб народов Востока, в том числе китайского народа, китайской революции, отмечается в материалах монгольского журнала.

В докладе Генерального секретаря Коминтерна Г. Димитрова на VII Конгрессе Коминтерна, в решениях конгресса выдвигалась задача последовательного осуществления компартиями стран Востока политики создания единого народного фронта борьбы против империализма, против колониальных войн. Китайская делегация на VII Конгрессе Коминтерна, которую возглавил член Политбюро ЦК КПК Ван Мин, активно участвовала в выработке Коминтерном стратегии единого антифашистского фронта. Основы ленинского положения о необходимости создания единого антиимпериалистического фронта были изложены в «Обращении КПК к народу об отпоре Японии и спасении Родины» от 1 августа 1935 г. В этом историческом документе, пишет журнал, КПК призвала все партии, политические группировки Китая прекратить гражданскую войну, мобилизовать силы на сопротивление японской агрессии и спасение Родины. В Обращении содержался призыв к консолидации сил гоминьдана и КПК для борьбы против японского агрессора. Эта политика КПК полностью отвечала интересам китайского народа, говорится в этой журнальной статье.

Единый национальный антияпонский фронт в Китае был создан в сентябре 1937 г. после того, как Япония 7 июля 1937 г. развернула широкомасштабную войну против китайского народа. Созданный по инициативе КПК и при активной поддержке Коминтерна единый национальный фронт сыграл исключительно важную роль в организации борьбы китайского народа против японской агрессии.

Огромное значение, подчеркивается в монгольском журнале, имели решения VII Конгресса Коминтерна для вьетнамских коммунистов. Решения конгресса дали возможность правильно определить направления организационной работы и найти ее нужные формы. Такую же роль сыграли решения XII Конгресса Коминтерна для других партий стран Востока, в том числе для МНРП.

VII Конгресс Коминтерна не только выработал стратегию и тактику единого антиимпериалистического фронта в колониальных и зависимых странах Востока, но и содействовал идейной марксистско-ленинской закалке коммунистических партий этих стран, подчеркивает журнал АН МНР «Вопросы востоковедения».

В статье «Республика Индия: политика неприсоединения, ее формирование и развитие» монгольский политолог Д. Пурэв рассказывает о формировании политики неприсоединения одного из крупнейших государств Азии — Республики Индии, о ее роли в деле сохранения и укрепления всеобщего мира и безопасности народов. В статье напоминает, что основатель Республики Индии, вдохновитель ее миролюбивой внешней политики, один из руководителей национально-освободительного движения индийского народа, Джавахарлал Неру сыграл большую роль в истории становления и упрочения антиимпериалистической направленности политики неприсоединения Индии. Приверженность к делу мира, борьбе за обеспечение равноправия как в политических, так и в экономических отношениях между государствами, нетерпимость к проявлениям империализма, расизма, колониализма и апартеида — таковы основные принципы политики неприсоединения, проводимой правительством Индии, пишет Д. Пурэв.

Антиимпериалистический, миролюбивый курс внешней политики Индии создает

благоприятные условия для преодоления отсталости, унаследованной страной от колониального прошлого, способствует дальнейшему возрастанию роли Индии в международных делах, говорит далее автор этой статьи. Он делает вывод, что движение неприсоединения, одним из инициаторов которого является Индия, ныне становится весьма влиятельным, прогрессивным фактором международных отношений. Индия, являясь одним из активных членов этого движения, играет важную роль в дальнейшем укреплении антиимпериалистической направленности движения неприсоединения и вносит большой вклад в борьбу народов за укрепление мира и безопасности в Азии и во всем мире.

В статье «Буржуазно-помещичья Китайская Республика (1911—1949 гг.)» монгольский историк Н. Ишжальц дает краткое обозрение этого периода новой и новейшей истории Китая. Автор отмечает, что в 1911 г. в Китае произошла буржуазно-демократическая революция (известная в истории как Синьхайская), свергнувшая иго маньчжурской династии Цин в Китае.

Компартия Китая, китайский народ в ходе героической национально-освободительной войны добились победы над врагом. Советский Союз, несмотря на трудности в период Великой Отечественной войны, оказал братскую помощь китайскому народу, которая сыграла огромную роль в деле достижения победы, отмечает монгольский журнал.

В результате разгрома Квантунской армии советскими войсками совместно с частями Монгольской народной-революционной армии и освобождения Маньчжурии, Внутренней Монголии и части Северного Китая в 1945 г. возникли благоприятные условия для дальнейшего развертывания национально-освободительной борьбы, говорится в журнале «Вопросы востоковедения». Многолетняя освободительная борьба китайского народа увенчалась успехом. Победа народной революции навсегда покончила с чужеземным гнетом и внутренней реакцией, положила начало социалистическому пути развития Китая.

Автор статьи «Революционное движение 30 мая 1925 г. в Китае» Ч. Далай подчеркивает, что «движение 30 мая» — массовые антиимпериалистические выступления китайского народа в Шанхае и других крупных городах Китая — означало начало революции 1925—1927 гг. Самыми крупными событиями «движения 30 мая» стали всеобщая антиимпериалистическая стачка в Шанхае и 16-месячная забастовка в Гонконге и Гуанчжоу. Рабочий класс выступил главной передовой силой движения в Шанхае, Гонконге, Гуанчжоу и в ряде других городов страны. Политическое и организационное руководство этого движения с самого начала находилось в руках КПК.

Политика единого фронта, имевшая тогда важнейшее значение для развития революции, пишет монгольский историк, была разработана и осуществлялась при поддержке Коминтерна. Международный рабочий класс, и особенно рабочий класс Страны Советов, оказывал революционным силам Китая интернациональную помощь в их справедливой борьбе за свободу и независимость. 14 июня 1925 г. Всекитайская федерация профсоюзов обратилась к рабочим и профсоюзам всего мира с просьбой об оказании помощи. На этот призыв откликнулись рабочие многих стран, значительную помощь китайским рабочим оказал рабочий класс Советского государства. Всекитайская федерация профсоюзов выразила чувства китайского пролетариата в связи с интернациональной солидарностью в письме, адресованном ВЦСПС: «Во время борьбы с жестоким и варварским империализмом вы ободряли и поддерживали нас. Ваша помощь придает нам новые силы».

Ц. Баатар в статье «Успехи кампучийского народа в борьбе против империализма, гегемонизма и реакции» подчеркивает, что провозглашение Кампучии Народной Республикой в январе 1979 г. явилось закономерным результатом совместной борьбы народов трех братских стран Индокитая — СРВ, ЛНДР и НРК за свободу, независимость и социальный прогресс. Ныне народ Кампучии при всесторонней братской помощи стран социалистического содружества самоотверженно трудится над строительством нового общества. За последние годы кампучийским народом был сделан значительный шаг вперед во всех областях социально-экономического развития страны.

Силы империализма и гегемонизма не прекращают попытки повернуть вспять уверенную поступь народной Кампучии, говорится на страницах журнала АН МНР. Используя своих марионеток — полпотовцев и кхмерскую реакцию, враги стремятся остановить неумолимый ход развития кампучийской революции, подорвать завоевания народа. Однако эти попытки сил империализма и реакции обречены на провал, ибо Кампучийская народно-революционная армия совместно с вьетнамскими добровольцами бдительно стоит на страже революционных завоеваний своего народа, надежно защищая суверенитет и территориальную целостность НРК. Автор подчеркивает, что Кампучия совместно с СРВ и ЛНДР ведет неустанную борьбу за стабилизацию политической обстановки на Индокитайском полуострове. Эти три братские страны неоднократно выдвигали совместные инициативы о созыве конференции по вопросам стабилизации обстановки в Юго-Восточной Азии, что нашло широкую поддержку прогрессивных сил мира. Монгольская Народная Республика вместе с другими братскими странами социализма активно поддерживает борьбу кампучийского народа за перспективы социалистического развития страны, за мир и стабильность в Юго-Восточной Азии.

В. А. ВАСИЛЬЕВ

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Китайские ученые о некоторых вопросах политэкономии

Гао Цюнь. Социалистическая собственность на средства производства. Харбин, 1984, 160 с.

В связи с проходящими после 1978 г. в КНР преобразованиями и реформами в экономической системе в научных кругах проводится большое число дискуссий по узловым проблемам политической экономии социализма. Главное назначение этих дискуссий — теоретическое обоснование проводимых практических мероприятий. Центральное место в них занимают обсуждения развития отношений собственности¹. По этой тематике опубликовано большое количество статей в научных журналах, а также в газетах. На эту тему начали появляться отдельные брошюры и книги. Примером может служить рецензируемая работа «Социалистическая собственность на средства производства».

Такое внимание к рассмотрению отношений собственности объясняется рядом важных причин: во-первых, отношения собственности на средства производства составляют экономическую основу общественного строя, определяют его социально-экономический характер; во-вторых, глубокие преобразования в отношениях собственности в Китае в 50-е годы изменили направление его социально-экономического развития; в-третьих, именно в этой сфере экономических отношений в 1958—1978 гг. в КНР были допущены самые большие перегибы (образование «народных коммун», ликвидация мелкотоварного сектора в городе и деревне, подсобных хозяйств крестьян и др.), которые оказали сугубо отрицательное воздействие на развитие экономики КНР и китайского общества в целом; в-четвертых, проходящие в настоящее время в КНР реформы носят далеко не однозначный характер, глубоко затрагивают коренные интересы различных классов и социальных групп населения, волнуют китайское общество.

Говоря о книге Гао Цюня, сразу заметим, что высказанные в ней положения обосновываются многими обществоведами.

¹ Подробнее см.: «Проблемы Дальнего Востока», 1983, № 4, с. 53—69.

Вместе с тем книга в определенной степени представляет одно направление взглядов на проходящие события в экономической жизни КНР и не охватывает других точек зрения. С некоторыми из них автор polemизует.

Книга начинается с выяснения содержания категории собственности и места ее в системе производственных отношений. В этом вопросе автор придерживается признанной в марксистско-ленинской политэкономии точки зрения. Новым моментом в политэкономической литературе КНР является то, что в ходе дискуссий китайские экономисты подошли к изучению внутренней структуры собственности, к рассмотрению более конкретных категорий ее реализации, таких, как присвоение, владение, распоряжение и пользование². В работе дается довольно популярное, на наш взгляд, толкование этих категорий.

Рассмотрению развития структуры отношений собственности в КНР посвящена вторая глава книги. Известно, что более 20 лет (1958—1978) в Китае господствовала идея создания «единой общенародной собственности», которая энергично проводилась и в практической политике. Ради осуществления этой идеи в 50-е годы форсировалось кооперирование в деревне и в городе, преобразование предприятий национального капитала в смешанные, государственно-частные предприятия, а с 1958 г. создавались «народные коммун», кооперативные предприятия в городах переводились в разряд государственных, ликвидировались единоличные хозяйства, накладывался запрет на ведение подсобных хозяйств и т. д.

Как отмечают сейчас китайские экономисты, попытка перескочить через целые этапы социально-экономического развития дорого обошлась китайскому обществу. Как и другие китайские экономисты, автор поддерживает мнение, что современному этапу развития КНР должна соответствовать «сложная структура собственности, одновременное сосуществование многообразных форм собственности на средства производства при ведущей роли общественной собственности» (с. 27).

Этот важный вывод, сделанный китайскими экономистами после 1978 г., в настоящее время служит теоретическим обоснованием отступления от проводившегося много лет «поветрия обобществления». Как и в других работах китайских экономистов, необходимость существования «многообразных форм собственности» объясняется Гао Цюнем неодинаковым уровнем развития производительных сил и относительно низким уровнем разделения

² Советские политэкономисты этими категориями активно начали заниматься в 50-е годы, и с разной степенью интенсивности эти работы продолжают до сих пор (См., например, работы: М. В. Калганов. Собственность. М., 1962; Е. А. Владимирский, И. П. Павлова. Личная собственность как экономическое отношение. Л., 1977; а также работы Н. Д. Колесова, А. М. Еремича, В. К. Логвиненко и др.).

труда и обобществления процесса производства, невысоким культурно-техническим уровнем трудящихся (с. 31).

Автор считает, что структура собственности в КНР, кроме общенародной и кооперативной, должна включать единоличную собственность трудящихся, а также собственность иностранного капитала, привлекаемого в страну либо для строительства совместных (государственно-капиталистических), либо чисто капиталистических предприятий. Для «ускорения осуществления социалистической модернизации», пишет автор, Китай проводит открытую внешнеэкономическую политику, привлекает в определенных размерах иностранный капитал, ведет строительство предприятий, основанных на отечественном и иностранном капитале, а также строительство отдельных иностранных предприятий. Это должно способствовать притоку в Китай современной технологии, оборудования, служить изучению зарубежного опыта в управлении производством (с. 37).

В заключение главы автор пишет: «Если прежде в Китае считалось, что отношения собственности разрешены, то на самом деле это оказалось не так, в народном хозяйстве остается проблема создания рациональной структуры собственности на средства производства. Эту проблему необходимо решать как в теоретическом плане, так и на практике» (с. 39). С точки зрения практики социалистическая модернизация объективно требует совершенствования производственных отношений на основе существующих производственных сил, создания наиболее рациональной структуры собственности на средства производства с тем, чтобы ускорить развитие производительных сил (с. 40).

Заслуживают внимания взгляды автора на развитие государственной собственности в КНР. Известно, что грубые извращения в ее формировании и использовании в Китае в 1958—1978 гг., приведшие к глубокому расстройству экономики, посеяли среди ведущих экономистов серьезное недоверие к ней. Они начали не без основания утверждать, что государственная собственность в КНР не может выполнять функцию общенародной собственности, поскольку де ей органически присущи крупные пороки. По утверждению этих экономистов, государственная собственность является источником таких пороков, как бюрократизм, администрирование, волюнтаризм (с. 51). Нарушения, имевшие место в КНР, часть экономистов стала переносить на социализм вообще. По мнению этих экономистов, государственная социалистическая собственность не может непосредственно соединять рабочую силу со средствами производства, не создает заинтересованности в труде, порождает всеобщую уравниловку, превращает предприятия в придатки административных и партийных органов, связывает их инициативу, тормозит развитие производительных сил. Эти экономисты считают, что государственная собственность не может быть формой общенародной собственности

и ее необходимо заменить на некую «всенародную суверенную форму собственности», «собственность предприятия», «всенародную коллективную собственность», «ассоциированную собственность» и т. д. (с. 51, 57)³. Эта точка зрения считалась ими правильной и для других социалистических стран.

Гао Цюнь отстаивает другой взгляд на эту проблему. Так, он совершенно правильно отмечает, что вышеназванные «пороки» связаны не с природой государственной социалистической собственности как таковой, а с действующей в КНР системой управления государственной собственностью. «На деле, — пишет автор, — недостатки в функционировании нашей экономики проистекают из системы управления экономикой, а не из формы социалистической государственной собственности» (с. 56).

Автор доказывает также неправомерность того, будто государственная собственность не соединяет непосредственно средства производства и рабочую силу, а предприятия являются «придатком административных органов» и т. п. Во всех предлагаемых вариантах «совершенствования» собственности в КНР Гао Цюнь видит отрицание государственной социалистической собственности. Вывод же самого автора заключается в том, что использование государственной собственности в качестве формы всенародной собственности «исторически необходимо» (с. 54).

Далее в работе рассматриваются направления реформы управления собственностью. Прежде всего, говорит автор, необходимо выяснить связь между базовой экономической системой социализма и системой управления экономикой. Автор приходит к выводу, что в экономической системе социализма система управления экономикой должна быть конкретной системой управления, отвечающей социалистическим производственным отношениям (с. 63).

Вслед за некоторыми другими экономистами Гао Цюнь полагает, что одним из направлений реформы должно стать снижение уровня концентрации управления, переход от чисто административных методов управления к сочетанию экономических и административных методов, обращая внимание на экономические рычаги и хозяйственное право (с. 66). В этом вопросе позиция автора существенно отличается от позиции некоторых экономистов, ратующих исключительно за экономические методы управления. Другим направлением реформы Гао Цюнь называет необходимость углубления специализации предприятий, расширения их самостоятельности (с. 65, 66), создания разнообразных форм хозяйственных объединений, налаживания правильных взаимоотношений между государством и предприятием (с. 67), перехода на изъятие чистого дохода предприятий с помощью налогов, правильного сочетания

³ См.: «Проблемы Дальнего Востока», 1983, № 4, с. 59—60.

интересов государства, предприятия и отдельного работника⁴.

Важное место в проведении реформы автор отводит переводу мелких предприятий на полный хозяйственный расчет с тем, чтобы они полностью «отвечали за прибыль и убытки». Самоокупаемость рассматривается в книге как конкретное преобразование системы управления народным хозяйством (с. 71), которое не изменяет природы социалистической всенародной собственности (с. 72).

В главе, относящейся к кооперативной собственности, автор, как и другие китайские экономисты, пишет о несобоснованности в течение длительного времени ограничения, недооценки и даже подрыва кооперативной собственности в городах. Гао Цюнь утверждает, что разнообразные формы кооперативной экономики являются коллективной экономикой трудового народа, важной составной частью социалистической общенародной экономики и одной из основных форм экономики Китая. В книге доказываются объективная необходимость длительного сохранения кооперативной экономики, основанной на коллективной собственности (с. 73). Широкое развитие кооперативной экономики в городах объясняется прежде всего повсеместным распространением ручного труда в ремесленном производстве. По своей природе, говорится в книге, кооперативная экономика является одной из форм экономики, основанной на общественной собственности, где существует совместный труд, распределение по труду (с. 80). Для нее характерны: добровольность организации, самоуправляемость, полная ответственность за прибыли и убытки (полный хозрасчет), распределение по труду, демократическое управление (с. 80—82).

Разумеется, с позиций развития марксистско-ленинской социально-экономической мысли в приведенных выше суждениях нового ничего нет. Однако, если учесть, что эти выводы делаются в Китае, где десятилетиями кооперативная собственность и в теории, и на практике рассматривалась как не вполне социалистическая форма собственности, якобы мешающая развитию производительных сил, они приобретают важное практическое значение.

В то же время в работе показывается большое число проблем и препятствий, серьезно сдерживавших развитие кооперативного сектора в городах, в том числе несоблюдение экономической самостоятельности предприятий, применение к ним тех же методов управления, что и к государственным, безвозмездное изъятие средств, навязывание им невыгодной номенклатуры про-

изводства, тяжелый налоговый пресс, отсутствие социального страхования рабочих и служащих, ущемление в снабжении энергией, сырьем, материалами, в обеспечении квалифицированными кадрами и др.

Специальная глава монографии посвящена анализу преобразований отношений собственности в деревне (с. 100—126). В книге разделяется господствующий сейчас в Китае взгляд на этот вопрос. Признавая большую важность кооперирования в деревне в 1955—1956 гг., автор осуждает неоправданную спешку в образовании кооперативов высшего типа. «Поступь кооперирования в деревне в нашей стране, — говорится в книге, — опережала уровень развития производительных сил в сельском хозяйстве в то время. На деле необходимо было своевременно упорядочить сельскохозяйственные производственные кооперативы, отрегулировать экономические отношения в них, сделать их устойчивыми с тем, чтобы развивать производительные силы» (с. 104).

Кампания создания «народных коммун» в 1958 г. в китайской деревне расценивается в книге как «слегка погоня за обобществлением», «за высокими показателями», «легкомысленное раздувание коммунизации», как «поветрие пустозвонства» и «коммунизма» (с. 104, 105). «В период создания народных коммун, — утверждает в монографии, — люди оторвались от реального состояния производительных сил, им была свойственна гигантомания, считалось, будто чем больше масштабы организации коллективной экономики, тем они прогрессивнее и тем выше степень обобществления» (с. 105).

«Всеохватывающее обобщественные средств производства», «ликвидация подсобных хозяйств», «введение бесплатного обеспечения», «отрицание принципа распределения по труду», «товарного обмена» и «закона стоимости» серьезно ударили по трудовой активности крестьян, что привело к подрыву производительных сил в сельском хозяйстве (с. 105). «затормозило развитие сельскохозяйственного производства» (с. 106). В книге констатируется, что попытки регулирования «народных коммун» не дали ожидаемых результатов. «Народные коммуны», по заявлению автора, преподали «чрезвычайно серьезный урок» (с. 106).

Положительно отзываясь автор о переходе деревни в начале 80-х годов на семейный подряд. В главе перечисляются многие его достоинства: непосредственная связь работника со средствами производства, большая заинтересованность в труде крестьян и т. п. Вслед за другими общественно-научными работниками Гао Цюнь утверждает, что появление и развитие семейного подряда поставило деревню «на социалистический путь развития с китайской спецификой» (с. 115). Как и подавляющее большинство китайских обществоведов, изучающих в настоящее время проблемы деревни, автор утверждает, что переход на двордовый подряд не преобразовал социалистическую природу сельского хозяйства (с. 115). Практика, пишет автор, доказала, что си-

⁴ В книге, например, говорится, что распределение прироста прибыли предприятия должно осуществляться по следующему принципу: «основная доля» («датоу») должна передаваться государству, «средняя доля» («чжунтоу») оставаться на предприятии и «малая доля» («сятоу») выдаваться работнику (с. 70).

стема производственной ответственности является наиболее эффективной формой развития в китайской деревне преимуществ социалистической системы (с. 115).

Следует отметить, что после 1978 г. в китайской деревне отношения собственности претерпели крупные изменения. Обрабатываемая земля, оставаясь в коллективной собственности бригады, разделена между крестьянами и закреплена за ними на 15 лет, а пустоши на 30—50 лет. Разделены и перешли в единоличную собственность такие средства производства, как рабочий скот, машины (включая тракторы⁵), сельскохозяйственные орудия, ирригационные колодцы, производственные помещения. В деревне формируется при активной политической и финансовой поддержке властей довольно широкий слой «опорных» и «специализированных» дворов, которые ведутся «умельцами крестьянами». В 1985 г. на их долю приходилось 14—15 % всех хозяйств в деревне. Поэтому неудивительно, что не все экономисты согласны с такой оценкой социально-экономической сущности складывающихся отношений собственности в деревне. Судя по печати, часть обществоведов продолжает оспаривать господствующую точку зрения и считает, что тот семейный подряд, который складывается в КНР, носит единоличный характер⁶.

Спорный подход автора проявился также в утверждении, будто после перехода на дворový подряд в китайской деревне восторжествовал принцип распределения по труду, ликвидирована уравниловка (с. 113). Однако с этой точкой зрения согласны не все китайские экономисты. Так, некоторые считают, что, поскольку семейный подряд базируется на коллективной (земля) и частной (остальные средства производства) собственности, то лишь та часть доходов, которая непосредственно связана с общественными средствами производства, носит характер распределения по труду. О всех же доходах крестьян, по их утверждению, этого сказать нельзя, так как их величина зависит также от средств производства, находящихся в частной собственности. Другие в более категорической форме говорят, что доходы дворов, находящихся на подряде, по существу, не являются применением принципа распределения по труду, поскольку средства производства, кроме земли, находятся в частных руках и произведенный продукт не поступает в единое распределение⁷.

В заключительных главах книги рассматриваются вопросы восстановления единоличного сектора в китайских городах и на селе. В 1951 г. в китайских городах насчитывалось 10 млн. единоличных хо-

зяйств, в 1957 г. их численность уменьшилась до 6 млн., а в 1978 г. — до 150 тыс. (с. 128). Ликвидация единоличного сектора, говорится в книге, оказала пагубное влияние на торговлю, обслуживание, усилилась напряженность в обеспечении населения товарами повседневного пользования, ухудшились его жизненные условия. «Практика, — свидетельствует автор, — показала, что в нашей стране на современном этапе восстановление индивидуальных хозяйств в городах вызывается необходимостью развития производительных сил» (с. 129). Говоря о социально-экономической природе индивидуальных хозяйств, автор пишет, что она определяется характером господствующих отношений в обществе (с. 130). При социализме господствующее положение занимает общественная собственность на средства производства, поэтому существование индивидуальных хозяйств является дополнением к социалистической экономике. Индивидуальное хозяйство, говорится в монографии, — это не капиталистическое хозяйство и не может превратиться в него, поскольку контролируется государством, снабжается из общественных фондов сырьем, материалами, энергией, товарами, не занимается наймом рабочей силы. Но это и не социалистическое хозяйство, так как оно основано на частной собственности (с. 131, 132). Оно несет в себе элементы стихийности, что порождает противоречия с плановой экономикой (с. 133). Однако на современном этапе их существование благоприятствует развитию социалистической экономики, поэтому необходимо их настойчиво защищать, активно поддерживать... (с. 134).

По утверждению китайских экономистов, единоличные хозяйства в КНР должны выполнять следующие функции: 1) удовлетворять разнообразные жизненные потребности населения, развивать торговлю, общественное питание, услуги (с. 136); 2) используя многочисленные формы деятельности, должны стимулировать совершенствование управления государственными и кооперативными предприятиями, повышать качество их продукции и услуг; 3) служить расширению сферы занятости (с. 137); 4) благоприятствовать сохранению и развитию традиционных ремесел; 5) способствовать экономии государственных капиталовложений и увеличению доходов государственного бюджета (с. 138).

«Развитие «многообразных форм собственности», включая единоличную, государственно-капиталистическую собственность иностранного и национального капитала, в настоящее время в КНР считается стратегической задачей, рассчитанной на длительный период времени.

Известно, что отношения собственности, являясь стержнем экономической системы, самым тесным образом связаны с разделением труда и обобществлением процесса производства, развитием классово-структуры общества, интересами отдельных классов и социальных слоев населения, действием экономических законов. Автор не затрагивает вопросы поведения классов и

⁵ Например, в 1984 г. в частной собственности крестьянских дворов находилось 280 тыс. крупных тракторов (32,7 %) , 2500 тыс. ручных (75 %) и 120 тыс. грузовиков (35,0 %).

⁶ См.: Чжунго цзинцзи няньцзянь — 1984. Пекин, 1984, с. VIII—II.

⁷ См. там же, с. VIII—6.

социальных групп населения в эти переломные моменты истории.

Несмотря на отмеченные пробелы, прочтение рецензируемой книги дает общее представление о некоторых теориях разви-

тия отношений собственности в КНР и об уровне их научного исследования.

И. Н. НАУМОВ,

кандидат экономических наук

Проблемы политического развития стран Востока

Вл. Ф. Ли. Социальная революция и власть в странах Востока (О проблемах и противоречиях некапиталистического переходного развития). М., «Наука». Главная редакция восточной литературы, 1984, 288 с.

В последние годы советские востоковеды ставят ряд новых важных проблем генезиса и эволюции революционной власти в странах, освободившихся от колониальной зависимости и ставших на путь некапиталистического развития, расширяют и углубляют критику буржуазных концепций политического развития освободившихся стран. Для исследования рассматриваемых проблем создана солидная историографическая и источниковедческая база. Одним из важных исследований в этом направлении стала монография Вл. Ф. Ли.

Книга состоит из пяти глав. В первой главе — «Политическая система в обществах переходного типа» — дается историографический обзор, указываются особенности политической институционализации, намечается типология революционной власти в государствах, идущих по некапиталистическому пути. В этой главе критически оцениваются буржуазные концепции по рассматриваемой проблематике, буржуазные представления о власти, государстве, социальном управлении, а также дается трактовка таких аспектов политической власти, как правящие группы, политическая и социальная элита, политико-идеологическое лидерство, при этом проводится принципиальное различие между буржуазно-либеральными и революционно-демократическими концепциями.

Формирование нового аппарата власти и управления в государствах некапиталистического развития вполне обоснованно рассматривается в работе как сложный и противоречивый процесс, объясняемый в свою очередь сложностью классовой природы национально-демократической власти. Нельзя не согласиться с выводом автора о том, что противоречивость политической институционализации власти способ-

на серьезно затруднить весь процесс некапиталистического развития. В то же время эти противоречия неправомерно рассматривать в отрыве от диалектики самой социальной революции и процесса прогрессивных преобразований. В этой связи социалистическая ориентация представляется автору как этап подготовки материальных, социальных, политических и иных предпосылок для создания нового общества (с. 26—28). Причем двойственная по классовой природе национально-демократическая власть опирается не столько на рабочий класс и трудящееся крестьянство, сколько представляет в значительной степени интересы средних городских слоев и даже некоторых слоев национальной буржуазии. При этом по своему объективному содержанию прогрессивные преобразования вполне укладываются в рамки общедемократических «предсоциалистических» преобразований (с. 27).

В монографии аргументированно отстаивается мысль о необходимости проведения четкого разграничения между мелкобуржуазной демократией и «отпочковавшимся» от нее новым поколением революционной демократии, представляющим интересы трудящихся масс». Автор отвергает сохраняющуюся кое-где оценку революционной демократии как исключительно мелкобуржуазной социально-политической силы (с. 19). По мнению автора, традиционная форма революционной демократии, порожденная прежде всего мелкой буржуазией, по мере углубления освободительной борьбы народов интенсивно наполняется исторически новым социальным содержанием (с. 22). Вл. Ф. Ли при этом указывает, что в развивающихся странах при незавершенности социальной дифференциации «классические» черты мелкой буржуазии проявляются специфически как в сфере базиса, так и надстройки и социальной психологии (с. 20—21).

Вл. Ф. Ли обоснованно полагает, что анализ национально-демократических революций требует более глубокой типологии некапиталистического пути развития и выделяет «начальную форму некапиталистического пути» и «более высокую стадию некапиталистического развития». Для первой характерна национальная демократия, основанная на политической власти коалиции средних социальных слоев, чаще всего мелкобуржуазных сил, заинтересованных в ликвидации господства империализма, феодализма и крупной буржуазии, но в то же время стремящихся сохранить и расширить позиции мелкой и средней частной собственности. Политические системы более высокой стадии некапиталистического развития воплощают диктатуру союза непролетарских слоев трудящихся города и деревни с формирующимся рабочим классом.

Устанавливаемый в них политический режим автор характеризует как «революционную демократию трудящихся масс». При условии закрепления политической власти трудящихся во главе с авангардными революционными партиями и в обстановке дальнейшего изменения соотношения сил в мире в пользу мирового социализма «открываются реальные возможности перерастания национально-демократической революции в народно-демократическую без нового слома государственной машины» (с. 33—35).

В монографии упоминается также о «революционной военной демократии» как форме политической организации общества, обладающей стабильностью и способностью к относительно гибкому управлению противоречивыми социальными процессами (с. 38).

Во второй главе — «Социальная структура общества и формирование революционной власти» — отмечается значительное возрастание политико-идеологической и организационно-мобилизующей роли средних слоев в революционно-освободительном движении по мере их социально-политического развития. При этом подвергается аргументированной критике подход к данной проблеме буржуазных исследователей, опирающихся на концепцию социальной стратификации общества, подменяющую классовую дифференциацию профессионально-функциональными различиями. Автор также критически оценивает позицию некоторых советских исследователей, ограниченно трактующих роль и место непролетарских социальных сил, включающих средние слои города и деревни (с. 46). Он указывает, что скрупулезное изучение проблем средних слоев в развивающихся странах уже проводилось советскими востоковедами в 70-е годы. В. Л. Ф. Ли выделяет два основных типа политической институционализации средних слоев: один базируется на платформе национальной мелкобуржуазной демократии, а другой — на политической системе, возглавляемой революционными авангардными партиями трудящихся (с. 49).

Рассматривая социально-классовую структуру освободившихся стран, автор обоснованно отмечает, что структура развивающегося общества, наряду с типичными для всякой антагонистической структуры основными классами и группами, неизбежно воспроизводит специфические социальные слои, возникающие в процессе взаимодействия различных экономических укладов. При этом он широко использует обобщающее наименование — «непролетарские слои трудящихся». К ним исследователь относит огромную по численности, социальному весу и политическому значению народную массу, играющую, как показано в работе, весьма значительную роль в национально-демократической борьбе за некапиталистическое развитие (с. 57). Автор, однако, не дает ответа на вопрос о том, является ли слово «трудящиеся» сущностным, классовым понятием.

В третьей главе — «Эволюция национально-демократической власти» — рассматривается процесс становления демократических мелкобуржуазных партий, выделяются их отличительные признаки, указываются пути партийно-политической институционализации, приводятся ее основные модели. Отличительными признаками таких политических партий являются их организационная рыхлость, нестабильность социальной базы, нечеткость политической ориентации, сильное влияние традиционалистских факторов, острая межгрупповая борьба, слабость и малоэффективность местных партийных организаций.

Ставя в центре внимания анализ политической роли средних слоев, автор справедливо отмечает противоречивость их политической стратегии и тактики, пронизывающую из сочетания трудовых и частнокапиталистических начал и проявляющуюся в сочетании революционности и реформизма, приверженности, с одной стороны, национально-освободительным идеалам, а с другой, — способности к уступкам внешней реакции. Именно политика такой правящей партии со всеми ее забеганиями вперед, отступлениями и социальным размежеванием представляет собой наиболее общую картину непролетарской революционности (с. 103). При этом В. Л. Ф. Ли подводит к выводу, что для выполнения национально-демократической партией своей ведущей роли в некапиталистическом пути к социализму необходимы два основных условия: рост тесного сотрудничества с марксистско-ленинскими партиями и усиление взаимодействия со всеми антиимпериалистическими силами (с. 147).

В четвертой главе — «Борьба за революционно-демократическую власть» — рассматриваются проблемы зарождения и развития революционных партий трудящихся в государствах радикального фланга некапиталистического развития (НДРП, Эфиопия и др.), где в ходе национально-демократической революции образовался широкий блок непролетарских слоев трудящихся и рабочего класса под идейно-политическим руководством революционных партий, провозгласивших своей основной научный социализм (с. 149). Автор вполне справедливо отмечает, что в имеющихся до сих пор публикациях на эту тему не уделялось необходимого внимания диалектике социально-политического развития в постколониальных обществах. Автор усматривает существенные различия в формах государственной власти в странах этой группы. С учетом национальной и региональной специфики он выделяет основные направления формирования и развития этих политических систем (с. 210—212).

Пятая глава — «Революционная власть и генезис производственных отношений переходного типа» — касается принципиальных проблем, возникающих в процессе складывания новых экономических и социальных функций государства, правда, в этой главе, по-видимому, следовало бы говорить о производственных отношениях переходного этапа, а не типа, как указано

в монографии, поскольку «тип» — уже сложившееся образование с определенной социальной сущностью.

Поставив задачу выяснения этих функций с учетом взаимодействия базиса и надстройки, автор приходит к выводу, что социально-экономическое регулирование в государствах социалистической ориентации является «специфической функцией», возникающей на «стыке взаимодействия переходных производственных отношений и переходной революционной надстройки, которая отражает позиции находящихся у власти национально-демократических сил» (с. 243—244).

Отмечая сложность перехода к социализму исследуемых обществ, Вл. Ф. Ли приходит и к другому обоснованному выводу — об исторической необходимости тесного сотрудничества государств социалистической ориентации с государствами реального социализма.

Исследование китайского права

Современное право КНР. М., «Наука», 1985, 205 с.

Положение об органическом единстве закона и права как юридического явления — решающий пункт подлинно научного подхода к правовой действительности. Не смешивая право и закон, проводя между ними различия, основоположники научного коммунизма рассматривали их как явления близкие, взаимообусловленные. Именно с законами, как формами права они связывали главные особенности последнего, в том числе его специфическую нормативность, момент «возведенности» классово-господствующей воли, его положение как особой части надстройки, возвышающейся над экономическим базисом и т. д.

В то же время существенно важен и другой момент. Характеризуя право как явление, взаимообусловленное с законом, вне его в развитом виде невозможное, не следует интерпретировать единство между ними таким образом, что сам по себе закон (правовой акт) — это и есть собственно право и что, следовательно, любые и всякие правовые акты или их совокупность сами по себе образуют право.

Особенно это важно при рассмотрении таких правовых систем, как китайская, в которой нормативная база отраслей права отличается недостаточной развитостью и значительными пробелами, что неизбежно предполагает высокую значимость других элементов системы — правосознания и

В рецензируемой книге содержатся серьезные теоретические обобщения и выводы. Вместе с тем читателю хотелось бы увидеть и более четко представленную систему категорий и картину диалектического взаимодействия экономического базиса и надстроечных форм исследуемого процесса развития. В монографии не разрабатываются проблемы «революционной военной демократии», о существовании которой лишь упоминается (с. 38).

Однако следует определенно признать, что работа Вл. Ф. Ли представляет собой важный шаг в исследовании современных социально-политических проблем развивающихся стран.

К. А. ЕГОРОВ,

кандидат юридических наук

юридической практики. В условиях такой деформации всей системы нормативного регулирования имеется реальная опасность того, что писанные законы, иные акты государства могут лишиться особого специфического правового содержания «возведенности» и стать, по выражению К. Маркса, «пустыми масками», а то и «законодательством произвола», как это случилось с кодексами гоминьдана. Поэтому есть основания считать ряд недавно принятых в КНР кодексов и постановлений лишь динамичной предысторией китайского социалистического права, несомненно обладающей интересным будущим. Этим кодексам и постановлениям предстоит пройти сложный путь диалектического развития и действительного внедрения в юридическую практику, чтобы превратиться, пользуясь словами К. Маркса, из «общественного сознания» в «общественную силу», обладающую всеобщностью, общеобязательностью, качеством стабилизирующего фактора.

В связи с этим представления о современном китайском праве как форме общественного сознания можно признать научными только в том случае, если они будут рассмотрены, поняты и истолкованы не только посредством юридического анализа совокупности нормативных актов, а главным образом путем исследования правосознания, и в особенности правовой идеологии, породившей законы государства. Именно такой подход к изучению современного права КНР отличает совместную работу советских и чехословацких ученых, и его следует признать наиболее плодотворным в данный исторический период развития китайского государства и права.

Книга начинается рассмотрением правовой ситуации в советских и освобожденных районах Китая в 30—40-х годах. Авторы показывают истинную роль «пустых масок» законодательства гоминьдана, раскрывают особенности органов власти и управления в освобожденных районах, роль армии в решении политических задач, процесс возникновения традиций право-

творчества, судопроизводства, борьбы с преступностью.

Широтой охвата основных правовых документов, раскрытием особенностей построения государственных органов и их деятельности отмечается анализ революционного правосознания и становления правовых институтов в первые годы после образования КНР. Содержание этого раздела дает основание для проведения параллелей с сегодняшним днем китайского права, в частности в расширении круга правотворческих органов КНР, крайне декларативном, неконкретном характере принятых этими органами нормативных актов и т. д. В связи с этим необходимо отметить, что проходящее красной нитью через многие разделы монографии стремление авторов показать исторические корни современных явлений социально-экономической действительности КНР вполне оправданно и чрезвычайно плодотворно в научном плане.

Справедливым представляется изложенное в монографии мнение о том, что развитие нигилистических тенденций в области права КНР привело к отрицанию важнейших функций права — способствовать последовательному совершенствованию общественных отношений, служить средством контроля меры труда и меры потребления, воспитания нового человека и пр. И конечно, следует согласиться с печальным выводом о том, что период «культурной революции» практически исключается из истории китайского права (с. 29).

Отличительной чертой нового этапа правового развития КНР стал скачкообразный рост законодательной активности. В разделе рецензируемой работы, посвященном этому этапу, рассмотрены наиболее значительные документы основных отраслей права, выделяются некоторые особенности законодательной политики. Вместе с тем не уделено должного внимания раскрытию причин приоритетного развития тех или иных отраслей права и неполноценности других. В частности, обойден вопрос о задержке с принятием в КНР Гражданского кодекса, проекты которого разрабатывались еще с середины 50-х годов. Кодификация в первую очередь уголовного и процессуального законодательства, как, впрочем, и во всей советской китаеведческой литературе последних лет, объясняется только лишь необходимостью борьбы с преступностью. Вместе с тем кодификация или отказ от нее свидетельствуют о степени детерминированности разных отраслей права потребностями экономического развития. Правоотношения в области производства и обмена тесно связаны с характером, типом производства и распределения, с системой производственных отношений. Правовое регулирование ограничено рамками, которые непосредственно ставятся экономическими законами. Думается, что «включенность» таких отраслей права в систему разнотипных производственных отношений КНР, ограничение правового регулирования непосредственно экономическими законами многоукладной экономи-

ки явились тормозом в кодификации отраслей экономического и хозяйственного законодательства КНР. Что касается уголовно-правовых и процессуальных отношений, которые вне права вообще не существуют, то возможности выбора той или иной правовой формы в данном случае шире и в значительно большей степени зависят от законодателя. Поэтому принятые кодексы КНР оказались наиболее «доступными» для китайского государства, и это обстоятельство, не упоминаемое китайскими правововедами, имеет принципиальное значение для понимания законодательной политики современного Китая.

Учитывая огромную роль Конституции КНР в утверждении основополагающих норм социально-политической и экономической жизни государства и общества, в монографии дается детальный анализ положений Основного закона. Раскрывается содержание государственной власти КНР, выраженной в конституции терминном «государство демократической диктатуры народа», содержание категорий «народ» и «враг народа», имеющие важное значение для правильного понимания особенностей ряда отраслей китайского права, акцентируется внимание на своеобразных принципах внешней политики Китая, заложенных в нормах конституции, и т. д.

Важным, заслуживающим внимания представляется раздел о высших и местных органах государственной власти и управления КНР. В нем отражены вопросы правового оформления статуса, структуры и порядка деятельности этих органов в сравнительном сопоставлении с аналогичными положениями 50-х годов. Однако, приводя многочисленные документы, корректирующие структуру и порядок деятельности органов власти и управления, авторы монографии не смогли всесторонне показать обусловленность вносимых исправлений изменениями экономического развития страны. Отсутствие необходимых источников не позволило авторам вскрыть экономические причины, лежащие в расширении полномочий Госсовета КНР, а также местных собраний народных представителей. Остается открытым вопрос и о причинах установления персональной ответственности премьера Госсовета и председателей местных правительств и изменения порядка обсуждения вопросов в Госсовете и вынесения по ним постановлений и распоряжений. Эти проблемы, приобретающие в условиях хозяйственной реформы принципиальное значение, еще ждут своего решения.

В настоящее время в Китае происходят существенные изменения в организации судопроизводства, прокуратуры. Положения органических законов об этих правоприменительных органах рассмотрены в монографии в их тесной взаимосвязи с соответствующими нормами Конституции КНР с целью установления возможностей претворения на практике декларируемых Основным законом принципов независимости судей, справедливости, равенства граждан перед законом, единства прав и

обязанностей и т. д. Авторами дан критический анализ особенностей организации народной прокуратуры КНР, которые, как подчеркивается в работе, отходят от прямых указаний В. И. Ленина, высказанных им по этому чрезвычайно важному вопросу в первые годы Советской власти и провозглашенных впоследствии в нормах Конституции КНР 1954 г.

В развитие этого положения целесообразно было бы отметить отсутствие в китайском законодательстве определения прокурорского надзора как высшего. Понятие «высший надзор» раскрывается в социалистической теории права через устойчивые и конкретные признаки, которые, как показывает анализ, не в полной мере присущи прокуратуре КНР. Отсутствие термина «высший» применительно к прокурорскому надзору в китайском законодательстве не является чисто «технической» погрешностью, а выражает принципиальную политическую линию, направленную на предельное ограничение полномочий прокурора, нейтрализацию прокурорской активности и превращения прокуратуры КНР по существу в «служанку» исполнительно-распорядительных органов.

Отдельная глава монографии посвящена основам хозяйственного права КНР. В ней справедливо отмечается, что в настоящее время пока невозможно говорить о создании в Китае целостной системы хозяйственного права, что обусловлено многими причинами объективного порядка. Однако вряд ли правомерно ставить в ряд главных причин сложившейся ситуации имевшееся в прошлом нигилистическое отношение к праву, равно как и соглашаться с китайской версией о якобы недостаточности опыта правотворческой деятельности. Основные причины инертности китайского законодателя в деле обеспечения нормативной базой рассматриваемой отрасли права, а также (что взаимосвязано) отсутствие полной кодификации гражданского права коренятся, как отмечалось, в экономической жизни Китая. Возникновение в процессе хозяйственной реформы неоднородности общественных отношений создает значительные трудности в создании правовой формы базиса, вынуждая китайского законодателя не спешить с изданием кодексов и приспособляться к быстроменивающимся и остроконфликтным ситуациям экономической действительности КНР путем публикации небольших нормативных актов, регулирующих узкий круг вопросов.

Не случайно авторы монографии уделили столь большое внимание хозяйственной реформе, правильно полагая, что это единственный путь для устранения пробелов в хозяйственном праве. В связи с этим правильно подчеркивается, что, помимо положений конституции, основой становления и развития хозяйственного права КНР послужили решения III пленума ЦК КПК, XII съезда КПК, последующих сессий ВСНП по основным направлениям экономической политики государства. Содержащаяся в этих документах правовая идео-

логия способствует пониманию права, уяснению тенденций и направлений его развития.

Существенным подспорьем для понимания хозяйственного права является также анализ положений правоведов Китая. В настоящее время в правовой науке Китая идет активное обсуждение вопросов о целесообразности и возможности выделения хозяйственного права из других отраслей, об объекте и методах правового регулирования этой отрасли, о путях кодификации, причем появился ряд концепций, не относящихся в полной мере к социалистическим. К сожалению, все эти интересные в научном плане вопросы не нашли своего отражения в монографии.

В разделе имеются также и спорные утверждения. В частности, авторы отстаивают тезис о том, что в хозяйственном механизме КНР «предприятия коммун и производственных бригад включаются в единую хозяйственную систему, контролируруемую государством», и наблюдается «тенденция к усилению централизованного государственного управления хозяйством» (с. 89). Это утверждение алогично общему контексту раздела, кроме того, отдельные нормативные акты в условиях КНР периода реформ вряд ли в состоянии породить тенденцию, противоположную действию реформы.

Одна из глав монографии посвящена сложным вопросам правового регулирования политики «открытых дверей». Для этого раздела характерны последовательность и достаточная глубина изложения материала, использование широкого круга нормативных актов, китайских и западных источников. Ценность анализа подобных вопросов обуславливается практическим отсутствием в социалистических странах, во всяком случае в таких масштабах, опыта привлечения иностранного капитала и соответственно законодательного регулирования подобного взаимопроникающего функционирования разнотипных экономик.

Завершает книгу глава об уголовном и уголовно-процессуальном праве КНР. К сожалению, ряд проблем, имеющих принципиальное значение, получили в этом разделе недостаточное, а подчас и неверное толкование. Так, в нем ни словом не упоминается о принципах уголовного права КНР, несмотря на то что в нем действуют как принципы, общепринятые в социалистическом праве, так и специфические принципы чисто китайского происхождения, вытекающие из «политики сочетания великодушия и наказания». Не дана соответствующая оценка положениям, содержащимся в нормах УК КНР, о действии уголовного закона в пространстве; аналогия рассматривается под углом зрения, не раскрывающим истинное, крайне негативное назначение этого института в уголовном праве Китая. Не отмечается прогрессивное значение положения, в соответствии с которым уголовная ответственность за неосторожность наступает только в случаях прямо предусмотренных законом. На наш взгляд, следовало бы подчеркнуть, что

общественная опасность является главным конституирующим признаком понятия преступления по китайскому уголовному праву, что делает его бесспорным достижением уголовного законодательства КНР.

В целом рецензируемая книга, вне всякого сомнения, представляется интересной и оперативной попыткой монографического исследования сложнейшего социально-политического явления КНР — современного китайского права. Она определяет и даль-

нейшие пути развития правовой секции советского китаеведения. Отдельные недостатки не могут поколебать положительной оценки монографии как коллективного труда, являющегося свидетельством крепнущих научных связей между учеными социалистических стран.

Э. З. ИМАМОВ,

кандидат юридических наук

Коридоры власти в Японии

Дзиминто сэйтёкай (Совет по изучению политических вопросов ЛДП). Токио, Нихон кэйдай симбунся, 1983, 234 с. — На япон. яз.

Исследование политических механизмов развитых капиталистических стран представляется важной темой научных изысканий. Подобные исследования позволяют проникнуть в глубь скрытых, подчас искусно закамуфлированных структур и обнаружить системы принятия политических решений, которые в значительной степени не совпадают с торжественно декларируемыми в этих странах принципами и нормами и описанными в статьях по буржуазному государственному праву моделями.

С этой точки зрения интересна вышедшая в конце 1983 г. и уже выдержавшая несколько изданий книга «Совет по изучению политических вопросов ЛДП», подготовленная к печати редакционной коллегией крупной японской газеты «Нихон кэйдай симбун».

Совет по изучению политических вопросов, оказавшийся в фокусе внимания авторов, является одним из ключевых органов правящей Либерально-демократической партии (ЛДП) Японии. Устав ЛДП определяет его как один из «постановляющих органов» партии, причем каждый депутат парламента от ЛДП обязан участвовать в работе одного из подразделений Совета.

Одной из основных тенденций внутриполитического развития Японии в последний период, по мнению авторов, является заметное усиление роли Совета по изучению политических вопросов во внутрипартийном механизме ЛДП и процессе принятия важнейших политических решений в Японии. К настоящему времени совет, который нередко называют «вторым правительством» Японии, превратился в мощную организацию, состоящую из 17 секций (букай), 32 исследовательских советов (тёсикай) и большого числа специальных комитетов (токубэцу иинкай). Структура совета

в значительной степени дублирует структуру государственно-административного аппарата страны, а деятельность его подразделений осуществляется в тесной координации с соответствующими правительственными министерствами и ведомствами (с. 12—13, 40).

Авторы обращают внимание на новую организацию в системе Совета по изучению политических вопросов — Институт комплексных исследований политики (Сога сэйсаку кэнкюдзё), созданный в июле 1982 г. Институт, включивший в себя представителей правительства и частных корпораций, рассматривается как новый «мозговой трест» ЛДП, основная задача которого заключается в повышении эффективности проводимой правящей партией Японии политики. Его образование связывают с наметившейся уже несколько лет назад и особенно ярко проявившейся после прихода в конце 1982 г. к руководству страной Я. Накасонэ тенденцией к созданию собственного аппарата лидера ЛДП и главы японского правительства. Указывается, что последний «испытывает недоверие к бюрократической политике» и, стремясь преодолеть традиционную зависимость ЛДП от чиновничества, государственно-административных органов в области формирования политики, предпринимает попытки создать нечто вроде независимого аппарата выработки политических решений (с. 2, 12).

Отличительной чертой организации Совета по изучению политических вопросов ЛДП является то, что значительная часть его персонала формируется из лиц, в прошлом находившихся на государственной службе. Выходцы из правительственной бюрократии сохраняют тесные связи с министерствами и ведомствами, в которых они ранее работали, усиливая тем самым взаимозависимость между советом и государственно-административным аппаратом. В этом плане характерным примером может служить карьера председателя секции торговли и промышленности совета К. Нода. В 1972 г. он ушел в отставку с поста заместителя начальника сектора в министерстве финансов и занялся политической деятельностью. Избранный депутатом от ЛДП в парламент, он вступил во фракцию Я. Накасонэ. В соответствии с характером своей прошлой деятельности К. Нода был включен в постоянную комиссию по вопросам финансов палаты представителей и автоматически вошел в состав связанной с ней финансовой секции Совета по изучению по-

литических вопросов, а затем и других его подразделений (с. 21).

В книге подробно разбирается процесс превращения Совета по изучению политических вопросов ЛДП в арену сложного хитросплетения различных, часто конфликтующих интересов отдельных фракций в правящей партии, различных группировок правительственного чиновничества, «групп давления», иначе говоря, в первую очередь предпринимательских союзов и корпораций.

Значительное воздействие на работу совета оказывает то обстоятельство, что межфракционная борьба, неотъемлемая черта организации либерал-демократов, переносится на его отдельные подразделения. Каждая фракция стремится контролировать ключевые секции совета. В то же время в трех подразделениях совета, считающихся в ЛДП наиболее престижными, — секциях торговли и промышленности, строительства, сельского и лесного хозяйства — наблюдается «дружеское сотрудничество» различных фракций, которые здесь «мирно сосуществуют» (с. 121—122).

Такое положение не является случайным, так как связано со своего рода неписанным соглашением внутри правящей партии Японии, устанавливающим паритетное распределение постов внутри важнейших структурных подразделений Совета по изучению политических вопросов между крупнейшими внутрипартийными группировками. Как указывают авторы, участие в работе вышеуказанных трех секций совета является наиболее желательным для либерал-демократов, так как специфика деятельности этих подразделений позволяет установить выгодные контакты с предпринимательскими кругами — спонсорами ЛДП, правительственной бюрократией и органами местного самоуправления, связи с которыми становятся особенно необходимыми в период проведения парламентских и местных выборов (с. 20—21).

По мнению авторов книги, Совет по изучению политических вопросов ЛДП является в современной Японии важнейшим объектом лоббистской деятельности, сходным в этом плане с конгрессом США. «В настоящее время лоббистами в Японии можно назвать депутатов парламента от ЛДП. Все — и крупные и небольшие — предпринимательские организации, равно как и отдельные корпорации, стремятся иметь собственных «депутатов-консультантов», становящихся лоббистами. Совет по изучению политических вопросов и представляет собой арену их деятельности» (с. 1—2).

Подразделения совета становятся полем ожесточенной борьбы различных звеньев государственно-административного аппарата за бюджетные ассигнования. Авторы выделяют особую активность бюрократии министерства финансов — ключевого «экономического министерства» современной Японии, в ведении которого находятся составление национального бюджета и осуществление налогового контроля (с. 60—61).

В книге освещается деятельность переходящих границы отдельных фракций объе-

динений в высшем эшелоне ЛДП. Японский политолог профессор Токийского университета С. Сато дает следующее определение этих объединений, которые в Японии принято называть «племена» (дзоку): ««Племена» — это объединения ветеранов парламента, являющихся специалистами в определенных областях государственного управления и имеющих опыт пребывания на постах парламентского заместителя министра, начальника секции Совета по изучению политических вопросов, председателя парламентской комиссии, государственного министра. Эти объединения выполняют роль штабов, координирующих работу соответствующих секций и исследовательских советов Совета»¹.

В парламентской группе ЛДП выделяется целый ряд «племен», связанных с различными группами интересов. Так называемое «племя национальной обороны» объединяет около 140 депутатов от ЛДП, которые группируются вокруг трех органов Совета по изучению политических вопросов: секции национальной обороны, совета по обеспечению безопасности и специального комитета по политике в отношении военных баз (кити тайсаку токубэцу нинкай). Будучи тесно связано с военным ведомством Японии — Управлением национальной обороны — и корпорациями, производящими вооружения, оно самым непосредственным образом оказывает воздействие на распределение военных заказов (с. 82—84).

Как указывают авторы, предприниматели, представляющие различные отрасли японской экономики, имеют многолетние контакты с лидерами «племен» в ЛДП. Так, строительные фирмы и компании, связанные с операциями с недвижимым имуществом, находятся в контакте с С. Канэмару и Э. Ватанабэ из фракции К. Танака, транспортные фирмы связаны с М. Като, нефтяные компании — с С. Эзаки и Е. Сакураути, корпорации, производящие компьютеры, — с С. Кура, производители оружия — с М. Хориэ и др. Весьма характерно, что подобные связи были установлены между «большим бизнесом» и этими политиками еще в годы их пребывания на государственной службе (с. 25).

Большой раздел книги посвящен так называемым «политическим пожертвованиям» (сэйдзи кэнкин) — денежным субсидиям, предоставляемым правящей партии Японии различными внеправительственными организациями, в первую очередь предпринимательскими союзами, корпорациями, отдельными предпринимателями.

«...Внимательное ознакомление с декларациями о политических пожертвованиях (предоставляемыми, согласно закону, ежегодно в министерство по делам местной администрации. — А. М.) дает ясное представление о том, в чем состоит деятельность различных «племен» ЛДП» (с. 128). Авторы книги указывают на наличие четкой «специализации» среди многочисленных спонсоров ЛДП, предпочитающих делать «пожертвования» непосредственно своей кре-

¹ «Тюо корон», 1984, № 11, с. 90.

атуре в высшем представительном органе страны. Например, в последние годы значительные субсидии ЛДП были предоставлены влиятельной Японской ассоциацией врачей (Нихон иси кай), причем львиная их доля пришлась на либерал-демократов, непосредственно связанных с формированием правительственной политики в области здравоохранения (с. 125—126). Отмечается, что «политические пожертвования», по размерам которых лидируют крупные банки, строительные, металлургические, электротехнические и автомобилестроительные компании, являются в современной Японии эффективнейшим орудием лоббистского воздействия на законодателей. По своей сути они представляют собой «оплату за услуги», предоставляемые деловому сообществу различными «племенами» в правящей партии (с. 129).

В конце книги помещены интервью газете «Нихон кэйдай симбун» ряда государственных чиновников, представителей академических кругов и председателя Совета по изучению политических вопросов ЛДП Р. Танака (с. 179—208), таблицы, иллюстрирующие структуру и персональный состав совета (с. 209—229). Также приводятся данные о «политических пожертвованиях» ЛДП по отраслям экономики (с. 230—234).

«О политических партиях, — писал В. И. Ленин, — нельзя судить по их названиям, заявлениям, программам, а надо судить по их *делам*»². Хотя авторы рецензируемой книги отнюдь не стоят на классовых позициях и их, сотрудников буржуазной газеты, весьма сложно заподозрить в антипатии к правящей партии Японии, очень показательно, что сам материал исследования заставил их нарисовать в значительной степени объективную картину «коридоров власти» страны, которые характеризуются существованием теснейшего союза, или, как принято говорить в Японии, «спайки», верхушки ЛДП, правительственной бюрократии и монополий. Этот союз существует на функциональном, рабочем уровне и в значительной степени сводит на нет во многом ставшую чисто формальной систему традиционного буржуазно-демократического представительства — парламент, выборы, местные органы самоуправления и т. д.

Вместе с тем знакомство с книгой «Со-

вет по изучению политических вопросов ЛДП» показывает, что она не свободна от столь характерного для буржуазной прессы оттенка погони за сенсациями. Именно с этим и связано, на наш взгляд, гипертрифированное преувеличение роли совета в политическом механизме современной Японии. При этом авторы явно противоречат сами себе. Квалифицируя совет как важнейший объект лоббистской деятельности, они в то же время совершенно справедливо указывают на характерную зависимость аппарата ЛДП от чиновничества важнейших министерств и ведомств в деле формирования законодательства (с. 21). Фактом является то, что подавляющее большинство законопроектов, получающих одобрение совета и затем представляемых от лица правительства на рассмотрение парламента (последние, по подсчетам известного американского японоведа Т. Пемпела, составляют до 90 % всех проектов законов, получающих одобрение высшего законодательного органа Японии³, фактически разрабатывается государственно-административным аппаратом, имеющим и собственные прямые связи с монополиями. Отнюдь не умаляя роли такого важнейшего структурного подразделения ЛДП, как Совет по изучению политических вопросов, следует в то же время указать, что вряд ли правомерно считать его ключевым звеном в процессе принятия политических решений в современной Японии. Скорее совет можно квалифицировать как одну из арен аккумуляции и согласования интересов всех трех основных структурных элементов механизма политической власти этой страны.

В то же время не будет преувеличением сказать, что выпущенная газетным издательством «Нихон кэйдай симбунся» книга является ценным пособием по изучению современного политического мира Японии. В ней собран обширный, зачастую малозвестный как в самой стране, так и за ее пределами материал, проливающий свет на закулисные стороны высшего эшелона власти современной Японии.

³ Т. J. Pempel. Policy and Politics in Japan. Creative Conservatism. Philadelphia, 1982, p. 17.

А. А. МАКАРОВ,

кандидат исторических наук

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, с. 371.

Культура современной Японии сквозь призму «Гэндайси»

А. А. Долина. Очерки современной японской поэзии. (Гэндайси). М., «Наука», 1984, 310 с.

Год от года во всем мире растет интерес к Японии, родине Басё и Хокусая, Акутагава Рюноске и Абэ Кобо, стране, достигшей за небывало короткий по историческим меркам срок выдающихся успехов в области науки и техники. Вполне понятно и закономерно тяготение читателей и зрителей к шедеврам поэзии живописи, скульптуры японского средневековья, которым посвящено немало специальных исследований. Между тем множество замечательных произведений японской литературы и искусства нового времени до сих пор оставались вне поля зрения советских и зарубежных японоведов. Поистине огромный пробел восполняет монография А. А. Долина «Очерки современной японской поэзии», впервые во всей полноте раскрывшая перед нами богатства гэндайси — магистрального, нетрадиционного направления в японском стихе XX в., этого специфического литературного феномена, порожденного коренными переменами в общественном сознании нации.

3 января 1868 г. в Японии произошел государственный переворот, известный как буржуазная революция Мэйдзи. Новое правительство провело ряд политических и экономических реформ, которые внесли огромные изменения в политический и общественный строй страны, привели к радикальным сдвигам национального самосознания. В области духовной жизни этот период характеризуется для Японии жадным и стремительным усвоением европейского культурного опыта. Понять важнейшие особенности мэйдзийской культуры, а следовательно, и всей системы эстетических ценностей, сформировавшейся в Японии на протяжении нынешнего столетия, помогает ранее опубликованная книга А. А. Долина «Японский романтизм и становление новой поэзии» («Наука», 1978). Новая работа А. А. Долина «Очерки современной японской поэзии» является в некотором роде ее продолжением.

Путь, который прошла Япония после революции Мэйдзи — неровный, сложный, противоречивый, характеризующийся на раннем этапе, с одной стороны, нарочитым отрицанием всего накопленного в предыдущие века, а с другой — стремлением, возникшим как реакция на вестернизацию — стремлением сохранить традицион-

ные особенности быта, искусства, литературы под лозунгом «сохранения национальной сущности». Духовные и нравственные искания эпохи отразились в сложном и противоречивом мире гэндайси, сформировавшемся в период, когда исчерпались возможности поэзии романтизма и символизма, а на смену авангардистским эскападам футуристов и дадаистов пришли серьезные опыты авторов, входивших в крупные модернистские объединения, когда призывы к «революции поэтической формы» сменились призывами к социальным преобразованиям. Рассматривая процесс становления и развития гэндайси с начала 20-х до середины 70-х годов, автор выделяет основные этапы в современной японской поэзии, дает обзор ведущих школ и направлений, намечает основные тенденции развития поэзии, приводит краткие творческие биографии поэтов и определяет их роль в литературной и общественной жизни Японии. Особенно важно то, что любое явление поэзии автор анализирует на фоне социальных изменений, сдвигов в общественном сознании, диктуемых временем, сопровождающихся пересмотром этических и эстетических ценностей.

В первой главе, посвященной наиболее изученной в нашей стране пролетарской поэзии довоенного времени, читатель найдет новые имена, факты, документы, стихи. Все это дает возможность по-новому увидеть особенности идеологической борьбы в литературе того периода, понять позицию поэтов. Автор показывает, как литература, в особенности поэзия в период идейного разброда и организационной разобщенности движений пролетарской культуры, выполняла роль связующего звена.

В начале 20-х годов в культуре Японии под влиянием западноевропейского искусства и литературы стали распространяться различные модернистские направления. Японские писатели-модернисты выдвигали свое творчество как альтернативу пролетарскому литературному движению, провозглашая идеи свободы личности и «неангажированности» искусства. В этой среде японских литераторов зародилась тенденция к созданию элитарной «высокой литературы». Исходя из подобного положения вещей, в книге показана деятельность приверженцев «чистого искусства», которая началась с основания журнала «Поэзия и поэтика» («Си то сирэн»), и их попытка противостоять усиливающемуся влиянию пролетарской литературы.

Отделяя эстетику от политики, некоторые талантливые поэты (Нисиваки Дзюндзабуро, Харуяма Юкио, Хори Тацуо, Китадзано Какуэ и многие другие) выступили как последователи и распространители идей западного модернизма в мире гэндайси. Одним из достоинств книги является то, что, рассматривая модернизм как явление мирового литературного процесса, автор выделяет и то общее, что роднит японских модернистов с их западными собратьями, и то, что определяет своеобразие японского модернизма. В частности, рассматривая «соответствие ду-

ху времени» как общее между всеми модернистами, он пишет: «Единственное, что роднит поэтов модернизма, может быть, даже больше, чем прозаиков, скульпторов или живописцев, — это «современное восприятие жизни», обостренное чувство потока времени. Поэт модернизма откликнется на веяние перемен, как золотая арфа, звучащая при каждом порыве ветра». Справедливо усматривая принципиальное отличие японского модернизма от европейского в его относительной аполитичности, сохранявшейся вплоть до Тихоокеанской войны, А. А. Долин пишет далее: «Оставаясь, как правило, вне политической борьбы, он (поэт модернист) улавливает тенденции, настроения, эмоции эпохи, чтобы передать их в «остраненной» форме художественного слова, отвлеченного образа. Порой этот образ прекрасен, порой отвратителен, порой загадочен, но в нем неизбежно присутствует *esprit* (дух времени) и неповторимая самобытность художника. Именно так понимали и продолжают понимать модернизм японские поэты различных школ и направлений» (с. 46).

Интересна и правомерна параллель, которую проводит автор между теоретическими положениями некоторых направлений японского модернизма с дзэнской эстетикой в очерке о поэзии Такахаси Синкити.

Критически оцененная довоенный сюрреализм и экспрессионизм, автор подчеркивает тенденцию сближения с реальной жизнью у некоторых поэтов авангарда, одновременно рассматривая влияние прогрессивной западной литературы на творчество японских писателей. В этом смысле одним из наиболее интересных разделов книги представляются те страницы, на которых автор рассказывает о «необъективизме» Мурано Сиро, трактуя его как интерпретацию идей Кестнера и Брехта.

Анализируя специфику неоромантической школы, из которой вышли многие талантливые поэты и писатели, автор вскрывает реакционную сущность идеологии «японизма», которая служила основой культурной политики фашистского правительства, и в наши дни вновь пропагандируется с целью разжигания идей национализма. Одновременно с этим автор показывает, как исполненные глубокого лиризма, воспевающие идеалы добра, гуманизма, красоты, стихи неоромантиков Танака Кацуми и Дзимбо Котаро резко контрастируют с реакционными манифестами школы.

В поле зрения А. А. Долина находятся и творчество «независимых» литераторов, объединенных вокруг журнала «Пройденный путь» («Рэкитэй»). Разбирая творчество этих поэтов, автор показывает своеобразие стиля Такахаси Синкити и Накахары Тюя, подчеркивает прекрасную форму, богатую рифму, яркие образы их стихов, несущих в себе наряду с этим анархический дух социального протеста и тенденции отчуждения.

Много важных с точки зрения истории, политики и литературы творческих биогра-

фий и поэтических образцов рассмотрены в главе о поэзии военного времени. Здесь автор также остается верен себе и не ограничивается анализом литературных тенденций и конкретных поэтических произведений. Он вскрывает своеобразный социальный феномен, порожденный массовым конформизмом и сотрудничеством японских писателей с официальными идеологами, распространявшими миф о превосходстве расы Ямато. Примечательно и единодушное раскаяние пошедших по пути конформизма писателей после войны, а также усиление демократических тенденций в литературном мире конца 40-х годов.

Специфическими чертами новой эпохи отмечено творчество поэтов первого послевоенного десятилетия. Рассматривая поэтическую деятельность крупного профессионального поэтического объединения «Пустыня» («Арэти»), название которого восходит к знаменитой поэме Томаса Стрикса Элиота «Бесплодная земля», автор подчеркивает свойственную этим поэтам разочарованность, порожденную философией экзистенциализма, получившей после войны широкое распространение среди некоторой части японской интеллигенции. Анализируя творчество Китамура Таро, Курода Кю, Курода Сабуро, автор подчеркивает интеллектуализм, сложную поэтическую технику, полисемантические образы, характерные для их стихотворений.

Однако были в Японии и такие поэты, деятельность которых была направлена на преодоление разрыва между политикой и искусством. Это прежде всего участники общества «Архипелаг» («Рэтто»): Сэкинэ Хироси, Кидзима Хадзимэ, Хасэгава Рюсэй, заслужившие признание не только прогрессивной интеллигенции, но и рабочих. В книге показано, как прогрессивные поэты своим творчеством боролись за мир против угрозы ядерной войны, против буржуазной эксплуатации.

Одним из знаменательных явлений в жизни послевоенного японского общества был нарастающий экономический бум, который ознаменовался значительными переменами в материальной и духовной жизни японского общества. В этот период поэты заговорили о насущной необходимости — спасти человека, которого грозили поглотить блеск и мишура индустриальной цивилизации. Вечные нравственные ценности — любовь, дружба, человечность воспевали Ибараги Норико, Таиигава Ган, Андзай Хитоси, Кора Румико, Таникава Сюнтаро, творчеству которых автор уделяет особое внимание.

В книге ярко и убедительно показано, как в условиях зарождения движения «новых левых», массовых студенческих волнений, с одной стороны, и создания «аполитичной» молодежной контркультуры, поп-культуры — с другой, появилась поэзия неоавангарда, поэзия идущих «против течения».

Несомненным достоинством данной работы является, как уже подчеркивалось, стремление автора нарисовать панораму

литературного мира на фоне явлений социальной жизни, обуславливающих изменения в общественном сознании. Утрата идеалов, разочарования неизбежны в обществе потребления, и А. А. Долин показывает, как художники слова в Японии, протестуя против духовного опустошения начинают взывать к логике истории и вечным ценностям подлинного искусства. Одновременно с этим автор говорит и об общем нигилизме молодых литераторов, который выливается в полное отчуждение. Поэзия, проникнутая подобными настроениями, рассматривается в книге как отражение нигилистического бунта против буржуазного истеблишмента с его социальными и этическими нормами, против лишенного духовности, квази-культурного буржуазного мира.

Необходимо отметить и еще одну осо-

бенность, присущую всем работам А. А. Долина о поэзии гэндайси, которую автор справедливо рассматривает как «магистральное направление поэтической мысли, наиболее тесно связанное с социальными изменениями, отражающее ритмы времени». В его рассуждениях, анализе всегда присутствует не только исторический фон, но и сугубо литературный, традиционный, который в немалой степени определяет «контрастное» восприятие читателем, а отчасти и критикой, всех достижений гэндайси.

Колоритные поэтические переводы, выполненные в основном самим автором исследования, помогают глубже проникнуть в заповедные области японской поэзии XX в., которая обогатится для советского читателя новыми именами.

М. П. ГЕРАСИМОВА

Труд бангладешского ученого

Mizanur Rahman Shelley. Emergence of a New Nation in a Multi-Polar World: Bangladesh (Возникновение нового государства в многополюсном мире: Бангладеш). University Press Limited, Bangladesh, 1979, 189 p.

Втором рецензируемой монографии является известный бангладешский политолог и экономист, руководитель Центра исследований проблем развития Бангладеш, редактор журнала «Азиатские проблемы», профессор Мизанур Рахман Шелли. Профессор М. Р. Шелли известен как специалист в области экономики и политики стран Южной и Юго-Восточной Азии, а также по вопросам политики КНР в отношении этих регионов. Предметом данного исследования стал анализ политико-социальных, исторических и экономических причин возникновения нового государства, реакции на это событие таких стран, как Индия, СССР, США и КНР, и их конкретных политических действий.

В первой главе книги исследуются международные факторы, способствовавшие, по мнению М. Р. Шелли, возникновению Бангладеш. Надо сказать, что автор, находящийся под заметным влиянием концепций и схем западной политологии, выводит проблему появления этого нового независимого государства из анализа движения политических сил в рамках сначала «двухполюсного», а затем «многополюсного ми-

ра». Естественно, эти его рассуждения далеки от реального хода событий.

Большой, на наш взгляд, интерес вызывает проделанный автором экскурс в историю Восточной Бенгалии. Заслуживает внимания раздел монографии, раскрывающий перипетии борьбы бенгальского народа за свою независимость. Надо признать, что автору удалось собрать по истории освободительного движения бенгальцев весьма значительный материал фактологического характера.

В последующем М. Р. Шелли рассматривает международную обстановку, в которой развивалось освободительное движение бенгальского народа. Прежде всего он исследует позицию соседней Индии, затем переходит к анализу действий Советского Союза. При этом автор вновь привлекает обширный фактологический материал. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что с целым рядом выдвигаемых М. Р. Шелли положений относительно мотивов действий, политических целей и т. д. Индии и Советского Союза невозможно согласиться. Дело в том, что в подходе, например, к внешней политике СССР автор целиком и полностью опирается на сконструированную им схему «многополюсного мира», рамки которого определяются действием чисто силовых факторов.

В главе, названной «Китай на перепутье: помощь союзнику или поддержка национально-освободительной борьбы?», профессор Шелли исследует отношение Китая к событиям 1971 г. в восточной части Пакистана, дает оценку позиции, занимаемой КНР по отношению к Пакистану, Индии, СССР и США. Автор детально исследует дипломатию Китая по отношению к странам Азии в период с начала 60-х до середины 70-х годов. Профессор Шелли подчеркивает, что китайское руководство не хотело признать борьбу либерально настроенных средних слоев населения Восточной Бенгалии за независимость от Пакистана, которую возглавляла партия Авами Лиг, и не считало эту борьбу «истинным нацио-

нально-освободительным движением». К 16 декабря 1971 г., моменту образования Народной Республики Бангладеш, Китай открыто заявил о своем отношении к ней как «марионеточному, не способному существовать и дня без прикрытия индийских штыков» режиму, характеризуя его как «пресловутый режим 30—40-х годов Маньчжоу-го, существовавший в Китае под эгидой японского милитаризма» (с. 97). Автор дает подробную характеристику дипломатии и политике Китая в период с 50-х по 1977 г. Особое внимание М. Р. Шелли уделяет отношениям КНР с США. Подробно, например, вскрываются автором дипломатические и политические связи в треугольнике «Вашингтон — Исламабад — Пекин» и акции, предшествовавшие визиту Р. Никсона в Пекин. Далее М. Шелли рассматривает события, последовавшие за образованием государства Бангладеш. Китай, как известно, в течение нескольких лет отказывался признавать молодое государство, препятствовал, используя право вето, вступлению Бангладеш в Организацию Объединенных Наций, КНР признала Бангладеш только после убийства первого президента страны М. Рахмана и военного переворота в Бангладеш. 4 октября 1975 г. министры иностранных дел Китая и Бангладеш в Нью-Йорке подписали официальное коммюнике об установлении дипломатических отношений.

В шестой главе монографии автор дает характеристику политической позиции США в период восточнобенгальского кризиса. США, опасаясь ослабления своих позиций в Южной Азии, поддерживали Пакистан и резко выступали против предоставления независимости Бангладеш. Автор выделяет четыре фазы действий Вашингтона во время кризиса в Восточном Пакистане. Первая фаза, по его мнению, заключалась в «тихом невмешательстве» и продолжалась с 25 марта по 9—10 июля 1971 г. В этот период Соединенные Штаты занимали «нейтраль-

ную» позицию и характеризовали положение в Восточной Бенгалии как «внутреннее дело» Пакистана. Вторая фаза, как считает профессор Шелли, началась с тайной поездки Г. Киссинджера в Китай через Пакистан в июле 1971 г. Во время этой фазы, вплоть до сентября 1971 г., Соединенные Штаты проводили политику, направленную на «сдерживание» Индии, и, как полагает автор, пытались убедить Пакистан политически урегулировать положение в своей восточной провинции. Во время третьей фазы, продолжавшейся с сентября по 3 декабря 1971 г., когда разразился вооруженный конфликт между Пакистаном и Индией, Соединенные Штаты, по мнению автора, «пытались организовать конструктивный политический диалог между пакистанскими военными и лидерами сепаратистов, но тщетно» (с. 118). В ходе четвертой фазы США стремились не допустить всеми имеющимися средствами, в том числе и через ООН, расширения вооруженного индо-пакистанского конфликта и не позволить индийским войскам нанести поражение Пакистану. Добавим, что действия Вашингтона приняли характер грубого нажима, вплоть до военного, на Индию и силы национального освобождения.

В целом книга профессора М. Р. Шелли представляет для исследователей несомненный интерес как большой исторический и политологический материал. Им привлечено огромное количество источников, материалы западной и местной прессы, дипломатические документы и переписка, работы западных политологов. Эти материалы собраны с большой скрупулезностью. Работа М. Р. Шелли, безусловно, интересна и с историографической точки зрения. Автор пытается рассмотреть события 1971 г. в Восточной Бенгалии на фоне сложной международной обстановки 60—70-х годов. Вместе с тем книга открывает широкие возможности для полемики по целому ряду вопросов.

Ю. Ю. ХОМИЧУК

«ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА», 1986, № 2, 208 с.
Технический редактор Сологубова Т.

Сдано в набор 3.04.86 г. Подписано в печать 21.05.86 г. АО2785 Формат 70×108¹/₁₆.
Бумага тип. № 1. Печать высокая. Гарнитура литературная. 18,2 Усл. печ. л.
Уч. изд. л. 20,47 Усл. кр.-отт. 18,2 Изд. № 41 988. Тираж 11.061 экз.
Заказ 1029 Цена 70 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс» Государственного комитета Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
119847, ГСП, Москва, Г-21, Zubovskiy bulvar, 17

Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический комбинат В/О «Союзполиграфпром» Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
142300, г. Чехов Московской области

Козлова М. Г. Россия и страны Юго-Восточной Азии. — М.: Наука, 1986. — 327 с. — 3 р. 60 к. 1 400 экз.

Фальсификаторы истории: Критика бурж. историографии Сред. Азии и стран зарубеж. Востока. Отв. ред. М. М. Хайруллаев, Н. А. Халфин. — Ташкент: Фан, 1985. — 181 с. — 2 р. 20 к. 1 094 экз.

Гарма Д. Первые шаги: Рассказы. Пер. с монг.; Сост. Б. Намжилова. — М.: Известия, 1985. — 126 с. — 65 к. 50 000 экз.

Малявин В. В. Чжуан-цзы. — М.: Наука, 1985. — 309 с. — (Писатели и ученые Востока). — 1 р. 30 к. 8 750 экз.

Сулицкая Т. И. Страны АСЕАН и международные отношения в Юго-Восточной Азии. — М.: Наука, 1985. — 135 с. — 1 р. 30 к. 1 350 экз.

Астрахан Е. Б., Завьялова О. И., Софронов М. В. Диалектика и национальный язык в Китае. — М.: Наука, 1985. — 366 с. — 3 р. 70 к. 1 250 экз.

Корейская Народно-Демократическая Республика. Отв. ред. М. Е. Тригубенко. — М.: Наука, 1985. — 272 с. — 1 р. 80 к. 2 900 экз.

Махмудходжаев М. Х. Национальная политика гоминьдана. 1927—1937. — М.: Наука, 1986. — 127 с. — 1 р. 10 к. 1 200 экз.

Вчера Вьетнам, Лаос, Кампучия. Сегодня Гренада, Ливан. Завтра... Преступления американского империализма продолжаютя. Сост. Д. М. Погоржельский. — М.: Политиздат, 1985. — 416 с. — 1 р. 60 000 экз.

Цена 70 коп.

Индекс 70758

*Far
Eastern
Affairs*

*Problemas
del Extremo
Oriente*

極東の
諸問題

